РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

ГНЕВ ГОСПОДЕНЬ ТАКТИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Русский хакер Денис Кабалин и сотрудник американской мегакорпорации Стивен Стэнделл с удивлением обнаруживают, что время от времени способны приобретать инстинкт хищника и возможности непревзойденного убийцы — однако сами о таких моментах ничего не помнят. Не исключено, что это связано с экспериментами транснациональных компаний по созданию неуязвимой боевой единицы — биологической машины смерти. Докопаться до истины нужно как можно скорее: большая охота уже началась…

- Андрей Евгеньевич Фролов
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
  - ГЛАВА 15
  - ГЛАВА 16
  - ГЛАВА 17
  - ГЛАВА 18
  - ГЛАВА 19
  - ГЛАВА 20
  - ГЛАВА 21
  - ГЛАВА 22

Андрей Евгеньевич Фролов
Гнев Господень тактического назначения

ГЛАВА 1

…Доминиканцы — средневековый духовно-монашеский орден имени Святого Доминика, в щитовом гербе которого содержалась надпись, наиболее ярко характеризующая направление деятельности ордена.
Domini Canes — Псы Господа.

Г. Ранью, «История европейских орденов», издание Общеевропейского Исторического Общества, 2092 год

1:1 Пробуждение после пьянки для меня всегда было схоже с таинством появления на свет божий. Рождение в муках, трудный путь к яркому пятну, боль, дискомфорт и искренняя радость познания окружающего мира. Да, определенно, когда я просыпаюсь после хорошо проведенного вчера, я чувствую себя родившимся заново. И при этом уверен, что сопровождающая похмелье адская головная боль является ничтожной платой за это счастье нового бытия.

Это, вероятно, как раз является одной из причин, почему я вообще выпиваю. Точнее сказать, напиваюсь. Еще точнее сказать — бухаю так, что не помню вчерашний день. Как, например, произошло и на этот раз. О, эти удивительные ощущения, когда организм пытается убедить сам себя, что так погано не было еще ни разу. О, это светлое чувство понимания, что бывало и похуже. В такие моменты я лишь сильнее начинаю верить в свои бездонные способности.

Даже не открывая глаз, можно с уверенностью сказать, что день за окном продолжается уже не первый час. Скорее всего, уже и не день вовсе, а ранний вечер. Я обязательно взгляну, но пока не готов. Я вообще сейчас ни к чему не готов. Как и обычно, сейчас мне плохо. Просто отвратительно.

Проснувшись одновременно со мной, пять чувств попытались начать работу, расстроенные, как струны старой гитары. В голове загудело, словно в реактивной турбине на взлете. Хотя (о, чудо) мысли уже не разбегались рассыпанными по бетонному полу стеклянными бусинами, как полчаса назад, а принялись более-менее четко выстраиваться. С жадностью наслаждаясь своим

жутким состоянием, я неожиданно пришел к открытию, что любой поворот головы может привести к смерти — шея страшно затекла. В полной мере оценив важность осознанного, принял мужественное решение все же ознакомиться с окружающей обстановкой. Но для этого требуется продрать глаза. Для начала хотя бы один.

Приложив титанические усилия, разлепил левый, не прижатый к поверхности дивана, и поспешно захлопнул обратно. За короткое время сеанса наблюдения центр управления полетами успел определить, в каком именно положении находится тело. Данные поступили в отдел обработки информации. В следующую минуту все силы организма были брошены на предотвращение сильнейшего головокружения, чреватого последствиями. Затем мозг принялся медленно анализировать картинку, выхваченную мутным взором из внешнего мира, внушая правой щеке ощущения мокрой холодной кожи, плотно приклеенной к лицу.

Я успел заметить край кожаного дивана, залитого засохшим напитком. За ним, в глубине кадра, — угол журнального столика, пару грязных тарелок, лежащую набоку пластиковую стопку, драную целлофановую обертку от чипсов. Одну секунду. Что это? Увеличьте изображение, пожалуйста. А можно разрешение почетче и чтобы не так сильно двоилось? Отлично, большое спасибо. Дыхание мое стало неровным, а пересохший рот попробовал наполниться слюной. За горой пищевого мусора на столике одиноко возвышалась бутылка пива. Едва початая…

После короткого спора с самим собой я начал движение — первый шаг заблудившегося странника в чужом мире. Так и не открывая глаз, я словно утопающий протянул руку, сжимая пальцы на прохладном горле бутылки. Проскрипев по дивану, практически съехал на пол, но уже ничто не могло остановить бросок. И в следующую секунду сжался в комок, словно тело охватила одна большая судорога, жадно глотая выдохшееся пиво. О, философы жизни, по утрам обретающие новое рождение, понимаете ли вы меня сейчас?

Вечность кончилась через четыре секунды. Поток иссяк, превратившись в ложку мутной пены на дне, и я осторожно выдохнул, опуская мертвую бутылку на пол. Она медленно укатилась под диван, с отчетливым стуком наткнувшись там на нечто столь же стеклянное и столь же пустое.

Сейчас станет легче. Скоро можно даже попробовать вспомнить, кто я и что здесь делаю. Если ничего не путаю, меня зовут Денис. Если память еще не окончательно отказала — Денис Кабалин. Кажется, еще и Юрьевич… Для милых дам —

Денисонька, для друзей — просто Денисыч, иногда Ден. Для тех Блуждающих, кто никогда не знает друг друга в лицо, — Ультра. Гордые прозвища, щедро подаренные мне ближайшими из друзей (ничтожная личность, гнус, жалкий любитель денежных знаков), можно опустить.

Каждый день — новое откровение. Каждый день начинается, чтобы ярко и красочно промелькнуть перед глазами и потухнуть с наступлением ночи (полудня, раннего утра, сумерек…). Каждый день — новая жизнь по мотивам вчерашних воспоминаний. Мне частенько кажется, что мой алкоголизм (если, конечно, это вообще он) всего лишь один из способов показать, какими нехорошими привычками вообще могут обладать люди. Особенно русские. Забавное дурацкое ощущение, нужно заметить. Накатывающее, кстати, одновременно с устойчивой уверенностью в том, что за моими подвигами наблюдают — пристально, внимательно, фиксируя каждый шаг. Невидимый зритель, он тут как тут только для того, чтобы посмотреть, как же клево я проживу очередную серию своего нехитрого существования…

Как обычно, пиво помогло практически сразу, подобно тому, как быстрорастворимый аспирин сбивает жар. Вернулось обоняние, хотя лучше бы этого не случалось еще какое-то время. Я поморщился. Осторожно, стараясь приготовиться к любому зрелищу, взглянул на окружающий мир.

Так и есть. Я в родной берлоге. Тяжело вздохнув, осмотрелся, стараясь не делать резких движений.

Взорвись в единственной комнате моей квартиры противопехотная граната, разрушений, наверное, было бы меньше. Но, к сожалению, здесь поработала отнюдь не ударная волна. Низкий журнальный столик, фрагмент которого я чуть ранее наблюдал из лежачего положения, потрясал своей живописной загаженностью. Грязные тарелки, наполненные неопознанными остатками пищи, стопки и стаканы, перевернутая пепельница и целая гора блестящих оберток — от конфет до синтетических крабовых палочек. Рваные коробки из-под сока туго забиты в притащенное с кухни мусорное ведро, там же поселились и смятые пластиковые бутылки… Я осторожно наклонился, заглядывая под стол, где среди разбросанных журналов и коробок из-под дисков (почему-то набитых сигаретными окурками) блестело стекло бутылок. Без особенного удивления обнаружил опустошенную коробку из-под презервативов. Да, это правда, сутенера мы зачем-то кинули. Точно, помню, да. После я еще ходил провожать девочек до лифтов, из одежды прихватив лишь одеяло…

Вечер, судя по всему, определенно удался. Кстати, о втором

участнике событий… Кряхтя и ворочая затекшей шеей, я приподнялся с пола, усаживаясь на скрипучий край дивана.

Князь спал у окна, с головой завернувшись в спальный мешок и термоодеяло. Сейчас он больше всего напоминал мне ежа, свившего гнездо из старых газет. Совершенно непонятно, зачем в его левой руке была зажата пластмассовая решетчатая корзина для бумаг. Присмотревшись внимательнее, я понял, что ночью Князь использовал ее как плевательницу.

О, в такие моменты я начинаю восхвалять не только собственный образ жизни, но и своего друга…

Оттолкнув ногой полулитровую бутылку из-под водки, я подсел поближе к столу, разгребая целлофановый завал. С сомнением повертел в руках упаковку из-под сомитакса. Тут же решил, что это уже перебор. Дальше искать было опасно — не ровен час, нашлись бы одноразовые кокаиновые ингаляторы или чего серьезнее. Я неловко размахнулся, кидая картонную коробочку в почивающего Князя. Сожалеющим взглядом обвел засыпанный шелухой от семечек портативный «Сполох» — святая святых моего жилища, кормильца семьи. Компьютер был не новеньким, конечно, но зарабатывать на нем мне удавалось не так уж и редко, и прикончить машину во время очередного загула было равносильно самоубийству.

Г олова загудела, напоминая, что долгожданное похмелье еще не испито до дна. Почувствовав приступ, я, тем не менее, улыбнулся. Да, пускай периодически я ощущаю себя запрограммированной на бесшабашную жизнь талантливой марионеткой, но кто еще может похвастать подобной судьбой? Князь Игорь? Пожалуй… Милый сердцу Князь, с глазами грустного, но очень благородного привидения, пританцовывающий на месте и игриво пошаркивающий ножкой. «Ля габы тожье имьеть ля кугажь», — приговаривает он, увлекая меня в магазины. Данное изречение, словно мантра читаемое Князем якобы на французском, вот уже столько лет означает, что, дескать, рабы (то есть мы), поставленные в жесткую зависимость от окружающей их социальной системы, тоже имеют право на кураж (то есть культурный отдых, со всеми вытекающими). Было бы что взъерошить в кармане.

Попытка встать удалась неожиданно легко, и линолеум приятно захолодил босые пятки. Я попробовал шагнуть, затем еще. Достиг окна и пальцами раздвинул жалюзи. Часов пять дня, видимо. Это судя по тусклому кругляшу цвета солнца, просвечивающему сквозь широкую полосу смога, навсегда накрывшего город на уровне десятого-двадцатого этажей. Я с шелестом опустил полоски жалюзи. Таким способом время точнее

не определить — четырнадцатый этаж Монолита — дрейф по приборам. Я огляделся в поисках часов. А, ну-ну… Помнится, вчера Князь Игорь пытался ставить эксперименты над временем, и мои новенькие настенные часы канули в небытие.

1:1:2 — Игореша, пора подыматься, — я осторожно потрогал ногой неподвижное тело под окном, — вставай, гнус…

Не дождавшись ответа, вернулся к дивану. Еще пара часов и во рту появится железный привкус. Как же я ненавижу синтетический алкоголь, а эти скоты даже пиво в натуралку делать перестали. Современная дрянь, именуемая выпивкой, и так дрянь, сама по себе, а еще колеса. Я тяжело и обреченно покачал головой, и боль незамедлительно ответила толчком в лоб. Застонал.

Еще позднее навалится усталость, чувство разбитости и раздавленности. Я буду лежать на диване, а квартира начнет все ощутимее напоминать плотно заколоченный гроб, стены которого, сложенные из многих тонн цемента, кирпича и арматуры, станут сдвигаться, погребая тщедушные тельца своих жильцов. Обычное дело. Казалось бы — семь лет уже прошло, как я переехал в собственную однокомнатную соту Монолита, а ощущения все те же.

Получив личный пятак безопасности и укрытие от враждебной природы, я так и не научился дружить со своим домом. Огромный, занимающий площадь пары довоенных микрорайонов, универсальный жилой комплекс (почти на десять тысяч квартир) отвечал мне взаимностью. Массивный каменный муравейник производил на меня впечатление титанического склепа. Я же — всего лишь один из заживо похороненных в этой братской могиле.

Здоровенный нарост, вымахавший вверх на три десятка этажей, больше напоминал замок средневекового вампира, чем муниципальное жилье. Монолиты были потомками панельных коробок прошлого, появившиеся на их же останках. Но даже более продуманные, со всей своей внутренней инфраструктурой — псевдопарками, прогулочными площадями и улицами, магазинами, развлекательными центрами, гаражами и прочими нужными, но не радующими душу структурами, они все равно оставались бетонными коробками.

Я ежедневно наблюдал, как Монолит ни на минуту не ослабляет своего давления на человеческий мозг, все ссылая и ссылая в лечебницы сотни людей, ломающих свои души под тяжестью «универсального дома для всех». Конечно, были и счастливчики, чье везение можно было с точностью до грамма

измерить весом ордера квартиры на «периферии». Квартиры, имевшей настоящие окна, а не дешевую голографическую подделку в глухой стене. Мне в свое время повезло, да. Иногда я задумывался, как долго смог бы продержаться, каждый вечер возвращаясь домой в многометровую толщу здания, по полчаса вгрызаясь вглубь на лифтах и эскалаторах. Как долго бы я протянул, понимая, что обречен существовать в сердце горы, где жилплощадь стоит дешевле глотка свежего уличного воздуха, а внешний мир предан забвению, уничтожен новыми порядками и законами корпораций, воздвигших свои знамена в каждом из семнадцати монолитных комплексов — «…жилье, удобном и доступном для средних и малоимущих слоев населения»?

Я еще раз качнул головой, стараясь смириться с болью в висках. Ну да ничего. Если в бумажнике что-то осталось, то скоро мы с Князем уже будем сидеть в какой-нибудь забегаловке, хоть холодной и провонявшей выбросами фабрик, зато на воздухе. А в бумажнике наверняка что-то да осталось, ибо таких денег я не помнил уже давно…

Продолжая кряхтеть, я с немалым трудом снова поднялся с насеста, щелкнул выключателем. Операция выполнилась с пятисекундной задержкой. Похоже, опять что-то сгорело… С презрением глядя на мигающую лампу, я включил телевизор, почти полностью убрав громкость, и, с трудом передвигая ноги, пошаркал в ванную. Здесь такой же разгром, ничего удивительного. Засоренные унитаз и раковина, чья-то одежда в ванне, на полочке перед зеркалом — бутылка из-под водки с невероятно как забитым внутрь бюстгальтером. Я машинально смел бутылку с полки, уставившись в зеркало на помятого и давно не бритого черноволосого парня. Худое лицо, бледная кожа, на правой щеке пятно засохшего сока, на шее засос. Глядя на свое отражение, я молча согласился практически со всем, что прокричали сейчас эти карие глаза. Да-да, я все знаю и сам…

Осторожно наклонился, выгребая из ванны княжеские штаны, открыл кран, сполоснул стенки, бросил душ внутрь. Подождав, пока наберется половина, принялся стягивать рубашку. Потянул ремень джинсов, без удивления обнаружив, что трусов под ними не оказалось. Жаль только, что с какого-то момента практически ничего не вспоминается, только обрывки. Надо будет скорректировать картинку с Князем. Да… Хотя до определенной точки я помнил все просто отлично — потрясшую своим напряжением встречу, деньги (много денег), возвращение в Монолит. Помнил хорошо и четко, чего давненько не случалось. Сделка, риск, такая куча налички — да, это я бы вряд ли забыл.

Опустившись в теплую воду, блаженно прикрыл глаза. Вот

теперь можно по-настоящему расслабиться и отдохнуть, восстанавливая поистаскавшийся организм. «И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: «Пейте из нее все, ибо это — кровь моя нового завета, за многих проливаемая в оставление грехов». Припоминая минувшие в пьяном угаре дни, я невольно погрузился в спокойный омут сладкой дремы.

1:2 Я толкнул черную стеклянную, словно выплавленную из обсидиана, дверь, проскальзывая внутрь. Городской шум за спиной мгновенно стих, мягко щелкнули дверные замки, произошла герметизация. Тепло тут.

Широкий холл, всюду мрамор — на полу и на стенах, красивые лепные колонны кругом, несколько стеклянных, как и дверь, черных столиков, газетные стойки и удобные кресла для ожидающих. Картину сытного благополучия портило лишь мерцание люстр, создающее ощущение бомбоубежища с неисправным генератором — недавний взрыв на электростанции, обеспечивающей весь Тихий Центр, до сих пор напоминал о себе перебоями и внезапными отключениями энергии во всех близлежащих офисах.

Кроме меня и крепкого парня в черном армейском комбинезоне за стойкой проходной камеры, в холле никого не было.

Чувствуя на себе пристальный взгляд охранника, я неспешно прошел к одному из столов и с глухим стуком опустил «дипломат» на темное исцарапанное стекло. Снял потертые перчатки, небрежным движением расстегнул куртку и опустился в кресло, после чего охранник тотчас вернулся к чтению затертого журнала, мигом потеряв ко мне всякий интерес. Я мельком взглянул на висевшие над проходной кабиной электронные часы, мерцающие в такт люстрам, и приготовился ждать, наслаждаясь качественно очищенным воздухом.

Ровно через пятнадцать минут массивная обсидиановая дверь с шипением открылась, и, на ходу отшвырнув сигарету в мусорный контейнер, в пустынном холле появился Игорь. Красавчик, как обычно — в черном тяжелом целлофановом плаще и сдвинутой на затылок кепке, эти сто шестьдесят сантиметров и девяносто килограммов без промедления направились к охраннику. Не успели герметизаторы двери защелкать, как Князь уже миновал металлодетектор и, предъявив пластиковый квадратик пропуска, преспокойно направился к лифтам. Я вдруг понял, что от волнения перестал дышать, и незаметно выдохнул — подделать пропуск «НовосибОнлайнКонсалтинга» было отнюдь не простым делом. Снова бросив быстрый взгляд на часы и

охранника, я удобнее устроился в кресле.

Едва минутная стрелка прошла очередной пятнадцатиминутный отрезок, неспешно поднялся. Подхватив «дипломат», направился к проходной. Встав на пороге пластиглассовой кабины и глядя охраннику прямо в глаза, уверенно поставил «дипломат» на ленту сканера.

— Половина четвертого, офис тысяча-сто-девять, должно быть записано на Ультру.

Задумчивый, словно роденовский мыслитель, охранник опустил взгляд (да, не любят вояки всю эту хакерскую конспирацию), сверяясь с компьютером под стойкой. Взглянул на монитор сканера, изучая содержимое моего кейса — бумаги, папки, куча разных информационных носителей. Снова поднял взгляд.

— Офис одна тысяча сто девять. — Иногда мне казалось, что охранникам офисных зданий города вживляют один и тот же голосовой модуль. Вот и у этого стража безопасности оказался скрипучий низкий голос. Держа руку на тяжелом «Усмирителе» последнего образца, до этого момента невидимом из-за стойки, он взял из моих пальцев пластиковый паспорт. — Деловая встреча?

— Вроде того. — Я прошел металлодетектор, подхватывая «дипломат». — Вроде того… — Мне вернули липовый паспорт.

Сверкающий хромом лифт, небольшая перегрузка, рывок, спад напряжения и мерцающие лампы дневного света, одиннадцатый этаж. «НовосибОнлайнКонсалтинг. Скорость — наша природа». Здоровенные пластмассовые с подсветкой буквы в полкоридора, миловидная секретарша за изогнутым синим столом, с потолка льется мягкий, изредка мигающий, свет. Людей почти нет, только пара сотрудников компании, о чем-то болтая, идут копировать документы.

— Добрый день, чем я могу вам помочь?

Голосок приятный, красивые глазки. Хотя, признаться, данный цвет волос у меня всегда ассоциировался, как минимум, с дискотеками Нижней зоны Академгородка, но никак не с обликом офис-менеджера одной из крупнейших в городе мультимедийных компаний.

— Сто девятый офис, я к господину Талбатову. — Я улыбнулся в ответ, и девушка приподняла руку с электрокарандашом, элегантно указывая налево.

— Четвертый по левой стороне. Виталий Александрович уже извещен о вашем прибытии.

— Ага, спасибо, — немного рассеянно ответил я, покивал и свернул в указанном направлении. Коридор плавно изогнулся,

оставляя девушку вне поля зрения. В момент, когда я взглянул на свой наручный хронометр, торцевая дверь в самом конце коридора медленно приоткрылась, и на этаже появился Князь. Едва заметно кивнув друг другу, мы сошлись у сто девятого офиса. Князь почти незаметно подмигнул мне, косясь на многочисленные камеры наблюдения под потолком, а затем прислонился к стене, делая вид, что перебирает бумаги в тонкой папке. Я же взялся за ручку темной деревянной двери, входя внутрь кабинета.

— Виталий Александрович? — прикрыл дверь, осматривая пустую приемную. Столы, компьютеры, телефоны, еще одна дверь справа у окна. Я подошел к нему, вглядываясь в серый город внизу. Шел мелкий дождь, оставляя на стекле маслянистые разводы.

— Ультра, я полагаю? — Я вздрогнул, отступая от открывающейся двери и чувствуя, как начинаю потеть. На пороге секретарской появился мужчина в сером костюме. Бросились в глаза богатые золотые очки, дипломатическая лысина, по комнате поплыл запах дорогого парфюма. — Вовремя, молодец, уважаю пунктуальность. В наши дни это такая редкость, нужно признать…

У хозяина кабинета был уверенный густой баритон и отлично поставленная манера речи.

— Виталий Александрович? — повторил я, пожимая протянутую руку. Холеную руку, но сильную. Талбатов шагнул в сторону, пропуская меня в свой кабинет. — Добрый день.

— Здравствуйте, здравствуйте, молодой человек. — Талбатов широким шагом вернулся за широкий черный стол и мягким движением закрыл экран компьютера. Панель щелкнула, сливаясь со столешницей. — Думаю, что формальности нам ни к чему, так? Так что предлагаю обойтись без всяких там «хотите чаю или кофе?» и сразу приступить. Присаживайтесь, господин Ультра, и давайте поближе к делу. Вы принесли то, о чем мы с вами договаривались?

Я опустился в указанное мне кресло, ставя обитый жестью кейс рядом с ногой.

— Разумеется, — как я ни старался, в голосе моем отчетливо слышалось волнение, — но… Виталий Александрович, если вы не возражаете, я предлагаю еще раз обсудить оплату моей работы.

Талбатов, словно ожидающий подобного поворота событий, широко улыбнулся, в один миг решительно напомнив удава.

— Конечно, Ультра, финансовый вопрос всегда должен стоять впереди любого другого. Но позвольте же мне для начала хотя бы взглянуть?

Несколько успокоенный тембром его голоса, я покорно качнул головой и щелкнул застежками «дипломата». Через секунду на стол легли четыре диска в плотных темно-фиолетовых футлярах. Один из них я подтолкнул к Талбатову. Тот удовлетворенно кивнул, наклонился, подключая второй, стоящий сбоку, почти под столом, компьютер и вставил диск. Часы на стене кабинета неторопливо отмерили пару минут.

— Прекрасно. — Хозяин апартаментов откинулся на спинку кресла, широко улыбаясь. Снял очки, протирая их бархатным платком, поджал нижнюю губу и одобрительно покивал. — Великолепная работа, молодой человек, примите мои поздравления. Все просто идеально.

Я смущенно улыбнулся. Какое бы волнение ни испытывал я сейчас, встречаясь с заказчиком такого уровня, тщеславие оказалось сильнее. Великолепная работа, ха. Знал бы Талбатов правду… Это, скорее, удача или благоприятное стечение обстоятельств, а не хорошая работа. Спроси меня пару лет назад, на кой черт я копирую совершенно несвязную, но любопытную информацию с никому не известного в городе информационного портала, я бы и не ответил. Из принципа, наверное. Или из любопытства. Коды доступа подобрать было весьма непросто, вот и вцепился. А больше так нигде не везло… Интересно, что бы Талбатов сказал, если бы пронюхал? Собрать весь этот хлам, немного подработать посыпавшиеся и потерянные фрагменты, запустить на недельное тестирование и доставить заказчику. Доставить, соблюдая несложные, обрисованные Талбатовым правила безопасности и конфиденциальности. Помогло и расположение прежнего работодателя, сведшего с руководством «НовосибОнлайнКонсалтинга» за определенный процент. Легкие деньги, так это называется…

— И мне даже не стоит пытаться узнать, где вы раздобыли это?.. — Вопрос повис в прохладном воздухе кабинета, наступила тишина. Талбатов сцепил пальцы. — Ну что же, понимаю, понимаю. А знаете, молодой человек, я ведь до последнего момента был уверен, что Ультра — это девушка. — Он натянуто рассмеялся. Обстановка не разрядилась. Я внимательно смотрел на заказчика, накрыв пальцами оставшиеся диски.

— Так что с оплатой, Виталий Александрович?

— Вы ведь уничтожили копии? Прекрасно, Ультра, прекрасно — играем по-честному, уважаю серьезных партнеров. Итак, тридцать тысяч, купюрами по десять, сто и пятьсот, наличными, при полной передаче товара. Но ведь это не все, чего вы хотите, как я понимаю?

Я медленно, словно шея затекла, кивнул.

— Прошу прощения, но мне необходима предоплата. Половину вперед, затем я доставляю вам остальное. Предоплата нужна наличными, сейчас. — Я повертел один из дисков в пальцах, не торопясь двигать их Талбатову. — И вопрос, если можно… Что это все, — я ткнул пальцем в футляры, — означает?

Талбатов улыбнулся, наклоняясь вперед и снова становясь похожим на змею.

— Знаете, Ультра, давайте каждый из нас останется при своих маленьких профессиональных секретах? — Он доверительно и от того жутко подмигнул, снова надевая очки. — Но… учтя качество проделанной вами работы, учтя сроки исполнения, буквально шокировавшие меня, я готов пойти вам навстречу.

Талбатов открыл стол, без видимого сожаления выкладывая на иссиня-черную поверхность пачки европейской валюты.

— Здесь не будет пятнадцати тысяч, здесь почти десять, не хватает буквально какой-то мелочи. Но, я полагаю, вы согласитесь на данное предложение?

Я на миг замешкался, а затем все же протянул Талбатову диски. В конце концов, он же солидный бизнесмен, а не какой-нибудь кидала с барахолки. Десять, это почти пятнадцать, если задуматься, а остальное подождет…

— Хорошо. — Я справился с дрожью в голосе, а деньги переместились в кейс. — Остальное я бы хотел забрать, скажем, послезавтра в это же время. Приготовьте деньги, а я доставлю вам недостающую информацию.

Мы встали одновременно, и я еще раз, через стол, пожал ухоженную, но крепкую руку Талбатова.

— Рад был знакомству и сотрудничеству с вами, Ультра, — тот плотоядно улыбнулся, — надеюсь, не в последний раз. До встречи послезавтра, молодой человек.

— Я тоже рад, — соврал я. Кивнул на прощание и покинул кабинет.

1:2:2 Князь отскочил, едва не получив ручкой по лбу. Я плотно прикрыл за собой дверь с цифрами «109» и прислонился к ней спиной, прижимая к груди заветный «дипломат», потяжелевший на десять тонн настоящих денег.

— Овалдабенеть, Игореха, — прошептал я, глядя на друга горящими глазами. Все натянутое хладнокровие Ультры слетело в один миг. — Правда, пока выдал только треть, а не половину, но ведь выдал! На-ликом!

— Треть? — Игорь неожиданно нахмурился. — Надо было давить до последнего, сколько я тебя учил. Или диски не все

отдавать… Если он думал, что ты все принесешь, у него наверняка полная сумма при себе была.

— Не грейся, брат, послезавтра отдает остальное. Дядька честный, по нему видно. — Хотя по чести, я и сам был не особо доволен тем, что удав в золотых очках заставил меня взять только девять с копейками, но при этом отдать половину имеющейся информации. — Ладно, валим отсюда, Княже.

Ушли разными путями. Потом я запомнил грязную вонючую улицу Тихого Центра, желтую тачку с шашечками и чехарду винно-водочных магазинов. Мы хохотали, как малые дети, затариваясь водкой и закусью, Игорь шелестел купюрами, подвывал и что-то лепетал про «габов» и «кутажь», потом мы покупали еще и еще, дорогие сигары (от настоящих почти не отличить), новые диски и снова водку. Восемь тысяч благоразумно заперли в кодовом отделении «дипломата», шифр был выдуман сложный и многозначный, по телефону сообщен одному из приятелей Князя и забыт.

В общем, в Монолит мы вернулись, как древнеримские легаты-триумфаторы, на золоченых колесницах, осыпаемые лепестками роз. Далее…

ГЛАВА 2

Когда плохие люди пришли на землю моих прадедов, мы думали, что мир умирает и Боги отвернулись от нас. Но сейчас пришел день, когда Боги отвернулись и от плохих людей. Им не уйти в пустыню поклониться костям предков, им не укрыться в священных пещерах. Белые люди приближаются к концу той тропы, по которой идет каждый из живущих. Тот, кто хуже плохого, давно пришел за их душами…

Джереми Красный Конь, вождь резервации «NRA—899».

Великие Озера, 2069 год

2:1 — Как же мне хреново, кто бы знал… — в ванную в буквальном смысле слова ввалился Князь, с ходу бросаясь к крану. Я невольно вздрогнул, едва не черпнув ртом воды, и уставился на друга широко распахнутыми глазами. Отгоняя дрему, приподнялся на локтях. — Помогите, люди добрые, Христа ради…

Игорь наспех прочистил раковину и опустил голову под струю теплой воды. Начались постанывания и кряхтения, бессвязные обрывки фраз, заглушаемые шумом воды. Я терпеливо наблюдал за страданиями друга, покачивая в остывшей воде руками.

— Ну что, оклемался, Княже?

Тот вынырнул из-под сверкающей струи и, болезненно щурясь, смерил меня презрительным взглядом.

— Молчи, гнусный урод, я с тобой все еще не разговариваю, — и демонстративно отвернулся, снова ныряя под воду.

Вот так новости. Поссорились, что ли? Хотя по интонациям и «гнусному уроду» я определил явный позитив — все-таки больше десяти лет друзья. Ну, так и что же это было?

— Это еще почему? — Я неподдельно удивился. Князь выключил воду и с блаженным стоном уткнулся лицом в

полотенце. Замер, тяжело вздохнул, используя весь набор гласных, и опустился на край унитаза.

— Ты еще смеешь спрашивать меня, жалкая личность? Надрался вчера, как последняя свинья, и все забыл…

Да что было-то? Может, девочку не поделили? Или я, хорошо приняв на грудь, в очередной раз доступно объяснил Князю, как плохо обстоят дела в его, княжеской, жизни и чем он является на самом деле в суровой, окружающей нас действительности? А Князь, наверняка, как обычно плакал и только успевал рассыпать по стопарикам горькую?

Игорь тем временем продолжал:

— …Прикроешь, мол, говорит, сученыш… Если что не так пойдет, вмешаешься. Я, мол, говорит, сам-то стушуюсь, а с тобой спокойнее. Ну, урод.

— Требую объяснений. — Я с головой погрузился в воду, ртом пуская пузыри, всплыл, отфыркиваясь. — По-моему, все прошло идеально, и твое невмешательство никому не повредило. Как говорил не помню кто и не помню когда — флот действует лишь тем, что он существует!

— Флотоводец хренов. Ну никак, поверь, никак не ожидал через десять лет знакомства неожиданно узнать твою истинную сущность… Хорошо же ты шифровался от брата, нечего сказать. Самурай, бля. Хотя, чести ради, нужно отметить, что ты был очень даже неплох. Очень! Я не ожидал, братан, честное слово. Может, даже суровее, чем нужно, у нас на такое не каждый боец способен. Так смотри, я Громкому сказать могу, вдруг в бригаду тебя возьмет…

Я поднял брови, совершенно не понимая, о чем говорит друг. Какая истинная сущность? Какая бригада? Я всю жизнь старался держаться подальше от бандитских делишек Игоря, а тут на тебе…

— Мне кажется, мы говорим о несколько разных вещах… — осторожно ввернул я. — Не нужно на меня клеветать и наговаривать. — И вдохнув побольше воздуха, «флотоводец» снова погрузился в воду.

— А-а-а… — понимающе потянул Игорь, дождавшись, когда я вынырну. — Конечно, ты надрался и ничегошеньки не помнишь, так? И все отрицаешь? Это, мол, мое альтер-эго, дремлющее до поры, проснулось. А сейчас снова уснуло. Одного в таком раскладе не понимаю, братан, на кой ляд тогда я тебе нужен был?

Горячка у него, что ли?

— Ну ты чо, как маленький, Игорь. — Я даже обиделся. — Ты сам же объяснял. Если бы Талбатов денег не отдал, тогда на сцене появилась бы фигура могучего Князя, закутанная в целлофановую

парчу, вот и все. Бизнесмены, они, конечно, народ крутой, но и ты не пальцем деланный.

— Да? Так какого же хрена ты сам все отчебучил, а? Я даже моргнуть не успел. Бизнесмены, — народ крутой, — передразнил он меня. — Говно твой Талбатов, а вот ты молодцом оказался, — подытожил Князь, — правда, меня в дураках выставил, так, может, выпендриться хотел?.. А я ведь думал, что тебя как облупленного знаю. Ну ничего, еще вчера простил, забыли…

Я начал осознавать, что успокоившиеся было мысли вновь пошли в хороводы. С песнями, с прибаутками. Стало не по себе. Что-то определенно не вязалось. Если только…

— Ну ладно, ладно, хватит, почти купил. — Я неожиданно все понял и размашисто шлепнул ладонью по воде. — Думал, я пьяный еще? С нами такой номер не пройдет! Я уже час как оклемался.

— Какой тебе на фиг подкол?! — Князь весьма естественно огорчился. — Ты мне только дурочку не включай, ладно?!

— Ну ладно, Игорь, прикололся, и хватит…

Князь возмущенно вскочил с унитаза.

— Прикололся?! — Все же чувствовал я, нет в его голосе обиды, есть игривость и… азарт, радость какая-то. — Ну, ты даешь! Ты что, правда все забыл? Ну, твою мать, феномен…

Князь отбросил полотенце и с максимальной для похмелья скоростью выскользнул в комнату.

— Просыпайся, родная страна, слава героям! — на кафельный пол ванной грохнулся открытый «дипломат». Я оцепенел, напряженно вглядываясь в гору высыпавшихся денег. Тут же показалось, что ванна моя заполнена просто ледяной водой.

— Ну вот что, — прошептал я внезапно пересохшими губами, стараясь унять дрожь, — сейчас без шуток и балды. — Я глазами медленно пересчитывал рассыпанные пачки валюты. Денег было много, даже на первый взгляд много больше десяти тысяч. — Сейчас ты, Княже, подробно и неторопливо расскажешь мне, что произошло. Подробно и честно.

— Ну ты даешь! — Князь гулко хохотнул, снова присаживаясь на унитаз. Выбил из пачки сигарету, прикурил, стряхивая пепел в раковину, выдохнул дым. — Ну послушай, раз память пропил…

2:2 Я решительно толкнул черное матовое стекло входной двери, бросив цепкий изучающий взгляд через плечо. Князь все так же стоял у информационного киоска через дорогу, внимательно изучая новости и меня. Створка плавно закрылась за спиной, и я прошел в облицованный мрамором длинный

прямоугольный холл. Довольно прохладно.

Круглые журнальные столики, несколько кресел, непрофессионального вида охранник за невысокой стойкой, металлодетектор и сканер возле пропускной кабины, электронные часы над входом. Ничего примечательного, ничего настораживающего. Я решительно двинулся через пустой холл, опуская черный, окованный сталью «дипломат» на холодный мрамор, глубоко вдохнул и повернулся к охраннику. Тот встретил взгляд, выждал секунду и снова скосил глаза в потрепанный номер «Мира гидро» за прошлый год. Я стянул перчатки, бросая их на черную столешницу, до середины расстегнул «молнию» куртки и мягко опустился в кресло. Взглянул на настенные часы, сверив их со своим хронометром. Через большие тонированные окна была видна безлюдная улица, припаркованные гидромобили, здание аптеки на другой стороне, информационный киоск и Князь, вроде бы праздно прогуливающийся рядом. Шел мелкий дождь.

Свет в холле неожиданно замерцал, и охранник что-то пробурчал, скорее машинально, склоняясь под стойку и щелкая кнопками. Длинные потолочные лампы в хромированных плафонах загудели и, на миг погаснув, вновь загорелись ровным светом. В дальнем конце холла выключился мощный кондиционер. Присутствовавшие в холле выругались — я про себя, охранник вслух. На улице Князь, подхватив из ближайшего сигаретного автомата пачку «Парламента», неспешно закурил, поглядывая на часы. Потянулись минуты. Потекли, словно патока.

Но вот Князь бросил взгляд по сторонам и, пропустив пару машин, пересек улицу. Дверь щелкнула, в холл ворвался запах гари, заводских выбросов, смога и дорогих сигарет Игоря. Не останавливаясь, тот опустил окурок в мусорный контейнер у входа и твердым шагом направился к нашпигованной электроникой проходной кабине, на ходу извлекая пропуск. Я равнодушно отвернулся, снова глядя в окно. Качество подделки, продемонстрированной Князем охраннику, было очень высоким, а значит, повода для волнения нет. По тротуарам бежали люди, стараясь прикрывать головы от падающей с небес воды. Начинается сезон дождей, пора переходить на плащ. Чертова сибирская погода…

Когда я вновь взглянул в сторону охранника, скоростной лифт уже уносил Князя вверх. Ждем. Прошло еще четверть часа. Охранник извлек высокий термос и сейчас отхлебывал из чашки нечто дымящееся. Я поднялся из кресла, подхватывая перчатки и «дипломат».

— Половина четвертого, офис один, один, нуль, девять,

личный допуск.

Кейс послушно уполз в жерло сканера. Охранник смерил меня оценивающим взглядом и уткнулся в экран компьютера, занося данные с моего поддельного паспорта в базу посещений. Кобура «Усмирителя» была застегнута. Охрана в подобных бизнес-центрах не более чем ширма, отгораживающая крупные компании от визитов коммивояжеров, наркоманов и бомжей…

— Одиннадцатый этаж. — Охранник перевел взгляд на экран сканера, изучая многочисленные информационные накопители. — Цель визита?

Не отвечая и более не глядя в сторону охранника, я миновал кабину металлодетектора, поднимая «дипломат» с остановившейся ленты.

Лифт, скорость, перегрузка, едва заметное мерцание ламп, щелчок, женский голос сообщает номер этажа. Двери лениво расползлись в стороны. Широким шагом я вышел на этаж «НовосибОнлайнКонсалтинга», останавливаясь у длинного и изогнутого стола секретарши. Ну и цвет она выбрала для своих волос…

— Офис один, нуль, девять. К Талбатову.

Девушка профессионально улыбнулась, сверяясь с монитором, улыбнулась еще раз и кокетливо ткнула электрокарандашом по коридору налево. Безлюдно, нужно заметить, хотя это и хорошо. Лишь несколько сотрудников, и то не особенно задерживающихся в коридорах, ныряют из кабинета в кабинет, словно крысы из норы в нору.

— Четвертая дверь по… — договорила она в мою удаляющуюся спину. Улыбка ее обиженно погасла.

Коридор изогнулся, приведя меня прямо к нужной двери. Через несколько мгновений выход на пожарный спуск открылся, выпуская на этаж Игоря. Стараясь не привлекать внимания тех, кто с помощью камер наблюдал за этажами, мы быстро кивнули друг другу, после чего я толкнул нужную дверь. Князь остановился рядом, лишь мельком заглянув внутрь, и принялся рыться в папке с бумагами.

К моему удивлению, приемная пустовала. Стол был прибран, компьютер выключен, в правой стене находилась еще одна дверь, плотно прикрытая. Я бегло осмотрелся и подошел к ней, осторожно постучав по полированной древесине.

— Виталий Александрович?

Открыли практически мгновенно, и через секунду я пожимал протянутую через порог руку одного из консультирующих партнеров крупной мультимедийной компании. Как я и предполагал, Талбатов был буквально пропитан внешним лоском,

не отказывая себе ни в дорогой туалетной воде, ни в богатых деловых украшениях.

— Ультра! Вовремя, вовремя, приветствую, проходите. — Пропустив гостя в просторный, дорого меблированный и украшенный кабинет, Талбатов прикрыл дверь и вернулся за широкий черный стол. — Как же не хватает современной молодежи этого чувства такта, чувства ответственности… Присаживайтесь, прошу. Как добрались? Отлично. Прошу меня простить, кофе не предлагаю, временем ограничен, да и секретарша отпросилась, так что сразу к делу. Не в Японии живем, а в Сибири, на лишние ритуалы время можно не тратить…

Я неспешно и с достоинством опустился в узкое кресло с высокой спинкой, оставляя кейс у левой ноги. Хозяин сто девятого офиса щелкнул крышкой монитора, топя его в столешнице.

— Прежде всего, Ультра, мне хотелось бы удостовериться. Так сказать, пощупать проделанную вами работу, — без вводной начал Талбатов, в едва заметном волнении потирая пальцы. — Признаюсь вам честно, я до последнего момента был не совсем уверен, что вы говорите правду. Собрать, обработать и систематизировать такой огромный массив информации в столь короткий срок… Такое не под силу даже самым опытным Блуждающим. Безусловно, все оговоренные ранее условия будут соблюдены, но вначале… — Талбатов кисло улыбнулся, наклоняя крупную голову, и его позолоченные очки блеснули в свете настольной лампы. — Необходимо внести коррекцию в условия оплаты. — Я лениво взглянул в завешанное жалюзи окно, одновременно изучая обстановку кабинета. — У меня появились изменения в запросе.

В секретарскую осторожно, стараясь не щелкнуть дверью, прошел Князь, прислушиваясь к диалогу. Заговорил Талбатов. Золоченые очки оказались в его пальцах, бархатный платок принялся натирать и без того чистые стекла. И что заставляет людей, способных имплантировать себе новые глаза, пользоваться очками?

— Я надеюсь, речь идет не о повышении оплаты в целом? — спросил мой заказчик, болезненно прищуриваясь при взгляде на меня. — Дело в том, что озвученная ранее сумма — это самое большее, что моя сторона может предложить вам, Ультра, в намеченной сделке. Сожалею, но решение в данном случае принимаю не я, а управляющие партнеры и…

Я поднял руку, бестактно прерывая собеседника.

— Речь идет не о повышении суммы. Предоплата. Половина наличными — сейчас, при передаче вам половины имеющейся у

меня информации. Остальное я доставлю послезавтра в это же время и обменяю на оставшиеся пятнадцать тысяч. Можете осмотреть товар.

Я вскинул на колени кейс, лязгнул замками и выложил на стол диск, по гладкому черному пластику продвигая его Талбатову. Тот подхватил диск, наклоняясь над вторым компьютером, спрятанным от посторонних глаз.

— Копии уничтожены, информация проверена и рассортирована в соответствии с запросом. — Почти не слушая меня, Талбатов рассеянно кивнул, бегая глазами по невидимому для меня экрану. — Еще три диска я передам вам, когда увижу деньги.

— Хорошо, очень хорошо. — Талбатов наконец оторвался от просмотра и положил пухлые руки на стол. — Учитывая качество и скорость… главное — скорость проделанной работы, я готов пойти вам навстречу. При условии, что узнаю источник… Шутка! — Странно, что не рассмеялись ни я, ни он. — Хорошо, Ультра, — он открыл один из ящиков стола, — но боюсь, что не смогу предоставить вам сейчас половины указанной суммы. Политика компании не дает нам права хранить в офисах крупные суммы наличности, — Талбатов пожал плечами, — понимаете? Здесь, — он выложил на стол несколько пачек европейской валюты, — почти десять тысяч. Остальное мы безусловно доставим к послезавтрашнему дню, когда вы передадите нам весь товар. Так что пока могу предложить только треть…

— Половина, наличными, сейчас. Вы должны были подготовить деньги. Иначе получите не все. — Я равнодушно уставился в вытянувшееся лицо Талбатова. Странно, но если к любому другому клиенту я всегда испытывал хоть какое-то подобие эмоций, то к этому — ровным счетом ничего. Совершенно. Смотрел в его крохотные глазки, словно в картинку из комикса. — Мне нужна половина вперед, господин Талбатов. Сейчас.

2:2:2 А вот об отсутствии эмоций у моего собеседника говорить не приходилось. Дыхание его участилось, пальцы нервно постукивали по столешнице. Казалось, он из последних сил сдерживается, чтобы не нахамить мне. Забавный человечек…

— Ну знаете что! — Талбатов машинально положил руку на деньги, притягивая их к себе. — Мы не на базаре и торговаться не будем. Напоминаю, что вы сотрудничаете с крупной и известной в стране организацией, и это не шутки. Вам оказана большая честь общаться не с нашими посредниками, а с непосредственными заказчиками работ. По-вашему, я что, должен сейчас пойти в

бухгалтерию и взять там еще шесть тысяч на оплату услуг наемного хакера? Вы понимаете серьезность ситуации? Честно сказать, я вообще поражен, как управляющие партнеры дали добро на выплату вам такой огромной суммы! Наличными! Предупреждаю вас в последний раз, молодой человек, давайте-ка без фокусов, мы играем честно. Отдайте диски, потом получите деньги или…

Ну, что или? Давай, Талбатов, скажи это. Напугай меня своей крышей, бандитами, отделом ФСБ по борьбе с электронными преступлениями. Вперед!

— … тогда с вами буду разговаривать уже не я!

Талбатов начал придвигать деньги к себе, когда Князь приоткрыл дверь, намереваясь вмешаться.

— Он отказывается от предложения нашей фирмы!

Мне стало любопытно, действительно ли Талбатов взбешен моим поведением или столь умело играет роль?

— Мы вообще имеем право расторгнуть все договоренности с тобой, мальчишка. Изменения в договоре при заключении не обговаривались никоим образом. Это прямое нарушение этики и…

Ни Игорь, ни Талбатов, ни я так и не узнали, в чем еще хотел упрекнуть меня бизнесмен кроме нарушения деловой этики. Потому что в эту же самую секунду я стремительно рванулся с места, словно пружина, ловко перемахивая через черный стол. Да так, что даже высокую лампу не задел. Талбатов осекся на полуслове, словно подавившись фразой, когда я, по-кошачьи опустившись рядом на мягкий ковер, одной рукой мягко накрыл его ладонь, а ребром второй резко ударил в кадык.

Талбатов захрипел, как испорченная игрушка-пищалка, жадно стараясь разинутым ртом ухватить как можно больше качественно кондиционированного воздуха. Мои пальцы медленно сжались на его шее, в нос ударил запах хорошего одеколона.

— Мы, кажется, не совсем поняли друг друга… — ногой я приоткрыл дверцу стола, скашивая глаза на встроенный сейф. — Я же внятно сказал вам, что забираю половину, налом, сию минуту. А вот грубить, угрожать и переходить на «ты» не просил. Ясно?

Талбатов, из-под дорогущих очков глядя на меня выпученными в ужасе глазами, поспешно закивал, насколько это позволяла сделать моя хватка. Интересно, установлены ли в кабинете одного из партнеров компании камеры охранного наблюдения? Скорее всего нет, такие люди ограничиваются тревожными кнопками, предпочитая оставлять свою жизнь вне

объективов…

— Откройте, пожалуйста, сейф, Виталий Александрович.

Неловко дотянувшись пальцами до электронного замка, Талбатов не глядя набрал знакомую комбинацию. Дверца с тихим шипением отползла в сторону. Я быстро скользнул взглядом по рядам аккуратно уложенных внутри пачек.

— Вы их что, тут печатаете? Я полагал, что сфера интересов компании лежит несколько в иной плоскости. — Талбатов не оценил шутки, продолжая сражаться за дыхание, но даже не попытавшись ударить или оттолкнуть меня. — Княже, не стой пнем, проходи!

Стряхнувший оцепенение Игорь закрыл за собой дверь, подходя к столу.

— Я контролирую чистоту сделки, — негромко и не совсем внятно пояснил он хозяину кабинета, обходя стол и присаживаясь у сейфа на корточки. — Ни йаху себе!

— Виталий Александрович! — Я вновь посмотрел Талбатову в глаза. Проникновенно. — Принимая во внимание ваше поведение и манеру ведения сделок, я вношу еще одну коррекцию в наш договор. Полагаю, что цена товара увеличивается… — Я оценивающе взглянул на деньги, — на пятнадцать тысяч европейских бумажек.

Князь удовлетворенно кивнул, деловито принявшись выуживать из сейфа деньги и перекладывать их в пластиковый пакет.

— Играем честно, господин Талбатов, вы сами это сказали. Вы передаете мне еще пятнадцать тысяч в обмен на оставшиеся диски, где и когда — я укажу в самое ближайшее время, — я наконец отпустил бледного, как всадник Последнего Дня, Талбатова, а Игорь положил наполненный деньгами пакет на край стола.

Я неторопливо вернулся к своему креслу, поднимая с пола «дипломат». Выложил еще три диска и спрятал пакет.

— Приятно было с вами сотрудничать, Виталий Александрович, — манерно откланялся я. — И прошу вас, не пытайтесь меня задержать — останетесь без половины товара. Мы ведь понимаем друг друга?

Талбатов медленно кивнул, продолжая потирать шею и затравленно разглядывать нас с Игорем.

— Всего доброго, не провожайте.

Мы с Князем быстро покинули кабинет, плотно прикрыв за собой дверь.

— Ты что, охренел, мудила?! — Игорь вцепился в мою руку, моментально потащив к пожарной лестнице. — Боец, твою мать!

Уходим через подземный гараж, там стоянка знакомая и выход на разгрузочный док. Ну, твою мать, ты даешь! Твою же мать…

Я, в течение всего последующего часа выслушивающий самый отборный русский и не очень мат, лишь молчал и загадочно улыбался, ни на миг не выпуская из рук черный, окованный сталью «дипломат».

Едва только многоэтажка, хранящая на одиннадцатом этаже один из офисов «НовосибОнлайнКонсалтинга», осталась позади, было принято решение незамедлительно напиться водки. Князь то обиженно замолкал, едва не плача, то принимался нахваливать мое поведение, причитая, что наконец-то воспитал из хакера настоящего мужчину. И в том, и в другом случае не забывая отпускать по моему поводу сотни нелицеприятных эпитетов. Я же о мотивах своего поведения не задумывался ни на миг — просто жил в свое удовольствие, получая его каждую секунду и точно зная, что теперь-то Талбатов обязательно настоит на повторной встрече. Столь необходимой нам обоим встрече.

Желтое обтекаемое такси стремительно несло нас к родному Монолиту.

2:3 — Этого не может быть, потому что этого не может быть! — непослушными губами обреченно подытожил я, вылезая из напрочь остывшей ванны. Вода потоками устремилась вниз, заливая джинсы, но я не замечал. — Я же не сошел с ума… брат, ну как же так? Все ведь было совсем по-другому…

— Осторожнее, голожопый! — Игорь отскочил от рассыпавшихся по ванной комнате брызг. Собрал деньги. — Штанишки вон себе залил, невменяемый. Да и мои тоже… Иди на кухню, аспирину выпей, может, отпустит…

Я оперся о засыпанную сигаретным пеплом раковину, снова заглядывая себе в глаза. Бред какой-то. Причем бред тяжелый. Не приснилось же все это? Нет, ни в коем случае. Это не могло быть сном, я помнил все невероятно отчетливо — количество адреналина в крови при передаче дисков навеки впечатало в мою память произошедшие события. События, какими я их четко помнил. А еще страх. Такой страх, старательно скрываемый, просто не забыть. А я ведь испугался тогда, точно ребенок…

Если только Князь меня не подкалывает. Я мельком взглянул на отжимающего в ванну джинсы Игоря. Нет. Этот не подкалывает, только не сейчас, я бы догадался. В нашем неразлучном тандеме специалистом по подколам всегда был я и, как чемпион в тяжелом весе среди подкольщиков, мог с уверенностью расколоть любого оппонента. Нет, что-то здесь не складывается. Игорь на самом деле уверен, что все произошло

так, как он это только что описал.

Может, деньги, такая куча — это полная выплата? Может, мы, уже пьяные, ходили забирать остальное, и вот?..

А может, я еще просто не проснулся? Все-таки сомитакс глотали, а это нешуточное дело. Может, все это мне кажется? Я помотал головой. Еще не отошедший от наркотиков и алкоголя мозг внезапно запаниковал, обнаружив себя проваливающимся в мрачную трясину множественного кошмара. Загорелись аварийные лампы, наполнив мой череп устрашающим красным светом, завыла сирена… Ты просыпаешься, встаешь и идешь к окну; ты просыпаешься, видишь себя, идущего к окну, встаешь и идешь следом; ты просыпаешься, видишь себя, который видит себя… И так до бесконечности, ну истинный бред. Налицо явный перебор водки, наркоты и Нейросети на одну душеньку населения в ограниченный промежуток времени. Проверяя последнюю гипотезу, я медленно, чтобы действие осознал спящий в эту минуту другой я, поднес руку к правому уху и что есть силы сжал мочку.

От моего крика Князь подскочил, роняя старательно выжатые штаны в полную воды ванну. Громко озвучил ряд познаний из области гинекологии животных и людей и заявил, что нужно лечиться. Затем подобрал рассыпанные деньги, заботливо отряхнув намоченные купюры, смел с раковины сигареты и вышел вон. Я остался наедине со своим кошмаром.

Постояв так еще какое-то время, принял историческое решение, что только полное отрезвление, очищение организма от вредных, но приятных веществ и окончательный приход в норму спасут мое перегруженное сознание от улета последнего гуся. А значит, нужно постепенно приходить в эту самую норму.

В комнате Князь собирал пустые емкости для похода за пивом.

ГЛАВА 3

Что есть такое обещанный всем праведникам рай? Вечное блаженство, утоление желаний, радость и счастье. Сладостное забвение. Но для того чтобы вкусить всего этого, вы должны прожить без греха и… умереть. Я говорю вам — вы не умрете. Зачем отправляться на ту сторону, если я даю вам все это прямо сейчас?.. Путь праведника не в смерти и страдании во имя будущих радостей! Он в вечной и радостной жизни. Живите и славьте своего Господа, на радость ему. Истина в человеке, подобном Создателю…

Архиепископ Струго, церковь Пристанища Истины.

Обращение к Миру, Берлин, 2080 год

3:1 Дождь усилился, хотя с точки зрения здравого смысла это было просто нереально при таком давлении потоков грязной воды на грешную землю и улицы Антверпена. Но стоило в небесах громыхнуть и ночным домам озариться световой чехардой неистово пляшущих молний, как дробь капель участилась. Решив окончательно расправиться с настроением Стивена Стэнделла, на окраинах заревели заводские сирены.

Обреченно, словно на исповеди перед смертной казнью, покачав головой, Стив опустил так и не донесенную до губ баночку пива. Этим вечер не реанимируешь, точно. Вечер умер, толком не начавшись. Стэнделл отставил недопитое пиво на низкий журнальный столик в форме черепахи и откинулся на подушки дивана. За окном опять полыхнуло. Дождь словно озверел, а тени рекламных видеодисплеев, нависавших над улицами прямо напротив квартиры Стива, прочертили комнату. Стэнделл нервно вздохнул. Больше, чем дождь двадцать пять дней в месяц, он ненавидел только испорченные депрессией вечера.

— «Жилище», окно, тонировка девять. Телевизор, шестнадцатый канал. — Стив откинул голову назад, на спинку дивана, стараясь рассмотреть висящие в кухне часы. — Громкость два, — добавил вслед.

Так и есть, теперь точно можно не ждать. Если Виржиния не звонит в только что прошедшее десятиминутное окно, она в этот день не звонит вообще, такая уж у нее привычка. Проклятие. Стив снова, на этот раз решительно, дотянулся до банки, большими глотками опорожняя ее. Хоть напиться сегодня, что ли?

Нет. Он с интересом повертел в руках пустую жестянку, невольно задумавшись, сколько раз эта упаковка «Хайнеккена» уже перерабатывалась. Нет, напиваться, да еще в одиночестве, даже по уважительной причине — не его стиль. Сейчас он посмотрит телик, какую-нибудь ерунду вроде сериалов или бокса по спортивному каналу, почитает на ночь и отрубится беспокойным сном. Еще один дождливый день сгнил на однообразной свалке жизни Стивена Стэнделла.

— Вот только начинать жалеть себя не нужно, — вслух пробормотал он, ерзая на подушках, — дело не в ней, а в тебе, мы это уже неоднократно проходили…

Взгляд случайно (неслучайно) натолкнулся на голокарточку Виржинии у телеэкрана, и Стив запоздало отвел глаза. Банка крепкого темного пива — это как раз та норма, чтобы не опьянеть, но впасть в философско-меланхолическое состояние, приводящее известно к чему. Джина… Малыш…

Она нагнулась к объективу, ослепительно, как только одна умела, улыбаясь, и прижимая к груди букет маков. Заметим, настоящих маков, а это в свое время стоило Стиву немалых денег. Он закрыл глаза. Сложно воевать с собственной памятью. Тот поход в оранжерею, их разговоры, букет цветов, неописуемая радость Джины, а потом полные своей прекрасной банальности слова, вопрос и короткое «да». Этого Стив не забудет вовек.

За окнами опять бабахнуло, перенося лежащего на диване человека из мира сладких грез в мир химических дождей. Потоки воды явно хотели пробить стекло. Стив помотал головой, словно хотел отогнать тягостные воспоминания, как рой мух. Все позади, как, впрочем, и сегодняшнее приглашение на чертов ужин. Все это осталось в прошлом.

— «Жилище», телевизор, громкость пять, канал тридцать восемь. — Необходимо попробовать развеселиться. Стив приказал себе сегодня больше не думать о жене. Так ведь не выйдет же ничего…

На экране два идиота в костюмах белок-мутантов пытались набить друг другу морды, время от времени падая в бассейн с

шоколадом. Какой кошмар. Стив снова закрыл глаза. Всего месяц. Какой там! Меньше месяца, и вот… Даже пожить вместе не сумели, все работа, ее учеба и на тебе — развод. Где смысл поганого бытия, где восемь из десяти браков оканчиваются разводами?! И, скомканная в мусорной корзине, попытка получить еще хотя бы один шанс, призрачный, как дым, не спешить и попробовать вновь… Все-таки счастье и семья — это не только регистрация в Общеевропейском Социальном Банке Человеческих Ресурсов. Может, еще баночку пива?

Он вдруг вспомнил, как шутил на свадьбе, что женился только потому, что устал жить один и вечно таскать с собой в туалет трубку телефона, чтобы не пропустить важный звонок. Джина тогда смеялась, а чуть позже (месяц, да?) неоднократно припоминала ему эти слова…

Звонок в дверь смешался с очередным взрывом грома. Подскочивший Стив быстро подобрал упавшую на пол жестянку и замер у дивана. Джина? Нервы ни к черту, тут даже результаты тестов доктора Алана (забрать которые можно будет только через пару недель) не особенно нужны. Проклятие, как же может напугать человека простой звонок в дверь.

— «Жилище», дверной глазок, изображение на основной дисплей. — Стивен вытер вспотевшие ладони о джинсы.

— Прошу прощения, голос не идентифицирован. — Мягкий женский голос наполнил комнату. Стив прочистил горло, сглотнул комок и повторил команду. — Еще раз извините, мистер Стэнделл, выполняю.

Стив медленно, ожидая чуда, обернулся к экрану телевизора. Нет, чудес не бывает, доказано «Майкрософтом». Телевизионная программа свернулась в крохотный экран в углу, а всю метровую диагональ теперь занимал, улыбаясь во весь рот и потрясая упаковкой «Хайнеккена», Хэнк Ванхаден. Хэнк, год за годом призывающий и коллег и друзей называть себя «Двойным Эйчем» или «Дубль Эйчем». Над его ковбойским прозвищем умилялась вся контора Стэнделла, хотя в обиходе действительно укоренилось сокращенное Дэйч. Принесло дождичком, кого не ждали. Стивен устало протопал к двери, отбрасывая запоры — даже в конце двадцать первого века люди предпочитали запирать двери своих жилищ вручную, словно все еще не доверяя автоматам.

3:1:2 — Привет-привет. — Старинный приятель влетел в прихожую, потрясая пивом. От него на полмили разило сухим воздухом автофена и синтетическим алкоголем. — Вижу, ты угадал мои желания и мысли, унылый затворник Неужели-снова-

вторник!

Он многозначительно покосился на зажатую в руке Стэнделла банку и подмигнул. Заговорщик, будь он неладен. Стив закатил глаза, покрутив в воздухе пальцами.

— Хэнк, ну я же сто раз просил не называть меня так. Даже когда у тебя чудесное настроение. Неужели это так трудно? — Вот только дружеских перепалок ему сейчас не хватало.

Но Хэнк лишь снова улыбнулся фирменной ослепительной улыбкой и поиграл бровями, показывая, что никогда не устанет подтрунивать над феноменальной особенностью Стэнделла. Особенность эта, как знали не только близкие, но и коллеги, заключалась в изредка накатывающей рассеянности Стивена, иногда способного по несколько минут вспоминать, что именно он делал вчера. Или находить вещи не там, где оставлял. Или путать даты. Или напрочь забывать пивные разговоры в барах (пустой треп с приятелями, но все же). Или с утра неожиданно обнаруживавшего, что сегодня уже вторник… Очень смешная особенность, точно. Особенно, когда твой лучший друг постоянно тебя ею избивает.

— Ну не дуйся, старина! Смотри, у меня есть подарок! — В воздухе заболталась упаковка пива. — Я принес тебе этот божественный напиток, а также просто очень рад тебя видеть.

— Хэнк, мы виделись на работе еще три часа назад, разве нет? — Стэнделл устало толкнул дверь, щелкая задвижкой. — Или тебе вдруг захотелось праздника? В такую-то погоду?

— А ты как думал? — Дэйч скинул мягкое пальто и шарф прямо на пол. Деловито примостил пиво на коридорной тумбе, молниеносно распечатывая две банки. — Невзирая на погоду, у меня есть желание, есть чудное место, где ждут, и есть преданный друг. Что еще можно хотеть?

В руку Стива ткнулась холодная жесть.

— Вообще-то я тебя не ждал…

— Секунду. — Дэйч поднял руку, прерывая его, и опрокинул банку, жадно глотая пиво. Оторвался, вытирая рот рукавом. — А теперь поздравь друга, зануда! Потому что твой друг только что стал счастливым обладателем бесплатных пригласительных в… куда, спросишь ты? Да в сам «Алькатрас». Прикидываешь? Сегодня в десять, едва отбил у одного корешка. У, старина, это улет! Обольстительные девчонки, отпадный музон и… — он загадочно улыбнулся, похлопывая себя по нагрудному карману, — пара билетов в небо по лестнице, усыпанной алмазами! Это было нелегко, поверь старому другу!

— Ну ты хоть когда-нибудь повзрослеешь? — Стив покачал головой, тем не менее прикладываясь к своей банке. — Наркоту

не буду, сразу предупреждаю.

— Пожалуйста, пожалуйста, — тот примирительно вскинул ладонь, — чего изволите в таком случае?

— Отвали, — беззлобно бросил Стив. Вернулся в комнату, усаживаясь на диван. — «Жилище», телевизор, канал восемь.

— Ты чего, обалдел? — Дэйч закружился рядом, позволяя рассмотреть свою безумной расцветки гавайскую рубаху. — Ты что, не понимаешь, что это за место? Да туда люди по полжизни в очередях стоят! Такой шанс нечасто выпадает, поверь мне. Пошли, старик, оттянемся, ну?.. Погода не играет роли, когда в деле друзья! Обещаю улетный вечерок! Ну, ты, зануда! — Он внезапно умолк, пристально уставившись на друга. — Ага-ага, дайте-ка я догадаюсь? — Стив старательно прятал взгляд, но Хэнк не унимался. — Так, все ясно. Продолжаешь усыхать, дурилка?

Стив глотнул пива. Вечер явно, определенно не сложился. Наступила неловкая пауза.

— Ну, тогда тем более нужно идти. — Дэйч покачал головой, словно переигрывая комбинацию. — Не пошел бы ты просто так, я, может, слегка бы обиделся, но цепанул девочку и развлекся. А если ты так… — Он замолчал, и Стив вопросительно поднял на друга глаза. — Остается только шантаж.

Дэйч совершенно спокойно, в несколько глубоких глотков, допил пиво, выхватывая из упаковки еще одну банку.

— На прошлой неделе я кое-что достал для тебя… Кое-что важное. Некую программу. Нужную программу. С трудом достал, через английских партнеров. Усекаешь, о чем я говорю? Понимаешь, к чему клоню? Так вот ты ее не получишь!

Рука Стива во второй раз за вечер замерла на полпути ко рту.

— Ну ты сволочь, Хэнк!

— А ты зануда. Но больше я не скажу ни слова. Правительство Объединенной Европы не идет на переговоры с террористами. — Дэйч демонстративно отвернулся к широкому, во всю стену, экрану телевизора, разглядывая трансляцию гонок на реактивных ботах, проходящую в Монте-Карло. — Между прочим, у тебя всего пять минут на сборы. Вперед, мой депрессивный европеец!

Стив тяжело вздохнул, с трудом удерживая себя от кровавого преступления. Хотя все равно задушить высокого, спортивно сложенного Хэнка ему бы не удалось (тот не ленился ходить в зал вдвое чаще Стэнделла, да и еще невесть где занимался).

— Нет ничего более соблазнительного, чем покрутить мускулистыми конечностями перед девочками, — любил говаривать тот.

Торопливо допив свое пиво, Стив направился в спальню, на

ходу получив в руку еще одну тяжелую жестянку.

Звонок телефона оборвал его путь. Неужели она решила позвонить? Порочный круг мыслей, как жвачка для мозга. Ну конечно, если кто и звонит тебе в этот вечер, то это обязательно жена, развод с которой состоится через считаные… Стив постарался сбросить с плеч напряжение и под пристальным взглядом Хэнка подошел к пульсирующему в кухне аппарату. Определитель номера молчит, видеорежим отключен. А если правда она? Стив поставил на кухонную стойку увесистую баночку «Хайнеккена» и осторожно снял трубку.

— Алло? — Словно в страхе спугнуть судьбу.

— Арриведерчи. — Голос сухой, словно отожженный песок, и тут же короткие гудки.

Стив вздрогнул.

— Алло?! Говорите! — Он еще секунду послушал гудки и повесил трубку.

— Кто звонил? — невзначай осведомился Хэнк.

— Хулиганят, кретины.

— Запроси звонок в полиции.

— Да ну их к черту, наширявшаяся шпана. — Стивен завернул в спальню. — Что у нас сегодня носят в «Алькатрасе»?

— Там носят все! — был ответ, и через шесть минут желтый кэб на воздушной подушке уже нес их в клуб. Вечер начинал оживать.

3:2 «Алькатрас». Новая Мекка Прогрессивного Союза Европы. Рай для такого разнообразного количества людей, что может привидеться только в наркотическом угаре. Храм для представителей всех сексуальных ориентаций, бандитов, хакеров, неформалов, беглых, Блуждающих, дилеров, проституток, воров и даже мутантов. Вниманию клиента любая музыка, любое пойло, любая наркота. Место, где можно все. Огромный портовый док, обставленный и реконструированный так современно, что захватывало дух. Хотите железа, арматуры и цепей? Пожалуйте налево. Желаете отдельных кабинетов и свечей? Это сюда! Ненавязчивые танцы под действием синтетики? Вам прямо, но не ходите далеко, там нудистская дискотека, там вас разденут. Пристанище разврата и похоти, скопление самой отборной и озолоченной грязи, родной дом богатеньких детишек, возжелавших вкусить свободы, биржа всех теневых сделок Европы. «Алькатрас».

В царстве порока увереннее всего себя чувствует вера. Клуб, в который Дэйч вез Стэнделла, исключением не был. В его стенах буквально поселились десятки конфессий — от фанатеющих

«Апостолов Грядущего Судного дня» и «Пристанища Истины», до не менее фанатеющих язычников, атеистов и сатанистов. Невероятное количество мелких и разнообразных сект, формаций и церквей. Новая вера? Пожалуйста, здесь можно найти все! Одни пытались наставлять на истинный путь, другие же торговали индульгенциями, наркотиками и набирали неофитов, составляющих военизированные крылья религиозных течений.

Безусловно, клуб прикрывали и охраняли не только высшие силы в лице многочисленных священников. О нем, как о дойной корове, заботилось множество сильных и влиятельных людей Европы. Причем как теневики и анархисты, так и представители правопорядка и закона, получая от этого свою, одним им известную выгоду. «Алькатрас» охранялся, как суверенное и очень важное государство. А он и был таковым, гнездясь на теле Объединенной Европы независимым организмом. Наростом. При этом строгая дисциплина, фейс-контроль и суровые требования к посетителям, не являющимся постоянными членами клуба, тем не менее не исключали возможности быстрой и незаметной покупки хоть пулемета, хоть танка. Здесь тратились и делались деньги.

Один из самых старых, чудом сохранившихся в последнюю войну клубов, давно забывший корни своего имени. Самый дорогой и престижный на континенте, богемный свинарник, где можно мило провести время. Во всяком случае, так про «Алькатрас» говорили знающие люди. Теперь Стив увидел все собственными глазами. И понял, что слухи отнюдь не были преувеличены.

Прямо на подлете, у огромной парковочной площадки, плотно заставленной летательными и наземными аппаратами, их буквально оглушил грохот музыки. Если это вообще можно было назвать музыкой, с точки зрения довольно консервативного Стивена. Рев и лязганье, породившие ультрамодный в последние сто лет вид музицирования, давили на голову, глухими ударами отдаваясь в нижней части живота. Звуки вечеринки далеко разлетались над водной гладью бухты, которую было отлично видно прямо от клубных стен.

Иллюминация потрясала не менее звука. Мечущиеся по площадке перед клубом разноцветные круги прожекторов и яркие неоновые щиты, отражение которых сверкало на мокром асфальте, создавали полное ощущение побега из вьетконговского лагеря. По воде залива гуляли лазерные лучи, сплетаясь в узорах и пульсируя в такт музыке. На развешанных тут и там мониторах размерами с киноэкраны передавались прямые трансляции из злачных недр. Буйство уже началось и кипело вовсю, и даже безумной силы ливень неожиданно вписался в картину, наконец-

то найдя место, где его понимают.

Хаос звука и света моментально втягивал в могучий водоворот, из которого немногие находили выход без помощи извне. Стихия «Алькатраса» доминировала над любыми инстинктами, включая самосохранение. Едва покинув кэб и тут же промокнув, Стив ошарашенно озирался, даже не заметив, как Дэйч расплатился с водителем.

— И ты действительно думаешь, мне тут понравится?! — стараясь перекричать шум беснующейся перед входом толпы и грохот музыки, обратился он к другу, ухватив того за рукав пальто.

— Недовольных не было! — прокричал в ответ Дэйч и самонадеянно улыбнулся, увлекая Стива ко входу. Там шумели люди — опоздавшие к открытию, безбилетники, пытающиеся проломить кордоны или просочиться внутрь, не прошедшие фейс-контроль, и просто те, кто мечтал приглянуться кому-то из входивших, дабы тоже стать приглашенным. Дэйч по обыкновению быстро оценил ситуацию и уверенно ринулся вперед, яростно заработав локтями. Стив метнулся за ним, не желая быть отсеченным мокрой, ютящейся под узким стеклянным козырьком, разномастной толпой.

Живой щит медленно расступался, понемногу пропуская их вперед. Кое-кто из толпы, осознав, что неумолимо прорывающиеся ко входу делают это не просто так, проявил ожидаемый интерес. Полетели обрывки фраз.

— …не пожалеешь, котик!..

— …прихвати с собой, дурашка…

— …только, как захочешь ты!.

— …мистер, ну пожалуйста, мне очень нуж…

Со всех сторон. Обещания, мольбы и даже угрозы. Стив всеми силами старался не допустить попадания даже краешка своей одежды в цепкие пальцы кричащих людей, изворачиваясь угрем, и буквально наступал Дэйчу на пятки, не желая отстать. Внезапно тот остановился, и Стив со всего маху уткнулся в его мокрую фетровую спину. А чуть позже скорее осознал, чем услышал, что тот уже общается с охраной.

Здоровенные детины в серой мешковатой форме фасона прошлого века, с бутафорскими бляхами старинных полицейских (но вполне настоящими дробовиками) смотрели из-под бровей, словно могли взглядами просканировать прибывающих. Стивен разглядел низко надвинутые кепки, попискивающие у пояса рации и совершенно одинаковые лица — перед ним стояла стая цепных псов, бдительно и неустрашимо стерегущая родную нору. Пошла проверка пригласительных билетов, идентификация

личностей. Специальный менеджер изучил их лица и телосложение, второй проверил одежду, в которой мужчины решили посетить клуб, следом Стэнделл прошел контроль на оружие и буквально ввалился в волну автофена. Прошел в тройную арку детектора, бросив последний взгляд на тянущую руки толпу снаружи.

— Итак, мой друг, добро пожаловать в сад, который может стать райским! — Дэйч хлопнул по плечу слегка потерянного, вертящего головой Стива, триумфально распахивая руки в стороны, словно «Алькатрас» полностью принадлежал только ему. Подтолкнул друга к высоким кованым решеткам, перекрывавшим вход. — Выше нос и настройся на веселье!

Стив взялся за холодный металл и через секунду окунулся в инфернальную бездну.

3:2:2 Вспышки света и тяжелая ритмика низких частот, перетряхивающие душу, навалились на него новой, куда более ощутимой волной. Музыка физически ощутимо била по телу, подстраивая его ритмы под свой, диктуемый огромными, подвешенными повсюду динамиками и видеодисплеями. А Хэнк уже удалялся, в танце продвигаясь вперед, осторожно раздвигая других танцующих, снующих официантов и таких же, как и они сами, куда-то проталкивающихся. Стив немного постоял, привыкая к беспорядочному мерцанию света и прислушиваясь к рокочущему ритму, и двинулся следом. Вечер, судя по всему, начал-таки понемногу задаваться, а хаос света и звука уже не так болезненно давил на мозг.

— К бару! — прокричал команду Дэйч, указывая рукой куда-то вдаль. Стив кивнул и принялся пробираться в указанном направлении, стараясь не отвечать на улыбки, призывные хлопки по плечам и словно бы ненавязчивые шлепки по заднице.

Внушительных размеров музыкальная площадка на магнитных подвесках проплыла в дальнем конце огромного зала, прячась в клубах дыма и разнокалиберных лучах мигающего света. Музыканты, казалось, сошли с ума, балансируя на самом краю висящей на высоте пятнадцати метров платформы. Там же, над головами посетителей, раскачивались узкие железные клетки, подвешенные на цепях по всей площади потолка. Они гулко звенели, изредка ударяясь друг о друга, повинуясь движениям извивающихся в них обнаженных тел. Стив ошалело осматривался, стараясь не заблудиться в толпе. Заблудиться здесь — означает запаниковать. А это уже чревато нервным расстройством.

Картины, одна ярче другой, проплывали перед его глазами.

Вот отдельный стол, кольцо кресел на специальном возвышении, свой мини-бар — это одна из постоянных группировок «Алькатраса». За столом быки в целлофановой одежде, полуголые девицы, неестественный смех и дым наркоты. Почти не прикрывая торчащие из-под коротких жилетов обрезы и винтовки, рядом мнутся рядовые пехотинцы клана, накачанные стероидами и транками, — тупые исполнители. Внизу и вокруг дергающаяся в танце толпа, мечтающая когда-нибудь оказаться за этим столом.

Подобный же стол дальше и направо. Только быки здесь сплошь в татуировках и со светящимися волосами. Мелькают высокие прически, проколотые носы и уши, цепочки и цепи, искусственные шрамы, штекера имплантированного под кожу (у кого-то даже натуральную) компьютерного оборудования. Весь остальной антураж, как и за первым столом, а на одном из напольных динамиков сидит размалеванный урод со взведенным арбалетом на плече. Боевые панки, точно. Стив опустил глаза, стараясь ни за что не встретиться с кем-либо из них взглядом.

Еще одно возвышение. Стив невольно остановился, приоткрыв рот. За спинами сидящих на низких диванах людей — самый настоящий алтарь. Высокий, уставленный свечами, богато орнаментированный и украшенный. На самой вершине его символ — три переплетающиеся звезды. Стивен неожиданно отшатнулся, мгновенно наталкиваясь на двух, затянутых в мягкий оранжевый пластик, парней. Глаза не желали верить. Перед Стэнделлом восседали служители Пристанища Истины. Церкви наслаждения. Здесь, в самом развратном клубе Европы… Закутанные в алые балахоны фигуры неспешно подносили в черноту под капюшонами высокие стаканы, на полу распластались недвижимые тела мазохистов-наложников, закованных в золоченые цепочки. Монахов было шестеро, у всех одинаковые платиновые значки веры на груди, за их спинами горение свечей и дымящиеся чашки с благовониями. Среди посуды и разрешенного служителям культа автоматического оружия на столе — портативный блокиратор звука. Там, под их куполом, сгенерированным блокиратором, сейчас очень и очень тихо. Пристальные взгляды из темноты одеяний сканируют зал, идет негромкое и спокойное общение между братьями. Одна из самых сильных группировок. Стив торопливо отвернулся, торопясь затеряться в толпе. Ему еще долго казалось, что цепкие изучающие взгляды так и впились в спину.

И так везде, куда ни повернись. Островки могущества и власти в безбрежном, хаотично колышущемся под музыку человеческом океане, океане слабости и пороков, соблазнов и преступлений. Неумело обматерив надоедливого дилера,

предлагающего таблетки, Стив вслед за Дэйчем нырнул в более спокойный сектор «Алькатраса». Он уже успел сориентироваться, что клуб представлял собой один огромный зал, нигде не перегороженный внутренними стенами. Заведение делилось блокираторами, дорогущими игрушками, создающими купола тишины в заданном радиусе — именно так «Алькатрас» дробился на сектора пристрастий и предпочтений, музыкальных и плотских.

Окруженный тумбами промышленных блокираторов, новый, почти безлюдный участок клуба после грохота живой музыки показался Стивену просто немым.

3:2:3 Дейч потянул его к круглому бару, окруженному несколькими столиками. Неподалеку располагался круг очередной танцплощадки, над которым раскачивалась открытая диджейская камера, закрепленная на цепях высоко под потолком. О том, что Стив все еще находится в «Алькатрасе», а не обычном ночном клубе Антверпена, напоминал лишь бешено мерцающий со всех сторон свет и извивающиеся фигуры людей за границами сектора тишины. Диджей — худой рыжий очкарик за пультом, довольно шустро микшировал древний рэйв, дергая козырек своей неоновой кепки то в одну, то в другую сторону. Дэйч уже стоял у бара, передав пальто бармену и заказывая выпивку. Стэнделл направился к нему.

— Ну как тебе? — Хэнк тут же протянул бокал дымящегося коктейля. — Этого ты ожидал?

Взглядом широко распахнутых глаз тот дал понять, что друг угадал, задумчиво покивал, осторожно и с опаской пробуя незнакомый напиток. В голове и так шумело после нескольких банок пива, выпитых еще дома, так что неожиданная отключка ему сейчас была весьма некстати. Хотя, сказать честно, здесь ему начинало нравиться, словно животная натура просыпалась, разбуженная тамтамами музыкантов. Стивен сдал свой плащ официанту, и они уселись на высокие барные стулья.

— Может, все-таки передумал? — Дэйч многозначительно подмигнул, извлекая из потайного кармана голубую пластинку. В ответ Стив нахмурился и отрицательно замотал головой. — Ну, как знаешь…

Дэйч откусил половину, запивая из стакана.

— Сейчас мы полетаем, моя маленькая Мэри. Сейчас мы окажемся рядом с Богом. — Хэнк быстро прикончил коктейль, соскальзывая со стула. — Ну, ладно, дружище, ты как знаешь, а я на охоту. Встретимся здесь же, ровно через час. Отрывайся — не теряйся! Цепани кого-нибудь, старик, расслабимся, я приглашаю

в гости…

Он ободряюще хлопнул друга по плечу и покинул сектор, оставив Стива расплачиваться за выпивку. Тот еще раз пригубил вкусный, леденящий губы напиток и сразу заказал второй бокал. Находиться в относительно тихом секторе, подумал Стив, почти то же самое, что сидеть на эксклюзивных островках. Можно спокойно и незаметно рассматривать клуб, сохраняя рассудок в покое, не заражаясь безумием и хаосом, буквально витающим в воздухе основного сектора. Изучать людей. Выбирать себе цель для знакомства, в конце концов. Но и подвигаться Стив сегодня тоже собирался. Вот только допьет…

Вертясь на стуле, он неспешно шарил глазами по залу, медленно потягивая коктейль. В голове уже шумело, краски стали ярче, звуки понятнее.

Прямо за баром, почти на границе основного сектора «Алькатраса», находился очередной «остров власти». Стив склонился к стакану, стараясь не встретиться с прощупывающими зал взглядами охраны. Живописная картина. Стандартный круг широких диванов, круглый стол в центре возвышения, высокие бутылки и дорогая посуда, стаканы и светильники. Без особого удивления Стив заметил широкую чашку переносного звукоблокиратора. А среди всего этого бардака, ловко переставляя точеные ножки между нагромождениями стекла и пластика, двигаясь под нежные ритмы неслышной музыки, танцевала полуобнаженная девушка. Танец был неспешен и загадочен, жесты и движения приковывали взгляд, кроме элементарного желания пробуждая целую бурю чувств. Девушка стояла спиной, и ее длинные темные волосы, словно струи дождя, медленно змеились по голым круглым ягодицам.

А танцевала она для одного-единственного человека, сидящего за столом. Откинувшись на спинку дивана и лениво покуривая дорогую сигару, тот внимательно наблюдал. Стив заставил себя отвлечься от танцовщицы и рассмотреть ее хозяина. Азиат (какой именно, Стив не разбирался). Блестящие черные волосы гелем убраны назад, в правом ухе блестит камень. Черный же матовый пиджак накинут прямо на голое тело. А еще Стива поразила длина ногтей азиата — больше двух дюймов каждый, украшенных узорами и сверкающих лаком. Он изредка и лениво, по-хозяйски улыбался, одним из ногтей манерно почесывая идеально выбритый подбородок.

Вот танец окончился, и девушка изящно сошла со стола, присаживаясь рядом с когтистым азиатом. Сама она тоже оказалась азиаткой, а ее узкие хищные глаза были эффектно подведены яркими красками. Владелец столика повернулся, что-

то приказав стоящим внизу охранникам. Один из них низко и почтительно поклонился, тут же растворяясь в окружающей помост толпе. Стив едва удержался, чтобы осуждающе не покачать головой — эти китайские парни, похоже, вообще не боялись закона — одетые в тефлоновые жилетки и черные костюмные брюки в стрелку, крепко сжимая в руках одинаковые автоматические винтовки, они зорко осматривались по сторонам, поигрывая голыми бицепсами. А на бицепсах… Стив заморгал от неожиданности и удивления. Руки всех охранников, прямо от кистей, были сплошь покрыты голографическими татуировками. Пестрые и объемные, словно живые, по человеческой коже, причудливо извиваясь, ползли усатые разноцветные драконы. В своих движениях они хитроумно переплетались с цветами и символами, не оставляя голой ни единой пяди тела. Тонкость работ вызывала неподдельное восхищение, а ни один рисунок не повторялся дважды.

В своем изучении татуажа Стив невольно столкнулся взглядом с одним из «змееруких» и поспешно отвернулся, снова прикладываясь к напитку. Не хватало еще, чтобы эти ребята с винтовками что-нибудь подумали. Что-нибудь не то… Он отставил пустой стакан на желтый пластик барной стойки, взялся за второй, снова повернулся к азиатам и замер.

3:2:4 В этот миг словно кто-то щелкнул выключателем, моментально вырубая в клубе всю акустику и прожектора — именно таким внезапно стал его мир — немым и черно-белым. Время забыло о том, что нужно бежать вперед, и даже круговерть света перестала так сильно бить по глазам. Стив увидел ее. Виржинию. Его Джину. Стэнделл медленно опустил стакан, едва не промахнувшись мимо стойки.

Слева от китайского ареала, медленно двигаясь под неслышные ему ритмы, в толпе мелькнула Джина. Здесь — в мифическом «Алькатрасе», куда люди по полжизни пытаются достать пригласительный билет. Именно сегодня. Прекрасная Виржиния, его жена, пока еще жена. Если ее вообще можно так называть. Будущая бывшая.

Вечер мгновенно протух.

Девушка была не одна. Спортивный парень, отдаленно чем-то похожий на Хэнка, с набриолиненными темными волосами, разодетый в светящийся пластик и фольгу, залихватски отплясывал рядом с Джиной. Ежесекундно заглядывал ей в лицо, беспрерывно улыбаясь и что-то лепеча. И она (больно, да?) улыбалась в ответ. Отвечала, танцевала и улыбалась — его Джина.

Словно в тревожном и мрачном сне, Стив отодвинул стакан от края стойки и на негнущихся ногах пошел к краю сектора. Прыщавый диджей в кепке что-то загундел в микрофон, подбадривая немногочисленную публику своего сектора, и даже бросил несколько слов в спину Стива, отчаянно шоркая винилом. Но Стэнделл ничего не слышал. Перешагнув светящуюся на полу черту сектора, он мгновенно провалился в океан грохота и криков. Звенели цепи, ревели динамики, толпа орала и толкалась в танце. Но Стив, словно одержимый или лунатик, не слыша и не видя ничего вокруг, продолжал пробиваться вперед, монотонно работая локтями. Туда, где мелькнула она, словно редкая рыбка в темной воде ядовитого моря.

Когда Стивен подошел, Джина стояла спиной. Он остановился, тупо глядя, как она двигается. Все выпитое за вечер внезапно навалилось, словно открыли кран, разом гася сознание. Набриолиненный паренек замедлил движение, озадаченно заглядывая Джине за плечо, и что-то спросил, наклоняясь к ее уху. В этот момент Стив больше всего на свете хотел врезать по его светящейся от счастья роже… Девушка остановилась и медленно повернулась. Теперь мир замер и для нее.

Было глупо и бесполезно что-либо говорить. Тем более что слов в этом аду звуков все равно было почти не слышно. В итоге они не сказали ни слова. Просто набриолиненный как-то вдруг замешкался, словно что-то понял, помялся на месте и отошел поглубже в толпу. А они молча стояли среди танцующих людей, глядя друг другу в глаза, в которых застыл одинаковый вопрос.

Прошла вечность, а затем Джина устало улыбнулась, отшатнулась от него на шаг, еще раз улыбнулась, на этот раз пряча глаза, и растаяла, словно мираж. Толпа сомкнулась, подобно океанской волне, навсегда отсекая их друг от друга. Стив обернулся и пошел обратно, все так же не разбирая дороги. Не хотелось ни думать, ни говорить, ни действовать. Диджей под потолком казался полным кретином, на ходу сочиняя какую-то рифмованную пургу, обращенную непосредственно к Стиву. Не хотелось ни жить, ни умирать. Хотя внезапно для себя он осознал, что хотелось выпить. В образовавшуюся в душе пустоту сейчас можно было побросать штук десять «Алькатрасов», и еще осталось бы место. Внезапно Стэнделл подумал, что сейчас потеряет сознание.

Но до стойки все же дошел. И выпил. И еще. И еще немного.

Когда через почти час в сектор ввалился едва передвигающий ноги Дэйч, тискающий сразу двух подружек неопределенного возраста (и, сказать честно, пола), Стив уже сидел под стойкой, упорно пытаясь дотянуться губами до зажатой в руке бутылки.

Рыжий прыщавый диджей разошелся вовсю, сегодняшний вечер старинной музыки посвятив непосредственно Стиву. Заходившие в сектор понимающе качали головами, сочувственно выпивали со Стэнделлом, предлагали улететь, оторваться и так далее, недолго сидели рядом и уходили танцевать, освобождая место другим. Дэйч разом отпустил подружек и, растолкав разномастную тусовку, попробовал поставить звезду вечера на ноги.

Что делал и говорил ему друг после этой, размыто запомнившейся минуты, Стив не мог осознать вовсе. Огни перед глазами мелькали все быстрее, ни на секунду не останавливаясь, в ушах гудело, взор блуждал. Стивен Стэнделл нажрался в стельку, но главного так и не достиг. Словно наказание божье, перед внутренним взором его то и дело возникала Джина, смеющаяся, танцующая и исчезающая в толпе дикарей.

Стив резко, как это умеют только пьяные, вырвался из рук Хэнка. Упал на колени, и его глубоко, до самой первой банки пива, вырвало. Мгновенно нахлынули опустошение, усталость и чувство отрешенности. Дэйч осторожно подхватил укладывающегося спать друга под руки и медленно повел к выходу, качая головой под сочувствующие реплики окружающих. Стиву же не осталось ничего, кроме как беспрекословно смириться со своим никчемным состоянием. Свесив голову на плечо друга, он безропотно отдался течению несущих его волн. Наступила темнота.

ГЛАВА 4

…Они все наивно полагали, что отправляются в военный поход, по окончании которого смогут запросто вернуться домой, к своим женам и детям, навсегда забыв войну. Это великое заблуждение! Крестовый Поход — это новая жизнь, на которую обрекает себя любой честный христианин, это поиск и скитание, это образ существования, и вам никогда не покинуть вселенной, состоящей из обжигающего песка, ветра и свинца «Сарацинов»…

Ульрих фон Зейненгем, маршал Тевтонского ордена, командующий операцией «Знамение».

Палестина, 2063 год

4:1 Как и следовало ожидать, муниципальная аптека на шестом уровне снова не работала. Я в бессильной злобе выдохнул сквозь плотно сжатые зубы и подошел поближе, разглядывая листок бумаги, прилепленный к разрисованной шпаной витрине. Администрация аптеки несла что-то там про переучет и поставки новых лекарств. Что завтра все у нас будет, а сегодня, мол, сегодня — извините…

Над головой сердито переговаривались воробьи, имитатор погоды неубедительно создавал атмосферу солнечного осеннего дня. На скамейке сидели несколько старушек, смеривших меня взглядом, более проницательным, чем сканер в офисе Талбатова. Еще раз, уже более спокойно и обреченно, шумно вздохнув (в моменты похмелья нет ничего прекраснее, чем жалеть самого себя), я повернулся и неспешно поплелся к секциям лифтов. Приборная панель была почти выломана и выжжена сигаретами, но я все же умудрился вызвать кабину подъемника, утопив оплавленную зажигалками кнопку. Затрещали лампы над входом в шахту. В глубине Монолита захрустели моторы, страдающие последней степенью аритмии. За моей спиной с криками пронеслась стайка мальчишек. Они пробежали через аптечную

площадку, остановились, что-то разглядывая у отключенного ржавого фонтана под тремя рахитными осинами, загомонили и полетели дальше, скрывшись в галерее зоны отдыха шестого яруса. Я отвернулся от псевдопарка, уставившись в кривой, неплотно прикрытый шов лифтовой двери. Кому-то это может показаться любопытным, а ведь некоторые из этих пацанов до сих пор не покидали пределов Монолита…

Значит, Князь опять останется без лекарств. Плоховастенько, нужно признать. Но до следующей аптеки сегодня я уже не успею. Это на одиннадцатом, в Восточном блоке комплекса, а через минут тридцать на дневной перерыв отрубят питание лифтов и ослабят освещение площадок. Перспектива добираться из Восточного блока пешком меня не привлекала, поэтому Игорю сегодня придется еще немного поболеть…

А разболелся Князь сильно. Почти как тогда, когда отмечали открытие княжьим друганом собственного небольшого ресторанчика на Затулинке. С тошнотой, непереносимостью жизни в целом, страхом солнечного света и всеми сопутствующими симптомами. Сегодня утром (нужно заметить, что после целых десяти часов сна), когда пора было начинать приходить в норму и возвращаться к жизни, Князь внезапно не смог встать с постели. И хотя мне казалось, что вчерашнее разливное пиво, заботливо принесенное Игорем с точки на втором уровне комплекса, сделало свое дело, подлечив наши перетруженные организмы, после сна Князю вдруг стало совсем невмоготу. Он с трудом дотаскивался до туалета, где долго и со знанием дела пугал раритетную фаянсовую технику, и снова падал на диван, постанывая и прося ухи. Вскрытие домашней аптечки желаемых результатов не принесло (ну не сомитаксом же его кормить), и я отправился выручать друга. Но тоже безрезультатно.

Просторная пассажирская кабина (к моему удивлению, пустая), расписанная маркерами и распылителями, со скрипом и стоном тросов унесла меня вверх. Фанерные двери разошлись, я привычно шагнул на родной ярус. И замер, едва не отшатнувшись обратно в лифт, подумав было, что ошибся этажом.

Плотно, практически плечом к плечу, живой стеной перегораживая довольно широкую площадку-улицу, ведущую от лифтов к бытовым лавкам и дальше, к жилым секторам, передо мной стояли люди. Их было довольно много, может быть, даже больше сотни, и я невольно удивился, не ожидая встретить столько народу так высоко — администрация Монолита в целях безопасности не разрешала проводить митинги и демонстрации выше четвертого-пятого. Поэтому обычно толпы собирались

значительно ниже.

Не успев закончить мысль про демонстрации, митинги протеста или очереди за промтоварами, я чертыхнулся за невольный испуг. Отрицать бессмысленно — как только увидал всю эту живую массу, сердце совершенно неожиданно ухнуло в пятки. В недобром предчувствии слыша, как закрываются двери кабины, я двинулся было вперед, когда внутри снова екнуло. Не сделав и трех шагов, я опять замер, непонимающе вглядываясь в стену людей.

Господи, да это же старики. Одни старики. Мужчины и женщины, чьи лица изрыты сетками глубоких морщин. Все как один невысокие, одетые в старье, кое-где изодранное; похожие на крупных крыс, что сгрудились стаей — серой и бесформенной, но многочисленной, решительной от отчаяния и… злой. Ну конечно. Даже странно, что я сразу не понял, что именно напугало меня. От толпы веяло злобой. Она плескалась в мутных старческих глазах, протекала сквозь сжатые артритные пальцы, сочилась через язвы на сморщенной коже. Старики стояли, подпирая друг друга, стояли молча, лицами к лифтам, словно готовились к атаке эскадрона жандармов.

Я сделал шаг в сторону, а лифтовая кабина за спиной умчалась по вызову. Я беспомощно шарил глазами по стене людей, стараясь отыскать хоть малейшую брешь, чтобы найти проход к собственной квартире. Разум же лихорадочно пытался обрести хотя бы минимальное понимание происходящего. Оно опять перестало казаться реальным, как вчера в ванне, где Князь рассказывал мне небылицы. Все, что я слышал, помнил и видел со вчерашнего дня, вновь предстало каким-то нелепым кошмаром. Причем кошмаром, главный ужас которого заключается в полной неразберихе. Я с растущим беспокойством изучал людей перед собой, и мне казалось, что я всего лишь рассматриваю страницу комикса. Не хватало только подрисованных над головами пузырей с текстами внутри… Во рту появился кислый вкус, словно под язык положили медную пластинку. Одновременно с ощущением сна пришла шальная мысль. Эти старики стояли тут, у лифтовых шахт, не просто так. Старики ждали именно меня.

Ни одного знакомого лица в оборванной престарелой толпе. Какое там — эти были совершенно (это ощущалось во всем), совершенно чужими, неместными здесь, на моем уровне Монолита. Похожими между собой, словно из одного инкубатора, рассматривавшими меня одинаковыми взглядами глубоко спрятанных среди морщин глазок. И все они (больше сотни, да, определенно больше), эти жуткие люди, каким-то невероятным образом наверняка знали, что сейчас из лифта появлюсь я. Дикая

мысль задела самым краешком, и я невольно согласился — отправься я даже к аптеке на одиннадцатый в Восточном блоке, старики все равно дождались бы. Или просто нашли…

Толпа внезапно качнулась вперед, словно живую стену повело. По ней как будто побежала трещина, и люди медленно двинулись, шаркая ногами по бетону псевдоулицы. Я вздрогнул, чувствуя неприятную резь в животе, и обернулся, вглядываясь в потемки коридора, уводившего к подсобкам и аварийным лестницам. Где-то там, среди нагромождений старых систем отопления, должна быть некогда заколоченная, а сейчас сорванная шпаной дверь выхода к лестничным системам. Медленно надвигающиеся старики заставили меня отшатнуться.

4:1:2 Так же неожиданно, как перегородившая площадку толпа принялась наступать, она вдруг остановилась. Еще миг, думал я позже, и я бы наверняка побежал. Но старики замерли. А затем словно выстрелили из своей сердцевины низенькой сгорбленной старухой. Вытолкнули из строя, как волна выталкивает на берег так и не сумевший утонуть мусор. Крохотную, горбатую, с перекошенным от старости лицом. Та в несколько шагов приблизилась ко мне, от неожиданности оцепеневшему окончательно. Оглушительно щелкая, в голове отключались системы управления и анализа. Я в ужасе ощущал, что мое тело почти не слушается меня, с гримасой отвращения разглядывая бабку сверху вниз.

— Не делай того, что тобой делают другие! — Словно чучело серой, потрепанной временем и грызунами вороны, старуха неловко запрыгала по площадке перед лифтом, отсекая меня от аварийной лестницы. В тональность карканью горбатой протяжно завыли моторы лифтов, словно аккомпанируя. — Никогда, никогда, мой мальчик! Ты и сам не знаешь, что ты есть, когда они делают, что хотят! Поверь, мой мальчик, поверь старенькой Александре! Ты в опасности, если такие, как ты, вообще могут быть в опасности. Идем с нами, мальчик, и мы покажем тебе истину.

Я постарался отодвинуться от старухи и ее приторного дыхания, долетавшего до моего лица, но не смог. С нарастающим испугом я продолжал рассматривать кружащуюся вокруг меня ведьму, назвавшуюся Александрой. Ноги наотрез отказывались двигаться, во рту пересохло, а вкус кислого металла лишь усилился. Кошмар определенно затягивался, через край выплескиваясь в реальность. Изо всех сил стараясь не запаниковать, я отчетливо представил, как сознание тонет в густой жиже страха и неверия в происходящее. Александра

извернулась, подскакивая еще ближе, и вдруг очень быстро схватила мою руку, сжав ладонь в сухих холодных пальцах. По руке побежали мурашки, а от старческого прикосновения меня едва не стошнило. Тем не менее, странный транс, не дававший мне сдвинуться с места, все не проходил, заставляя смотреть и чувствовать.

— Не верь телефонам и друзьям! Это зло! Зло, пришедшее на грешную землю, чтобы нанести последний удар. Время близко, и никому не остановить беду. Именем добра и веры творятся страшные вещи, поверь мне, мой мальчик, настолько страшные, что сам Бог скоро отвернет от нас свой лик. Дьявол, Антихрист на земле, не ходи во тьму — это смерть живому! Зло, творимое людьми, — это его работа, и он уже пришел… Он копит силы, он ждет и скоро проявит себя. И тогда берегись…

В этот миг я вдруг судорожно и резко вдохнул, неожиданно выдергивая онемевшую руку из пальцев старухи. Ощущение было таким, словно я голыми руками только что порвал чугунные кандалы. На ватных ногах шагнул назад, упираясь спиной в шершавую стену. Александра согнулась еще, став почти вдвое ниже меня, и боком прыгнула к толпе, опять став похожей на птицу. Во имя всех святых, как же она в этот миг была похожа на птицу, косясь на меня крохотным черным глазом.

— Слуга Дьявола спит, но наказание не обойдет никого! — Старуха подняла руки вверх, вычерчивая в спертом воздухе Монолита сложные кресты, напоминающие христианские. А остальные старики вдруг дружно загудели, отходя назад, словно распевались перед церковной литанией. Ведьма повернулась ко мне спиной, разом утратив интерес. Но напоследок все же негромко, на грани слуха, бросив, будто заканчивала заклинание: — Боль, мой мальчик…

И в этот миг меня по-настоящему скрутило. Словно стальной рукой схватило за легкие, выворачивая и выдирая из груди, желудок наполнился раскаленной дробью, в правый висок забили гвоздь, а сквозь сердце пропустили литр кислоты. Я едва слышно вскрикнул, невольно опускаясь на колени. Пыльный выщербленный пол покачнулся перед глазами, размываясь невольно выступившими слезами. Жжение внутри разгорелось в пожар, в животе словно взорвалась граната, и я, хватая ртом воздух, рухнул на бетон лицом вперед. Терзающая боль рванулась вниз, до звезд в глазах ударив в пах, живым огнем побежала по ногам и вдруг исчезла. Так же внезапно, как пришла.

В себя я смог прийти далеко не сразу. Минуту (а может, и десять) я лежал, кашляя и тяжело дыша. Наконец встал, дрожащей рукой держась за стену, и обернулся к толпе, готовый

унижаться и умолять, но узнать, что происходит.

Старики растворились в воздухе, словно впитавшись в перекрытия Монолита вместе с болью. Я как будто впервые в жизни разглядывал пустую площадку своей псевдоулицы, отказываясь верить собственным глазам. Толпа именно исчезла, а не разошлась, в этом я мог бы поклясться. Исчезла, не оставив после себя даже следов на грязном бетоне. О происшедшем напоминал лишь отголосок боли в моей груди, но и та уходила, постепенно давая легким дышать в полную силу.

Я неуверенно шагнул еще, вдохнул побольше воздуха и побежал, меняя коридоры и обгоняя редких прохожих. Опомнился и перевел дух, только когда дверь собственной квартиры плотно захлопнулась за спиной.

4:1:3 — Принес?.. — Слабый, дрожащий голос Князя окончательно вернул меня к реальности.

— А… я… мне это… там было закрыто… — Я безуспешно, словно засоренный мешок от пылесоса, пытался прочистить сознание. Необходимо как можно скорее упорядочить разбегающиеся мысли. Машинально, толком не осознавая, что делаю, я накинул куртку и принялся отряхивать пыльные джинсы. — Я сейчас принесу, возьму на улице, мне все равно выходить. Потерпи еще чуть-чуть, брат.

— Ты куда это собрался? К Талбатову, без меня? Рано ведь еще, погоди! Еще час, я почти в норме! — Князь, распластанный на диване, попробовал самоотверженно приподняться. Застонал, отбрасывая смоченное в ледяной воде полотенце, опустился обратно на подушку.

— Да все в порядке. — Я слушал, но не слышал друга. С грацией лунатика неспешно проверил кейс с уложенными в него остальными дисками. — Сейчас заберу остаток, а по пути домой заверну в аптеку и закуплюсь тебе лекарствами. Ты тут пока пей побольше чая и постарайся не склеиться…

— Брат, прошу тебя, не ходи сегодня вообще, а? Давай завтра вместе? Я…

— Слушай, Игорь, — я внимательно смотрел на закрытую дверь, стараясь осторожно подсечь пытающуюся удрать мысль, — а этот бред, что ты мне вчера рассказал, — это правда? Правда?! А то я тут только что кое-кого встретил, и что-то мне…

Но обиженный и раздавленный своей беспомощностью Князь в свою очередь тоже не намеревался слушать, в изнеможении поворачиваясь ко мне спиной. Мысль сорвалась и ушла в глубину.

— Какой на хрен бред?! — расслышал я бормотание друга. — Я тут помираю, требуя всего лишь немного ласки и заботы, а ты,

гнусный урод, сваливаешь, бросая друга в беде. Если сегодня тебе набьют морду, Денисонька, и отберут последние диски, вини только себя. Наша встреча была ошибкой, я тебя больше не знаю. — Игорь издал весьма впечатляющий стон и отвернулся. — Так уходит дружба, да…

— Я принесу тебе лекарства, брат. — Я невидящим взглядом осмотрел комнату, лежащего на диване Князя и, выключив в прихожей свет, вышел в подъезд.

ГЛАВА 5

Мир неверных настолько погряз во грехе, что мы должны сбросить с рук наших всяческие оковы. Нет больше сострадания, милосердия или пощады. Нет больше уважения к врагу, ответственности за судьбы семей врага и его города. После сделанного отныне мы станем их бить любыми средствами, запретов больше нет! Вначале отбросим лагеря неверных с земли наших предков, а затем и вовсе раздавим, навсегда очистив мир от грязи!

Джамиль Аль-Салим, «Внук Саладина».

Палестина, 2031 год

5:1 Приближающийся гул автомобильного сигнала пришел не с нарастающей силой, как вроде бы должно было быть. Он ворвался в уши одной ударной волной, мигом возвращая Стива из царства грез и видений на суетную землю. Стэнделл дернулся, неловко отпрыгивая обратно на тротуар, а яростно сигналивший кэб, сильно вильнув в сторону, пронесся мимо, поднимая стены воды из глубоких луж. Работавшие на другой стороне улицы, практически на самой границе Лусплатс, облитые водой турки-строители принялись отчаянно ругаться.

Стивен еще немного отошел в глубь тротуара и остановился у табачного киоска, поставив портфель на стойку. Сердце колотилось, его охватил озноб. Если он в самое ближайшее время не перестанет забивать себе голову ерундой, он точно угодит под машину, грохнется с моста или же с ним произойдет что-то подобное и не менее неприятное. Стив постарался дышать ровно, внезапно осознав свежесть утреннего, еще влажного после вчерашнего дождя воздуха.

Его окружали многочисленные прохожие, спешащие на работу или с нее, стоял ясный солнечный день, немного морозный. Над огромным и прекрасным Штадс-парком пели птицы. В широких, больше напоминающих небольшие пруды лужах, вокруг которых суетились автоматизированные сборщики

воды, плясали ослепительные блики. Воздух был полон ненавязчивой уличной аудиорекламой и гудением гидромобилей, весь неон погашен, а выброшенные в небо солнечные накопители готовились к темному времени суток, заряжая батареи. Чудное утро, когда вся мразь, живущая по ночам, еще отсыпается, а вторая половина горожан, считающая себя здоровой, цивилизованной и порядочной, прилежно работает, под завязку заполнив высотные муравейники из стекла, пластика и бетона.

Стив покачал головой. Чудное утро проходило стороной, как он ни пытался насладиться его красой. Все краски мира сейчас меркли и гасли в кусочке вселенной, что назывался его сердцем. Кристально-четкий и реальный образ Виржинии, неотступно стоящий перед глазами, затмевал собой несущиеся по улицам скоростные машины, опасные подвесные мосты и бог знает что еще, способное лишить человека жизни в большом городе. Терзая встроенный в голову видеопроигрыватель мыслей и воспоминаний, Стив с самого пробуждения (нелегкого, нужно признать) гонял по кругу пленку с записью вчерашнего вечера, проведенного в клубе. И даже сегодняшний, короткий, по просьбе самого Стивена, визит к доктору Алану ничего не изменил, лишь добавив пару морщин на лоб ученого мужа. Стив вышел от доктора, обреченно примирившийся с мыслью, что самого себя ему не победить. Женщины, подобные Джине, не забываются на протяжении многих лет, оставляя раны кровоточить, словно стигмы, да…

Причем ранним утром, когда они с Дэйчем едва проснулись, Стив почти не думал о ней. Сказать честно, он вообще ни о чем в утреннем состоянии думать не мог… Потом Хэнк выгнал своих подружек вон, мужчины позавтракали, наглотались укрепляющих таблеток и разошлись. Хэнк отправился на работу, предупредить строгое начальство о том, что Стэнделл задержится у врача, а сам Стив — к врачу. Утро прошло весьма бодро. Дэйч шутил и восхищался вчерашним вечером, вспоминая собственные впечатления, обсуждая новых подруг, с которыми совсем не выспался, и очень деликатно обходя тему отключки друга. Болтали как прежде, и, в общем, все бы ничего. Но стоило Стивену остаться одному, проводив взглядом кэб, увозящий Хэнка в офисный центр города, как навалилось… При этом Стэнделла тяготило, что состояние его не меняется уже несколько недель, а доктор Алан продолжает молчать — программа курса не доведена до конца, и когда будут результаты, знает лишь он, оставляя Стива в полном неведении. Вот только хмурится док все сильнее от встречи к встрече, оно и понятно.

Стив постарался вспомнить отца и его жизненные уроки, но

головная боль запретила ему это делать. Он предпринял еще одну безуспешную попытку избавиться от тяжелых мыслей и поднял глаза вверх, где за старинным зданием Национального банка, среди бетонно-стеклянных скал виднелась сверкающая верхушка горы, в которой они с Дэйчем работали вот уже столько лет. Перекрывая дневной свет, над головой пронесся длинный белый гидромобиль и, набирая высоту, исчез за поворотом. Стивен решительно взялся за ручку портфеля и зашагал вперед. Возможно, пешая прогулка до офиса поможет развеяться.

Стив шел мимо многочисленных магазинчиков, парикмахерских, аптек и кафе, помимо воли опять погружаясь в воспоминания. Не в силах признаться в этом перед самим собой, он берег каждое из них, словно крохотный драгоценный камень. Вот Джина улыбается, вот она исчезает в толпе, вот что-то шепчет ему. Или она молчала? Да, точно, она не сказала ни слова, ни одного, это уже игра воображения, выдающего желаемое за действительное. Как и он сам, кстати, тоже ничего не…

5:1:2 Поток мыслей внезапно прервался. Машинально извиняясь (при этом едва не чертыхнувшись вслух), Стивен отшатнулся от врезавшегося в него прохожего. Длинный парень в повернутой козырьком на ухо бейсбольной кепке, неожиданно вывернувший из переулка, судя по всему, в это утро тоже, подобно Стиву, был сонной и похмельной сомнамбулой. Он отступил от Стэнделла, невнятно извиняясь в ответ и потирая красные глаза.

Стив, в свою очередь, сдержанно кивнул, уже намереваясь пройти мимо, как вдруг встретился с парнем взглядом и удивленно замер, узнавая в долговязом вчерашнего прыщавого диджея из «Алькатраса». Сконфуженно улыбнулся, и сам, судя по всему, в этот миг тоже был узнан. Краска медленно начала заливать лицо Стива, напротив, лицо диджея внезапно принялось бледнеть. Вот, значит, как мир устроен — приличные с виду люди, работающие в престижнейшем районе города, инкогнито посещают злачные места… И если одни при этом упиваются до поросячьего визга, то другие там еще и подрабатывают… Но пока Стив лихорадочно размышлял, как поступить (узнать парня и поздороваться или пройти мимо, словно и не было ничего), произошло событие, не менее странное, чем эта неожиданная встреча.

Долговязый диджей вдруг выставил вперед руки и, открыв рот в молчаливом крике, начал пятиться, что-то бормоча и качая головой. Стив недоуменно проморгался, удивленно вгляделся в выпученные глаза парня и посмотрел за свое плечо, рассчитывая

увидеть там по меньшей мере тварь из фильма ужасов. Тварей не наблюдалось — по тротуару деловито спешили по своим делам сотни честных горожан. Стэнделл шагнул к рыжему, стараясь расслышать бессвязное бормотание. Судя по всему, того еще не окончательно отпустило после принятой в клубе наркоты… Но то, что услышал Стив через секунду, ему совсем не понравилось.

— …не убивайте меня. Я все равно ничего не видел, я никому не скажу… я могу даже уехать, только не убивайте.

Стив снова обернулся, внимательно осматривая улицу и на этот раз ожидая увидеть за собственной спиной вооруженного панка, но, кроме турецкой строительной бригады вдали, на улице не было ничего устрашающего. Кажется, с наркотиками парень все же перестарался… И хотя эта мысль расставляла все по полочкам, Стивену отчего-то стало весьма не по себе. Нахмурившись и все крепче сжимая рукоятку портфеля, он невольно наклонялся все ближе и ближе к диджею, вслушиваясь в его лопотание.

Внезапно у Стива похолодело внутри — он понял, что парень обращался именно к нему. Адресно, как сформулировал доктор Алан. А еще доктор Алан бы оценил, что длинный диджей вовсе не бредит и не находится в состоянии наркотического опьянения. Напуган, да. Впадает в состояние шока, тоже да. Но послание его осмыслено, имеет довольно четкую логическую структуру и собственного адресата.

Стивен открыл было рот, когда осознал, что парень исчез. Вернее, исчезает, спиной вперед убегая в переулок, демонстрируя прямо-таки не наркоманскую прыть. Стив примирительно развел руки, невольно следуя за ним. Что бы там ни привиделось диджею, Стэнделл неожиданно почувствовал себя виноватым за эту вспышку чужой паранойи.

— Эй, мистер, послушайте, я ничего не…

Но когда Стив с вытянутой вперед рукой завернул за угол, пятившийся диджей глухо вскрикнул, закатывая глаза. Дернулся назад, поскальзываясь в луже, и упал навзничь, поднимая фонтанчики брызг, теперь уже голося в полный голос.

— Ну, прошу вас, умоляю, не надо, не убивайте! Я же не видел ничего, клянусь, я не скажу! — приподнявшись на мокрых локтях, он принялся отползать, даже не пытаясь встать, но старательно отворачиваясь. Вероятно, парень даже заплакал, но дождевая вода на лице не позволяла сказать точно. — Я ведь даже вашего лица не помню! Клянусь, мистер! Вот не помню, и все тут! Ну, пожалуйста!

Стив в нерешительности остановился, сочувствующе глядя на диджея, но совершенно не понимая, чем же может ему помочь.

Что же это за дурь такая? Может, новая? Рука Стэнделла потянулась за мобильным коммуникатором. Все, что в его силах, это вызвать бригаду «Скорой помощи». А лежащий в луже диджей наконец-то развернулся, пулей вскочил на ноги и бросился к стоящему в темноте переулка гидромобилю, на бегу выдергивая из мокрых штанов ключ-карту.

— Я сейчас же уеду из города, о вас никто не узнает. Можете не волноваться! Главное — не волнуйтесь! Хотите, уеду на юг, во Французские регионы? Хотите, я могу даже в Россию уехать, клянусь!

Стивен Стэнделл отчего-то почувствовал страшное волнение. Такое обычно охватывает во время сдачи выпускных экзаменов в университете, да вот только свои выпускные Стив почти не помнил. Насторожиться заставила чистота речи диджея, наркоманы со стажем так не говорят. Тут даже не нужно быть доктором Аланом. Да и на действие наркотиков это уже не так похоже, уж слишком хорошо парень знал, о чем говорил. Может, тот просто больной? Но вчера ему так не показалось… Стив медленно двинулся к машине диджея, осторожно перешагивая лужи.

— Постойте, молодой человек! Я обещаю, что не причиню вам зла, слышите, я обещаю! Я просто хочу понять, о чем вы говорите!

Диджей замер, не донеся ключ до дверцы своего темно-желтого «Форда».

— Это ведь можно расценивать, как помилование, да? То есть мы, в смысле вы и я, все забыли, да? Я ведь не ошибаюсь? Вы ведь не станете стрелять мне в спину, если я побегу?

Стив все так же осторожно подошел ближе, ставя портфель на желтый багажник машины. Ему вдруг начало казаться, что он с трудом контролирует не только собственное тело, но и губы.

— Парень, мы вообще об одном и том же говорим? — произнес Стивен, а прыщавый в ответ на это многозначительно подмигнул. Или это был нервный тик?

— Ну, конечно, я ведь останусь жить теперь, да? Вы же пообещали! Я буду нем, просто нем, как глубоководная рыба! — И тут Стив Стэнделл неожиданно для самого себя толкнул парня в плечо, принуждая открыть машину.

Позже у него будет время ужаснуться собственному поведению, всей этой киношной фальши, что сквозила в голосе и поступках, безотчетному стремлению узнать, чего же так испугался диджей из «Алькатраса». Он демонстративно щелкнул застежкой портфеля, делая серьезное и очень мрачное лицо.

— Давай-ка поговорим, парень. Мне нужно, чтобы ты

рассказал мне все, что с этой минуты забудешь, ясно? Быстро в машину!

К невероятному удивлению Стивена, рыжий не стал спорить, а безоговорочно подчинился приказу. Кое-как справился с дверным замком и прямо как есть — мокрый и грязный, бухнулся на переднее пассажирское сиденье. Стив неторопливо обошел машину, не переставая удивляться собственным поступкам, и уселся на место водителя, плотно прикрыв дверцу.

— А теперь спокойно и не торопясь рассказывай, что ты видел вчера. — Стив положил открытый портфель на колени. Диджей же в отчаянии сцепил пальцы рук, вцепившись в бардачок. Искоса посмотрел на Стива, едва скользнув взглядом по загадочному портфелю, и не мигая уставился перед собой.

5:2 Потоки дождя рисовали причудливые узоры на водной глади Западной Шельды, а неон и прожектора добросовестно помогали водной стихии, вместе создавая подвижную завораживающую картину. К сожалению стихии, на набережной сейчас не было ни одного человека, способного или просто желающего оценить творение природы и техники.

Стив захлопнул дверь кэба, наблюдая, как Хэнк расплачивается с водителем. Откинув со лба мокрую соломенную прядь, он обошел такси и решительно зашагал к бьющейся у входа волне толпы. Хэнк, ловко перепрыгивая самые глубокие лужи, спешил следом, перед самым клубом все же успев обогнать друга.

— Не спеши ты так, старик, билеты все равно у меня. Хотя я тебя прекрасно понимаю. — Он заговорщицки подмигнул Стиву и принялся расталкивать шумящих людей. Стив остановился в кружении разноцветных дисков света и поднял к прожекторам лицо, вглядываясь в нависающие над головой мониторы. Плавающие по залу клуба камеры выхватывали из хаоса тел, рук и голов фрагменты, монтируя все в бесконечный нон-стоп коллаж. По лицу Стивена беспрепятственно хлестали струи дождя, забираясь под воротник плаща, но он упорно щурился и стойко смотрел на дисплеи до тех пор, пока в поле зрения камер наконец не попало то, что именно искал Стэнделл. До слуха долетел прорвавшийся через мощную акустику клуба крик Хэнка, уже достигшего входа, и теперь отчаянно махавшего рукой, чтобы привлечь внимание друга.

Стив кивнул и нырнул в толпу, короткими, но стремительными тычками отбрасывая особо рьяных ее представителей, пытающихся ухватить и задержать. Потоки самых интригующих предложений и просьб довольно быстро утихли, и

Стив достиг проходного пункта, присоединяясь к Дэйчу.

— Проходим? — Тот кивнул ему, что-то сказал охраннику и подтолкнул Стива к детекторам.

— Ну, дружище, приготовься к шоу! Хэнк и Стив в «Алькатрасе»!

Кабины контроля и сушилка, стальная решетка, имитирующая тюремную. Мордатые охранники и улыбчивые девочки на входе, и через два удара сердца вошедшие проваливаются в голосящую бездну.

Дэйч моментально подстроился под ритмику, начиная двигать плечами и улыбаться абсолютно всем представительницам женского пола. Он уверенно потянул Стива за рукав, увлекая его вперед и вперед.

Стив молча подчинился, оперативно подстраивая зрение и слух под обстановку. Музыка в его голове мгновенно притихла, а активированное черно-белое зрение избавило от мелькания разноцветных огней. Стараясь не толкаться, он змеей скользил среди танцующей толпы, не отставая от друга, на ходу осматриваясь и ориентируясь в огромном зале.

На одиннадцать часов — клан Донателло Канакъяльти, там шум и веселье. Сегодня здесь присутствует много родни, есть даже брат босса, похоже на некий семейный праздник. Стив отступил от наезжающего сверху луча яркого кислотного света, оставаясь в тени. Дальше.

Половина третьего — одно из братств Железной Воли. Панки, кажется Бриана Вульфа, Дети Анархии. Стив прищурился, поочередно вглядываясь в глаза размалеванных уродов. Как и предполагалось — почти все они уже не первый час висели под липорилом. Стив двинулся дальше, оставляя панков за спиной.

Десять метров впереди — алтарь Пристанища Истины. Вооруженные братья ревностно охраняют ограниченный блокираторами мирок, наполненный своей верой и законами. Следуя за Хэнком, Стив по широкой дуге обошел церковников.

— Дэйч? — Стэнделл ухватил друга за руку. — Пойдем в четвертый сектор, где рэйв-вечеринка, там спокойнее и поговорить можно.

— Да? — недоверчиво спросил Хэнк, останавливаясь и с удивлением разглядывая его. — А ты что, уже бывал в «Алькатрасе»? И молчал?

— Нет, не бывал. — Стив тепло улыбнулся и покачал головой. — Как ты вообще мог обо мне такое подумать? Просто много смотрю телик, кое-что слышал, вот и пошли проверим…

Хэнк пожал плечами, словно объяснение его устроило, и завертел головой, высматривая указатели под потолком. Стив из

вежливости выждал несколько секунд и тронул его за плечо, указывая налево. Хэнк кивнул, решительно пробираясь через толпу.

Четвертый сектор, как и ожидалось. Друзья прошли прямо под кабинкой микширующего старинный рэйв рыжего диджея и уселись на высокие стулья, кольцом оцепившие круглый бар. Музыка здесь была тише и приятнее, что позволило Стиву повысить уровень восприятия звуков. Хэнк уже заказывал выпивку.

— Ну что, дружище, — он достал пластинку наркотика и молча протянул ее Стиву, — веселимся? Ну, как хочешь, конечно, я тогда один глотну… Значит, план у меня такой — сейчас разбегаемся, ловим цыпочек, встречаемся тут ровно через час и зависаем вместе, после чего катим к тебе и продолжаем веселье! Круто?

Стив неохотно покивал головой, вслед за Дэйчем отдавая бармену свою верхнюю одежду.

— Да не куксись ты. — Дэйч закинул пластинку в рот и запил ее дымящимся коктейлем. Стив пригубил свой. — Сегодня выполняешь мои указания, друг! А они такие: ты не думаешь о жене, но думаешь о симпатичных девочках, которых здесь очень и очень много. — Хэнк расхохотался. — Ну а пока, адьес, амиго!

Он залпом опрокинул свой стакан, пристально наблюдая за Стивом. Подождал, пока тот не отопьет хотя бы половину, соскочил со стула и, махнув рукой, пулей вылетел в основной сектор «Алькатраса», уже на ходу прицеливаясь нырнуть в стайку полупьяных девчушек.

Стив выждал ровно десять секунд, подавил волну опьянения, забрал стакан и переместился на четыре стула вправо.

5:2:2 Все, как и предполагалось. Сразу за границей четвертого сектора располагался индивидуальный стол семьи Икехато. Стив согнулся над дымящимся коктейлем, поймав губами трубочку, и принялся наблюдать, стараясь не встречаться с охранниками взглядами.

За столом в одиночестве — молодой принц якудзы. Спокойный, немного пьяный, расслабленный и небрежный. Черный пиджак накинут прямо на голое тело, беспросветно покрытое старинной двухмерной татуировкой. Не ультрамодной, как у рядовых боевиков, окруживших стол, а традиционной, сделанной по всем правилам японского искусства. Длинные ногти украшены ритуальным узором, он лениво стучит ими по краю полупустого бокала и почесывает подбородок.

На столе девушка, к Стиву она спиной, но, судя по строению

тела, тоже азиатка, скорее всего японка. Стройна, красива, длинноволоса, грациозно танцует среди посуды, хоть и немного неловко. Принц Икехато, похоже, доволен.

Внизу, под возвышением, бдительные охранники, не скрывающие черных, армейского образца, винтовок «Г-2011», пришедших недавним экспортом из германских регионов. Руки бойцов якудзы покрыты голотатуировками, они демонстрируют это всему залу, хотя мало кто в «Алькатрасе» не слышал про семью Икехато и их Драконов. Охрана собранна, сосредоточенна и готова к действиям. Их восемь человек, четверо стоят за пределами блокиратора Икехато, четверо внутри. У всех за ушами датчики внутренней связи.

Девушка заканчивает танец, присаживаясь рядом с хозяином. Принц подзывает охранника, дает распоряжение, но какое именно, Стив не может разобрать — его чтение японского по губам еще далеко от совершенства, — и продолжает шептаться с девушкой. Через миг охранников уже семь, а один, неловко спрятав короткую винтовку под жилет, растворяется в толпе…

Стивен отставил почти пустой стакан в сторону и встал со стула. Прыщавый диджей над головой завел новую, не менее однообразную композицию, и дальше время двигалось для Стэнделла рывками.

Он медленно прошел к краю своего сектора, равнодушно скользнув глазами по внезапно появившемуся в толпе лицу Виржинии. Глаза ее распахнулись в ужасе, она начала что-то говорить, небрежно оттолкнув набриолиненного приятеля. В следующий миг двинулась в сторону Стива, но тот уже миновал звуковую границу и практически вплотную приблизился к одному из японцев — ближайшему к сектору рэйва, чья позиция находилась вне блокиратора Драконов.

Боевик демонстративно повел стволом винтовки, что-то сказав Стивену, и мотнул головой — прочь! — но Стэнделл уже выламывал его правую кисть, лишив голоса ударом чуть выше кадыка, и увлекал за собой в сторону только что покинутого бара. Джина остановилась как вкопаная, не обращая внимания на толчки танцующей толпы, удивленными глазами глядя на мужа. А тот вернулся в сектор рэйва, но уже не один, а с висящим на болевом заломе якудзой, глотающим прокуренный воздух открытым ртом. Те из окружающих, кто вовремя и быстро осознал, что начало происходить, торопливо рассыпались в стороны. Но успевших что-либо понять было еще очень мало.

Словно сидящий в засаде спрут, Стив заволок японца обратно в зону действия клубных блокираторов четвертого сектора и, все еще удерживая покрытый татуировками палец в опасной близости

от спускового крючка, одним четким движением сломал боевику гортань. Развернулся, на инерции движения увлекая полумертвое тело за изгиб стойки, прочь с глаз Виржинии. Резко сдернув с жертвы передатчик, Стив швырнул его в основной сектор под ноги толпы, пока внезапная перемена музыки не вызвала подозрений у остальных охранников.

И все-таки, когда Стив уже вынимал винтовку из ослабевших пальцев охранника, японцы заинтересовались пропажей одного из своих. В это время Стэнделл спокойно поднялся над барной стойкой, устанавливая оружие на искорябанный пластик, и через миг открыл огонь.

Бешено вертящие по сторонам головами, охранники не успели осознать, что произошло. Бесшумные благодаря звукоблокираторам пули, словно невидимое смертным волшебство, пересекали границы четвертого сектора, срезая японцев одного за одним. Не в состоянии определить источник огня, охранники пригибались, вертелись во все стороны и умирали.

А в четвертом секторе, наполненном грохотом пальбы, началась паника, мгновенно выбросившая нескольких его посетителей прочь. И лишь подвешенный в высокой кабине диджей да бармен в баре остались, плотно сжавшись в позах эмбрионов.

Когда охрана принца все-таки сообразила, откуда ведется огонь, на полу, среди разбегавшейся толпы, уже лежали четверо. Стив, не дожидаясь, пока остальные обогнут возвышение, перевел винтовку на автоматический огонь и прицелился в только сейчас оторвавшегося от обнаженной груди танцовщицы принца Икехато. Три короткие очереди крест-накрест перечеркнули сидящую на диване пару, навсегда оставив девушку в объятиях господина.

В следующий миг Стив схватил плащ, метнулся назад, с силой отбрасывая винтовку в толпу справа, и вновь (самым краем глаза) заметил все еще стоящую на опустевшем участке зала Виржинию, бледную и напуганную. Японцы выскочили из-за подиума, что-то крича и держа под прицелом всю огромную толпу, когда Стив уже выбегал из своего сектора и, юркий и незаметный в начинающейся панике и суматохе, направлялся к кухням и гаражам «Алькатраса».

На каждом из отрезанных блокираторами возвышений мгновенно воцарилось возбуждение, охранники ощетинились стволами и ножами. Кричали все, боссов и их родственников спешно эвакуировали. Единственные, пожалуй, кто остался спокоен в этом разверзшемся хаосе, были служители Пристанища

Истины, даже не изменившие поз и внимательно наблюдавшие за рождением массовой истерии.

Вливишись в один из людских потоков, несущийся к выходам, Стив старательно, как и большинство из присутствовавших, пригибался и прятал лицо. Охранники клуба и одетые в гражданское вооруженные люди сновали по клубу взад и вперед, музыка стихла. Над огромным залом клуба стали отчетливо слышны крики ужаса, споры и ругань. Резко запахло человеческим потом и страхом. Где-то сама собой завязалась драка.

Стив уже через минуту сквозь сорванные входные решетки был вынесен толпой наружу, под слегка ослабевший дождь. Как и окружающие, он метнулся в ночь, растворяясь в темноте.

ГЛАВА 6

…И большей катастрофы я, признаюсь честно, не видел никогда за всю свою военную жизнь. Резня прокатилась через эти земли, подобно урагану, это точно… Мы же ослепли, одуревшие от зноя, радиации и «Липокса», вот что я скажу. Такое было чувство, что мы не в военной операции участвуем, а скотобойню посетили. Там, знаете ли, гирлянды из отрезанных ушей уже не на грудь вешали, а танки украшали, вот как я скажу…

Жильбер Суши, лейтенант Второго ударного батальона «Скалистый пик», полномасштабная контртеррористическая операция «Реконкиста—2».

Испания, 2076 год

6:1 Стив медленно, словно пребывая в полудреме, застегнул портфель. Рыжий, прыщавый диджей наконец-то отпустил крышку бардачка, опасливо косясь на неподвижного Стэнделла. Тот шумно втянул воздух.

— Значит, ты считаешь, что так оно все и было? — Определенно, это новый наркотик, или у парня просто поехала крыша. Нужно будет поинтересоваться у Дэйча насчет препаратов. С другой стороны, чтобы работать в таком месте, как «Алькатрас», как раз нужно воспаленное сознание. Но парень неожиданно быстро замотал головой.

— Уже нет, мистер! Я ничего, совершенно ничего не помню. Ни вас, ни того, что было вчера! Знаете, а ведь я вообще не работал вчера!

— Ах да… — Стив понимающе покачал головой. Бравада и уверенность в собственных силах, позволившие ему затолкать прыщавого в машину, куда-то исчезли. — Ну, хорошо, полагаю, теперь мы можем мирно расстаться. — Он не менее осторожно взглянул на собеседника. — Уверен, что лучшим решением для

тебя будет… сегодня же продать машину, жилье и немедленно вылететь в… на Кубу, например.

Диджей быстро закивал, одними губами повторяя сказанное Стивом. Куба его устраивает, кажется. Стэнделл толкнул дверку, торопясь убраться от этого больного подальше. Еще не ровен час, заточку воткнет или бумажник потребует…

— Уверяю тебя, парень, что сегодня утром ты спал до полудня, а затем внезапно решил навестить свою кубинскую бабушку. — Диджей вновь послушно кивнул, упорно не глядя на собеседника. — Рад был повидаться.

Он вышел, угодив в лужу, и прикрыл дверь, медленно пятясь к людной улице. Мало ли как ведут себя психи, а ведь парень-то далеко не чахлый. Нужно будет рассказать доктору Алану, точно… Диджей все так же не шевелился, глядя перед собой. Стив покинул переулок, лишь напоследок обернувшись — длинный перебрался на место водителя и завел машину.

Невольно ускоряясь, Стив торопливо свернул в соседний квартал, быстрым шагом переходя на Бек-страт. Пусть до работы этим путем и дальше, зато безопаснее. А беспокойство не отпускало…

Тревожное, липкое беспокойство прочно закрепилось внутри, где-то чуть выше сердца, путая ноги при ходьбе, холодя спину и заставляя маленькие ледяные капельки одну за одной катиться по бокам. Стив ослабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Образ Джины в последний раз качнулся и растаял, размываемый силуэтами близившейся беды. Что, черт побери, происходит? Почему этот бредовый рассказ так подействовал на него, словно парень умудрился нажать на нужные кнопки? Стив снова чувствовал небывалое возбуждение, почти дрожь, а через минуту его на самом деле начало колотить.

Он вывалился из полутемной проходной улицы на широкий проспект и жадно задышал, прищурившись на тусклое солнце высоко в небесах. И ему вдруг показалось, что огромные черные крылья прикрыли желтый диск, а душа рванулась прочь, звеня цепями оков.

Стивен еще немного постоял, рассеянно взглянув на часы — немногим за полдень. И вдруг совершенно машинально направился к парикмахерской через дорогу, почти не обращая внимания на сигналившие ему со всех сторон гидромобили. Так вот людей и давят машинами…

Сквозь стекло пыльной витрины на Стива равнодушно смотрели первые полосы утренних газет, от известных и уважаемых изданий, до совершенно бульварного чтива. И практически все они, цветные и черно-белые, толстые и тонкие —

все они пестрели фотографиями схожего содержания.

Трупы, трупы и еще раз трупы. Прикрытые белыми простынями и снятые с разных ракурсов, лужи крови на полу, пробитая пулями спинка дивана, испуганные люди — практически на каждой из них без труда узнавалось внутреннее убранство «Алькатраса»… Мир померк, и в глазах внезапно помутнело. Не помня себя и задыхаясь от жажды, Стив ввалился в парикмахерскую. Звякнул колокольчик, и невысокий лысый мужчина за прилавком оторвался от чтения своей газеты, вопросительно взглянув на посетителя.

— Газету, — пересохшими губами выдавил тот, высыпая на кассу горсть мелочи. Не задавая вопросов, лысый собрал мелочь, ловко пересчитал и выдернул из пачки свежий номер «Новоевропейской трибуны». Стив потяжелевшей рукой взял газету, вглядываясь в фотографии на первой полосе.

— Да, громкое дельце! — неожиданно прогнусавил продавец, словно продолжая неоконченный разговор. — И, что удивительно, крайне дерзкое, я бы сказал. Неожиданно дерзкое, да.

По всему было видно, что хозяин парикмахерской заядлый любитель поболтать, особенно если речь заходит о таких жареных темах, как чье-то убийство. Наверняка зачитывается детективами…

— Говорят, Старый Дракон уже назначил награду за голову убийцы его сына — три миллиона евро. Представляете? Это будет интересно, уверен. Говорят, стрелка многие видели, а он толком и не скрывался, в самых лучших ракурсах попал в десяток клубных камер наблюдения. Правда, пока копы не торопятся публиковать его рожу, но дело, считай, решенное…

Стэнделл почувствовал, как у него подкашиваются ноги. Осталось только рухнуть на этот гладкий клетчатый пол…

— Вам что, плохо, мистер?

Стив неловко мотнул головой и поспешил наружу. День моментально стал серым, а постовой в будке на углу неожиданно враждебным. Он развернул «Трибуну».

В большой статье, занимавшей первую полосу и оканчивающейся внутри, сообщалось о громком и дерзком убийстве одного из представителей уважаемой и знаменитой японской семьи Икехато. Ответственности за совершенное преступление пока не взял на себя ни один из синдикатов или кланов, но свидетели уже были опрошены, убийцу ищут, полицейскими обрабатываются различные версии. Журналист высказывал предположение, что японцы начали собственное независимое расследование. Клуб «Алькатрас» прикрыли на сутки.

Стивен, которого друзья и коллеги за глаза называли Неужели-снова-вторник, не глядя сунул газету в портфель… он понял, что ему необходимо срочно увидеть Дэйча. Срочно, пока он окончательно не сошел с ума. Двинулся налево, уже не в первый раз за сегодняшний день налетая на случайного прохожего. И (о, этому он был очень рад, да) во второй раз это столкновение преподнесло ему сюрприз. На этот раз еще более неприятный.

6:1:2 Широкоплечий высокий мужчина средних лет, одетый в длинный серый плащ и узкополую шляпу, что выглядело весьма и весьма старомодно, всем своим весом налетел на Стива, едва не сбивая его с ног. Тот зашатался, открывая было рот для очередного извинения, но тут огромная сила подхватила его под руку, отшвыривая в узкий тупиковый переулок сбоку от парикмахерской. Как Стив не упал, не впечатался в мусорные контейнеры и не был оглушен при столкновении с кирпичной стеной, не понял и сам. Но все же удар забросил его довольно глубоко в подворотню, а любимый кожаный портфель, описав красивую дугу, с глухим шлепком рухнул в лужу в глубине тупика.

Стив испуганно обернулся (на этот раз испугавшись по-настоящему), твердо намереваясь немедленно позвать на помощь, когда вслед за ним в переулок зашел мужчина в старомодном плаще. На покрытом короткой бородой лице не отражалось ни единой эмоции, а глаза были прищурены, словно на дворе стоял солнечный летний день. Мужчина ловким движением вынул из-под плаща короткий пистолет, другую руку опуская в просторный карман.

— Что вы хотите? — Голос ломался, как у студента. Казалось, еще чуть-чуть, и Стивен действительно хлопнется в обморок или, что еще хуже, обмочит штаны. Он уже не знал, что и думать, ибо в свете последних событий банальное ограбление в самом центре города уже не казалось столь абсурдным. — Забирайте все, я все отдам, клянусь… Вот бумажник, заберите и портфель…

Мужчина решительно покачал головой, словно советовал не тратить слова попусту, извлекая из кармана глушитель. Звук накручиваемой на ствол насадки чудовищным скрежетом резанул по ушам. Внезапно человек в плаще… перекрестился и что-то забормотал. От неожиданности Стив подался вперед, невольно прислушиваясь. Латынь?

Бородатый мужчина с пистолетом в правой руке замолчал, еще раз перекрестившись.

— …Амен. А теперь, сын Дьявола, ты наконец-то умрешь, и

да станет Зло наказанным во славу Божью, и ради спасения всего рода человеческого! Твое место в аду, так отправляйся же домой.

Ствол пистолета посмотрел Стиву в глаза. Стэнделл взглянул в девятимиллиметровое жерло собственной смерти и понял, что разговоры про летящую перед глазами жизнь — полная брехня. Перед его внутренним взором сейчас не проносилось ровным счетом ничего. Только вороненый ствол, отягощенный глушителем, направленный ровно между глаз.

Вдруг рука бородатого дрогнула, и Стив осознал, что уже не в состоянии справиться со своим лицом, по которому текли слезы.

— Но я действительно ничего не понимаю, мистер, я…

Человек в шляпе чуть закусил губу, собираясь с силами. Но уже через вздох, словно сбрасывая наваждение, вновь решительно замотал головой. Тогда Стив глубоко вздохнул и двинулся вперед, совершенно не отдавая себе отчета, что это такое делает его тело.

Стэнделл вдруг, буквально за один взмах ресниц, оказался очень близко к странному мужчине. Быстро, бесшумно, неотвратимо. Осторожно (словно хрустальную), но в то же время молниеносно приподнял руку бородатого с зажатым в ней оружием. Почти вплотную навалился, свободными пальцами сжимая ему горло и нанося головой удар в лицо. Быстрее, чем за удар сердца. Раздался щелчок, словно сломали карандаш.

Мужчина в плаще и шляпе не издал ни звука, но его голова дернулась, словно у неисправной куклы, а глаза начали закатываться. Из носа ударили ярко-красные струйки, едва не забрызгав белоснежную рубашку Стэнделла. Стив тем временем все столь же аккуратно вывернул его правую кисть и, нажимая на запястье, завладел пистолетом. Сделал два быстрых шага назад, с легким недоумением разглядывая тяжелый металл оружия в своей руке.

Все-таки сумев прийти в себя, бородатый пригнулся. Глаза его вновь наполнились смыслом, мгновенно превратившимся в ненависть. Будто пьяный, покачиваясь на месте и не решаясь сделать шаг, он с трудом вынул из-за пазухи прямой охотничий нож. С разбитых губ и носа капала кровь, алыми потоками падая в грязные лужи и марая старомодный плащ. По переулку пронесся порыв ветра, подхватив стопку старых газет, запахло гниющими овощами.

— Значит, я не ошибся… — В голосе бородатого больше не было слышно той бравады и пафоса, с которыми он шептал латынь. Теперь голос его подрагивал, как первый лед под тяжестью человека, готовый вот-вот треснуть. — О, мой бог, отдаю себя в благословенные руки твои, если не достанет сил мне

совладать с силами Зла… — Все еще не испытывая ничего, кроме неподдельного удивления, Стив машинально отшатнулся, выставляя вперед пистолет.

— Не заставляйте меня этого делать, мистер. — Голос Стэнделла был на удивление спокоен, хотя в нем до сих пор слышались предательские нотки дрожи. — Оставайтесь на месте, прошу вас. Вероятно, произошло недоразумение, согласны? Думаю, мы сможем в нем разобраться, я уверен…

— Тебе не сбить меня с истинного пути, слуга искушения. — Бородатый посмотрел Стивену в глаза, и тот замер с открытым ртом, разглядев, какой яростный огонь фанатизма сейчас пылает в них. Теперь мужчина с ножом говорил негромко и обреченно, словно читал собственную отходную. — Твои речи минуют меня, нечистый… Во имя Господа и именем Его! — Едва повысив голос, он ринулся вперед, замахиваясь…

Указательный палец Стива уверенно нажал на курок.

Это даже на выстрел похоже не было. Сухой щелчок среди шума огромной улицы огромного города. С неприятным шипением в одной из луж утонула гильза. Стэнделл смотрел на противника, невольно подумав, что пожелай бородатый убить его проще (без всякой бредятины на забытых языках), Стив бы и не узнал, от чего умер.

Мужчина в старинной шляпе замер, приоткрыв окровавленный рот, бессильно отшатнулся к стене, опираясь о мокрые кирпичи. Нож выпал из его руки. Стивен опустил едва дымящийся ствол, с ужасающим равнодушием наблюдая, как тело сползает в лужу. Пуля попала в сердце — Стив почему-то был в этом уверен. Бородатый окончательно осел у стены, словно собирался какое-то время просто отдохнуть, и умер.

Прошла, наверное, половина вечности, прежде чем Стэнделл очнулся от оцепенения и испуганно огляделся, машинально размазывая по лицу слезы. Шумный мир Антверпена безразлично тек мимо, не обращая внимания на потерю очередного человечка. Полицейские зонды проплывали над улицей, не поворачивая объективов в переулки, прохожие все так же торопились по своим делам, гудели машины. Стивен подошел к убитому, сосредоточенно перешагивая через лужи. Свободной рукой расстегнул верх старомодного плаща. Идея вызвать полицию или бригаду «неотложки» даже не рассматривалась.

К удивлению Стэнделла, у нападавшего не оказалось ни документов, ни денег — ничего, что могло бы хоть что-то рассказать об убитом или его мотивах. Только нагрудная кожаная перевязь под пистолет, пара запасных обойм и нож. Стив, вспоминая, как это делается в кино, еще раз (по возможности

внимательно) осмотрел тело, неожиданно заметив на левой руке бородатого массивный темный перстень. Потянулся за кольцом, и украшение без труда снялось, буквально само перепрыгнув в руку. Он вздрогнул, чувствуя, как пропиталась потом рубашка. Поднял перстень к свету, прищурился. Это оказалась печать. Старинная вещь, если не сказать древняя — печать-перстень, изображавшая двух всадников. Ни на секунду не задумываясь о безнравственности своего поступка, Стив опустил перстень в карман и поднялся с корточек.

Поднял из лужи портфель, постаравшись не испачкаться. Покусал губу и спрятал в него отобранный пистолет. Пригладил рукой соломенные волосы, стараясь выглядеть как можно спокойнее, и неторопливо вышел из переулка.

6:1:3 Безусловно, он испытывал шок. Иного объяснения тому, что мысли и чувства его сейчас абсолютно неадекватно реагируют на совершенное убийство, не было. Ровным, чистым взглядом он осмотрел проспект. Необходимо как можно скорее и незаметнее добраться на работу. Ему нужен Дэйч. Старый друг всегда помогал в кризисных ситуациях, поможет и сейчас, да. Или… или Стив вправду сойдет с ума. Съедет с катушек. Повредится головой. Свихнется, точно.

У ближайшей телефонной кабины Стивен остановился. Вошел. Неловко намотал на руку носовой платок. Не включая видеорежим, вызвал службу спасения. На тонкой грани безумия, по которой сейчас ловко балансировал Стивен Стэнделл, это было большее, что он мог сделать для человека, которого только что убил.

Пешая прогулка была окончена — почти через пять минут ярко-желтый кэб уже подвозил Стива к небоскребу «Пасифик Технолоджиз», одной из крупнейших в Европе компаний по производству программного обеспечения для контроля за экономикой промышленных предприятий и логистических центров. Пропускной пункт бизнес-центра, лифты и коридоры промелькнули, словно на ускоренной перемотке.

Вновь осознать себя Стив сумел лишь на рабочем месте, сидя в персональном кабинете перед экраном компьютера. В голове до сих пор стоял звон, пришедший на смену любым проявлениям чувств. Небрежно, скорее машинально, он перебрал корреспонденцию, просмотрел электронную почту, сбросил несколько готовых к отправке отчетов в соседние отделы и начальству. Продолжая двигаться, как заедающий механизм, воспользовался персональной камерой хранения, имеющейся в каждом кабинете топ-менеджеров компании. Все так же не до

конца воспринимая действительность, практически опустошил рабочую аптечку, заглотив весь обнаруженный набор успокоительных. Гул в голове стих, а редкие мысли потекли вяло и неинтересно.

У Дэйча работал видеоавтоответчик. Он сообщал, что программное обеспечение, необходимое для завершения текущего проекта Стэнделла, уже залито на его машину, а сам Хэнк сможет появиться в офисе только к вечеру.

Коллеги переговаривались за спиной Стивена, сочувственно качая головами и обсуждая его болезненный вид. Управляющий проектом лично зашел на чашку кофе, посоветовав поскорее закончить дела, поехать домой и отдохнуть, накачавшись лекарствами. Кофе был растворимый и поганый, начальник неискренний и выискивающий подвох. Стэнделл качал головой, виновато улыбался и потирал красные глаза. После того как шеф ушел, Стив небрежно подписал несколько бумаг, установил на компьютере присланные Хэнком программы, сбросил пластиковые папки открытых дел в ящик стола. Оставив подчиненным ряд распоряжений, что-то бессвязно наговорил на автоответчик и, отметив в схеме регистрации отгул на половину дня, вызвал такси.

ГЛАВА 7

…И потому совершенно не имеет значения, чем ты занимался раньше. Ведь сейчас у нас новый мир, наступила новая эра. Уверяю вас, что мой товар пользуется куда большим спросом, чем все эти машины, компьютеры, микроволновки и холодильники, вместе взятые, ведь люди хотят жить столь приятно, как только могут. На полную катушку, так сказать. А что касается морали… да мне вообще кажется, что это понятие устарело. Исчезло как-то. Отмерло, я бы так сказал. Ну, о какой морали можно говорить, когда на дворе середина двадцать первого? С другой стороны, лично я в грехе не погряз, нет — у меня ведь не дети закупаются! А вот военных, я вам честно скажу, вижу чаще, чем свою маму…

Френсис Серпантин Бейлам,
торговец наркотиками.

Марсель, 2049 год

7:1 — Итак, мой друг, я тебя очень внимательно слушаю. — Хэнк по очереди размешал сахарин в двух чашках, зажатых в руке, и вышел из его уютной кухни, по-хозяйски усаживаясь на диван. Поставил кофе на столик в форме черепахи. — Теперь можешь начинать. Знаешь, я просто теряюсь в догадках, чего это такого нового и важного ты мне сообщишь, чего утром сказать не успел. Но одно сразу отмечу, старина, — выглядишь ты погано…

Дэйч приехал четверть часа назад, сразу после окончания рабочего дня, запоздало ответив на тревожный звонок Стива, но в голосе его, как обычно, все так же сквозила плохо скрываемая ирония. Стивен прикрыл глаза, старательно собираясь с мыслями — тяжелый дневной сон явно не пошел на пользу… Наконец он вздохнул, осторожно начав и не глядя принимая из рук друга

горячую чашку.

— Ты слышал, что произошло вчера в «Алькатрасе»? — Лицо Дэйча в удивлении вытянулось, и Стив невольно приготовился к худшему.

— В каком смысле слышал? Ты узнал что-то новое?

— Э… Новое относительно чего?

— Как чего? Относительно нашего утреннего разговора, конечно. Ты что, еще не проснулся? Мало того, что об этом трубят газеты и телевиденье, так и на работе все разговоры только о случившемся. Но… почему ты спрашиваешь, Стив? Мы с тобой на эту тему сегодня уже разговаривали… — Стив открыл красные глаза, стараясь проморгаться. Что, черт возьми, только что сказал Хэнк? — Ты что-то узнал? Что-то вспомнил про вчерашний вечер?

— Погоди, погоди, не так быстро… — Стив замотал головой, едва не расплескав кофе, наполнивший комнату запахом растворимого заменителя. — Я сейчас говорю не о том, что произошло со мной. Ну, то есть не о моей отключке или поведении, ладно? Я говорю про те… убийства. Про людей, которых постреляли, понимаешь?

Его собеседник понимающе кивнул, прихлебывая из высокой кремовой кружки, и у Стивена похолодело в животе. Хэнк, казалось, действительно понимал, о чем идет речь…

— Но мы не могли говорить об убийствах сегодня, разве нет? Я только в полдень узнал об этом из газет… Я ни с кем, кроме незнакомого парикмахера, не обсуждал этого… Я вообще тебя сегодня не видел… Я же прекрасно это помню…

Стив потер свободной рукой и без того воспаленные глаза. Теперь настала очередь Дэйча выглядеть крайне, ну просто невероятно удивленным. Он побарабанил пальцами по гладко выбритому широкому подбородку, провел рукой по ежику коротко, по-спортивному, стриженных волос.

— Хм… дружище, а ты ничего не путаешь? — осторожно, словно общался с умственно отсталым (ну вот, началось), спросил Хэнк. — Вообще-то тему пальбы в «Алькатрасе» мы с тобой сегодня обсуждали после обеда. Припоминаешь? Незадолго до того, как ты отправился домой отдыхать, а? Или я чего-то не понимаю? — Стив откинул голову на спинку дивана, оторопело уставившись в голубой потолок собственной квартиры. — Вспоминай, старик, давай, соберись… Я еще не один раз повторил, что тебе повезло так вовремя напиться, помнишь? Это произошло в обеденной зоне, ровно после того, как мы шутили, что мисс Пирсон вновь берет себе тройную порцию бекона, припоминаешь?

В ответ Стивен лишь покачал потяжелевшей головой. Что-то

снова пошло наискось, но Хэнк никогда не претендовал на звание чемпиона среди лжецов, это точно… Как-то все снова не так. Стив поднял чашку, делая большой глоток обжигающего и безвкусного напитка. В комнате было весьма прохладно, но ему внезапно показалось, что стоит ужасная духота, мешающая дышать. Почему-то подумалось, что нужно немедленно побриться.

— Эй, старик, с тобой все в порядке? — Дэйч был определенно озадачен, и не меньше самого Стэнделла. — Я не хочу тебя обижать, поверь мне, но привык говорить всю правду… Э… Может быть, тебе сейчас нужно чуть больше, чем простой домашний отдых? Знаешь, у меня есть знакомые специалисты…

— Я убил человека, Хэнк.

— О, поздравляю тебя! Далеко не каждый на это способен, да. Куда девал тело?

— Я не шучу, Хэнк. — Что-то в голосе Стэнделла заставило собеседника стереть улыбку.

Тишина. Оглушительная тишина, в которой едва слышен работающий на кухне кондиционер. Стив со стеклянным стуком поставил чашку на стол в форме черепахи.

— Что ты сказал? — Голос Дэйча вкрадчивый, как будто он надеется (как будто он боится обидеть тебя, гребаный псих) не расслышать, о чем говорит друг.

— Я убил человека, Хэнк. Сегодня утром это произошло. Буквально в двух кварталах от Национального банка. А еще, кажется, я убил пятерых-шестерых вчера, пока мы были в «Алькатрасе»…

— Тсс… дружище, придержи вожжи, да? — Теперь в голосе Дэйча слышалось открытое волнение. Он поднялся, без разрешения открывая расположенный над телепанелью бар. Вынул бутылку коньяка, большим пальцем сбил пробку, от души наливая себе. Подошел, наклоняя бутылку над чашкой друга. — А теперь медленно и по порядку расскажи-ка мне, о чем это ты таком говоришь? В убийстве президента Кеннеди ты, случаем, себя не обвиняешь?

— Ты не закончил предпоследнюю фразу, Дэйч. Тебе стоило бы сказать — расскажи-ка мне, о чем это ты таком говоришь, больной придурок Стивен Стэнделл. — На Стива вновь навалилось уже знакомое оцепенение. Он поднял кружку, не чувствуя коньячного аромата. Буквально по слогам выговаривая слова, повторил: — Сегодня, незадолго до того, как я приехал в офис, на меня напали, и мне пришлось убить человека. Пришлось, потому что тот пытался не просто ограбить, но убить меня. И еще он назвал меня кем-то вроде сатаниста, что ли…

Хэнк буквально рухнул в кресло напротив друга, хлопнув

себя по коленке. Казалось, он начинает терять терпение.

— Господи, Стивен, о чем ты говоришь?! Ты меня разыгрываешь, да? Дурная шутка, Стив, честное слово. Старина, скажу тебе все так же откровенно, мне не нравится ни твой тон, ни твой вид. Поэтому я прошу тебя перестать нести всякую ерунду, ладно? Не то чтобы я был суеверным человеком, но подобные разговоры мне настроения не улучшают. Поэтому не болтай о том, чего не было… Ты просто устал, друг, это же и слепому видно…

Дэйч замолк, не в силах справиться со своим голосом. На лице его читалось сомнение, словно какая-то часть была готова поверить словам Стэнделла (теперь он точно знает, что друг съехал с катушек, ну точно). Наконец он сдался.

— Утром что-то произошло, да? Но почему ты не сказал мне раньше? Почему не сказал днем, пока еще не было потеряно время? — Дэйч с трудом сдерживал не свойственную ему дрожь в голосе. — Ты должен был мне рассказать! Обязан, черт тебя дери! Сразу же! Я ведь твой друг!

— Мы так и не виделись с тобой сегодня, Хэнк, — ощущая себя воспроизводящим аудиозаписи устройством, произнес Стив. — Но теперь ты знаешь. Я убил его сегодня в первой половине дня, где-то в районе часа, в паре кварталов от Национального банка, практически на углу Лим-страт и Бек-страт… Я сегодня после визита к доктору решил пройтись до работы пешком… помнишь ведь, какое красивое было утро? Вот я и отпустил кэб уже возле Штадс-парка…

— А ну завали-ка свою пещеру, дружище! — вдруг зашипел, едва не вскакивая, Дэйч, и Стив вздрогнул, словно опасался, что друг сейчас ударит его. — Завали свою болтливую пещеру, честно расскажи, чем наширялся, и объясни, чего это ты уже четверть часа мелешь? А может, ты совсем рехнулся вместе со своим доктором Аланом и его сеансами, а?!

7:1:2 Стивен равнодушно смотрел на Хэнка. О, в комнате действительно пахнет кофе и коньяком. Кстати, нужно будет прибраться, да, а то на полках уже скопился изрядный слой пыли, а Джину это раздражает…

— Ты, твою мать, — шипя сквозь зубы и сдерживая злость, продолжал Хэнк, бесполезно пытаясь завладеть взглядом друга, — в час дня уже полчаса как вместе со мной на работе распаковывал и устанавливал новое программное обеспечение! Тяжело, конечно, потому что с похмелья, но тем не менее. Я уже сказал тебе, Стэнделл, что если это розыгрыш, то его пора заканчивать. Мне не смешно, слышишь? И в следующий раз

рекомендую найти тему получше, кретин! Ты вообще чем думаешь? Жопой? Мы вчера с ним буквально чудом не попадаем в бандитскую перестрелку, а уже сегодня он начинает меня пугать…

Дэйч тяжело осел в кресле на другой стороне журнальной черепахи, залпом допив свой остывший кофе, переполненный коньяком. Казалось, гневная речь вымотала его не на шутку. Стив потрясенно молчал, внимательно разглядывая собственные пальцы. Интересно, на них еще остался запах пороха? Или Хэнк все-таки прав и ему пора собирать вещи в больницу?

— Мне кажется, — осторожно начал он, стараясь не разозлить Хэнка снова, — что мы говорим о разных вещах, Дэйч, честное слово. Клянусь тебе, что мы не виделись сегодня с раннего утра и ни о каком розыгрыше речи не идет. — Голос Стива постепенно креп. В голове окончательно созрело решение. Если уж лучший друг не поможет ему справиться с ситуацией, тогда вообще все бессмысленно, и ему остается сдаться властям. — Хэнк, чтобы ты все понял и наконец признал, что путаешься, я покажу тебе доказательства.

В глазах друга что-то промелькнуло. Страх? Надежда? Злость?

— Дэйч, у меня остался пистолет, из которого я пробил человеку сердце. Ты знаешь, каково это, стрелять в сердце? Да еще после того, как какой-то наширявшийся мудолом обвиняет тебя в групповом убийстве?

Он покажет Дэйчу пистолет, и это сразу развеет все его сомнения. Пора трезветь, Хэнк, шутки и веселье окончились вчера ночью… Стив неловко поднялся на ноги, стремительно выходя в прихожую. Дэйч терпеливо ждал, сквозь прищур рассматривая покрытый синтетическим ковром пол. Через минуту Стив вернулся, рассеянно теребя растрепанную желтую шевелюру.

— Доказательства? — спросил Хэнк, и Стивен мог бы поклясться, что услышал в голосе друга сострадание. Так люди разговаривают со своими неполноценными родственниками…

— Кажется, я оставил портфель на работе. — Он прислонился к коридорному косяку и потер ладонями лицо. — Черт, Дэйч, мы должны срочно его забрать. Поверь мне, там хранится действительно важная улика. Возможно, даже способная засадить меня…

Но Хэнк вдруг примирительно поднял руку. Стив не без облегчения увидел, что тот смотрит в его глаза по-прежнему открыто и честно.

— Ну вот что я тебе скажу, старик. Сейчас метать икру смысла нет, это точно. Как сам понимаешь, войти в офис в

нерабочее время без специального допуска будет стоить нам большой кучи хлопот. Напоминаю, мистер Стэнделл, что вы имеете собственный кабинет, а шарить по чужим вещам у нас в конторе как-то не принято, так? Поэтому я предлагаю следующее. Учитывая, что сейчас все равно ничего сделать не можем, мы спокойно ждем завтрашнего утра. Едем на работу, проверяем твой портфель. Если нужно, подключаем парней из службы безопасности, так?

Ага, и выписываем тебе больничный лист, Стивен Стэнделл. Ну давай, Дэйч, скажи это вслух!

— А сейчас, дружище, давай-ка присядем и выпьем коньяку. Что-то мы с тобой излишне разнервничались. — Дэйч встал, вынимая из бара пару пузатых бокалов. Дождался, пока Стив займет свое место на диване напротив, уверенно разлил ароматный напиток. — Сейчас мы с тобой спокойно разложим все по полочкам. Я повторяю — спокойно.

Стив поднял на треть наполненный коньяком бокал и покачал благородный нектар на просвет. Пожалуй, им действительно стоит начать разговор заново. Расставить все по своим местам, да. Спокойно.

— Сейчас ты послушаешь меня, ладно? Причем, если это возможно, молча. Стивен, — Хэнк покачал головой, — я не слепой и вижу, чувствую и понимаю — с тобой что-то произошло. Обещаю тебе, что попытаюсь помочь. Помочь как друг. — Он протянул свой бокал навстречу бокалу Стива, и по комнате разнесся легкий мелодичный перезвон. — Я не знаю, что именно и когда ты успел себе придумать… Тсс… я же просил дослушать меня молча, так? Так вот, я постараюсь объяснить тебе, как на самом деле обстоят дела. Сейчас я медленно, но решительно вырву тебя из бредовых иллюзий. И если к концу монолога ты все еще будешь считать меня здравомыслящим человеком, то наконец воспримешь происшедшее за минувший день так, каким оно было на самом деле…

7:2 Колокольчик над входом мелодично звякнул, и приоткрывшаяся стеклянная дверь вежливо пропустила Стива в парикмахерскую. Невысокий тучный хозяин, то и дело отирая обильно выступающую на лысой голове испарину, поспешил навстречу редкому посетителю, семеня короткими ножками и тиская в руках газету и очки. Стэнделл смерил хозяина парикмахерской невольно оценивающим взглядом. Наверняка честный семьянин, патриот, любитель поболеть за старый добрый английский футбол и на досуге почитать детективы. Его белый, в широкую красную полоску, фартук почему-то совершенно не

ассоциировался у Стэнделла с парикмахерской. Широкие красные полосы на измятом белом фартуке. Стив поймал себя на мысли, что ничуть бы не удивился, разглядев за спиной лысого парикмахера дверь в морозильную камеру, полную освежеванных туш.

Оглянувшись по сторонам, Стив натолкнулся взглядом на едва ощутимо, словно перед скорой кончиной, работающий кондиционер. И вдруг понял, что есть в обстановке заведения нечто уютное и домашнее. Вдоль стен стояли стойки с лекарствами и газетами, возле кассового компьютера высилась прозрачная витрина со сладостями, чипсами и орешками. В углу ютился холодильник с газировкой. Как в старину, сразу за кассой всю стену занимали вывешенные на продажу многочисленные сувениры с символикой Объединенной Европы, спортивные майки и бейсбольные кепки. Вдоль дальней стены, сплошь покрытой зеркалами, стояли удобные глубокие парикмахерские кресла. Должно быть, именно так выглядели убогие цирюльни начала двадцать первого (а то и вовсе прошлого) века. Кроме лысеющего мужчины в полосатом фартуке, в помещении больше никого не было. Интересно, и за счет чего выживают такие вот лавочки, расположенные на центральных улицах?

Хозяин заведения, одновременно вызывавшего и умиление, и тоску, наблюдая за меняющимся выражением лица посетителя, словно бы виновато потупился, продолжая с противным шелестом насиловать газету.

— Утреннюю «Трибуну», пожалуйста. — Стив продолжал скользить взглядом по рядам парикмахерских компьютеров, запыленных и выключенных. Таким, пожалуй, он представлял себе заведения по удалению волос как минимум в Мексике или России, но совершенно не рассчитывал наткнуться на подобный музей в двух шагах от Штадс-парка и офисной зоны города.

Едва не покачав головой и удержавшись от улыбки, Стивен ссыпал мелочь в протянутую руку цирюльника (иначе называть лысеющего брадобрея он уже и не мог), другой рукой, стараясь не выронить портфель, забрал газету. Свежую, еще пахнувшую типографской краской. Конечно, кто-то предпочитает электронные источники информации, но Стэнделл в этом вопросе (как и в закрывании дверей на защелки) с гордостью считал себя старомодным. Тучный собиратель скальпов в полосатом фартуке по-своему воспринял выражение лица покупателя, вдруг оживленно закивав в ответ и приподнимая свой замученный экземпляр газеты.

— И не говорите! — с капризными нотками в тонком голосе неожиданно возмутился он, как будто продолжая прерванный

ранее разговор. — Этот беспредел должен когда-нибудь кончиться или нет? Сейчас они спокойно взрывают наши поезда, вокзалы и дома, палят на дискотеках из автоматического оружия, а завтра войдут в наши спальни! — закончил цирюльник так, словно последние пару лет только и делал, что каждое утро за ланчем обсуждал со Стивеном криминальную хронику.

Стив, попросивший себя более ничему не удивляться, согласно кивнул в ответ, встряхивая и разворачивая «Трибуну». Первая полоса была усеяна псевдообъемными фотографиями завернутых в полицейские саваны трупов. Стив невольно кивнул еще раз, будто бы соглашаясь с цирюльником. Подробности вчерашней истории он уже слышал утром в новостях. Да и Дэйч, имевший привычку после шумных вечеринок все утро подбадривать окружающих бесконечным трепом, сразу после пробуждения принялся комментировать происходящее. Все восторгался, как ловко Стэнделл нажрался так вовремя, что им удалось покинуть клуб ровно перед началом перестрелки. Все причитал, что задержись они в «Алькатрасе» еще на полчаса, и вполне могли бы оказаться в числе подстреленных или затоптанных. Стив вполуха слушал про стрельбу, про трупы и смерть кого-то из боссов японской мафии, из последних сил стараясь не заснуть с зубной щеткой во рту.

Заметив, что покрытый испариной брадобрей желает продолжить дискуссию, он вежливо, но холодно улыбнулся, сунул газету под мышку и двинулся к двери.

Уже на улице, стараясь не стоять на пути потока прохожих, он более внимательно пробежался по статье, одновременно краем глаза выискивая в лавине машин желтые крыши кэбов. Девять трупов, мгновенно начавшаяся перестрелка. Пострадали посетители, в том числе и женщины, убит важный отпрыск японской семьи, отдыхающий в тот вечер в клубе. Свидетелей как таковых мало, никто толком ничего не понял, но системы наблюдения «Алькатраса» довольно подробно зафиксировали бойню. Когда начали ловить, ловить уже было поздно. Поиски стрелка начались, заведение прикрыли на сутки. Далее шли пространные рассуждения на тему мотивов, версии и комментарии как журналистов, так и экспертных сторон.

Попадись фотография убитого японца ему в другой день, Стив бы впечатлился сильнее. Сегодня же, еще не окончательно придя в себя после выпитого и шокирующей встречи с Джиной, у него на это просто не было сил. А утренний сеанс у Алана и наркотическая исповедь полоумного прыщавого диджея буквально выпили последние. Подумать только, этот долговязый рыжий кретин старался убедить его в том, что трупы на

фотографиях — его, Стэнделла, рук дело… Стивен задумчиво разглядывал укрытые простынями тела. Неисповедимы пути твои, Господи, и Хэнк, конечно, был по-своему прав — останься они в клубе еще хотя бы на полчаса, и шальной пули могли бы не избежать… Стив невольно вспомнил обнаженную танцовщицу на столе, длинные ногти самурая, голографические татуировки охраны, их зловещие винтовки и, не сдержавшись, покачал головой.

Что удивительно (он вдруг подумал, что это еще и забавно) — если Стив и испытывал какие-либо чувства по поводу бойни в «Алькатрасе», то только относительно себя, Дэйча или Джины. Мертвый принц якудзы, как и раненые посетители, в это тяжелое, но красивое утро ровным счетом ничего не значили для Стивена Стэнделла. А вот внезапно возникшая тревога наконец-то обрела очертания мысли, и Стив вдруг почувствовал непреодолимое желание прямо сейчас позвонить Виржинии. Просто чтобы узнать, все ли у нее в порядке. Он даже потянулся в портфель за телефоном, когда у обочины притормозило такси. Звонок, если задуматься, можно сделать и из офиса…

7:2:2 Через десять минут Стив уже поднимался на ставший родным девятнадцатый этаж корпоративного небоскреба. А через двадцать поступившая за ночь почта и известие о запуске сразу трех новых проектов настолько поглотили его внимание, что события ближайшего прошлого ненавязчиво растворились в тумане. Как и всегда, на работе Стив преображался, становясь совсем другим человеком — не мнительным и нерешительным, но всемогущим, быстрым, цепким и способным просчитать ситуацию на десяток шагов вперед. Он был асом своего дела, не скупясь отдавая компании «Пасифик Текнолоджиз» время и силы, регулярно заслуживая премии, повышения и поощрения от управляющих партнеров корпорации.

В половине первого в его кабинет заскочил Хэнк, и следующий час они посвятили изучению и установке нового программного обеспечения. Пили кофе, обсуждали вчерашний поход и без устали ковырялись с компьютерами. Затем Дэйч (как обычно) все-таки смог убедить друга, что если ланч они сегодня по объективным причинам и пропустили, то не отобедать будет просто греховно. Пешком спустились на четыре этажа, где разместилась обеденная зона, состоящая из множества уютных, но чертовски дорогих кафетериев, существовавших исключительно за счет сотрудников бизнес-центра «Пасифик Текнолоджиз». Рассматривая свежее меню, вполголоса обсудили дородную мисс Пирсон, заказавшую себе сразу тройную порцию

бекона. За едой почти не разговаривали, лишь обмениваясь редкими шутками по поводу окружавших коллег.

— Ты все еще неважно выглядишь, друг мой. — Дэйч откинулся на высокую спинку стула и придирчиво осмотрел Стива с ног до головы. Отставил пустую чашечку на поднос. — Если еще не оклемался, могу предложить чудную пилюлю. Ставит на ноги за пять минут, честное слово.

Стив покачал головой, отодвинул от себя пустое блюдце из-под пудинга и приложился к кофе. Нужно было признать, что его здесь варили вполне в соответствии с заявленными ценами…

— Да нет, мне вроде уже получше. Просто… день какой-то нескладный, что ли. Никак не могу вытрясти из головы всякий мусор. Помнишь, я тебе пару часов назад рассказывал про обколовшегося диджея, которого встретил сегодня по дороге на работу? Никак не идет из головы, хоть убей…

В ответ Дэйч лишь многозначительно улыбнулся, покачивая головой.

— Ну-ну, конечно, все дело в обкуренном диджее, который несет чушь. Знаешь, старина, — он бросил в рот пластиковую зубочистку, — расскажи-ка это моей домработнице, она вообще во все на свете верит. А вот мне зубы не заговаривай. Можешь на меня обижаться, но интуиция подсказывает, что твой диджей, мешающий сосредоточиться, ростом примерно метр семьдесят пять, без ума от натурального шампанского и носит темно-синее белье, насколько я помню с твоих слов…

Стив побледнел и поставил чашку на стол. Да, Дэйч был прав, Стивен частенько обижался на подобные выпады друга.

— При этом не вижу причин для расстройства. Ведь это неизбежно — думать об уходящей любви, да. — Дэйч сейчас даже не подозревал, как близко находится от насильственной смерти, пожевывая зубочистку и самозабвенно продолжая: — И все-таки, дружище, советую тебе начать остывать. А то знаешь, так недолго и заработать что-нибудь на нервной почве. Да ты только взгляни, на тебе же сейчас лица нет…

Стив вздохнул, машинальным движением пригладив волосы и заставляя себя унять волнение. На Дэйча все равно невозможно долго сердиться… Кроме того, Хэнк всегда видел его буквально насквозь и, скорее всего, прав был даже сейчас… Приказав себе как можно более спокойно допить кофе, Стив вынул из-под сложенных салфеток стопку деловой прессы, ежечасно разносимую официантами по столикам.

— Что скажешь насчет этого убийства? — желая немедленно сменить тему, он выложил на стол толстую газету. — Помнишь, мы слышали об этом утром в новостях?

— Да, конечно, помню. — Дэйч придвинул газету к себе, выбрасывая зубочистку в пустую тарелку. — Об этом деле сегодня все радиостанции трещат. Ты смотри-ка… Казалось бы, японцы эти, или китайцы, чертовски хитрожопые парни, а ведь и их кто-то переиграл, а? Подумать только, Стив, я уже говорил тебе, что нам с тобой здорово повезло, что мы смогли сделать оттуда ноги раньше, чем началась пальба?..

— Да, и не один раз, — кивнул Стив, рассматривая немногочисленных в этот час посетителей кафе.

— Никогда не знаешь, где пролетит пуля… — одними губами пробормотал Хэнк, с интересом и легкой грустью в глазах рассматривая фотографии.

— Я ведь сидел прямо напротив этого парня.

— Извини, что ты сказал? — Хэнк поднял заинтересованный взгляд.

— Я говорю, что сидел прямо напротив этого японца, которого грохнули. Только в соседнем секторе. И даже успел хорошо его рассмотреть… ну, пока тот еще был жив. Знаешь, это меня несколько шокирует. А если бы пуля действительно зацепила кого-то из нас? Или Джину?

— Слушай, старик, — Дэйч широко распахнутыми глазами уставился на Стива, словно собирался сообщить ему страшную тайну, — а может, это все-таки действительно ты его замочил, а?

Стив изменился в лице, но на этот раз не успел даже побледнеть, когда Дэйч резко и обидно рассмеялся.

— Ладно, извини, не удержался. Видел бы ты свою рожу, тоже бы не удержался. Значит, говоришь, что сидел напротив? Ну и ну, друг, вот так совпадение! Чего же ты раньше не сказал? Это круто, конечно, сидеть в метре от потенциальной жертвы… Кстати, вот я что сейчас понял, когда ты рассказал. Знаешь, а ведь это довольно просто объясняет припадок и галлюцинации твоего знакомого диджея…

— Он не мой знакомый, Дэйч…

— …ну, я имею в виду твое запомнившееся лицо, фигуру, совпадение по времени. Приплюсуй сюда новый вид наркотика, бессонную ночь, перестрелку, стресс, полицейские допросы… Знаешь, у меня самого такое иногда бывало. С девочками, — таинственным шепотом закончил Дэйч.

И несмотря на иронию в голосе друга, Стив неожиданно задумался — пусть и слишком уж простое объяснение, но вполне жизненное. Дэйч постучал указательным пальцем по объемным фотографиям на первой полосе газеты, допивая кофе и продолжая негромко рассуждать вслух.

— Это же вроде как связано с якудзой, да? Разборки, деньги,

как обычно. Как ты можешь понять, большие деньги. А насчет того, что там вроде как перестреляли несколько мирных граждан… Так, кроме нас с тобой, в «Алькатрасе» вообще не бывает мирных граждан, даже гадать нечего. Кстати, по радио сообщали, что почти сразу там завязалась бойня между группировками. Всякое рассказывают, до стрельбы из пулеметов… Слушай, а ты как свидетель не думал в полицию обратиться?

Стив едва не поперхнулся дорогущим напитком, и если бы это было возможно, побледнел бы еще сильнее. Помотал головой, цепенея от неожиданно вновь навалившейся тревоги. Дэйч оценивающе посмотрел ему прямо в глаза. Причмокнул губами, выражая крайнюю степень недовольства.

— Да, действительно неважный видок, братец Снова-вторник… А знаешь что? — в лоб спросил он, отчего-то заставив спину Стивена вспотеть. — А мотай-ка домой… Львиную долю работы мы уже сделали, это факт, а закончу я один. От шефов прикрою, можешь не переживать. Если что, скажу, что лично отправил тебя домой, так что все головомойки — мои. Работа, это, конечно, наша жизнь и воздух, но очередной труп нам в отделе не нужен, — добавил он, ободряюще улыбаясь. Стив попробовал было возразить, втайне порадовавшись возможности уже через час оказаться в постели, но Хэнк предупреждающе вскинул ладонь. — И без возражений, пожалуйста. Спроси меня, так я отвечу, что тебе нужно просто хорошенько отоспаться. Так что выбирай — волшебная пилюля или домой?

Дважды уговаривать не пришлось. Стив прикоснулся к раскаленному лбу и тут же согласился, только сейчас ощутив, как же некомфортно чувствует себя после довольно сытного обеда. Пожалуй, ему и вправду нужно прилечь. Слишком много всего за последние сутки, голова кругом… Сейчас вот только расплатится за заказ, поднимется в офис, чтобы отметить отгул, и сразу домой.

— Если вечером не созвонимся, то увидимся завтра утром. Удачно отдохнуть, друг, — Стив с благодарностью пожал протянутую Хэнком руку.

7:3 — И вот после работы я приезжаю домой, наполненный сладострастным предвкушением бутылочки пива и звонка подруге. Но вместо заслуженного отдыха я обнаруживаю переполненный твоими посланиями автоответчик. Сначала подумал, у тебя опять что-то с Джиной, а ты мне неожиданно начинаешь пересказывать свои похмельные сны… — Дэйч поставил на черепаху пустой бокал и легко поднялся на ноги. —

Заварю я себе еще кофейку. Тебе сделать?

Стив что-то промычал, как загипнотизированный неотрывно глядя на коньячную бутылку. Дэйч постоял немного в ожидании, взял его чашку и пошел на кухню. Сев на диван с ногами, Стив обхватил руками колени. Обхватил крепко-крепко, чтобы не убежали.

Ну вот еще немного, и все.

Финиш.

Конец.

Край реальности.

Медленно, на цыпочках, чтобы не потревожить, его сознание уходило прочь…

Вообще, Стивен более чем верил во внезапное помешательство рассудка. Еще в университете, где им читали довольно развернутый курс психологии и психиатрии, он посвятил немалое количество времени изучению судебной и криминальной отрасли этих загадочных наук. Позже, уже начав работать на корпорацию, он неоднократно натыкался на людей с внезапными нервными срывами. Довольно часто, к слову сказать. И пускай большинство из сорвавшихся, к счастью, не приходили на работу, вооруженные дробовиками (а этого мифа боялась каждая крупная компания), зрелище, когда у человека что-то отказывает в голове, — не самое приятное. Вспомнить хотя бы Антонио Селье, машинного оператора из соседнего отдела «Пасифика», почти год назад буквально сгоревшего на глазах Стэнделла. Во время самого обычного обеденного перерыва, расстроившись, что в кафе закончились его любимые эклеры, бедолага попытался головой разбить окно небоскреба. К счастью присутствующих в обеденной зоне, на дворе стояла не первая треть двадцатого, когда воздух Уолл-стрит был полон такими вот Селье; стекла бизнес-центра корпорации «Пасифик Текнолоджиз» нельзя было раздробить даже из пулемета. Так что Тони просто отрубился, словно птица, с разбегу приложившись лбом, и был без лишнего шума увезен санитарами.

И даже несмотря на то что в окно бросаться ему сейчас не хотелось, Стэнделл вполне серьезно находил у себя все признаки надвигающегося нервного срыва. Все-таки Дэйч оказался прав (ему нужно было сразу же вызвать парней со смирительными рубашками, точно)… И кажется, что срыв — это только начало. Вполне возможно, что Стив болен. И, возможно, серьезнее, чем это предполагают окружающие. Очень серьезно. Для Селье переломившей хребет соломинкой стали закончившиеся в буфете эклеры, для Стэнделла — скорый развод. Именно так станут говорить люди в его отделе, когда Хэнк отправится в кабинет

Стива собирать его личные вещи в картонные коробки.

Стив едва удерживался, чтобы тихонечко не завыть, принявшись раскачиваться, как это делают все помешанные. В висках пульсировала кровь. Как барабаны туземцев, очень похоже, да.

Появился Дэйч, принеся две чашечки свежего горячего кофе и несколько таблеток. С неподдельной заботой осмотрел друга, присаживаясь рядом и протягивая лекарства. Стив беспрекословно заглотил капсулы, запил кофе, уже через полминуты почувствовав внутри облегчающую сознание пустоту. Взгляд его постепенно стал осознанным, хоть и немного помутнел. Дэйч мелкими глотками пил кофе, наблюдая.

— Я думаю, — наконец произнес он неестественно серьезным для себя тоном, качая головой, — что совокупность недавних стрессов вполне могла вызвать подобную реакцию. Это, кажется, бывает, я читал. Ох, дружище, не стоило мне тащить тебя с собой в клуб…

Стив равнодушно пожал плечами. Он взял чашку, но не пил, грея руки о теплый заменитель фарфора.

Лекарства на самом деле подействовали, сделав мысли более объемными, но менее значимыми. Стэнделл задумчиво склонил голову набок. Ну не может же целый день — живой и ощутимый, с его переживаниями и страхами, радостями и усталостью, — быть всего лишь иллюзией, фантомом его усталого сознания? Этот ужас, когда пуля пробивает серый плащ, оставляя маленькую, темную дырочку? Эта неподдельная тяжесть пистолета в руке… кстати, а был ли вообще пистолет?

Стивен медленно, но неотвратимо соскальзывал к краю, из-за которого еще никто не возвращался, но сейчас ему было практически все равно. Тот Стив, который увидел приближающийся рубеж, истошно завопил, до крови вбивая ногти в зеркально отполированную поверхность ската. Отражение глупо хихикало в ответ.

— Как я и предполагал, тебе нужно немного поваляться дома, друг, — до его слуха, как сквозь вату, донесся голос Дэйча. А что, он еще здесь, да? О, действительно. Хэнк поставил пустую чашку на голову черепахе. — Настоятельно рекомендую отрубить телефоны и просто отдохнуть. Я оформлю за тебя больничный лист и медицинскую страховку, за это не волнуйся. Думаю, дня на два-три… Может быть, также стоит показаться врачу. И явно не доктору Алану… — осторожно добавил он.

Стив снова пожал плечами, принявшись почесывать нос. Может быть… Любопытно, что это за пилюли дал ему Хэнк?

— Слушай, перед тем, как я поеду домой, позволь

спросить… — Дэйч наклонился, озадаченно потирая пальцы. — Понимаю, что сейчас это, может быть, и неуместный вопрос, но я размышлял об этом добрую половину дня… — Он немного помялся в ожидании, но Стив отрешенно смотрел вдаль, сквозь стену, туда, где снова начинался дождь. — Знаешь, старина, мне сегодня показалось странным, но ты, кажется, сменил систему доступа к своему персональному сейфу. Ты это помнишь?

Стив перевел взгляд на Дэйча и медленно, стараясь не расплескать тяжелые мысли, покачал головой. Казалось, он готов расплакаться.

— Это я помню, да. Сразу после обеда, перед тем как отправиться домой… Кажется…

— Ясно… — Дэйч озадаченно прикусил губу. — Интересно, почему ты это сделал?..

— А что? — собственный голос казался Стиву таким далеким, словно из приглушенного радиоприемника.

— Просто из всех твоих сегодняшних поступков этот — самый странный, пусть я и не сразу обратил на это внимание… хотя, учитывая, что ты весь день был не в себе… — Дэйч неопределенно пожал плечами, шагая в коридор и снимая с вешалки пальто. — Так, старина, я чувствую, что сейчас тебе не помешает прилечь.

Он решительно застегнулся, и Стив понял, что сейчас останется один.

— Звони мне в любое время, слышишь? Из дома лишний раз не выходи, телевизором не злоупотребляй. Завтра утром я наберу тебя с работы, — он уверенно подмигнул Стиву, направляясь к входной двери. — Похандри себе на здоровье. И еще, — Дэйч обернулся уже в дверях, открывая задвижку, — я все же настаиваю, дружище, настаиваю в самой категоричной форме — завязал бы ты с этим доктором Аланом. Хотя бы пропусти пару сеансов, сделай перерыв — сдается мне, это тебе на пользу не идет. Скорее, наоборот…

— Не могу, — сонно ответил Стив, даже не проводив Хэнка взглядом, — сеансы расписаны по жесткому графику, там все очень строго. Нарушив систему, придется начинать сначала. Даже разок пропустить не могу. И вообще, ты не прав. Мне помогает, да… ну, или скоро поможет.

— Ну как знаешь, Стив, не маленький уже. — Дэйч вышел в подъезд, прикрывая дверь. — Я скажу консьержу, чтобы тебя не тревожили. Ну счастливо, давай не загнись тут. Не забывай — чуть что, сразу звони, — с этими словами Хэнк по прозвищу Дэйч уехал домой. По дороге, наверняка, сквозь зубы проклиная нервный срыв Стивена Стэнделла, вечный дождь и поход в

треклятый «Алькатрас». И еще, наверное, Джину.

7:3:2 Ослабевшей рукой Стив нашарил под подушками дивана телевизионный пульт. Отдавать команды вслух не хотелось, да и машина его голос сейчас наверняка не узнает. Прицелившись в темный плоский экран, Стив нажал на пуск, одновременно, как ему показалось, исчерпав последние силы. Выбор канала и программы сейчас волновали его меньше всего, и, естественно, это оказались ежечасные новости Центрального городского канала.

Откинувшись навзничь на тугие диванные подушки, Стив старался не прислушиваться к уверенному и гипнотизирующему голосу диктора. Однако через несколько минут все же начал невольно вникать в суть сюжетов и даже искоса взглянул на экран.

Текущий сюжет вел мужчина лет тридцати, выбритый, как пластиковый манекен. С крохотным дисковидным микрофоном в руке он медленно прохаживался по огромному и практически пустому залу, в котором Стив не без усилия признал «Алькатрас». В голове зазвенел колокольчик. Маленький колокольчик, как у того лысеющего цирюльника над дверью.

Взгляд сконцентрировался на экране. Без сотен людей, вычищенный и однотонно освещенный, клуб превратился в обыкновенный здоровенный ангар, практически ничем не отличающийся от стандартных крытых портовых складов. Отличие состояло в том, что время от времени в кадр попадала клубная аппаратура, круглые стойки баров и возвышающиеся (сейчас пустующие) острова для клубной элиты.

Внизу, рядом с крутящимся лейблом Центрального канала появилось имя тележурналиста — Фрэнсис Дэй. Мобильная радиоуправляемая камера плавно скользила по воздуху зала, снимая очерченные на полу распластанные силуэты людей. Пройдет еще две тысячи лет, неторопливо подумал Стив, а копы все так же будут рисовать на бетоне своих дурацких меловых человечков.

Крупным планом показали пробитый пулями (весь в пятнах) диван, и сердце Стива сжалось. Снова откинувшись на подушки, он едва удержался от того, чтобы выключить телевизор, хотя и смотреть на картинку уже не мог. Отвернулся к спинке, тем не менее продолжая прислушиваться к голосу журналиста.

Фрэнсис Дэй тем временем продолжал, спокойным низким баритоном вещая о произошедшем вчера ночью в «одном из самых скандальных, но посещаемых клубов нашего города». Автор сюжета пытался восстановить предполагаемую хронологию

перестрелки, вместе с полицейскими экспертами рассуждал о примененном оружии. Стив внимал вполуха — все эти рассуждения не имели для него ровно никакого значения: даже в парковом электронном тире он только со второго раза отличал винтовку от пулемета. Далее было озвучено количество убитых и раненых…

— …Который согласился в единственном интервью нашему каналу прокомментировать происшествие со своей точки зрения. Таким образом, это дает нам эксклюзивное право обнародовать первую рабочую версию группы детективов, занимающихся расследованием преступления. — Стив снова заворочался, против воли взглянув в экран. Под угловатой фигурой одетого в штатское здоровенного копа прочел, что того зовут Дензел Альварес и он является специальным агентом Первого отдела расследований Общеевропейского Бюро. Альварес перед камерой явно чувствовал себя не в своей тарелке, постоянно кося глазами куда-то вне кадра. Тем временем Дэй сунул микрофон прямо в лицо агента. Тот хмуро взглянул на блестящий диск, недобро покосился на журналиста и заговорил, хрипло и громко, невольно стараясь губами дотянуться до микрофона.

Стив уронил голову, стараясь сосредоточиться на любопытном, но рыхлом, как переваренная картофелина, монологе полицейского. Агент Дензел Альварес в двух словах рассказал об истории семьи Икехато, озвучил официальную позицию муниципалитета и управления полиции. Отдельный интерес Стэнделла вызвали заявления, сделанные, по словам копа, представителями широкого круга группировок и теневых семей. Едва осознав, что детектив ОБ только что озвучил в телеэфире позицию преступных кланов, Стив окончательно убедился, что бойня в клубе на самом деле стала громким, очень громким событием. Почувствовавший себя увереннее, Альварес даже позволил себе метафору о том, что приливная волна стрельбы всколыхнула омут, накрытый тенями авторитетных фигур. Может быть, агент в свободное время писал стихи?

Отпечатки, снятые с посуды и оружия, к сожалению, желаемых результатов не дали, как ни старались специалисты Интерпола и ОБ. Однако Альварес (это Стив знал из прессы, отчего при каждом упоминании холодел, как труп) отметил, что скоро в руки детективов попадут съемки камер охраны клуба, и у полиции появится изображение преступника, начавшего стрельбу. Да, предполагается, что стрелок действовал не один, а его сообщники взломали системы безопасности клуба и уничтожили записи. Нет, пока агенты не имеют права раскрыть подробности или обнародовать уцелевшие видеоматериалы, но личность

стрелка будет установлена в самое короткое время. Пока же можно лишь озвучить, что это был белый мужчина примерно тридцати лет, крепкого телосложения, среднего роста. Неожиданно детектив, неторопливо ведущий журналиста за собой по залу и восстанавливающий картину бойни, особое, может быть, даже излишне, подробное (что было видно по лицу Дэя) внимание уделил тактике преступника. По его словам, парень определенно был профессионалом, наверняка проходившим обучение и службу в войсках специального назначения.

Стив перевернулся на спину, а из его приоткрытых пересохших губ вырвался болезненный стон облегчения. Этот длинный день, когда он разучился доверять самому себе, станет самым страшным днем в его жизни, точно…

Дэю с трудом удалось перевести разговор в более нейтральное русло, лишь когда детектив Альварес углубился в описание особенностей звукоизолированных секторов, позволивших убийце (в том, что стрелял один человек, в отличие от основной версии ОБ, агент был полностью уверен) подобрать наиболее удачную позицию для стрельбы. Журналист вежливо перебил копа. Еще раз. В конце концов просто опустил микрофон и поменял направление. Альварес смутился, вновь почувствовав робость перед кружащей над головами камерой телеканала и тему позволил сменить. В глазах Фрэнсиса Дэя сквозило легкое раздражение. Казалось, несмотря на эксклюзивность и остроту, журналисту совсем не нравилась тема сюжета. Он заговорил о предполагаемых мотивах убийства молодого наследника семейства Икехато, и теперь Альваресу пришлось уже уклоняться от микрофона, причем довольно неловко.

Даже не стараясь прикрыть замешательство, тот вновь принялся смотреть мимо объектива, что-то бессвязно рассказывая про неофициальную политику клана Икехато, проводимую в Антверпене. Неуверенно озвучил предположение о возможной войне против других теневых кланов, конкуренции на рынке компьютерного оборудования и, неожиданно, уже более уверенно (что лично для Стэнделла в устах профессионала говорило о меньшей достоверности версии) закончил свое выступление предположением о покушении религиозного фанатика.

Дэй сдержанно поблагодарил агента Дензела Альвареса за предоставленный комментарий, напомнив об эксклюзивности полученного интервью. Закончил сюжет, умело и красиво улыбнулся и заверил домохозяек, что канал продолжит вести наблюдение за расследованием этого громкого и кровавого дела. Программа новостей непременно вернется сразу после короткой

рекламы.

Следующие десять минут рекламные ролики соревновались друг с другом за оригинальность подачи самой правдивой информации. Стив узнал о новых, еще более экономных и мощных гидрокатализаторах для всех существующих видов двигателей, пене по уходу за кирпичной кладкой и мегащетке по уходу за потолочными плитами, а также о специальном корме для клонированных домашних животных. Пока шла реклама, он почти задремал, наконец-то спокойно и сладко, неожиданно для себя (не без усилия) вырываясь из дремотной паутины, когда следующий сюжет уже начался.

7:3:3 Смысл слов, слетающих с губ хорошенькой темноволосой дикторши, еще не добрался до задремавшего сознания. Но внутри отчего-то вновь начинал расти ком тревоги, иррациональной и слепой, словно страх темноты. Тупой удар его, пришедшийся в живот, заставил Стива мигом проснуться, стиснув зубы, как от боли.

По словам очаровательной журналистки, имени которой он не успел увидеть, второе по значимости событие, произошедшее в городе за сегодняшний день, вполне могло посоревноваться в громкости с убийством молодого принца якудзы Икехато. Более того, была уверена темноволосая автор сюжета, последствия этого события в самое ближайшее время были способны всколыхнуть не только Антверпен, но и Объединенную Европу, а то и весь мир. Казалось, что, в отличие от своего коллеги Фрэнсиса Дэя, девушке было интересно и приятно делать свой сюжет.

Тот снимался на улице, а журналистка стояла перед камерой на фоне одного из старинных католических соборов города и виднеющихся за костелом небоскребов. По серому небу Стив определил, что съемки происходили во второй половине дня, судя по всему, ровно перед тем, как снова начались дожди. Над правым плечом девушки, там, где обычно зрителю демонстрировались изображения важных персон или государственных символик, на этот раз появилась крупная объемная эмблема, что лично для Стивена мгновенно обезличило симпатичную журналистку. Он вдруг поймал быструю мысль о том, что обычно так рассказывают о террористах — эмблема организации, безликий символ и никаких фотографий… А внутри продолжал сжиматься наматывающий его кишки невидимый кулак, делая дыхание прерывистым…

Три железные звезды, сплетенные лучами, тускло поблескивали в углу экрана. Тогда Стив с удивлением и обидой понял, что за чувство навалилось на него столь внезапно,

странным образом ассоциируясь с церковью Пристанища Истины. Стивена Стэнделла охватил необъяснимый религиозный страх.

— …Сегодня в пять часов вечера, — в полной мере насладившись величием момента, продолжала журналистка, — самопровозглашенным Верховным архиепископом церкви Пристанища Истины, Старшим отцом Струго было сделано поистине сенсационное заявление. В официальной ноте, направленной архиепископом Струго всем кабинетам правительств Объединенной Европы и высшим представителям Доминирующей Католической церкви, сообщается о незамедлительном и полном отказе Пристанища Истины от основополагающих канонов Ватиканской политики. По словам опрошенных нами экспертов, это означает о выходе относительно молодой церкви из-под сферы влияния базового религиозного института, как независимой и автономной формации. В своем стремительном и неожиданном заявлении преподобный Струго объявил о собственном посвящении в сан архиепископа и отказе церкви Пристанища от ортодоксальных принципов религиозного управления. Напомню, что с полным содержанием указанного послания наши телезрители могут ознакомиться на нашем сетевом ресурсе. Также в документе было отмечено, что церковь Пристанища уже не первое десятилетие планировала подобный поступок, неторопливо подготавливая необходимую основу для возникновения самодостаточной формации. Но день этот настал именно сегодня, «учитывая грядущую реформацию Ватиканской стратегии управления верующими», как отметил преподобный Струго.

Над головой тележурналистки начинали собираться тучи. Изображение сменилось, и теперь на экране замелькали комментирующие ситуацию специалисты. Новая церковь, по заявлениям ее официальных представителей, уже успела обрести материальную независимость, четкое идеологическое русло, заручиться рядом необходимых гарантий своего признания, а также привлечь внимание многих влиятельных представителей Европейского Альянса. Главной резиденцией и «новым Римом» Верховного архиепископа Струго был объявлен храм Прозрения, построенный под Берлином одной из германских миссий церкви Пристанища четырнадцать лет назад.

— Как заявил отец Струго в течение короткой электронной пресс-конференции с представителями телеканалов, — в кадре снова появилась симпатичная журналистка на фоне костела, — новая церковь в первую очередь станет для одурманенных прихожан Католического Доминиона институтом реформ, принеся «свет Истины в мир ядовитого смога и токсических

отходов». Причем в первую очередь, по словам самопровозглашенного главы независимой церкви, в её задачи входит суровое противодействие «погрязшей во лжи и обмане» доктрине Ватикана «всеми доступными способами».

На экране замелькали съемки огромного берлинского храма Прозрения, одного из самых величественных зданий, построенных человечеством за последние полвека. Также визуальными перебивками сюжета стали кадры с различных религиозных шествий, где принимали участие представители Пристанища Истины. По экрану двинулись многотысячные толпы верующих, буквально штурмующих французские церкви Пристанища, стремясь попасть на службы (этот прошлогодний сюжет Стивен помнил довольно хорошо).

— К сожалению, Ватикан пока никак не прокомментировал неожиданное и довольно агрессивное заявление преподобного Струго. Однако нам стало известно, что официальные ответы глав Католического Доминиона ожидаются в самое ближайшее время. Мы будем внимательнейшим образом следить за развитием событий, незамедлительно информируя наших зрителей о любых новостях, — улыбнулась журналистка, над головой которой уже почти начался дождь, — так или иначе связанных с сенсационным заявлением главы церкви Пристанища Истины…

Железная эмблема в углу экрана пропала. Пошел титр с именами готовивших сюжет репортеров, девушка выдержала секундную паузу и подвела итог.

— Сегодня вечером, сразу после программы новостей, смотрите наш специальный получасовой выпуск, прямо сейчас готовящийся к эфиру. Спецвыпуск будет целиком посвящен церкви Пристанища, ее истории, идеологии и самым ярким представителям, так незаметно набиравшим силу на фоне спокойного правления Доминирующей Католической Церкви и Папы Урба…

Телефон заверещал так громко и пронзительно, что Стив подскочил, едва не перевернув диван и роняя пульт на пол. Сердце металось, не находя себе места, в висках опять пульсировала кровь, руки дрожали.

7:3:4 Коробка видеотелефона на кухонной стойке продолжала гудеть, пусть не так зловеще, как это показалось Стивену вначале, но настойчиво и призывно. Стэнделл потер лоб, безуспешно стараясь улыбнуться собственному испугу (от этого не стало легче), нашарил под диваном мягкие тапочки. Вышел на кухню. Не взглянув на дисплей, но и не торопясь включать видеорежим, снял трубку.

— Алло? — Наверное, это добравшийся домой Дэйч звонит. Хочет проверить, а не повесился ли он тут, оставленный в одиночестве. Но это звонил не Дэйч.

Удар следовал за ударом. Прижимая к уху тонкую пластиковую трубку, Стивен, на удивление спокойно, подумал, что происходящее с ним теперь уже на все сто процентов напоминает тягучий кошмарный сон. Взвинченное, обманутое видениями и притупленное препаратами Дэйча сознание еще не успело остыть, как новая волна самых разнообразных чувств навалилась на его передовые позиции. Ноги вновь стали ватными, а губы сухими. Не глядя, Стив, едва не промахнувшись, ухватился рукой за стойку. Внутренний голос бесновался из последних сил, приказывая сдерживать позиции и не давать слабины. А это было нелегко…

— Алло, Стивен, это ты? — Голос Виржинии, казалось, долетал с другой планеты. — Стив? Это Виржиния, алло…

Она была взволнована, это было слышно сразу. А несколько месяцев, прожитые вместе, без труда позволили Стэнделлу понять, что девушка взволнована сильно. Может быть, даже напугана. Это мобилизовало, заставив мысли проясниться. Стив прочистил горло и с трудом прокаркал в трубку:

— Это я, Джина, алло, как дела?

Ему показалось, что он оборвал ее на едва начатой фразе. Через миг, словно передумав, она спросила банальное:

— Стивен, у тебя все в порядке? — Однако ему показалось, что теперь она волнуется еще сильнее. Одновременно пришла стайка паскудных мыслишек, по-хозяйски рассевшихся на павших рубежах его здравого смысла. Давненько (да с самой свадьбы, черт бы ее побрал) она не заботилась о нем вот так до смешного банально и трогательно… а на фоне едва ли не откровенного презрения, сочившегося из ее очаровательного ротика последние месяцы, слышать этот тон было по меньшей мере дико. — У тебя что-то с голосом, родной.

Родной? Стив чуть не рухнул, еще крепче, до боли в пальцах вцепляясь в кухонную стойку. О, господи, да что же происходит? Понимая, что долгая пауза лишь сильнее встревожит Виржинию, он все же нашел силы ответить.

— Да нет, солнце (это он сказал?), все в порядке… немного простыл… на подъезде автофен барахлит… у тебя…

Стив вдруг запутался в словах и умолк. В этот миг ему казалось, что орех, который он столь упорно склеивал последнее время, вновь лопнул, открыв свою сочную сердцевину. Старательно вытравляемые чувства мгновенно принялись возрождаться, подобно стае сказочных Фениксов. Он готов был

сорваться на дрожь и вдруг отчетливо вспомнил каждый из одиноких дней, в потоке которых так отчаянно хотел услышать этот голос вновь, услышать это знакомое дыхание в трубке. Едва шевеля сухими губами, он закончил фразу:

— …все в порядке?

— Да, конечно, в порядке… — Но теперь примолкла она. Стив подумал, что это сильно смахивает на разговор робких влюбленных, только что разошедшихся со свидания, перезвонивших друг другу, но так и не способных найти подходящие для расставания слова. Она что-то хотела ему сказать, он мог бы в этом поклясться. — Я тебя не разбудила?

— Нет, что ты, еще и десяти нет… — В груди, помимо его воли, начал медленно раскрываться бутон надежды. На что, Стив пока не знал, но ощущение было томительно-приятным. Почти забытым, кстати. — Я рад тебя слышать…

Наконец-то он смог это сказать.

— Спасибо, Стив, ты всегда был очень мил со мной.

Был. Кованый железный гвоздь в крышку гроба надежды. Он открыл рот, бесшумно хватая воздух полными легкими. Закрыл глаза, радуясь, что не включил видеофон. Она, кстати, даже не попросила об этом…

— Зачем ты звонишь, Джина? — Он смог вернуть голосу слабое подобие уверенности.

— Стив, я… в общем. Я хочу сказать о том, что произошло в клубе… Я ни на что не претендую, пойми, но тем не менее хотела бы…

— Я знаю, что ты хочешь сказать, так что можешь не продолжать, Джина. — Еще немного, и он сорвется, как это иногда бывало. Возможно, даже накричит на нее. — Что из этого? Что еще нового ты хочешь мне сказать?

— Стивен, то, что произошло… Я просто хотела узнать, ты в порядке? Что случилось? Я просто хочу знать, не показалось ли мне, правда, а то я много выпила, да… Ты…

— Все нормально, я цел, если тебя это интересует. — В эту минуту все желание узнать, в безопасности ли сама Джина после перестрелки в «Алькатрасе», куда-то исчезло. Мигом. — Полагаю, мои душевные терзания тебя по-прежнему не интересуют, поэтому считай, что все в порядке, Только сильно напился, если это важно… В перестрелке ранен не был, Дэйча тоже не зацепило. Можно сказать, что нам повезло. Что-то еще, родная? — Он до боли в зубах противно выделил последнее слово, в этот миг яростно ненавидя себя.

— Я была шокирована, Стивен, честно… Ты был…

— Я знаю, Джина! Прошу тебя, довольно об этом, это

нелегкая тема… Или тебе так необходимо снова к этому возвращаться?

— Стивен Стэнделл, ты говоришь так, словно ничего не произошло!..

— А ничего и не произошло… — Стив чуть ли не до крови закусил губу, чтобы не продолжить фразу.

Ну давай, старина, скажи ей, что один напомаженный и набриолиненный ублюдок в целлофановом комбинезоне склеил ее и поволок в клуб! Напомни ей, что еще две недели назад она что-то там плела об ужине, разговоре и последних шансах!

— Стив, я понимаю, по телефону такие вопросы не обсуждают, да. — Стэнделл отчетливо представил себе, как Виржиния сейчас покусывает полные губы и накручивает на палец прядку своих дивных волос. — Стив, может быть, мы встретимся и поговорим, а?

История продолжается.

— Хорошо, — ему не без труда далось это слово, — если ты считаешь, что так нужно, — давай встретимся…

— Я могла бы заехать, если ты…

— Нет, пожалуй, не надо! — Стив проклял себя за тон, которым были сказаны последние слова. Похабненькие мыслишки чувствовали себя, как дома, с интересом прислушиваясь к разговору. Он перевел дыхание и добавил: — Знаешь, я все еще не теряю надежды тебя куда-нибудь пригласить. Может быть, мы наконец сходим и поужинаем, как собирались?

— Ладно. — Сейчас она наверняка пожала плечами. — Как насчет завтра вечером?

— Отличная идея, да. Я позвоню тебе на работу, после обеда.

— Хорошо, я буду ждать звонка. — Она немного помолчала. — Ну, тогда до завтра?

— До завтра…

— Прошу, Стивен, береги себя. Целую…

Стив хотел еще что-нибудь добавить, но разговаривать с короткими гудками разъединенной линии не стал. Глубоко вздохнув, положил трубку и несколько минут неподвижно стоял, опершись о стойку и глядя в залитое ночным дождем окно. Затем на негнущихся ногах вернулся в комнату.

Очень давно, в одной из книг, кажется еще прошлого века, Стив читал про парня, который думал, что сходит с ума. Герою книги тогда казалось, что сумасшествие придет к нему по всем существующим законам. Казалось, что ему придется бегать по квартире, испытывая ужасную боль, обхватив ладонями раскалывающуюся голову и стонать, натыкаясь на углы. Однако в том романе все произошло куда как менее драматично, тихо и

незаметно. Но гораздо более страшно, нежели перевернутая в припадке мебель. Сейчас Стив был полностью согласен с автором книги. Самое страшное безумие подкрадывается незаметно, как лесной хищник. Кажется, парень знал, о чем писал, точно…

Без сил рухнув перед телевизором, Стэнделл неожиданно понял, что наконец-то чертовски хочет спать. Еще минуту он смотрел в плоский экран, а затем Виржиния, Дэйч, мужчина в старомодном пальто, прыщавый диджей и наследник японского мафиозного клана завертелись перед его внутренним взором в безумном хороводе. Едва Стив поудобнее устроился на упругих диванных подушках, как моментально провалился в глубокий сон.

ГЛАВА 8

Война никогда не менялась, с самого первого сражения в истории человечества. Но если вы хотите знать отличия, я вам на них укажу. Никогда более, чем сейчас, не возникала необходимость в использовании не дивизий и армейских корпусов, а специально обученных немногочисленных подразделений, от профессиональных действий которых зависят сложнейшие операции. Сегодня войны выигрывают быстрые и умелые солдаты, готовые без страха отдать свои жизни на благо Родины и Мира. Выигрывают одним точным ударом. Воины, которыми в самом крайнем случае можно решительно пожертвовать…

Эрик Торвальдсон, полковник Вооруженных Сил Альянса, командующий Северной Группировкой Альянса.

Берген, 2045 год

8:1 Мне было определенно не по себе. Что-то важное ускользало от моего внимания, что-то важное и значительное — оно кружило рядом, но не давалось в руки, словно мы играли в жмурки. Это нечто, определение чему я так и не придумал, могло легко связать воедино все события последних двух дней. Как объяснимые мной события, так и не очень. Во всяком случае, так мне казалось. Стоя в тесноте кабины и продолжая задумчиво разглядывать узкую витрину табачного магазинчика в соседнем доме, я почесал подбородок. Выиграл короткий спор сам с собой, решив, что пока курить не хочу.

Невольно потер слегка немеющую (как будто отлежал во время долгого сна) ладонь. На ней, словно клеймо, все еще ощущалось прикосновение старой ведьмы, встреченной мной в Монолите. Как прокаженная… Хотя кто их знает, этих стариков,

чем они там болеют? Стараясь избавиться от неприятного покалывания, я поспешно натянул тонкие облегающие перчатки. Черт, если не смотреть вниз, кажется, что цепкие высушенные пальцы все еще вцепились в мою ладонь. Наваждение какое-то. Ну и развелось же придурков…

Я посмотрел в небо, в серую простыню, натянутую над городом, с пробегающими по ней волнами темных и светлых оттенков. Ощущение было таким, словно я разглядывал не самым лучшим образом отрисованные фоны к компьютерной игре. С одной стороны, небо как небо. А с другой — присмотришься, и видны огрехи дизайнера. Небесный кисель начинал бродить и медленно двигался с запада на восток. Небоскребы Центра втыкались в его пелену, верхушками исчезая в глубине. От налетевшего порыва я поежился; скоро настанет настоящая зима с ее дождями, и тогда на улицу вообще носа не высунешь. Неожиданно вспомнил, что мой последний (самой новой модели) костюм химической защиты до сих пор в ремонте.

Я открыл раздвижную дверку и вышел из телефонной кабины. Ревя и выплевывая в воздух хлопья черного дыма, мимо пронесся многотонный грузовик-длинномер с яркой эмблемой на широком борту. Я еще раз оглянулся на телефон, нахмурился собственному отражению в мутном стекле и вышел к краю дороги, вытягивая руку. Хочешь не хочешь, а отступать поздно. Хотя предчувствие свербило — может, зря я все-таки без Князя?..

Талбатов был, на удивление, спокоен. Я так и представил себе, как он постукивает по столу дорогой авторучкой, небрежно придерживая трубку аппарата двумя пальцами. А вот как обычно спокоен или подозрительно спокоен, это и предстояло выяснить. Тем не менее пока, в только что состоявшемся телефонном разговоре, безумного рассказа Игоря не подтверждало совершенно ничего. Мы в очередной раз повторили прежние договоренности и уточнили время встречи, на которую я нес оставшуюся часть товара. Все как надо… неужели Князь сумел так перебрать с холодненькой и сомитаксом?

Я нагнулся к окну старенького полноприводного «Ниссана», притормозившего у обочины. В центр? Поехали, сторгуемся. Я упал на переднее пассажирское сиденье, укладывая прохладный «дипломат» на колени.

Пожилой хозяин «Ниссана» оказался опытным водителем, прекрасно знающим загрузку улиц в любое время суток, объездные дороги и динамично меняющееся напряжение движения. Без умолку, но и ненавязчиво, он всю дорогу шутил и комментировал старенький, побитый временем радиоприемник. Практически сразу же свернув с Красного проспекта, дворами и

окольными улицами он домчал меня до Тихого Центра уже через двадцать минут. Расплатившись не скупясь и не торгуясь, я вышел. Седоусый бомбила пожелал мне удачи, и я благодарно кивнул в ответ, еще не подозревая, как сильно буду в ней нуждаться меньше чем через час.

Черные стеклянные двери зашипели и щелкнули герметизаторами, закрываясь за спиной, пропустив в уже знакомый пустынный холл офисного центра корпорации «НовосибОнлайнКонсалтинг». Я осмотрелся. Два дня пролетели, как один миг, и сейчас у меня складывалось ощущение, что я и вовсе не уходил — взгляд блуждал все по тем же журнальным столикам, неисправному кондиционеру под потолком. Все так же, едва заметно, мерцал свет. Вот только… Я в нерешительности остановился на пороге, словно не решаясь идти дальше. Охранников на пропускной кабине теперь стало двое, а у того, что стоял у лифтов, на широком черном ремне через шею покачивался короткоствольный автомат. Под ложечкой неприятно засосало. Две пары глаз пристально сканировали стоящего в дверях визитера. Начиная понимать, что, замерзнув в дверях, я выгляжу по меньшей мере глупо, двинулся вперед, бессознательно стараясь не делать резких движений.

Сидящий за стойкой охранник (не тот, что в первый раз, покрепче) взглянул на часы над головой и поднял на меня почти приветливый взгляд.

— Добрый день, у меня назначена встреча с Виталием Александровичем Талбатовым. Офис тысяча сто девять, — я старался говорить спокойно и серьезно, глядя прямо перед собой и намеренно игнорируя автоматчика у лифта. — Должно быть записано на человека по имени Ультра, на двенадцать часов дня.

«Дипломат» хлопнул матерчатыми лентами, прикрывающими черный лаз сканера, и по движущейся дорожке уполз в темноту камеры.

А далее охранник за стойкой сделал то, что сильно меня взволновало. Сильнее, чем я сначала себе представил. Даже не опустив взгляд на экран сканера, не спросив у меня удостоверение личности и не заполнив обязательную регистрационную форму, он понимающе кивнул головой и пробасил, почти не пытаясь скрыть улыбку.

— Проходите, молодой человек. Вас уже ждут.

Вот так. И выбеги я в тот момент из красивого офисного здания в центре старого города, как думалось мне позже, все произошло бы совершенно по-другому. Ведь не стали бы в меня стрелять, в самом деле? Но я не побежал. Далеко не каждый человек способен сразу оценить, что принял именно судьбоносное

решение. Большинство из нас вообще не особенно задумываются над подобными вещами (считая все это ерундой), совершают поступки без раздумий. Делают что-то, совсем не прислушиваясь к себе, и лишь затем начинают оценивать, а иногда и расхлебывать последствия. С чувством собственного достоинства я медленно миновал кабину с многочисленными детекторами, поднял кейс с движущейся ленты и уверенным шагом двинулся к лифтам.

Где-то в глубине моего сознания, может быть, сейчас и надрывался едва слышный сигнал тревоги. Крохотная лампочка над запыленным приборным щитком с надписью «интуиция» мигала ему в такт, но я не обращал на это никакого внимания. Со вчерашнего дня для меня стало гораздо важнее доказать себе, что я не схлопотал белую горячку, чем внимательно оценивать окружающий мир. Стараясь не глазеть в сторону второго охранника, я, тем не менее, пристально, как завороженный, помимо воли разглядывал его черный потертый автомат.

То, что произошло дальше, окончательно перегрузило систему оповещения внутри меня. Аварийная лампа погасла, сирена умолкла на вздохе. Пожалуй, я бы и напугался, если бы события последних десяти-пятнадцати часов не заставили воспринимать происходящее как наполненный поворотами сюжета сон. Если бы не пил третий (третий ли?) день. Если бы не встретил в родном Монолите сумасшедшую старуху со свитой зомбированных сверстников. Если бы с одного из самых жестких похмелий в жизни не наслушался странных россказней Князя.

И вот сейчас, когда автоматчик следом за мной вошел в двери сверкающего хромом лифта, я вежливо пропустил его к дальней стене.

— Вам какой?

— Мне значительно выше.

— А, понятно, да…

Я повернулся к охраннику спиной и набрал на клавиатуре нужный этаж. Лифт с гулом рванулся вверх. На моем этаже автоматчик вышел следом… Он, собственно, и не пытался делать вид, что нам случайно по пути.

8:1:2 Как я и был предупрежден, меня ожидали. В секретарской Талбатова, пустовавшей во время нашего с Князем прошлого визита, за столом восседал идеально выбритый мужчина в черном блестящем костюме. С осанкой, как в боевиках по телевизору, всем своим обликом похожий на Джеймса Бонда, новый секретарь Виталия Александровича даже в помещении носил прямоугольные солнцезащитные очки. Я точно не знал, но

отчего-то мог поклясться, что в ухе у него утоплен радиопередатчик.

Лениво раскладывающий на компьютере пасьянс, он оторвался от экрана, изучающе разглядывая меня, едва я появился в дверях. Охранник с автоматом (точь-в-точь, как в прошлый раз это сделал Игорь) остановился за дверью, слегка привалившись к стене. Только сейчас осознав, что был доставлен в кабинет практически под конвоем, я вошел, прикрывая дверь. Однако это не вызвало страха (а вот это само по себе напугало). В целом я сейчас чувствовал себя, словно пьяный, но в меру. Пьяный и ложно уверенный в своих силах. Вид секретаря почему-то не удивлял, и обнаружь я сейчас стоящий на столе Талбатова пулемет, даже бы не охнул… хотя в глубине души все же надеялся, что до пулемета дело не дойдет.

В комнате знакомо пахло дорогим одеколоном и кондиционированным воздухом. Секретарь наконец отвел от меня взгляд и склонился над интеркомом. Получив негромкий ответ, молча кивнул в сторону талбатовского кабинета. Я вежливо (совершенно по-идиотски) улыбнулся.

Пулемета на столе не было. Но и Талбатов, правда, на этот раз встретить дорогого во всех отношениях гостя не вышел. Нахохлившись, словно тетерев в золоченых очках, восседал за своим столом-космодромом. В глаза бросилось, что в кабинете добавилось предметов — плоская панель телевизора с крохотной коробочкой цифрового проигрывателя, стоящие на тумбе у правой стены. А еще абсолютный клон оставленного за спиной секретаря, сидящий рядом с телевизором. Этот тоже принялся разглядывать меня сквозь черные стекла очков, чуть склонив голову набок. Пиджак копии был расстегнут, словно бы невзначай демонстрируя кожаную сбрую пистолетной кобуры.

Я поставил кейс на пол и кивнул Талбатову:

— Здравствуйте, Виталий Александрович.

Клон секретаря следил за мной внимательно и с видимым интересом. Талбатов потер пальцы, взял со стола золотую авторучку, принявшись постукивать ею по папке с бумагами.

— И ты здравствуй, Денис. Проходи, присаживайся.

Не могу сказать, что я не удивился. Нет, я очень сильно удивился. Не до такой степени, конечно, чтобы потерять сознание и выпасть в секретарскую, но изрядно. Равновесие помог удержать пристальный взгляд мужчины в черном блестящем костюме. Я сглотнул комок, начиная предполагать, что сегодня меня разведут, кинут на деньги, а возможно, и вывезут на экскурсию за город. В багажнике.

Голос Талбатова не предвещал ровно ничего хорошего.

Такими голосами передаются сводки о начинающейся войне, терактах, бомбежках, приближении химических фронтов к населенным пунктам, природных катаклизмах или конце света. Оставив «дипломат» на полу у двери, я медленно прошел вперед, садясь в то же самое кресло, где сидел в прошлый раз. Стараясь, чтобы голос звучал спокойно, но ни в коем случае не вызывающе, взглянул на заказчика.

— Вы, прошу прощения, Виталий Александрович, меня, должно быть, с кем-то путаете. — Я уже миллион раз пожалел, что не взял с собой Князя, и в стотысячный раз убедил себя, что от мелкого бандита в подобной ситуации проку было бы очень немного. — Я считаю, что играть в игру по отгадыванию моего настоящего имени по меньшей мере… долго… Может быть, мы…

— Ну вот что, Денис! — Рука Талбатова, ладонью вниз, резко и шумно легла на черную поверхность стола. Дорогая авторучка с лязгом отлетела в сторону, юлой завертевшись на самом краю. — Хватит мне тут комедию ломать. Кончилась комедия твоя. Вляпался ты, пацан, честно сказать, сам, и не наша вина, что приходится сейчас делать все вот именно так… Не знаю, что за дурь ты употребляешь, но все могло бы быть совсем по-другому.

Я вдруг понял, что в этом хорошо проветренном и прохладном помещении мне не хватает воздуха. Транс, в котором я пришел сюда, безропотно проследовав за автоматчиком, внезапно исчез. В комнате стало ослепительно-ярко, словно луч одного мне видимого прожектора разом высветил окружающие предметы и людей. До угольно-черных теней, до острых граней. Так ярко, что, казалось, стирает объем вещей, делая их двухмерными. Я осознал, что нахожусь в здании, полном вооруженных парней. Нахожусь в комнате, полной вооруженных парней. И совершенно ничего не могу понять в происходящем. Совершенно ничего…

(И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил, и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя.)

Я вздрогнул, громко клацнув зубами, и впился глазами в поблескивающие стекла очков Талбатова. В голову ворвался шквальный ветер, начав валить последние деревья.

— Что вы сейчас сказали, Виталий Александрович?

— Я сказал, Денис, — Талбатов сжал руку в кулак, словно готовясь проломить столешницу одним резким ударом, — что предлагал тебе совершенно другую игру, но ты пришел ко мне без уважения, наглотавшись там не знаю чего. Захотел делать по-своему? Захотел показать свои силы? Хорошо, но…

Но я, неожиданно услышавший в негромком гуле

кондиционера совсем иное, перебил хозяина кабинета, словно наплевав на самосохранение:

— Нет, секундочку! Я спрашиваю о том, что вы сказали затем. — Я оглянулся на человека в черном костюме, как будто тот мог оказать мне поддержку. — Мне послыша…

— Рот закрой! — Талбатов тяжело поднялся из-за стола и подошел к закрытому серыми жалюзи окну. — Денис, предупреждаю тебя в последний раз, прекрати испытывать мое терпение! Если опять чего-то наглотался, скажи сразу, у нас есть возможности отрезвить тебя… Просто я хочу, чтобы ты понял, мальчик, что сейчас я нахожусь в невероятном напряжении, и не в твоих интересах это напряжение повышать.

Я еще раз беспокойно оглянулся, поерзав на кресле, и затих, послушно кивнув. В центре управления моим разумом экипаж потихонечку начал стягиваться к эвакуационным шлюпкам, поэтапно задраивая люки. Выждав и убедившись, что заказчик пока не собирается ничего говорить, я положил на стол руки, кожей ощущая прохладу.

— Виталий Александрович, как мы и договаривались, я принес оставшуюся половину… — Я вздрогнул от резкого (неожиданного) движения охранника, вставшего со своего места. Талбатов даже не шелохнулся. Мужчина в солнцезащитных очках поднял кейс, щелкая шифрами замков. Не поворачиваясь, я продиктовал: — Код на «дипломате» — три, девять, девять, один и…

И умолк, по щелчкам застежек понимая, что «дипломат» уже открыт. Охранник мягко прошел к столу, выкладывая диски, а затем вернулся на прежнее место. Я вновь осмелился нарушить наступившую тишину:

— Я полагаю, что выполнил свою часть договора…

Талбатов стремительно обернулся, и я поймал полыхающий взгляд его прищуренных глаз. Только сейчас я увидел, что он похож на перегретый котел — еще секунда, и взорвется, забрасывая кусками раскаленного железа и обваривая струями пара…

— Ты точно больной ублюдок, Денис! Во-первых: больной, потому что имел наглость припереться сюда. Во-вторых: больной, потому что опять сделал это под дозой в надежде нарваться на крупные неприятности! Какая тебе нужна сделка, я тебя спрошу? Какой договор? О чем ты бредишь, щенок?! Какая после всего вот этого тебе нужна сделка?!

Широкими шагами Талбатов пересек мягкий ковер на полу и включил панель телевизора.

— Да ты молись, сука, чтобы я тебя живьем не закопал, а не

про договора думай!

А я внезапно подумал, что и правда стал наркоманом, даже не заметив этого. Пришла забавная (очень к месту) мысль, что сейчас я совсем в другом месте, глотаю какие-нибудь колеса и совсем не знаю, что происходит с моим сознанием. Может, я и сейчас сижу где-нибудь в грязном подъезде Монолита и кайфую под дозой, воображая себе, что живу жизнью парня по имени Денис Кабалин… Мир треснул, словно стекло, в которое вбили стальной стержень. В полете прозрачное стекло реальности таяло, разлетаясь бесформенными комками слизи. Я смотрел на панель телевизора…

8:1:3 На экране был я. Денис Кабалин по прозвищу Ультра. Здесь, в этом самом кабинете, двумя днями ранее. Невольно подняв глаза поверх телевизора, я заметил крохотный глазок камеры, снимавшей эти кадры. «Денис в телевизоре» и «Талбатов в телевизоре» о чем-то беседовали, но звук был отключен. На столе (я это отлично помнил) лежали диск и стопка из денежных пачек. Затем Талбатов начал двигать деньги к себе, на лице его отразилось довольно естественное возмущение, а я уже знал, что произойдет дальше. Мне это кино уже рассказывали…

Ультра двигался столь стремительно и невероятно быстро, что цифровое изображение на экране дало сбой, рассыпав мою фигуру на цветные квадратики, едва догоняющие друг друга. Вот Талбатов что-то говорит, покачивая головой и не спуская пальцев с денег, а вот Ультра уже перемахнул через взлетно-посадочную полосу стола, протягивая руки.

Я закрыл глаза, не в силах больше смотреть. Этого не могло быть. Это, наверняка, монтаж, компьютерная обработка, подделка. Облизал сухие губы, подумав, что стакан портвейна мне сейчас бы не помешал. Лично для меня одно было совершенно очевидно — такого прыжка мне не совершить никогда, а спортом я последний раз занимался вообще в школе, не говоря уже о хлестком ударе ребром ладони. Ну что ж, меня подставляют, четко и продуманно. Судя по всему, вонзив мне в спину нож, в этом участвует и Князь… Мысли разбегались, как шарики ртути. Я услышал, как Талбатов выключил телевизор, и сразу открыл глаза. Хозяин кабинета тяжело опустился на край стола, в упор глядя на меня сверху вниз. Я чувствовал запах его пота, смешанный с запахом качественной туалетной воды.

— Так ты говоришь о сделке, Денис? — Он закусил губу, испытующе глядя на меня. — Удивляюсь сам себе, сученыш, как это я тебя сегодня не хлопнул в самую первую минуту… Ультра, — он поморщился, как будто слово было горьким на

вкус. — И что за страсть у вас, придурков компьютерных, к подобного рода извращенным именам? Или так Блуждать проще? Ну, ладушки, — Талбатов поднял со стола выложенные охранником диски, перебирая их в мясистых пальцах, — диски ты, как я вижу, принес, и это очень хорошо. Будем считать, что с этой частью… сделки… — он неестественно хохотнул, — мы закончили. Теперь, — бросил невольный взгляд на охранника, — нужно решить, что будем делать с тобой, Дениска…

Мир больше не раскачивался перед моими глазами. Более того, сознание стало чистым, как горный ручей, и столь же прохладным. Сейчас меня начнут разводить на деньги. Те, что я уже заработал, а потом и на большие. Снова и снова крутить запись. Сначала угрожать не станут, сначала переговоры будут мирными и вежливыми, но чуть позже, если не сломаюсь… Интересно, а сколько сейчас стоит моя квартира в Монолите?

Подумалось было, что вполне в моих силах вскочить сейчас, навалиться на охрану, завладеть табельным оружием. Этой роже в золотых очках дать по шее и вырваться из здания с черным автоматом наперевес через разгрузочные доки. Вот только бы штаны по дороге не обмочить. Бред какой…

Талбатов наклонился ко мне почти вплотную.

— Только вот еще пару вопросов нерешенных проясним и сразу займемся твоим будущим. Да, Дениска?

Словно проигнорировав его вопрос, я отчего-то повернулся к охраннику.

— Зачем вы так? Я же все сделал. Все условия соблюдал, вам навстречу пошел… — Голос мой предательски дрожал, и я, уж совсем наивно, добавил: — Это же не я… там, на экране… Зачем вы со мной это делаете? Я ведь вам доверял…

— Бедный, бедный Ультра, чуть не сломавший мне шею, — скривился Талбатов, ослабляя узел галстука и расстегивая верхнюю пуговицу шелковой рубашки, — что-то ты не так прыток, как в прошлый раз.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, Виталий Александрович, честное слово. Вы меня…

Талбатов размашисто ударил меня открытой ладонью. Быстро, гад, я даже дернуться не успел. Щеку зажгло, и я невольно схватился за лицо. Значит, мирные переговоры окончены…

— Да что же ты мне мозг-то высасываешь, сукин ты сын? — Один из управляющих известной в городе медийной компании нервно прошелся вокруг стола, тряся отшибленной об меня рукой. Сел на свое место, придвинув папку. — Вот ведь мозгосос… Итак, Денис Юрьевич Кабалин, 2073 года рождения,

второй ребенок в семье, окончивший школу, колледж электроники и два раза вылетавший с первого курса Государственного университета? Прозвище — Ультра, специализация — компьютерный взлом и кражи, махинатор и взломщик, пьяница и бабник, параллельно владеющий приемами рукопашного боя? Кто ты такой, Денис Юрьевич, если при всем этом толстенном досье на тебя такой личности попросту не существует?

Вот и все. Значит, теперь меня действительно сотрут. На полметра в землю и всех делов… Охранник возле телевизора пошевелился, и я невольно отвернулся, ожидая нового удара. Таким парням всегда доставляет удовольствие избить жертву перед смертью.

И в этот самый момент неожиданно понял (сразу после мысли о том, как же сильно у меня оледенели яйца), что Талбатов не просто угрожает мне, как показалось вначале. Своей фразой он не грозится убрать Дениса Юрьевича Кабалина с лица земли, стерев последние воспоминания обо мне как о человеке, личности и профессии. Он озлобленно констатирует факты, понять которые пока не в силах. Он действительно пытается осознать, кто такой я, потому что…

В следующий миг я знал, чуял каким-то внутренним звериным чутьем, предугадывал и предвидел, если угодно, что именно Талбатов скажет дальше. Словно получил возможность перемотать пленку чуть вперед, запомнить диалоги и вернуться на прежнее место воспроизведения. От этого неожиданного ощущения стало страшно. Очень страшно, а легкие вдруг исчезли, оставляя место наполнившему грудь леденящему вакууму.

Сейчас Талбатов будет говорить о том, что, несмотря на довольно подробно изученное ищейками «НовосибОнлайнКонсалтинга» мое прошлое, под ворохом грязного белья этой биографии человека по имени Денис Кабалин просто не существует. Никогда не было на свете…

Это, словно озарение, пришло ко мне в один миг, пока Талбатов только открывал рот, и вдруг стало легко, свободно и не страшно. Совсем не страшно потеряться во вселенной, внезапно осознав, что тебя нет. А Талбатов все открывал и открывал рот, силясь что-то сказать, при этом испытывая все нарастающее напряжение.

Изображение кабинета перед моими глазами вдруг поплыло, картинка моргнула, словно в проекторе переключили новый слайд, мгновенно и неожиданно. Предметы отодвинулись, комната изогнулась как резиновая, превращаясь скорее в тоннель, в дальнем конце которого за своим столом заседал Талбатов.

Через секунду гибкая объемная картинка с изображением кабинета выгнулась обратно. Все застыло, словно запись поставили на паузу. В виски мне ударила боль. Распахнутыми от ужаса глазами я осматривал новый облик комнаты, в которой был уже не раз и в которую только что попал впервые.

Я смотрел по сторонам и понимал, что незаметно для себя внезапно сместился назад и немного левее, чем сидел до этого. Следы предметов, видимые с прежнего ракурса, еще не успели растаять в воздухе, полупрозрачными дымками накладываясь на мой новый угол зрения. Шок, навалившийся после произошедшего, был настолько сильным, что я окаменел от макушки до пяток, не чувствуя ни конечностей, ни собственного дыхания. Я осознал, что больше не сижу в удобном офисном кресле, а стою практически в дверях кабинета. Еще я понял, что мои холодные деревенеющие руки уже не в силах удерживать на весу автомат.

8:1:4 В мгновенно изменившейся комнате царила смерть. Резко пахло порохом, в тусклом свете плавал дым. Тело Виталия Александровича Талбатова, повалившееся на перевернутое шикарное директорское кресло, представляло собой красноватого оттенка бесформенный мешок. И я отлично знал, чем именно этот мешок наполнен. Кроме этого, у моего заказчика не хватало правой кисти, вместо которой сейчас кровоточил лишь напоминающий ее обрубок.

Охранник в солнцезащитных очках, еще минуту назад присматривающий за мной со стула возле телевизора, сидел все на том же стуле. Однако сейчас он больше напоминал марионетку, у которой перерубили нити. Очки его, сломанные ровно пополам, лежали на мягком ковре у ног. Сам же он, с закатившимися глазами, бледный, как мел, с малюсенькой красной точкой крови под левой ноздрей, обмяк. Его черный пистолет с еще дымящимся стволом лежал прямо среди широкого талбатовского стола, усеянного гильзами. Я попробовал обернуться и понял, что тело мне все еще неподвластно. Но для того чтобы узнать, что происходило за моей спиной, можно было и не оборачиваться. Внезапно я вспомнил.

За спиной тоже лежали трупы. Секретарь в блестящем костюме и белой рубашке, залитой кровью, убитый прямо в дверях. И охранник в черном комбинезоне, доставивший меня на этаж, все-таки расставшийся со своим потертым автоматом. Второй тоже завалился на пороге, но уже с внутренней стороны, неловко подвернув под себя руки.

Пострадал и кабинет. Дорогая офисная мебель была

изгрызена крохотными круглыми дырочками, и я отдавал себе отчет, что это поработали не термиты. Через пробитое сквозь жалюзи окно задувал легкий ветерок, а покрошенные семейные фотографии на стенах все еще продолжали осыпаться хрустальной мозаикой, хоть я и не слышал ни единого звука. Задетый шальной пулей, треснувший зеленый плафон люстры методично раскачивался над головой. Словно инфернальной утренней росой, если в аду вообще бывает утро, вся комната была усыпана ярко-красными брызгами крови — мониторы, стены, мебель и пушистый ковер ручной работы.

Почти растворившиеся в воздухе силуэты еще живых (словно из параллельной реальности) Талбатова и его охранника медленно исчезали, расползаясь тонкими нитками, как сигаретный дым. Как старинная картинка-переливашка, которую подвернешь под одним углом — и вот тебе живой Талбатов, замерший с открытым ртом; а подвернешь иначе — и вот тебе гора трупов… Словно тяжелый утренний сон, уходили в небытие образы только что разговаривающих со мной людей — иллюзия медленно рассеивалась, уступая дорогу жестокой и липкой реальности. Автомат бесшумно кувыркнулся вниз, подпрыгивая на упругом ковре, и я улыбнулся, искренне порадовавшись, что все же сошел с ума.

Голоса. Крутом голоса, я их отчетливо слышал. Неясные и приглушенные, они неслись отовсюду, словно стены вдруг стали бумажными, а вокруг кабинета скопились люди. Множество людей. Голоса гудели, о чем-то спорили. Наверное, подумал я, это спешит охрана. В здании наверняка началась паника, люди слышали пальбу, идет эвакуация, вызывают спецназ… А я прилип тут к полу, не в силах пошевелить даже пальцем, и совершенно от этого не страдая. Скоро сюда ворвутся, а я все так же отрешенно жду чего-то. Словно со вселенским смирением осознал, что нахожусь в потерявшей управление, бешено летящей машине и единственное, что остается, — фатально встречать конец.

Голоса становились громче. Одновременно с этим во всем теле начала нарастать волна боли, словно подчинявшаяся голосам. Я услышал, как среди общего монотонного хора явно выделяется громкий, что-то размеренно и с чувством читающий низкий бас. Он напомнил мне рокот яростного прибоя, пытающегося сокрушить скалу. Когда этот голос прорывался через окружающий кабинет гвалт, тело начинало ломить с новой силой, а глаза застилала красная пелена.

Скоро, подумал я, растворяясь в воздухе, уже скоро…

— …И взял Ангел кадильницу, и наполнил ее огнем с жертвенника, и поверг на землю: и произошли голоса и громы, и

молнии и землетрясение…

— Безопасное удаление периферийных каналов завершено, производим выход из соматического кокона…

— …Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него — как у медведя, а пасть у него — как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть…

— Давление растет… Еще укол…

— …И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним?..

— Придержите голову, он начинает задыхаться…

— …И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем…

— Помехи на отходящем канале, у нас только что кто-то подцепился на параллель. Регистрирую несколько испорченных блоков. Я могу ошибаться, но ему явно мешают… Господи, да этого просто не может быть…

— …И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира…

— Мы вывели еще три станции. Пока это все, что мы можем сделать, но последние синапсы придется отрывать силой… Отключаем локальные источники, замыкайте систему! Кокон открыт…

— …Кто имеет ухо, да услышит…

— Активирован контроль за состоянием. Физическое устранение синапсов недопустимо. Проклятие… немедленно отмените дезактивацию кокона, стабилизируйте состояние. Будем выводить этапами, через нашу станцию… Проклятие…

8:2 — Нам удалось стабилизировать общее состояние, камера готова к разгерметизации. Удерживающие синапсы блокированы, сэр, Сеть локализована.

— Что сообщают зонды?

— В первом приближении все датчики целы, хотя мы и не знаем, какой силы заряд он выпустил на другом конце линии…

— Проверка самой линии закончена?

— Пока нет. Этим сейчас занимаются, я отдала все необходимые распоряжения. Как скоро мы собираемся прекращать транс?

— Трудно сказать. Сеансы последних двух недель добавили мне хлопот и массу непроверенных теорий. Есть все основания предположить, что вывод из транса до окончания действия препарата может дать совершенно непредсказуемый эффект… Вы

ведь читали отчеты. Кстати, что показывают внутренние камеры?

— Наблюдение было сорвано еще до появления заряда. В большинстве локаций зафиксированы мощные перегрузки. Пока мы по-прежнему получаем либо массивы замусоренных данных, либо пустую картинку.

— Как отреагировала Сеть? Какова реакция Службы Контроля на произошедшее?

— Официальный ответ пока не получен, сэр. Но уже известно, что с десяток Блуждающих все-таки зацепило остаточным разрядом. Что бы это ни было, ударило оно невероятно сильно. Более точная информация будет получена только после стабилизации собственных систем… все наши локальные сети на ротации также поймали заряд, пострадало несколько станций. Сейчас связь восстанавливается, техники работают без перерывов… Э… сэр, позволите вопрос? Рассказал бы кто, я бы и не поверила… Да… Но скажите, мы ведь действительно могли его там потерять?.. В смысле, совсем потерять? Без надежды на возвращение?

— Могли…

— Но ведь это… Прошу прощения… Что? Да, хорошо, я поняла. Да, конечно. Сэр, мне только что сообщили, что часть Контролеров нашего блока Сети тоже отрезало. Служба Контроля сообщает о перегрузке собственных станций. Заявляют, что начали самостоятельное расследование, но пока ничего не могут понять.

— Не спешите информировать их.

— Как прикажете. Но неужели вы на самом деле полагаете, что?..

— Пока что я, как и вы, ничего не знаю. И так же, как и вы, оценить случившееся наверняка не возьмусь. Очевидно одно — кризис произошел явно неспроста, и Контролерам пока лучше не знать подробностей… Они наверняка сразу же поднимут шумиху, что программу стоило остановить еще во время прошлого сеанса.

— Это определенно не ваша вина…

— Действительно? А чья же? Может, ваша? Отчеты и подробнейший анализ программы находятся на моих руках. Привлеченный нестандартностью ситуации я позволил себе не обращать внимания на нарушение элементарных мер безопасности и отклонение от регламентированной процедуры погружения.

— Но, сэр, ведь вы сами говорили, что это…

— Да, безусловно, я и сейчас уверен, что речь идет о серьезном открытии. Пожалуй, даже более серьезном, чем нам казалось с первого взгляда. Кстати, это еще одна причина, по

которой Служба Контроля должна думать, что кризис был спровоцирован извне.

— Прошу прощения…

— Я слушаю, мисс.

— Система внутреннего кольца восстановлена. Станции возобновили нормальную работу, пока с опорой на аварийные базы данных. Выход на периферию состоится по вашему распоряжению. Можем подключаться, сэр?

— Да, пожалуй… Только ограничьте доступ Контролеров к нашим локальным станциям. Будут возмущаться, сошлитесь на мой прямой приказ.

— Вы слышали? Выполняйте подключение!

— Будет незамедлительно исполнено!

— Смотрите, его состояние продолжает стабилизироваться…

— Он оказался значительно сильнее, чем я мог себе предположить.

— Что происходит с ним сейчас? У вас есть предположения, сэр? Он все еще Блуждает или заряд разорвал соединение с Сетью?

— Полагаю, что ответ на этот вопрос известен только Господу Богу, знаете ли… Ну еще станет понятнее, когда мы восстановим наше оборудование. Подумать только, такой удар по всей системе за все время ее существования… Ума не приложу, как такое вообще могло произойти…

— Я полагаю, сэр, что это был риторический вопрос?

— Да, конечно… Хорошо, приступаем к извлечению… Усильте контроль в соматическом коконе, доведите напряжение до допустимого минимума и отключите систему дублирующих рецепторных сигналов. Нам совсем не нужно, чтобы он чувствовал встряску, испытываемую сейчас Сетью. Прежде чем начинать, проверьте и перепроверьте все системы, подключите аварийные станции, не связанные с периферией. Как только все будет готово, постарайтесь восстановить сигнал и повторить соединение по остаточным следам. Как можно быстрее сохраните и дешифруйте последние полученные данные.

— Вы хотите снова отправить его в систему, сэр?

— К сожалению, да. Я полагаю, что именно возвращение на потерянную частоту и завершение обмена информационными блоками, потерянными при ударе, смогут смягчить выход из транса… Через полчаса убедитесь, что состояние полностью стабилизировано, препарат окончил действие, и начинайте транспортировку. Полную. И так, черт побери, чтобы ни один волос с его головы больше не упал! Я совершенно не заинтересован, чтобы по возвращении у этого парня обгорел

мозг…

— Будет сделано, доктор.

ГЛАВА 9

Представь себе, что произойдет с тобой, когда ты попадаешь в кошмар, из которого не убежать? Ты вертишься на простынях, но так и не можешь проснуться… тогда у тебя остается только один выход — тогда ты вынужден прожить свой кошмар до его конца, каким бы он ни был.

Морфей

9:1 Когда в кромешной тьме появилась крохотная светящаяся точка, Стивен перестал кричать. Звук его голоса (казалось, усиленного динамиками), растворявшийся в пустоте и пульсирующий, оборвался, как отрезанный острым ножом. Показалось, что навалившаяся тишина состоит из крохотных звенящих частичек стеклянной пыли.

Точка света принялась расти, постепенно заливая светом все пространство — серую плотную дымку вокруг себя. Стив прищурился. Светло-голубые лучи, выбивающиеся из горящей точки в разные стороны, слепили.

Следом пришел голос, спокойный, но настойчивый. А еще через полминуты Стив почувствовал, как с лица снимают что-то тяжелое и теплое. Осознание происходящего наполняло его медленно, как капля за каплей наполняют пустой кувшин. Одновременно он начал понимать, что возвращение в реальность происходит не так, как обычно. Что-то случилось, точно. Он этого не знал, но что-то произошло, пока он отсутствовал… В этот момент, когда тело непривычно ломило, а кожа горела, словно намазанная острым перечным соусом, все было немного иначе. Словно сознание, возвращающееся к Стэнделлу при пробуждении, было не совсем его сознанием. Во всяком случае, Стив так это чувствовал, забавляясь нереальностью ощущений.

— Вот так, осторожно. Хорошо, а теперь уберите это… Мистер Стэнделл, вы меня слышите?

Этот женский голос, смутно знакомый, Стив уже не раз слышал. Или его слышал не Стив. Но совершенно точно, что как минимум один из тех, кем сейчас себя с легкостью ощущал Стэнделл, был с этим голосом знаком.

Воспоминания приходили как обычно медленно, неторопливо

отвоевывая законное место у иллюзий и вымыслов. Пытаясь справиться с легкой тошнотой и головокружением, Стив приоткрыл глаза, вскрикнув от острой боли в зрачках, по которым ударил резкий свет.

— Да, черт побери, слышу… Что происходит?

— Очень хорошо, мистер Стэнделл. Не переживайте, все в порядке. Уверяю вас, что процесс возвращения вам хорошо знаком, поэтому сейчас просто полежите в покое, хорошо? Советую также пока не открывать глаз — пока зрачки не отвыкли от датчиков, это может вызвать неприятные ощущения, — мужской голос был наполнен едва уловимым шотландским акцентом и тоже казался знакомым.

Но Стив и не собирался больше открывать глаз. В гудящей голове царил полнейший, всеразрушающий хаос. Стивен вдруг понял, что его внутренний взор наполнен незнакомыми видениями и картинами. Вымышленными, чужими видениями… При этом неправдоподобно объемными. Реальными до ужаса, словно в голове его крутили пленку с воспоминаниями другого человека. А еще он вдруг услышал чужие мысли. Мысли, обдумываемые на незнакомом ему языке. Это едва не заставило позвать на помощь, но (к его удивлению) одновременно и успокоило. Отсутствие контроля за ситуацией создавало иллюзию сна, как если бы Стив летел по скоростному шоссе в потерявшем управление автомоби…

Это не мои мысли, подумал Стив, но однажды я уже чувствовал подобное. Или не я…

— Э… Где я сейчас нахожусь? — Он все же задал этот сложный вопрос, лишь обостряющий чувство собственной беспомощности.

— Постарайтесь пока не разговаривать, Стивен. Доверьтесь мне, через несколько минут я все объясню. Пока что знайте, что вы в безопасности.

Стив стиснул зубы, почувствовав новый болезненный толчок, жаром раскатившийся по всему телу. Сразу за болью пришли новые ощущения — запах прохладного чистого воздуха, а также слабый аромат каких-то лекарств. Он осознал, что полулежит в едва наклоненном под углом глубоком кресле-кровати, всем телом утопая в чем-то мягком, похожем на ортопедический матрас. Мышцы затекли и не слушались, но сейчас это было по-своему приятно. Высокие спинки шаровидного кресла нависали над ним, грозя сомкнуться в закрытый кокон (это он представлял, как наяву), и Стив почему-то с уверенностью подумал, что снаружи эта штука ярко-белого цвета. Все дело в том, что он уже видел это кресло-кровать. Уже лежал в нем.

Также Стив понял, во что одет, узнав свою повседневную одежду. Сказать вернее — одежду, к которой привыкло его затекшее тело, ощущая ее повседневной. Рукава рубахи закатаны, ботинок и носок нет. Кожу продолжало жечь, пока чьи-то руки (женские руки) осторожно, стараясь не касаться открытых участков, не отлепили от шеи и лица десяток невесомых присосок. Боль и жжение постепенно становились все слабее, и Стив наконец начал вспоминать, хотя и с гораздо большим трудом, чем на предыдущих сеансах, где сейчас находится.

— О, кажется, что мне уже значительно лучше, док. — Он услышал вздох облегчения. Защелкали реле многочисленных медицинских машин. — Наверное, я даже смог бы встать…

— Я рад, что вы чувствуете себя хорошо, Стивен, — произнес все тот же негромкий голос с шотландским акцентом, — но вставать вам или нет, решу сам. Идет? — Стив осторожно кивнул, прищурился, а затем и вовсе открыл глаза.

Доктор Алан стоял справа от капсулы, склонившись над Стивеном с портативным медицинским компьютером в руке. Увидев, что тот прозрел, он тепло улыбнулся ему, покачивая головой, и повернулся в сторону.

— Сьюзи, будь любезна, принеси мистеру Стэнделлу чего-нибудь освежающего… — Алан снова наклонился над Стивом. Закрыл компьютер, вешая его под белоснежный халат на пояс, и еще раз улыбнулся. — Признаться честно, ну и спектакль же вы тут нам устроили, мистер Стэнделл. Хвала Господу, но все обошлось, хоть и столь болезненно для вас. Знаете, как сейчас бесятся Контролеры?

Стивен потер виски, усаживаясь поудобнее. Он не совсем понимал, о чем говорит доктор.

— Я не совсем понимаю, о чем вы говорите, доктор… Что-то случилось? Обрывки чужих воспоминаний в моей голове как-то связаны с этим? Ни один сеанс еще не заканчивался для меня так…

О да, сказал жест доктора Алана, вновь качающего головой и поглаживающего свою великолепную седую бороду. Еще ни один сеанс в моей многолетней практике не заканчивался вот так вот, говорил этот жест. Готовьтесь разделять со мной триумф открытий, говорил он. Хотя и понервничать вы меня заставили, добавлял он уже совсем негромко.

— Да, — Алан повернулся, принимая из рук ассистентки высокий запотевший стакан, по краю которого скакали пузырьки. Внимательно посмотрел на своего пациента, оправляя складки на халате, — сеанс и правда был… в своем роде уникальным. Ваши видения и неприятные, возможно, ощущения, Стивен, связаны с

тем, что мне пришлось прервать транс.

— Как я понимаю, просто так вы на это не пошли бы?

— Логика всегда была вашим коньком, мистер Стэнделл, но подробности вы узнаете чуть позже. Сейчас просто отдыхайте и старайтесь ни о чем не думать. — Доктор улыбнулся в третий раз, протянул Стиву стакан и отошел от капсулы. Тот осторожно приподнялся на локтях, благодарно глотая напиток, наполненный прыгающими пузырьками. Рабочий кабинет доктора Алана, в одном из углов которого и была смонтирована яйцеобразная кабина, всегда внушал ему чувство безопасности.

Почти допив наполненную лекарствами содовую, он вдруг вспомнил, какую сильную жажду всегда испытывал после сеансов. Это воспоминание, настоящее и родное, как ни странно, вдохнуло в Стива заряд необычайной бодрости. Словно прогуливаясь по свалке, он неожиданно нашел только ему одному знакомую, давно пропавшую вещь, например детскую игрушку. Когда корабль уносит штормом, даже слабый якорь дарит надежду.

Стивен осмотрелся, с радостью обогащаясь возвращавшимися воспоминаниями. Все тот же просторный и светлый зал без окон, мебель и оборудование белого, с едва уловимым кофейным оттенком, цвета. Все это действительно привычно, знакомо и, что главное, реально. Ряд компьютеров у стены, медицинские тележки с книгами и переносными компьютерами, лекарствами и несколькими капельницами. Плоские лампы дневного света на потолке, излучающие приятный и чистый свет. Возле оборудования пять легких пластиковых стульчиков на колесиках, вдоль стен тянутся целые заросли проводов и кабелей. У единственной двери — панели контроля за электричеством, очиститель питьевой воды и древняя чертежная доска, изрисованная графиками и таблицами. Главная деталь интерьера — оплетенное миллионами проводов овальное яйцо белой (с едва заметной примесью кофейного цвета) капсулы на гидравлическом треножнике, где сейчас и лежал Стив. Полупрозрачные створки раздвинуты — питание капсулы отключено, все приборы молчат. Он вернулся.

9:1:2 Кроме Стэнделла и доктора Алана, в комнате были еще две молодые ассистентки в белых халатах. Одна из них, Сьюзанна, принесшая воды, что-то отметила в контрольном журнале у дверей и вышла, с шипением прикрыв за собой герметичную дверь. Вторая, черноволосая девушка, сейчас сидела к капсуле спиной, работая за одним из компьютеров.

Доктор Алан — крепкий, спортивного склада мужчина пятидесяти с небольшим лет, подтянутый, ухоженный, белый

стерильный халат на нем смотрелся, как новинка из бутика, склонился над плечом девушки. Почти касаясь ее волос своей щекой (а та и не думала отодвинуться), он сосредоточенно водил пальцем по монитору, давая ассистентке какие-то указания. Коротко стриженный брюнет с легкой проседью и стильной бородой, обладатель сексуального шотландского акцента, носящий серебряные очки почти ювелирной работы. Изящный, но мужественный, открытый, обаятельный и уверенный в себе — доктор Алан всегда был для Стива идеальным воплощением всех его мифов о докторах нейропсихологии. Кроме этого являясь еще и эталоном пятидесятилетнего мужчины, которому Стив втайне немного завидовал и собирался непременно следовать.

Доктор Эдриан Алан выпрямился, еще несколько секунд задумчиво разглядывая экран, и вновь повернулся к капсуле. Стив протянул ему пустой стакан, с облегчением человека, перенесшего ночной кошмар, откидываясь в перину.

— Так что же все-таки произошло, док? Сгораю от любопытства…

— И я вас прекрасно понимаю, Стивен, — Доктор профессионально закивал, всем видом показывая, что понимает. — Но умерьте свое любопытство, прошу. Через какое-то время, обещаю, оно будет обязательно удовлетворено, и, я полагаю, не здесь.

Алан рукой обвел комнату, и Стив согласно кивнул в ответ. Сняв с борта капсулы пульт управления гидроподвеской, док придал капсуле больший угол наклона. Негромко загудели моторы, и белое яйцо замерло почти в вертикальном положении.

— Наши приборы показывают, что ваше состояние окончательно стабилизировалось. Можете покинуть капсулу, Стивен. Обработка данных будет закончена через четверть часа, а пока я предлагаю нам отправиться в… ну, например, комнату для собеседований, куда мы закажем себе кофе и бутерброды. Идет? Уверяю вас, что беседа не займет много времени, а за потраченное сверх сеанса я не потребую оплаты.

Стив устало улыбнулся и осторожно вылез из капсулы, обуваясь. Тапочки на его ногах легко утонули в высоком ворсе светло-серого ковра. Доктор Алан свободной рукой придерживал его за плечо.

Чертовы агрегаты, внезапно (хоть и без всякой злости) подумал Стив. Ему сейчас так хотелось услышать что-нибудь типа: «Как вы себя чувствуете, мистер Стэнделл?» или «Вы в порядке, Стивен, я могу вам помочь?». Но он прекрасно знал, что необходимость подобных воздухотрясений полностью отпала.

Компьютеры, наблюдающие за его состоянием, объективно и

точно расскажут все ассистентам доктора. Все четко — никому нет дела до лишних вопросов.

Следом Стивен испытал легкий стыд за собственные мысли, такие детские и наивные, когда доктор Алан в очередной раз подтвердил ему, что зарабатывает на хлеб не пустой болтовней. Все еще придерживая Стива под руку, он вежливо поинтересовался:

— Вы хорошо себя чувствуете, Стивен? Как вы сами себя ощущаете? — Негромко, все с тем же непередаваемым акцентом.

— О, правда хорошо. Спасибо. — Стив благодарно улыбнулся, чувствуя, как его накрывает теплая волна спокойствия и признательности.

На ходу раскатывая рукава рубашки, он проследовал за Аланом в узкий светлый коридор, обшитый пластиковыми панелями такой же светлой цветовой гаммы. В противоположном его конце находилась приемная клиники — широкий холл с овальным столом секретарши у дверей. За спиной девушки виднелась скромно выполненная, но большая — во всю стену, вывеска, гласящая, что вы попали в «Нейропсихологическое консультирование и анализ. Частная клиника доктора Эдриана К. Алана». Стив удовлетворенно улыбнулся сам себе — привычные образы продолжали возвращение его в действительность.

Миновав несколько дверей (с еще тремя яйцеобразными капсулами за ними), мужчины свернули по коридору налево, попав в небольшой уютный кабинет с окном во всю стену. Длинный коричневый пустой стол окружало несколько удобных кресел, в стене был утоплен плоский квадрат телевизионной панели, в углу притаился кофейный столик, с приготовленным на нем набором из чашек и чайника. На окне немодные, но приятные глазу шторы, гармонирующие с цветом стола и небольшой тумбы в дальнем углу, на которой поблескивала матовым металлом кофеварка. На стене, напротив окна, картина — старик и мальчик медленно бредут вдоль морского берега, держа в руках удочки, навстречу закату. Стив вспомнил, как долго и пристально разглядывал эту картину, когда попал в клинику в первый раз и именно здесь ожидал доктора Эдриана К. Алана. Как именно в этой комнате они обсудили программу, построили график, сошлись на оплате и подписали контракт. Именно здесь все началось, и Стив чувствовал, что когда-то именно здесь состоится и их последний разговор.

Запечатав дверь своей индивидуальной картой-пропуском, доктор Алан прошел к окну, поддернул шторы, создавая в комнате полумрак, и поднял широкую ладонь, приглашая Стива

присесть. Тот опустился в кресло, а доктор осторожно, придерживая рукой бряцающую посуду, подкатил к нему столик.

— Кофе?

— Лучше чаю…

— Прекрасно! — В таблетку на дне кружки ударила струя кипятка, и по комнате поплыл приятный запах черного чая. Только после этого Алан присел на соседнее кресло, открыто глядя Стиву в лицо. Стэнделл осторожно отхлебнул из дымящейся чашки, ставя ее обратно на блюдце.

— То, что произошло сегодня утром, наверняка имеет научное объяснение, Стивен. — Алан говорил осторожно, тщательно подбирая слова и умело играя интонациями. — И то, что у меня этих объяснений пока не существует, еще ничего не означает. Возможно, мы совместно с вами найдем эти объяснения. Как бы то ни было, в самом начале нашей беседы я бы хотел продемонстрировать запись, сделанную мной во время последнего сеанса. Предупреждаю, что сейчас не стану вдаваться в описание моей технологии анализа Блуждания клиентов. Я сделаю это чуть позже.

Сейчас лишь на всякий случай отмечу, что запись — это один из каналов регистрации происходящего с вами в искусственной среде, куда вы помещались каждый раз во время нашей работы. Я надеюсь, что сам факт просмотра контрольной записи непосредственно после сеанса вернет в вашу память некоторые, еще не окончательно затертые, ложные воспоминания… вы помните, я уже рассказывал вам о ложных воспоминаниях Блуждающих? Отлично… так вот эти самые псевдократкосрочные воспоминания, как остатки сна, возможно, помогут нам воссоздать целостную картину. Хотел бы сразу оговориться, Стивен, что, возможно, при этом они в состоянии причинить неприятные ощущения и даже боль… Поэтому если вы против, то?..

— Нет, что вы, док, все в порядке… Всего лишь запись, я понимаю… Включайте, прошу вас.

Алан выпил чаю, медленно и с чувством делая каждый глоток.

— Хорошо. Итак, я намеренно показываю запись прямо сейчас, чтобы попробовать воспользоваться преимуществами не исчезнувших и не затертых пока следов недавнего соединения. Прошу вас устроиться поудобнее, ни о чем не думать, позволить своим мыслям течь свободно. Во время просмотра постарайтесь контролировать свои переживания и чувства, они могут пригодиться нам в работе. Но не старайтесь вникнуть и вжиться в свой образ снова — без подключения это все равно невозможно и

довольно болезненно. Не концентрируйте внимание на помехах — при наблюдении за Блуждающими это неизбежно.

Он умолк, выдерживая многозначительную паузу. Чашка звонко стукнула по блюдцу.

— И еще пара моментов, Стивен. Просто на уровне предупреждения. Анализ этого конкретного сеанса осложнен тем, что некоторые из ложных воспоминаний вашего образа Блужданий тоже будут двоиться. Вы понимаете, о чем я говорю? Весь научный мир отлично знает, что раздвоение псевдовпечатлений и воспоминаний виртуальной личности Блуждающего невозможно. — Снова пауза, больше достойная театра, нежели кабинета нейропсихоаналитика. — Но я намерен доказать всему научному миру, как же они заблуждались. Стивен, полагаю, что именно после просмотра вы поймете, в чем именно заключен обнаруженный мной феномен. А то, что это феномен, не может быть и сомнения. Ваш феномен, Стивен. Парадокс Алана-Стэнделла, если угодно. Ну что, Стивен, вы готовы?

Он с трудом кивнул, понимая, что больше не хочет пить. Мир, ставший таким уютным еще десять минут назад, снова зашатался, грозя проломить голову бесформенными глыбами обломков. Когда-то в детстве он узнал, что для того, чтобы прогнать ночной кошмар, нужно через правое плечо трижды перевернуться в своей постели с живота на спину и обратно, не вылезая из-под одеяла…

(Секундочку, Стив, это не твои воспоминания, ты путаешь их с воспоминаниями друзей детства.)

(Действительно? Возможно… А у меня были друзья?)

Как же хотелось сейчас Стивену вот так вот покрутиться на месте, сняв уютные тапочки и с ногами забравшись на кресло… Алан мягко поднялся, подошел к панели в стене и подключил к ней свой портативный медицинский компьютер. Шуршание серого телевизионного экрана унесло Стэнделла прочь…

9:2 Я несколько секунд постоял перед дверью, пытаясь сквозь черное тонированное стекло рассмотреть, что происходит внутри. Но обсидиановая тьма надежно скрывала холл, лишь едва виднелись колонны, очертания стойки, пропускная кабина и пятна столиков по всему холлу. Но за стойкой двигались люди. Двое.

Я переложил кейс в левую руку, толкнул двери и решительно вошел, принеся в холл делового центра запах гари, бензина и шум машин. Как обычно безлюдно, что меня лично устраивало вполне. Все так же мерцал свет. Охранники оборвали свой вялотекущий разговор о женах и рыбалке и пристально

уставились на визитера. Скотские рожи, пустые глаза — не вневедомственная охрана, а какие-то персонажи комиксов… Я широко улыбнулся обоим, ровным шагом отправившись к проходной.

Длинный сухощавый охранник, которого я видел впервые, с лицом, похожим на лисью морду, и бегающими глазками, машинально поправил висящий на шее «АКМ-2000-У». Я уже почти подошел к сканеру, когда тот кивнул напарнику, отошел в глубь холла и занял позицию у лифтов. Они тут что, решили поиграть в повышенный уровень безопасности? Уже знакомый мне охранник, любитель полистать журналы, мельком бросил взгляд на часы. Я вежливо нагнулся к стойке, опуская «дипломат» в жерло сканера.

— Мне к господину Талбатову, на двенадцать часов. Проверьте, пожалуйста, в журнале посетителей, должно быть… — Щелкнула, вспыхнула ярко-ярко и замерцала одна из ламп за моей спиной. Холл наполнился гудением, а в углу закашлялся кондиционер.

— Вас ждут. — Охранник не вынимал из-под стойки рук, словно бы что-то проверяя на компьютере. Заинтересованным, но затуманенным взглядом он осмотрел меня с ног до головы. — Проходите.

Равнодушно сказал. Но я услышал то, что мне было необходимо.

Понятно. Значит, ждут. Я прошел сквозь кабину и поднял портфель.

— Что, китайцы уже перешли Амур? — как можно более дружелюбно поинтересовался я.

Охранник на пульте равнодушно отвернулся, заскрипев ремнями черного комбинезона. Эх, дурилка… а вдруг я террорист? Пожелай сейчас я сломать ему шею голыми руками, так даже автомат напарника бы не помог. Я направился к лифту, демонстративно и с откровенным интересом рассматривая блестящий черный автомат. Игрушка, а не оружие. Гордость за отечественных военных производителей читалась в моих глазах.

— Почти двести лет на оружейном рынке всего мира. — Я многозначительно кивнул на «АКМ-2000», зажимая кнопку лифта. — Таким оружием действительно можно гордиться.

По лицу охранника с лисьей мордой скользнула неопределенная гримаса, вероятно, предназначенная отвечать за нейтральную улыбку. Я скривился в ответ. Чинно открылась дверь, и я отступил в сторону, чуть склоняясь в вежливом поклоне и игриво пропуская охранника вперед. Тот замешкался, торопливо подыскивая варианты собственных действий, но в

лифт прошел первым. Глупо, безусловно, с его стороны, хоть он и сделал это боком, не выпуская из виду меня. Я вошел в хромированную кабину следом, нажимая нужный этаж.

— Вам какой?

— А?.. Одиннадцатый. — По лицу охранника рябью пробежала новая гримаса. Отойдя к стене, он замер за моей спиной, сцепив руки на автомате. Лифт гудел на одной ноте, вознося нас к небу.

Оповестив о прибытии звонком колокольчика и нежным девичьим голоском, лифт открылся, и я вышел на этаж «НовосибОнлайнКонсалтинга». Секретарское кресло за изогнутым столом пустовало. Галлогеновые лампы, освещавшие вывеску компании, были погашены, создавая ощущение необитаемости этажа. Как будто в выходной день, вот что это мне напомнило.

— Вам налево, — негромко, но с вполне прозрачными интонациями в голосе оповестил меня охранник из-за спины.

— Спасибо, — я улыбнулся сам себе, — я помню.

Огляделся по сторонам, убедившись в безлюдности этажа, и улыбнулся снова. Не знаю, заметил ли это охранник…

У дверей сто девятого номера сопровождающий меня автоматчик остановился, прислонясь к стене, и взглядом указал на номер. Сюда, мол. Я вежливо улыбнулся конвоиру и ответил ему взглядом — пошел ты, мол… Лиса оскалилась, но я уже входил в секретарскую.

Бугай в черном деловом костюме мгновенно оторвался от компьютера, вонзив в меня пристальный взгляд из-под черных стильных очков. Не торопясь входить, я медленно, шаг за шагом проделал то же самое — внимательно изучил противника. Передатчик в левом ухе, кобура не на подмышке, а у пояса (в ящике стола, скорее всего, еще один пистолет). Охранник был в хорошей спортивной форме, наверняка борец какой-нибудь, а блестящий костюм просто трещал по швам, плотно облегая широченные плечи. Да что там в хорошей форме, он был просто огромен… Не сводя с меня глаз, качнул подбородком, мигом став похожим на экскаватор, двигающий ковшом.

— Виталий Александрович уже ожидает вас, молодой человек, проходите.

9:2:2 Я коротко кивнул и вошел в кабинет. Прилив сил и бодрости был таким, что, казалось, я был способен бегать по стенам. Этот рыжий водоворот энергии буквально кипел во мне, превращаясь в настоящий торнадо, но я пока не торопился демонстрировать его окружающим.

Захлопнув за спиной дверь, я быстрым шагом достиг стола.

Настолько быстрым, что опустил «дипломат» на широкий стол прежде, чем сидящий справа двойник телохранителя из соседней комнаты успел повернуться в мою сторону.

— Приветствую вас, Виталий Александрович! Доброго дня.

Отшатнувшийся на спинку кресла Талбатов побагровел, и это было заметно даже в полумраке кабинета. В следующую секунду охранник уже был на ногах, а в позе его чувствовалась угроза. Но вот прошла еще секунда, хозяин шикарного кабинета взял себя в руки, с прищуром осмотрел меня, затем охранника и тихонечко произнес, натянуто улыбаясь:

— Все в порядке, Миша, присядь, пожалуйста, на место.

Я повернулся, втыкаясь взглядом в собственное, слегка изогнутое, отражение в стеклах Мишиных солнцезащитных очков. У них там что, в этих очках, сканеры встроены, а может быть, прицелы?.. Двухметровый Миша стоял практически вплотную, готовый запустить руку под черный пиджак с отливом. Я легкомысленно пофантазировал, что если сейчас начать качать с охранника напряжение, «НовосибОнлайнКонсалтинг» значительно сэкономил бы на электричестве.

— Вы бы очки сняли, Михаил, — улыбаясь, предложил я, — а то темно тут, глаза устанут.

Не меняя позы, Миша обернулся к Талбатову и, смерив меня испепеляющим взглядом (жаль, что сейчас я не видел его глаз), вернулся на стул возле телевизионной панели. Интересная у них тут тактика охраны, подумал я. Сначала лезет вплотную, чуть ли не в упор, и только потом готовится выхватить оружие.

Он меня что, рукояткой хотел отлупить? Миша опустил свое могучее тело на крохотный офисный стул, через расстегнутый пиджак продемонстрировав мне одну из последних моделей «беретты». Пижон ты, Мишенька.

Талбатов подхватил утерянную было инициативу, с прищуром разглядывая кейс.

— Ну и ты здравствуй, Денис, если угодно. — Он поправил блеснувшие очки. — Присаживайся, не стесняйся… И знаешь что? Ты не делай больше резких движений, ладно? Миша принимает ряд препаратов, делающих его очень нервным, ага?

Я понимающе закивал, нарочито неспешно усаживаясь в кресло. Мне казалось, что я наблюдаю одну из сценок комедийного шоу. Нереальность происходящего еще сильнее позабавила меня.

— Вижу, вы узнали мое настоящее имя, Виталий Александрович, — утвердительно спросил я. — Быстрая работа. Наверное, и координаты вычислили?

— Служба безопасности не зря свою колбасу ест. — Талбатов

хрустнул мясистыми пальцами. — Мы теперь о тебе, засранец ты мой, многое знаем.

Я пожал плечами, равнодушно уставившись в закрытое жалюзи окно.

— Господа, давайте-ка без фамильярностей обойдемся, ладно? Так, времени у меня мало совсем. Брат, знаете ли, заболел. Так что предлагаю сразу о деле, Виталий Александрович, а если время останется, поговорим на отвлеченные темы…

Челюсть Талбатова едва не отвисла.

— …Я принес недостающую информацию и теперь хочу увидеть деньги.

Миша и его хозяин замерли, перестав дышать. Первым очнулся телохранитель, на выдохе выматерившись сквозь зубы, а следом за ним взорвался и Талбатов.

— Что ты сказал, сукин сын?! Деньги!? Дело?! Да я тебя, урода, сейчас же прикажу в бетоне утопить да в Обь сбросить, щенок! Ты еще о деле говорить вздумал? Как тебе мозгов хватило вообще прийти сюда, дебил? Недоносок! Мы-то его уже готовились по заброшенным заводам ловить, а он приперся! Ты о жизни своей драгоценной подумай, сопляк, ты ведь очень, повторяю, очень большую ошибку сделал! — Теперь Талбатов почти кричал, вскочив с кресла и опершись обеими руками о стол. Под ладонями оставались потные отпечатки. — Мы, гаденыш, теперь все о тебе знаем, и о друзьях твоих, алкоголиках, тоже знаем, где живешь, чем занимаешься! Ты бы подумал лучше, как бабки, что в прошлый раз отсюда унес, сохранить, пока я Мишу с его друзьями к тебе в Монолит не послал! Выкладывай диски, козлина!

Я лениво пощипал себя за нос, почесал бровь, наконец переводя взгляд на Талбатова.

— А я на вас, Виталий Александрович, между прочим, голос не повышал. И условия сделки не нарушал. Это тоже, как бы между прочим. А на парней мне ваших насрать, как и на деньги, это я ясно выражаюсь? Так что давайте сделочку закончим, а вот потом уже и ругаться будем…

Талбатов, крепко стиснув зубы, тяжелыми шагами обошел стол, включая телевизор. Казалось, что он мгновенно успокоился, теперь пытаясь угадать причины моей невозмутимости и безразличия.

— Ты, Дениска, мне, может, тогда объяснишь, что это за цирк ты тут устроил в прошлый раз? Или это, по-твоему, тоже в условия контракта входит? Или ты, как и в прошлый раз, опять наширялся, раз храбрый такой? — Он машинально притронулся к шее, еще имевшей синие следы. — Ты посмотри вот на это,

ладно? Внимательно посмотри. А то с твоей наглостью зенками собственными, может статься, вообще в последний раз смотришь…

Я скосил глаза на вспыхнувший экран, едва успев сдержать улыбку. Скрытая потолочная видеокамера, на которую я и рассчитывал, отлично сделала свое дело. Вот на экране я и Талбатов беседуем, вот он пытается убрать деньги обратно в стол, а вот я уже прыгаю вперед… ого, даже техника не справилась. Изображение на экране размылось от скорости моего передвижения и стабилизировалось, когда в шею Талбатова уже вцепились пальцы. Я поднял глаза.

— По-моему, я получился просто великолепно, а вот вы как-то слегка бледноваты, Виталий Александрович. Но в целом вышло хорошо!

Я собрался, и в следующую секунду Талбатов ударил меня ладонью по лицу. Больно, гад, ударил. Миша тем временем выключил телевизор. Для него, скорее всего, вопрос моей кончины уже не обсуждался, и теперь он наверняка раздумывал, как именно это придется делать.

Дальше Талбатов заговорил. Заговорил, тяжело дыша, отшатнувшись на полшага и присев на край стола. Заговорил хорошо поставленным голосом, которым неоднократно извещал собрания акционеров об очередном росте стоимости бумаг или отчитывал нерадивую дочь за очередной прогул школы. Заговорил, не глядя на меня, машинально потирая отбитую ладонь, но я уже не слушал. Просчитывая в голове расстояния и возможные векторы движения, я готовился к броску.

Талбатов рассуждал обо мне, убедительно и подробно рассказывая о Денисе Кабалине, о моем прошлом и о моем загадочном настоящем. Сквозь пелену секундных просчетов я неясно разобрал что-то о несуществующей, но полнейшей (вплоть до породы собаки, покусавшей меня во дворе Монолита, когда мне едва исполнилось пять) биографии, о Князе Игоре и придуманном детстве, а Талбатов все продолжал, в полном драматизма монологе пытаясь установить правду моего происхождения. Кажется, еще что-то он хотел знать о том, где я так быстро достал необходимые «НовосибОнлайнКонсалтингу» базы данных.

Когда Талбатов на секунду умолк и едва заметно наклонился вперед перевести дух, нервно протирая очки дорогим платком, я резким толчком отбросил кейс и метнулся к охраннику.

9:2:3 Надо отдать Михаилу должное, на этот раз он успел среагировать быстрее, прыгая навстречу и правой рукой

опрокидывая Талбатова навзничь, подальше на стол. Вот только эффекта он этим особого не добился.

Я встретил его, словно разворачивающаяся пружина. Оказался на расстоянии удара, размашисто хлопнув сложенной лодочкой ладонью в левое ухо. Очки охранника лопнули посередине, ровно на переносице, разлетаясь в стороны, а открывшиеся мне карие глаза телохранителя наполнились кровью от мгновенно полопавшихся сосудов. Миша на полувдохе замер, опрокинув голову назад, а я чуть-чуть присел и вновь выпрямился, выбрасывая руки вперед. Удар правой пришелся точно в нос, топя его в Мишино лицо: раздался хруст, охранник хмыкнул и, как подкошенный, повалился на стул, с которого вскочил. Левая же моя рука в этот момент крепко сомкнулась на покрытой насечками рукоятке «беретты». Когда на второй секунде боя Миша упал, оружия у него уже не было.

Я клацнул предохранителем, перебросил «беретту» в правую руку, а затем плавно, вслед за стволом пистолета, обернулся. Талбатов, все еще лежащий на столе, куда его отбросил Михаил, что-то кричал, с тонким пронзительным скрипом отползая прочь по полированной поверхности. Я перевел взгляд и ствол на открывающуюся дверь.

Секретарь возник в дверном проеме, водя зажатыми в руках пистолетами, лихорадочно стараясь сориентироваться в полумраке помещения и понять, что же происходит и куда подевался босс. Его силуэт можно было хоть сейчас увозить в ближайший тир, невольно подумалось мне, и я позволил себе улыбку. Не дожидаясь, пока верзила начнет палить, я прицелился и нажал на спуск.

Горло секретаря взорвалось, словно он проглотил зажженную петарду. Две пули, одна за другой, ударили в человеческую плоть — одна в гортань, другая чуть ниже. Довольно неплохо пристреленная «беретта» била мягко и почти без отдачи. Секретарь, к моему удивлению, не упал, а пошатнулся и, упершись плечом в косяк двери, остался стоять на ногах.

Тем временем за моей спиной Талбатов, так и не перевалившийся за край стола (голова его уперлась в подлокотник собственного кресла, лоб покрыла плотная пленка пота), до пояса, тяжело и неуклюже, свесился с него вниз головой. Судя по звукам, сейчас он пытался открыть сейф, в призрачной надежде успеть достать из ящика именной пистолет «Макаров». Я, почти наугад, выстрелил в его сторону, пробив толстое бедро и сбросив на пол. Виталий Александрович взвыл, словно пожарная сирена, с грохотом рушась под стол и сбивая кресло. Я снова перевел прицел на еще стоящего в дверях секретаря (черный

костюм с отливом, белоснежную сорочку заливает ярко-красная кровь). Охранник что-то хрипел, но умирать отказывался наотрез, из горла его с бульканьем вытекали последние силы. Пистолеты опустились.

Я прислушался к окружающим звукам, оценивая изменившуюся обстановку, присел за кресло, на котором сидел еще минуту назад, и еще дважды выстрелил противнику в сердце. Гильзы со звоном заскакали по широкому столу Талбатова, оставляя на его зеркальной поверхности след своего горячего дыхания. Двух попаданий в грудь хватило — здоровяк-телохранитель отлетел, ударившись о дверной косяк, завертелся на месте, словно шарик в пинбольном автомате, и упал на пороге. Я быстро катнул кресло к окну, мягко перепрыгивая к стене у двери, и присел на корточки.

Автоматная очередь оглушительно застрекотала из дверного проема, разрывая в клочки мое кресло, а заодно кроша стены, картинки на них, узкий резной шкаф и рикошетом вышибая окно. Этот — определенно не телохранитель — отморозок, каких из демобилизовавшихся с юга набирают, или мент бывший. Даже не проверил, в порядке ли шеф, а начал палить, словно его душманы окружили…

Пополз едкий пороховой дым, звенело металлическое эхо выстрелов. Я равнодушно наблюдал за крушением кабинета своего бывшего заказчика, считая выпущенные патроны. Верещал еще раз раненный Талбатов — рикошетные автоматные пули все-таки задели его. Разъяренный битвой (я вдруг почувствовал к этому человеку каплю уважения) и доведенный до отчаяния неожиданным поворотом дел, он все же смог открыть сейф. Нашел пистолет. Снял его с предохранителя. Поднял над столом и, совершенно не целясь и даже не видя целей, несколько раз выстрелил в сторону двери. Одна пуля попала в стену в метре от меня, вторая в телевизионную панель, еще одна — в дверной проем. Едва увернувшись от пластиковых щепок, летящих от косяка, автоматчик бросился вперед, снова без разбора поливая кабинет свинцом. Теперь он стоял над трупом убитого секретаря, получив обзор практически всей комнаты, так близко и рискованно открыто, что я видел слева от себя плюющийся огнем компенсатор его «калаша».

Я оценивающе покосился на находящийся в опасной близости ствол (хоть рукой берись) и поднял пистолет. Следующий мой выстрел практически отрубил Талбатову кисть с пистолетом, поднятую над столом. Тот закричал совсем уж истошно, как забиваемый на скотобойне хряк, и повалился под стол. Поток огня из дверей неожиданно прекратился, наполнив кабинет

звенящей в ушах тишиной, что всегда наступает после длительной стрельбы. Под отборный русский мат щелкнул металл — охранник, еще четверть часа назад сопровождавший меня в лифте, менял магазин.

Спиной я оттолкнулся от стены, встал и внезапно появился в дверном проеме, нависая прямо над автоматчиком.

— Еб… — только и успел всхлипнуть тот, потянувшись к голени, на которой крепились ножны.

Но, безусловно, не успел… Двумя пальцами резко ухватив его за челюсть, ровно под правую скулу, я одним рывком втащил автоматчика в разгромленный кабинет. Приставил ко лбу ствол пистолета. Через миг охранник поднял на меня наполненные ужасом и удивлением (да как же это так?) карие глаза. А еще через миг я опустил пистолет прямо в нагрудный вырез одетого под комбинезон бронежилета и в упор выпустил еще две пули. Охранник упал на пороге, в падении развернувшись и подвернув под себя ставшие непослушными руки. Я швырнул пистолет за спину, слыша, как тот затанцевал по столу.

Перешагнув через трупы в секретарскую, я подхватил разряженный «Калашников» и брошенный магазин. Зарядил оружие, не спеша обернулся. Стояла обманчивая тишина, и только фотографии на стенах продолжали с шуршанием плакать мелкой крошкой битых стеклянных рамок.

— Вы, Виталий Александрович, должно быть, сейчас напуганы… — Втаптывая куски стекла в ворс ковра, я вернулся в наполненную пороховым дымом комнату. — Буквально минуту назад вы и так меня в мифические персонажи записали, а теперь вот это… Виталий Александрович, поднимитесь, пожалуйста.

Я встал прямо посреди кабинета, слева от обмякшего на стуле охранника Миши, широко расставив ноги. Как солдат, готовящийся привести в исполнение приговор… Талбатову эта ассоциация, должно быть, тоже пришла в голову, ибо вставать он не собирался. Хозяин уничтоженного кабинета уже не кричал, а лишь тихонько поскуливал, хватаясь то за отстреленную руку, то за пробитую ногу.

— Вы же понимаете, что я сам могу дойти до вас, но хотите ли вы этого, вот в чем вопрос?

Постанывая, скуля и кряхтя, прижимая раздробленную кисть к груди, словно оберегая от меня, Талбатов все же заставил себя подняться. Только сейчас, когда на бизнесмене не было его дорогих очков, я понял, какой смешной у него нос. Тем не менее толика храбрости этого человека, проявленная им в бою, продолжала меня впечатлять…

— Денис… Денис Юрьевич… Ультра, я полагаю, мы все-таки

сможем с вами договориться… Я прошу…

А дальше я сказал то, что невероятно удивило и меня самого. При этом одно дело выпить водки, а потом удивиться, как это ты смог переспать с лучшей подругой. Но совсем другое — неожиданно говорить не своим голосом слова, говорить которые совсем не желал… Опустив голову, я тяжелым, словно сгенерированным на компьютере голосом вдруг зашептал…

— Путь праведника усеян деяниями злодеев и тиранов, и он тяжко согрешил, совершая над ними свое мщение. Блажен тот, кто именем доброй воли показывает, как пастырь, несчастным и слабым путь к счастью, ибо он и есть истинный пастырь и защитник братьев своих. И совершу над ними свое мщение наказаниями яростными. И узнают они, что я Господь, когда совершу над ними свое мщение…

Когда я заканчивал, Талбатов уже кричал в полный голос. Я же, странно улыбнувшись, открыл огонь, выпустив в кричащего Талбатова почти весь магазин. Тот рухнул поверх своего перевернутого кресла, в этот момент уже весьма отдаленно напоминая человека — бурый мешок, набитый костями и пулями. Отзвенело эхо, и на кабинет вновь опустилась тишина.

Еще не успев оправиться от собственной наистраннейшей тирады, я двинулся к двери, внезапно осознав, что тело не слушается меня. Выронил автомат. Чужое, инородное сознание внезапно ворвалось в мой мозг, голосом Талбатова возопивший от ужаса, раздирая его на две ровные половины. Пытаясь совладать с леденеющими пальцами и лихорадочно вспоминая, когда же меня зацепило шальной пулей, я понял, что проваливаюсь в небытие.

9:3 Чашка звякнула о блюдце, и Стивен Стэнделл по прозвищу Неужели-снова-вторник вздрогнул всем телом, осознав, что все еще смотрит в темный экран выключенного телевизора. Доктор Алан, этим позвякиванием словно бы невзначай выведший пациента из странного транса, в который тот впал при просмотре, осторожно глотнул чая. Выжидающе взглянул на Стива, склонив голову набок.

Протянув руку, тот взял свою чашку и выпил ее остывшее содержимое одним глотком. Сейчас он бы с радостью рассказал доктору, как делал обычно, что чувствует или думает в этот момент, но не нашел внутри себя ни мыслей, ни чувств. Одна ослепляющая чернотой (как костюм с отливом) пустота внутри, куда засосало сущность Стива Стэнделла. Доктор Алан едва слышно прочистил горло, не давая ему снова погрузиться в бездну, где нет реальности.

— Через несколько минут, Стивен, когда ваше шоковое

состояние ослабеет, вы наверняка засыплете меня таким шквалом вопросов, что мне не устоять. — Он тепло улыбнулся, и Стив понял, что действительно может рассчитывать на поддержку. — В таком случае, предвосхитив ситуацию, я начну рассказ, позволяющий хоть как-то прояснить произошедшее. Хоть это и против моих правил, я бы хотел ознакомить вас, Стивен, с программой моей диагностики и дать ответы на интересующие по этому поводу вопросы. Во время рассказа вы уже окончательно придете в себя, и если мое повествование не будет исчерпывающим или не заденет определенных областей, сможете сделать необходимые уточнения. Начало непосредственно аналитической работы я решил перенести как минимум на завтрашний день, когда мои помощники закончат систематизировать полученные сегодня данные. Если угодно, то завтра наша с вами программа, если она вообще еще будет существовать через десять минут, войдет в новую терапевтическую стадию.

Стив медленно кивнул, не глядя в сторону доктора и не сводя глаз с экрана. В нем виднелось размытое отражение обоих мужчин, комнаты и мебели, и он подумал, что все произошедшее очень похоже на историю про девочку, которая никогда не смотрелась в зеркало. Девочка эта, страшная от рождения, как-то представляла себе свое лицо, ее внешность описывали на словах подруги, но родители не позволяли ей даже на ощупь изучить свое уродство, не говоря уже о том, чтобы сфотографироваться или взглянуть в блестящий предмет. В один чудесный день девочка все же случайно взглянула на свое лицо в отражении на витрине. Увиденное в пыльном стекле настолько отличалось от внутренней картины, с уверенностью в которую девочка прожила столько лет, что от пережитого шока она умерла на месте. Сейчас Стивен ощущал себя этой самой девочкой, которая много лет внушала себе одно, но неожиданно все же взглянула в блестящее стекло телевизионного экрана…

Доктор Алан был прав насчет ступора, хотя и шоком в прямом смысле слова состояние Стэнделла сейчас назвать было сложно. Неприятное, гнетущее ощущение размазывало Стива по стулу, накручивая кишки на стальной штырь. Поставив локти на стол, он уронил лицо в потяжелевшие ладони.

— Конечно, док, начинайте, я пробую включиться… — Алан удовлетворенно кивнул. — Я слушаю очень внимательно, да.

— Хорошо. — На этот раз доктор бесшумно отставил чашку на столик и откинулся в кресле. — Я полагаю, что начать следует с небольшого и, возможно, небезызвестного вам экскурса в историю. Так сказать, окончательно прояснить, чем же это мы тут

занимаемся…

Психология, как вы знаете, крайне молодая наука, а поэтому и цифры у нас смешные, если сравнивать их с цифрами физиков или биологов. Чуть более пятидесяти лет назад, когда катаклизмы, придавшие нашей Земле именно такое лицо, каким оно является сегодня, только начинали набирать свою разрушительную мощь, изучение бессознательных сфер человеческой деятельности, можно сказать, достигло своего апогея. Словно к новой Мекке, вглубь себя устремились сотни исследователей, ученых и представителей искусства. Такое всегда бывает перед предположительными Армагеддонами. Путешествия в субъективные вселенные, астропсихология, трансовые методики, изучения новейших архетипов, первые Блуждания, экзистенциальный кризис личности в механизированном мире, конфликт религий на пороге современных войн… Все перечисленное определенно вывело изучение человека с психологической точки зрения на новый этап, породив очередной легион ответвлений, направлений и течений нашей науки, с их неизменными методиками, парадигмами и терапиями. Порог тысячелетий, как прошлого, так и этого, был преодолен человеком отнюдь не без труда — общество было больно и отчаянно искало вакцину… Тогда эпидемии только начинали свое буйство, птиц едва учились бояться, войны все еще напоминали игры детворы, а экологические катастрофы или убийственной силы ураганы казались чем-то вроде случайностей. Оставаясь наивным, человек так и не задумался, что происходит снаружи, обратившись внутрь себя.

Умирающее, погибающее и рождающее уродов общество почти отчаялось найти спасение своему бренному телу, в какой-то один миг всем скопом бросившись на поиски Спасителя душ. Но Армагеддона не случилось, второго пришествия не дождались или не заметили, и новой религией людей стала вера в самих себя. Вера в самоанализ, самоконтроль и внутренний рост. Не пройдись смерть по континентам с такой ужасающей скоростью, сейчас бы наверняка существовало уже не одно поколение людей, на самом деле обладающих огромной внутренней энергетикой, силой духа и даже паранормальными (для тех лет — не забывайте, Стивен, я говорю о прошлом веке) способностями…

Безусловно, представители практически всех религиозных течений и верований до сих пор рассматривают события середины двадцать первого века как Господню кару. До сих пор проводят прямые аналогии с крушением Вавилонской башни, продолжая предостерегать. Однако разница налицо… В библейской истории о башне люди бросили свои попытки сразу

после катастрофы, в нашем же случае ни одна новая война или болезнь не подкосили человечество так, чтобы оно вернулось в каменный век. И хотя человечеству все так же, как и многие тысячелетия назад, не суждено было возвыситься до небес, оно упорно старалось это сделать. И вот кто умело помогал ему в этом.

Доктор Эдриан К. Алан отстегнул от телевизионной панели свой портативный компьютер, со стуком выкладывая его на стол. Плоский овальный прибор, размерами похожий на старинную лазерную пластинку. По своим показателям превосходящий самые современные рабочие станции начала двадцать первого века в порядки раз. Доктор прищурился, наблюдая за тем, не потерял ли Стивен нить его повествования, и продолжил:

— Немыслимый рост технических достижений не на один год затмил человеку глаза иллюзией всемогущества. До Третьей мировой войны технологии так далеко шагнули вперед, что то, чем мы пользуемся сегодня, лишь малая крупица оставшегося. Действительно, не случись этой войны, сейчас люди населяли бы Марс.

Не без гордости отмечу, что психология тоже не дремала, плотно переплетая сферы своего влияния с кибернетикой. Уже на пороге нашего с вами века была разработана Нейросеть, созданная на основе тогда уже чудовищно развитой Всемирной Сети. Толчком к этому послужило довольно-таки массовое, если не сказать, повальное, увлечение известных терапевтов психологическими теориями и технологиями начала двадцатого века, когда в психоанализе (вполне) успешно и повсеместно применялся гипноз и трансовые методики. Мэтры науки занялись изучением бессознательного с новых теоретических позиций, но по старинке вооружившись блестящими медальонами гипнотизеров. Вот тогда компьютеры подставили свое пластиковое плечо и нам.

Созданная тогда и существующая по сей день Нейросеть представляет собой искусственно смоделированное пространство, с помощью машин охватывающее весь цивилизованный мир, психологическую Сеть, попасть в которую можно из любой точки при обладании необходимым оборудованием и нужным статусом. Создание искусственного замкнутого мира, куда сознание пациента… прошу прощения… куда сознание человека помещается полностью блокированным от мира реального, стало, бесспорно, большим шагом вперед в изучении темной сущности каждого из нас. Усовершенствованные, в отличие от бытовых систем, каналы подключения к рецепторам и нервным окончаниям позволили создать более чем стопроцентный эффект

присутствия. Специально разработанные программы выхода осторожно удаляли все лишнее из кратковременной памяти после окончания сеанса. Кибергипноз. Внутренние каналы наблюдения, дублирующие друг друга множество раз, считывали всю информацию о поведении человека в искусственном мире для последующего анализа. Следили, но не мешали. Это тот же самый гипноз, под которым Фрейд когда-то наблюдал за своими пациентами, на глазах превращавшимися в маленьких детей. Только в сотни раз более мощный и современный. Потому что Сеть — это не просто путешествие в прошлое для изучения вытесненных аспектов бессознательного. Именно в Нейросети, забыв, кем является на самом деле, человек проявляет себя со своей закрытой стороны, предоставляя аналитику богатейший диагностический материал.

Док прервался, глотнув холодного чая. Стивен слушал его с видимым интересом. По тону, эмоциям, сквозившим в голосе с шотландским акцентом, и смыслу все рассказанное чем-то напоминало ему школьный курс истории науки, чем-то исповедь грешника, а чем-то — проповедь миссионера. Да, он знал почти все, о чем рассказывал доктор, но прерывать не торопился, понимая, что Алан подводит свое повествование к чему-то очень важному. При этом Стэнделл знал и то, что если постарается, сможет угадать ход мыслей собеседника, сам дойти до сути, но сейчас ему совершенно не хотелось думать. Поэтому он положил подбородок на сложенные в кулаки руки и приготовился слушать дальше.

— Модернизированная после войны Нейросеть-2, которой пользуюсь и лично я, позволяет психологам не только моделировать искусственное окружение создаваемого вашим разумом мира, но и входить в контакт с живыми, реальными людьми, так же присоединенными к этой сетке для избранных. В Сети вы сосуществуете как огромные массивы данных, но во время контакта обретаете привычный сознанию (выбранный при погружении) образ, в построенной по всем законам физики, социологии и других наук системе. И хотя в самом начале пути ряд энтузиастов пытался выстроить внутреннюю среду Нейросети как мир, к примеру, бабочек или муравьев, холотерапия сейчас определенно не в моде…

При предварительной диагностике каждого отдельного клиента нашими операторами создается наиболее естественная для его потребностей картина мира. В своих более глубоких связях она моделируется уже непосредственно собственным сознанием клиента. Контактирующий с ним в Сети другой человек при встрече вполне может представлять из этого образа

нечто свое — игра эта всегда была сугубо индивидуальной и участники ее пользуются личностями друг друга, как заблагорассудится. Нейромодель не разговаривает, не совершает действий — в общении с другим Блуждающим вы лишь обмениваетесь потоками эмоционально заряженной энергии, даже не зная, с кем на самом деле имеете дело. Более того, этого не знают даже операторы Сети и Служба Контроля, хотя проследить канал и вычислить личность каждого клиента Нейросети не так уж сложно…

Стивен почувствовал, как расслабляются мышцы спины, до этого пребывавшие в невероятном, до дрожи доводящем напряжении. Сцена убийства в виртуальном кабинете Нейросети, буквально вплавившаяся в его сетчатку и даже сейчас стоящая перед внутренним взором, настолько потрясла, что он почти поверил в ее реальность… И все это не больше, чем сон в чреве машины. Пусть даже машины, давшей какой-то уникальный сбой.

— Признаюсь откровенно, то, что я сообщу вам дальше, я делать не очень-то должен, — судя по интонациям Алана, он ни капельки не преувеличивал, и Стивен опять почувствовал благодарность. Этот человек действительно хотел ему помочь, да. — Скорее наоборот. Восстановление картины путешествия в бессознательное клиента происходит уже непосредственно во время анализа, да и то лишь частично. Де-до в том, что для нейроконсультанта важен несколько иной пласт псевдореальности, нежели фиксируемый рядовым обывателем в ярких декорациях Нейросети, но…

Как мы уже с вами обсуждали, в вашей, Стивен, электронной реальности, вы существовали в образе русского, что нам, аналитикам, уже о многом говорит. Ваш персонаж — Денис Кабалин, как вы помните, был молодым человеком неопределенного рода занятий, полной противоположностью вашей личности, алкоголиком, любителем беспорядочных половых связей, а также частично уголовным элементом. Признаюсь откровенно, ваши сеансы были для меня сплошным удовольствием — количество информации и данных, над которыми можно работать, просто не поддаются описанию. Знаете, Стивен, ваше воображение построило очень богатый мир, очень… Но, как я уже говорил, анализом мы займемся позже. Как и обычно в таких случаях, без специального вмешательства Службы Контроля аналитик не знает, кто из окружавших вашу модель персонажей был живым человеком, а кто построенной системой декором… Странности же начались, когда система (по нашим первым версиям) замкнула саму себя в кольцо, попытавшись взаимодействовать с вами не в режиме реального

времени «здесь-и-сейчас», но изучая ваше несуществующее прошлое, и даже попытавшись рассказать об этом модели Кабалина, воспользовавшись моделью Талбатова, Нейросеть никогда не раскрывает своим посетителям, что они всего лишь электронные иллюзии самих себя, и тут…

9:3:2 Доктор Алан прервался и снова поднял чайник, наливая себе едва дымящейся воды. Стив отказался. Повернувшись к собеседнику почти боком, он не отводил глаз от картины на стене, ожидая, когда док продолжит. Алан не стал заваривать новую чайную таблетку, в несколько глотков выпив теплую воду, вытер губы салфеткой.

— То, о чем я скажу сейчас, — продолжил все столь же негромко, успокаивающе, — это, в принципе, как раз тот самый сенсационный материал, способный сделать нас известными, Стивен. Обещаю, что пока не разберусь во всем досконально, огласке предавать не стану. Так вот. Дело в том, что в определенный момент Блуждания мы стали фиксировать, что воспоминания внутри системы, а именно внутри модели Дениса Кабалина неожиданно начали дублироваться, словно он сам по себе тоже проходил курс нейропогружения. Воспоминания эти дублировались в чистом виде, как при обычном Блуждании клиента, двумя параллельными потоками данных поступая на нашу аппаратуру. Вообще, темы раздвоений зачастую всплывают на наших сеансах, но, во-первых, еще до начала сеансов я установил, что шизофренная шкала у вас в четкой норме, а во-вторых, особенности самого раздвоения (не стану вдаваться в технические подробности) указывали мне на его явно не психологическую природу. Первый вывод — что-то или кто-то, возможно и сама Сеть, двоил сознание модели Кабалина, подобно нейроконсультанту прописывая в нем ложные событийные схемы и выдавая их за действительно произошедшие. Вы понимаете, о чем я говорю, Стивен? Я говорю о подмене в подмене…

— Кто-то… — Стив не понял, сказал ли он это вслух. Сейчас ему казалось, что он смотрится в бесконечный зеркальный коридор, откуда ему приветливо машут руками десятки Кабалиных и Стэнделлов.

— Да, пожалуй, согласно первым предположениям все выглядит именно так. Хотя, оговорюсь, оценить наверняка пока не могу. Если высказанные версии окажутся верными, общепринятое представление о Нейросети… Хотя сейчас, конечно, говорить об этом еще преждевременно. Стройную картину умозаключений ломает еще одно обстоятельство. Дело в том, что во время одного из сеансов наша собственная система

контроля зафиксировала несанкционированное подключение к Нейросети. Я говорю о том, что неизвестная нам программа необъяснимым образом нашла ваш локальный массив Блужданий и вмешалась в него.

Стив вдруг понял, что ужасно замерз. Просто оледенел.

— Док, а можно сделать воздух теплее? — сказал он пересохшими губами, ледяными пальцами вцепившись в подлокотники.

— Конечно, — прервавшийся Алан внимательно, оценивающе взглянул на клиента и, поднявшись из-за стола, отрегулировал отопительную систему с пульта под окном. — Так лучше? — почти сразу в комнате заметно потеплело, и Стив кивнул, потирая онемевшие руки. — Ну, собственно, я почти закончил, Стивен… — подытожил доктор, усаживаясь обратно. — Как я уже сказал, пищи для размышлений хватит не на один месяц работы.

Стиву неожиданно подумалось, что прострелить себе висок — это самое мудрое и правильное в данной ситуации решение. Похоже, при всем своем сарказме и наплевательском отношении к его проблемам, Дэйч был прав, утверждая, что эти сеансы не пойдут Стиву на пользу.

— Я хочу знать еще кое-что, док… Что случилось во время последнего сеанса? Я что-то помню, и мне было больно… Раньше я такого совсем не…

— Это еще один из необъяснимых пока моментов, Стивен. — Алан почесал бороду, задумчиво поджал губу, размышляя. — Дело в том, что на каком-то этапе сеанса Сеть вдруг совершила хаотичный разброс новых, только что сгенерированных массивов, что послужило причиной перегрузки электрических сетей и привело к потере нескольких соединений, действующих совместно с вашим массивом Блуждания. Ну то есть те Блуждающие, с кем вы невольно установили контакт, просто потеряли связь. Мы предполагаем, что именно этот сбой Сети послужил причиной совпадения переживаний и воспоминаний сразу двоих Кабалиных — ложного и настоящего. Одновременно это внесло массу помех в сеанс, а позже и вовсе едва не выбросило нас наружу, чуть не лишив средств контроля за вами. Что могло произойти с Сетью дальше, предсказать не мог никто, и именно тогда я принял ненормативное решение прервать сеанс. Я знаю, Стивен, что это нарушает законы нашей деятельности, и вы имеете полное право подать на меня в суд, но…

Док потер кончик носа, словно испытывал глубокие внутренние переживания. Стивен же сейчас смотрел на него, словно видел впервые.

— Фактически насильственным путем вас вырвали из

компьютерного транса. Клянусь, я очень переживал за ваше состояние… Испытывать физические перегрузки, подвергать им мозг и терять связь при погружении сознания в несуществующее пространство — такое под силу далеко не каждому… Прямо сейчас, пока мы с вами общаемся, заканчивается тестирование наших каналов выхода в Нейросеть. Надеюсь, что о причинах неполадок нам вот-вот сообщат. — Алан многозначительно замолчал на долгую минуту. — И вы знаете, мистер Стэнделл, чутье уверенно подсказывает мне, что мы найдем что-то интересное…

— У меня еще один вопрос, док. — Стив едва не закусил губу. Тебе ведь незачем задавать этот вопрос, Стивен Стэнделл… Ведь ты уже и сам знаешь ответ… Почти наверняка…

Но Алан уверенно кивнул, приглашая ничего не стесняться. В конце концов, это будет их совместный триумф.

— Я хотел спросить… эти сеансы… и некоторые сбои… они могли вызвать у меня в реальной жизни… некоторое раздвоение воспоминаний… что-то ложное, что я помню, как настоящее?..

Наступила тишина, лишь было слышно, как по коридору клиники изредка ходили люди. Алан смотрел в стол, озадаченно потирая кончики пальцев. Прошла еще одна бесконечная минута, во время которой Стив пожалел, что вообще открыл рот, когда Алан поднял на него лицо.

— Теоретически это возможно. Остаточная память модели и стрессовые нагрузки в сочетаниях могут дать очень неприятный побочный синдром Стоящего-на-пороге… Буду откровенен, Стивен, при первом же подозрении я немедленно рекомендовал бы стационарное обследование. За счет клиники, разумеется, — на лицо доктора легла мрачная тень. — Стивен… Я очень внимательно слежу за изменениями вашего состояния. У меня не было никаких оснований подозревать даже малейшие проявления синдрома. Но если вы имеете самое ничтожное подозрение и отчего-то не поделились им со мной, то я рекомендую все рассказать. Синдром влияет на восприятие реальности и ощутимо сказывается на адаптивности клиента… теоретически он даже может быть опасен…

Огромный валун с пронзительным свистом рухнул в живот Стива. Доктор Алан сразу как-то отдалился, словно вместе со стулом уплыл в глубокий и темный тоннель, а окружающий свет стал тусклым-тусклым. Стив открыл уже рот, чтобы поблагодарить и успокоить, что, дескать, если я такое увижу или узнаю, что произошло с кем, так сразу расскажу о последствиях, сам приму меры и вас извещу… Но в дверь решительно постучали, и фраза осталась невысказанной.

Доктор Алан извинился, торопливо поднялся, открыл и некоторое время приглушенно разговаривал с кем-то в коридоре. Затем кивнул, отдал несколько коротких распоряжений, снова прикрыл дверь и вернулся к столу. Стив вздрогнул — на лице доктора Алана сейчас лежала ночь, а плечи словно одеревенели. Тихо, словно разговаривая сам с собой, доктор произнес, глядя прямо Стивену в глаза.

— Статистические станции Нейросети-2 и Службы Контроля сообщают, что в момент обрыва каналов в одной из нейропсихологических клиник произошел неопознанный выброс энергии. Пострадавший массив в этот момент находился в контакте с нашей локальной сферой Сети…

Стив непонимающе смотрел на доктора Эдриана К. Алана. Медленно, почти по слогам, тот пояснил:

— На неустановленном канале соединения с нашим массивом Блуждания… во время произошедшего скачка… на сеансе нейроконсультирования сгорел мозг человека.

ГЛАВА 10

…Говорят, они там медленно дохнут. Наверное, этого следовало ожидать. Мир пожирает сам себя и встал на тропу, с которой уже не сойти. Они там внизу воюют и воюют, перемежая сражения изобретениями новых технологий, способных ублажить и без того приторную жизнь землян. Что до меня, так мы вообще в последнее время стараемся ограничить контакты с Землей… а если будет необходимо, примем решение прекратить связь и объявим полный суверенитет. Кстати, они и не заметят…

Ульяна А. Волкова, комендант лунной колонии «Сапфир—2».

Луна, 2092 год

10:1 Стив заставил себя оторваться от окна и прошел в кухню. Созерцание серой улицы, залитой ночным дождем, это определенно не то, что сейчас необходимо перегруженному сознанию… Открыв холодильник, склонился над скудными запасами продовольствия, невидящим взглядом шаря по полкам.

Наконец решение было принято, и Стив извлек из ледяного царства початую коробочку хлопьев. С изрядной долей презрения осмотрев находку, он положил упаковку на кухонную стойку. Снял с полки широкую чашку, наполнил холодной водой из бутыли, бросил в нее две молочные таблетки, подумал и добавил еще одну, последнюю. Таблетки зашипели, наполняя прозрачную жидкость матовой белизной, в нос ударил запах молока. Поболтав в чашке получившуюся субстанцию, Стив решительно опорожнил в нее картонную упаковку. Хлопья мгновенно разбухли, а к запаху молока примешался сладковатый привкус.

Посмотрев на месиво и отставив получившееся блюдо обратно на стойку, он швырнул пустые коробку и упаковку молочных таблеток в мусорную корзину и вернулся в комнату.

Самый лучший способ расхотеть есть, как известно, — это приготовить себе пищу. Этот принцип Стив усвоил давно.

Упав в кресло, он закрыл глаза, тут же ощутив, как устал. Оказалось, что сходить с ума не так уж и страшно. Ты по-прежнему живешь в привычном ритме, постепенно пересекая ту грань, за которой уже не осознаешь, где реальность, а где нет. И продолжаешь себе жить, сладко и интересно, хотя на самом деле находящиеся в палате люди подтирают твои капающие слюни и кормят внутривенно. Благодать. Стив почувствовал, что еще пара минут размышлений на подобную тему с пустым желудком, и с ним случится голодная истерика.

На удивление быстро поднявшись, он подхватил с дивана куртку, нащупал бумажник и быстро, все еще опасаясь отказаться от принятого решения, вышел из квартиры. «Божественные ароматы». Кажется, именно так называется забегаловка через дорогу, он там пару раз уже завтракал. Проскочив мимо лифтов, Стив открыл дверь на лестницу, решив пройтись пешком. Ходьба пешком помогает расслабиться, это он где-то слышал. Может, даже доктор Алан сказал.

После их напряженного и полного сюрпризов разговора с доктором прошло чуть более часа, а после сеанса — порядка трех. В потрясении обсуждая новость, принесенную ассистенткой, они с Аланом некоторое время медленно переживали шок. Без версий, без теорий, без предположений. Лишь осознавая, что где-то там погиб человек. Затем доктор молча извлек из потаенного шкафчика бутылку конька, очень хорошего и дорогого, и они выпили, глотая обжигающий нектар прямо из чайных кружек. Как в России, пошутил Алан…

Очевидно, что разговор был окончен. У доктора Эдриана К. Алана еще оставались несколько встреч, неисправная Сеть и мертвый человек на неизвестном конце провода. Набросав предварительный график новых посещений Стивена и возможных компенсационных выплат со стороны клиники, они расстались, каждый под грузом собственных ошеломляющих впечатлений, гипотез, догадок и страхов. Договорились созвониться — с этого момента док хотел лично контролировать состояние Стэнделла. Чем чаще, тем лучше.

Алан долго и крепко пожимал руку Стива, желая ему не перенапрягаться, побольше отдыхать и спать, а также не посещать работу в ближайшие день-два. Слава Дэйчу, позаботившемуся о последнем вопросе и изрядно подразгрузившему Стэнделла от работы…

Мысли скакали так бодро и хаотично, что пытаться их ловить Стив даже не собирался. Следуя первому совету доктора, он,

насвистывая что-то навязчивое, прибыл домой, где обнаружил пустой холодильник и непреодолимое желание позавтракать. Оценив себя со стороны, он решил, что похож на маньяка, только что совершившего убийство, а теперь вернувшегося к обычной жизни, старательно забывая стрельбу, трупы и сумасшедший стук своего сердца. Человека, всем своим видом демонстрирующего полную непричастность к собственным действиям. Посидеть в тишине и пораскладывать по полочкам хлам, беспорядочно валяющийся в голове, Стив запланировал на вечер, когда мозг отдохнет (может, удастся поспать), а воспоминания Дениса Кабалина окончательно исчезнут из головы Стивена Стэнделла…

10:1:2 Он вышел на улицу, на светофоре переходя дорогу и пружинистой походкой направляясь в кафе. К его удивлению, хандра и тревога постепенно исчезали, в желудке урчало. «Божественные запахи домашней пищи» — вот как называлось кафе, и Стив улыбнулся тому, как избирательна бывает человеческая память. Заведение оказалось уютным, хоть и не сказать, что очень домашним. Обыкновенный фастфуд, только в домашних тонах и с официантками.

Народу в кафе было совсем немного: двое таксистов, попивающих кофе, да студентка, обложившаяся книгами, портативными компьютерами и распечатками рефератов вперемешку с тарелками и бутылочками соуса. Стив взял с розовой стойки пластиковое меню и, не обнаружив никого из обслуги, сел за столик у широкого окна. Через минуту в зале появилась полная улыбчивая женщина средних лет. По ее фартуку на уровне пояса шла яркая надпись «Божественные запахи домашней пищи. Принюхайтесь и заходите».

Подождав, пока улыбка в фартуке разольет таксистам новую порцию кофе, Стив ткнул пальцем в загоревшиеся розовым пункты меню и отдал его официантке. Та пробежалась по заказу глазами, одобрительно покачала головой и наклонилась к Стиву, доверительно понижая голос.

— Когда будете кушать, мистер, постарайтесь не проглотить вилку, — и тут же сама залилась над собственной шуткой негромким и искренним смехом. «Мэрилин» — прочитал Стив на ее бэйджике. Он слегка натянуто улыбнулся в ответ, и Мэрилин уплыла в направлении кухни.

Отодвинув салфетки и соль, Стив положил на исцарапанный стол руки и уставился в окно. По улице с гудением пронеслась колонна грузовых гидромобилей. Он скользнул взглядом по цветастым вывескам магазинчиков, по прохожим и блестящим машинам на стоянке и невольно вспомнил Россию.

Несомненно, Нейросеть воссоздавала реальное положение вещей, что было для Стива равносильно путешествию в далекую, заснеженную и населенную медведями Сибирь. Неужели там все на самом деле так? Нет, он, конечно, слышал, что последствия войн и кризисов серьезно коснулись юга России и даже зацепили Сибирь. Говорят, что именно там базировались основные ракетные точки русских, именно туда арабы влепили один из своих первых ударов, но чтобы после этого жить в таком месте… Стив очень хотел, чтобы уже сейчас наступило завтра, когда доктор Алан начнет свой анализ модели, созданной бессознательным Стивеном.

Хакер, убийца, пьянь, любитель проституток, совершенно несерьезный русский, не думающий о завтрашнем дне. Ну кто бы мог подумать, что это будет его собственная модель Сети? Почему именно так? Хотя частично, предполагал Стив, образ был создан на основе распространенных в Европе клише и мифов, окружавших далекую и злую нацию. Как же еще должен выглядеть парень, живущий в послевоенной зоне?

А еще эти раздвоения. Интересно, а у модели, живущей вполне самостоятельно, могут быть болезни? Шизофрения, например… Если да (Стив сглотнул комок), то что же тогда у него самого?.. Или это всего лишь проявления его бессознательных интенций? Ложь в ложном мире, и никакого раздвоения нет, а сознание играет глупые шутки? О, доктор Алан, скорей бы завтра…

Вернулась улыбчивая Мэрилин, сняла с подноса несколько тарелок. Пахло действительно вкусно, и Стив бодро принялся за фальшивую курицу из сои, даже не дожидаясь, пока официантка уйдет.

— Приятного аппетита. — Мэрилин улыбнулась и отошла, а Стив небрежно кивнул в ответ, понимая, что с набитым ртом разговаривать неприлично. И только после этого поймал себя на мысли, что раньше не позволял себе такого поведения. Еще вчера он бы вежливо поблагодарил официантку, дождался одиночества и лишь тогда принялся бы за еду. Что-то новое, свободное и безмятежное появилось в его сознании, и Стив едва не поперхнулся, осознав это. Темная русская половина?

Ощущение прошло быстро, как и появилось. Голод не переставал напоминать о себе, и Стив не успел испугаться собственных мыслей, как уже был сыт, отодвигая пустые тарелки и поднимая ко рту чашку кофе.

Он уже собирался благодушно смежить веки, готовясь к глотку густого синтетического напитка, как дверь кафе с легким звоном открылась, и внутри появился еще один посетитель. Рука

Стива замерла на полпути, а затем вернула чашку обратно на блюдце.

Вошедший — молодой человек лет двадцати пяти, был одет в искусственную черную кожу от головы до пят, а завершали эту картину тяжелые армейские ботинки. Обычный вроде бы для наших дней вид, вот только его длинные — до плеч — каштановые волосы, прямые, как струи дождя, были идеально чисто, словно по линейке, удалены с левой части головы. У таких масса имен, да…

Слишком много кибернетики для одного утра, подумал Стив, а парень, цепко осмотрев кафе, незамедлительно двинулся к столику Стэнделла, четко и с едва слышным скрипом припечатывая шаг по гладкому полу. Без вопросов или какого-либо приветствия полулысый сел на диванчик напротив, мотнув головой, чтобы отбросить волосы назад, и свет неярких ламп кафе отразился на его лысой половине черепа. В левое ухо была вставлена изящная серьга в виде микросхемы. Панк через стол наклонился к Стивену, не обращая внимания, что отворот его короткой куртки практически лег в грязную тарелку.

— Нужно поговорить.

— Я полагаю, — Стив чуть отодвинулся, притягивая к себе кофе, чтобы незнакомец ненароком не перевернул чашку, — что вы ошиблись. Я вас не знаю, а на первый взгляд что-то даже не подберу тему для разговора. Мне не нужно ломаное программное обеспечение, мне не нужны наркотики и имплантаты мне тоже не нужны. Я чертовски устал и хочу, чтобы меня оставили в покое, или мне придется вызвать…

— Стивен Стэнделл, — настойчиво проговорил незнакомец, возбужденно прищуриваясь, — повторяю тебе, что нам нужно поговорить. Если я тебе не знаком, это еще не означает, что ты мне тоже. Сразу отмечу, речь пойдет о твоей жизни, цена которой стремительно падает.

Про-кля-тие… Стивен смотрел в красивые карие глаза незнакомца, ощущая, что сейчас его стошнит только что съеденными блюдами. В голове будто сшиблись два локомотива. Грохот, паника, бегущие прочь мысли. Спасайтесь, мысли, мы погибаем. Да, можно вскочить, выбить витрину и выпрыгнуть на покрытый лужами тротуар. Это не поможет, но еще сильнее подчеркнет абсурдность ситуации. Можно позвать полицию, но… Врезавшиеся локомотивы догорали, опустошив душу, заполнив ее черным дымом сгоревшего топлива. Чертов Кабалин, чертов доктор Алан, да будут прокляты ваши души, настоящие или придуманные.

Стивен осторожно покосился на Мэрилин, подливающую

кофе таксистам. Казалось, она вовсе не замечает одетого в черное панка за его столиком. Он вернул взгляд и увидел, что сидящий напротив юноша продолжает выжидающе заглядывать ему в глаза. Как там сказал Эдриан К. Алан? Синдром Стоящего-на-пороге? Господи, как же точно они подобрали название… Он наклонил голову, и панк нахмурился. Вероятно, его удивило выражение лица Стивена — расслабленно-умиротворенное, словно тот только что принял сильное успокаивающее. Умиротворение, вот что снизошло на Стэнделла, уже утратившего возможность удивляться. Иллюзии, перешагнувшие грань Нейросети, вот что окружает его в последние дни. Так что нет причины звать копов, никто и не заметит, как он, Стивен Стэнделл, утренний посетитель «Божественных запахов чего-то там» допивает синтетическую бурду и общается с придуманным гостем своего электронного сна. Сейчас он допьет, поднимется домой и перезвонит в клинику, рассказав Алану про усиливающийся синдром…

Но молодой панк, похоже, был вовсе не намерен таять в воздухе, как дешевая рекламная голограмма. Резко подавшись вперед и протянув руку к Стиву, он больно схватил того за запястье.

— Я пытаюсь говорить спокойно, Стэнделл, — прошипел он, не сводя взгляда, — но это удается мне все с большим трудом. Знаешь, мне куда привычнее общаться с машинами, а они не ведут себя, как умалишенные. Так что послушай меня еще раз — нужно поговорить. Не здесь, но как можно скорее. Ты меня понимаешь?

Стив затравленно огляделся по сторонам. Ни водители, ни студентка за учебниками, ни Мэрилин-Милашка-Запах-домашней-пищи не обращали на них ровно никакого внимания. Интересно, как они отреагируют, если он вдруг?.. Но панк придвинулся еще ближе, оскалив желтеющие зубы.

— Прекрати вертеть головой, кретин, и выслушай меня. Советую соглашаться. За твою жизнь, Стэнделл, сейчас, между прочим, очень многие спорят, и я тебя уверяю, что мы — один из лучших возможных вариантов! — Теперь Стивен слышал, что от парня несет застарелым потом, чесноком и машинным маслом.

Ну хорошо, но если уж ты появился в моей жизни, так давай хотя бы…

— …Познакомимся. — Стив старался говорить тихо. — Меня зовут Стивен Стэнделл.

— Ты что, больной, Стэнделл? — Панк озабоченно взглянул ему в глаза, словно рассчитывал через них разглядеть сбой, овладевший собеседником. Затем нахмурился и покачал

головой. — Хотя да, меня предупреждали, что ты чудной. Зови меня Астарта.

Прекрасно. Галлюцинация по имени Астарта.

— Мне нужно не больше пяти минут, чтобы все объяснить, но сначала мы должны уйти. — Стивен послушно пожал плечами, надеясь, что сделал это не очень заметно. — За кафе есть небольшой сквер, жду тебя там. Уходи быстро, но не привлекая внимания.

Астарта встал, едва не смахнув на пол остатки завтрака, подхватил из пустой тарелки хлебную корку и, зажав ее в желтых зубах, вышел наружу. Звякнул колокольчик у двери, но Мэрилин вновь не отреагировала.

Стив неторопливо допил кофе, наблюдая, как Астарта исчезает за углом, выложил на стол мелочь, добавил чаевых. Благодарно кивнув появившейся за стойкой официантке, поднялся из-за стола и покинул «Божественные запахи».

10:1:3 Узкий проход справа от здания, в котором размещалось кафе, вел в один из внутренних дворовых скверов. Таких много появилось в последние лет пятьдесят. Какие-то скверы разбивались за счет муниципалитета, но большую часть создавали своими руками сами жильцы, охраняя свои уголки живой природы ревностнее, чем государство охраняет заповедники. Осмотрев улицу, Стив медленно прошелся до угла. Свернул в уютный проход, стены которого поверх цемента и железа были отделаны кирпичом под старину, толкнул дверцу калитки.

Что ни говори, а Антверпен Стивен любил. И любил по большей части именно вот из-за таких мест, скверико в, парков, укромных лужаек. Таких, по словам его матери, в Америке, откуда эмигрировала семья Стэнделлов, сейчас совсем не осталось. Этот сквер был совсем небольшим, еле-еле умещаясь среди обступивших его домов. Отгороженное стеклом небо терялось где-то наверху, создавая иллюзию колодца. Однако, нужно было отдать должное жильцам, в колодце этом было по-настоящему мило и приятно. Ухоженные клумбы, подстриженные деревья — в последнее время это все чаще становилось настоящей редкостью. Стоял запах свежести и воды, но не дождевой, а речной, словно создатели сада смогли и в самом деле просверлить скважину. Ароматы смога и гари, неотступно преследовавшие на улицах, здесь почти не ощущались. Да тут деньги с посетителей брать нужно, как в Оранжереях…

К удивлению Стивена, панк не исчез. Астарта ждал его на одной из изумрудно-зеленых скамеечек, дожевывая хлебную

корку. Больше в сквере никого не было, и Стив с легкой досадой посетовал, что жил в двух шагах от этого райского уголка, даже не подозревая о его существовании. Подойдя к Астарте, он осторожно присел рядом. Панк вышвырнул огрызок в небольшую урну и закинул ногу на ногу.

— Учитывая, что ситуация начинает выходить из-под контроля, Стэнделл, в целях сохранения твоей очевидно ценной жизни мы наконец решили вмешаться, — без вступления начал он, поглядывая на арку входа и кованую калитку.

Стив, носящий обидное прозвище Неужели-снова-вторник, перехватил его взгляд, старательно пытаясь вникнуть в сказанное.

— Признаюсь, парень, я не понимаю и двух слов… Первое: с чего это ты взял, что речь идет о моей жизни? — Он старался говорить спокойно и медленно, что удавалось не очень удачно. — Ну и второе: кто, мать вашу, вы такие и чего вам от меня нужно?

— Не-е-аа. — Астарта сплюнул в ту же мусорку. — Тебе сейчас понимать ничего и не нужно. Кто мы такие, узнаешь позже, точно говорю. Ну а чтобы ты не терзался в раздумьях, что это какой-то розыгрыш, то попробуй мне просто поверить. А скажу я тебе, что сейчас ты крайне интересуешь парней, настроенных значительно более враждебно, чем мы, и мечтающих без разговоров снести тебе башку… Это ты понимаешь, Стэнделл? Инстинкты самосохранения еще работают? Мы, конечно, пытались было достучаться в Сеть, но, признаюсь честно, не вышло. — Он отбросил с правой половины лба прядь и вопросительно посмотрел на Стива.

— Либо ты сейчас заканчиваешь ломать комедию и рассказываешь, что все это значит, либо я встаю и ухожу. Это ясно? — Стив очень и очень старался говорить спокойно, но это давалось ему все с большим трудом. А ведь он только успокоился, вкусно поел…

— Да не напрягайся ты так, старина. Ты о нас слышал, зуб даю. — Астарта щелкнул кончиком пальца по своей серьге. — «Фронт вне фронта» — борцы за чистоту человеческого сознания. Сечешь?

Да, о «Фронте вне фронта» Стив слышал. И в свое время немало. Вот только легче от этого не становилось, а скорее наоборот. Неформальная военизированная организация, четко структурированная и разветвленная, в состав которой входили как сработанные банды профессиональных хакеров, так и вооруженные группировки силовиков. Панки и анархисты. Их цели и мотивы были понятны только их же собственным руководителям. Стивен мутным взглядом посмотрел на Астарту, его серьгу и подумал, что упустил момент, когда успел так

вляпаться. «Фронт вне фронта» хочет спасти ему жизнь… Что дальше?

— Я, быть может, пропустил часть фильма, — невольно повышая голос, заговорил Стив, чувствуя, как начинают гореть щеки, — вероятно, я выходил в туалет или за попкорном. Упустил нить, так сказать. Так что поверь мне, парень, теперь я имею весьма слабое представление о том, что, черт побери, происходит!

Лицо Астарты побледнело, когда панк привстал, невольно отодвигаясь от Стэнделла.

— А вот его-то я бы на твоем месте, Стэнделл, не поминал! — Он схватился за серьгу, как искренне верующий хватается за нагрудный крест. — Ты это… старик, ты не горячись, я тебе обещаю, что все объяснят… Ты не подумай ничего, я ведь посыльный только. Гонец, так сказать… Весть принес, дело сделал, точно говорю.

— Да я с места не сдвинусь, пока хоть что-нибудь не узнаю, понял ты меня?! Ты уж мне тоже на слово поверь, ладно? Так вот, последние несколько дней… да что там дней? Несколько недель моей жизни были непростыми. Да, непростыми. Выматывающими. Я устал. Напряжен. Я на взводе, сечешь? Так что если ты мне ничего сейчас не объяснишь, то я наплюю на этот балаган, встану и прямо сейчас уйду, будь ты гонцом хоть «Фронта вне фронта», хоть ООН! — Стив умолк, уже готовый нервно рассмеяться своей импровизированной истерике, когда Астарта вдруг выбросил белый флаг. Все еще косясь на парковый вход, он быстро выпалил, покачивая головой, словно делал это по принуждению:

— П-р-р-р… Не горячись, старик, это вредно. Не хотел тебя расстроить, поверь. Просто я сам знаю мало…

— Рассказывай!

— О, спокойнее, давай без криков, ладно? Я ведь только кибернетик, ага?

— Рассказывай!

— О, ладно. Ну, в общем, все, что я об этом знаю, так это только то, что ты вроде как окончательно введен в игру… Кажется, ты сегодня человека убил… Через Сеть… Белоплащники как узнают, совсем озвереют, а тут к ним еще и с инспекцией нагрянули — вообще труба! Но это не стопудово, только слухи, точно говорю. Так вот Люмонт и решил тебя выручать, если получится, конечно… Если успеем. Вот и все, что знаю, мамой-платой клянусь!

Астарта, уже давно снявший ногу с ноги, отодвинулся еще дальше. Стив почесал подбородок, разглядывая траву газона. Красиво как… Он покачал головой, обдумывая услышанное. Белоплащники, инспекция, Люмонт и…

— Ты сказал, что я убил человека через Сеть?! — резко повернулся он, и Астарта вскочил, от неожиданности выставив перед собой руки.

— О нет! Тише, Стэнделл! Меня трогать нельзя! Говорю тебе, что только слышал именно это… Я не знаю, чувак, сказал же, что я лишь гонец. Вот, держи, они все разъяснят… осторожно, ладно? Там письмо, ничего кроме письма… — И он медленно, как будто под прицелом стоял, полез за пазуху. Протянул Стиву плотный серый конверт. — Еще Люмонт просил передать, что времени очень мало и тебе не стоит терять его зря. Просил сказать, что пользуют тебя, Стэнделл, и круто пользуют. Никому не доверяй, к телефону не подходи, старайся с незнакомыми людьми даже не разговаривать.

— Мне показалось, — Стив теребил в пальцах конверт, чувствуя, как стучит в висках, — или я только что нарушил первый и третий пункты?

— А-а?.. — Астарта замер, глупо уставясь на дерево, — ну, это… «Фронт вне фронта» — это единственное, что тебя теперь защитит, вот что я думаю. Говорю честно, поверь мне, Стэнделл.

И Стив почему-то поверил. Кивнул, не глядя больше на панка. Астарта нерешительно помахал рукой и, более не говоря ни слова, вышел из сквера, оставив Стива наедине с собой и грязно-белым конвертом.

10:1:4 Посидев еще некоторое время в тишине, нарушаемой только журчанием искусственного водопада в глубине сада, Стив отрешенно наблюдал за качающимися над головой ветвями, уже начинавшими сбрасывать свой небогатый наряд. Не опуская взгляда, он позволил пальцам распечатать конверт.

Крохотный серый котенок внезапно появился из-за клумбы, вспрыгнул на соседнюю скамейку и уставился на Стэнделла большущими голубыми глазами. Тот окаменел, не в силах поверить. Первая мысль, что окружающие его предметы — все-таки галлюцинации. Вторая мысль о том, что это место и впрямь является кусочком далекого мирного прошлого, когда на улицах росли деревья, а по подворотням шныряли бездомные незарегистрированные животные. Котенок, чудом избежавший ветеринарных патрулей, наклонил голову, задней лапой неловко почесав ухо.

Преисполнившись неожиданного решения, Стивен спрятал вскрытый конверт за пазуху и осторожно придвинулся поближе к котенку. Зверек наклонил голову, пригнулся и замер, осторожно подергивая кончиком пушистого хвоста. Стив положил на край скамейки руку, быстро зашевелив пальцами, и сразу отдернул ее.

Котенок принял правила игры и, мягко спрыгнув на грубые камни, устилавшие дорожки сквера, короткой перебежкой достиг скамьи. Присел, напряженно выискивая жертву. Переместив руку немного левее, Стив опять заскреб ногтями, на этот раз едва успев выдернуть ее из-под мелких острых коготков. Невероятно высоко сиганув и перевернувшись в воздухе, котенок перемахнул через спинку, шарахнулся под лавку, где и замер между ботинок Стэнделла, перепуганный до смерти.

Стив медленно, чтобы не напугать, потянулся вниз и, не обращая внимания на отчаянные попытки кота вырваться из плена, извлек того себе на колени. Посидел так, ни о чем не думая, ласково поигрывая шерсткой и ушками мигом успокоившегося котенка, и встал, прижимая теплого зверька к груди.

— Я не знаю, от кого ты удрал, парень, но переезжай жить ко мне? — Стив посмотрел в задранную вверх морду и увидел в голубых прищуренных блюдцах свое отражение. — Ведь еще никому не удавалось вечно бегать от бригады ветеринарной зачистки…

Прижимая котенка к спрятанному за пазухой письму, Стив вышел из сквера, защелкнув за собой калитку. Пересек улицу и поднялся домой, постаравшись, чтобы консьержка ничего не заметила. Приоткрыл дверь, опуская постояльца на пол и подталкивая в свое жилище… Имя. Ну да, котенку нужно будет придумать имя, конечно. Сначала, правда, выяснить, он это или она, а потом уже придумать. А еще проверить на болезни, искупать, сделать необходимые прививки и, может быть, даже зарегистрировать в муниципальной базе. А может быть, и не регистрировать…

Постояв с минуту в коридоре и осторожно принюхавшись к новому месту, зверь сразу же проявил себя немалым нахалом, в два прыжка пролетев комнату и приземлившись только на кухонной стойке. Неудачный завтрак Стива, уже начавший скисать, был мгновенно захвачен в плен. Следующие несколько минут кот лишь изредка приподнимал измазанную в молоке усатую морду и настороженно озирался. Стив искренне улыбнулся, разулся, закрыл дверь и практически рухнул на диван.

Что имелось? Всего помаленьку, что совершенно никак не увязывалось в единую картину… Неожиданный обрыв сеанса психоанализа, необъяснимое раздвоение его сетевой модели, смерть человека в Нейросети, к которой «Фронт вне фронта» отчего-то причисляет именно Стэнделла; синдром Стоящего-на-пороге на тему гонконгских боевиков вроде «Нападение в переулке сверкающих ножей»; совершенно неуместный разговор с

бывшей (почти) женой. А теперь еще все тот же «Фронт вне фронта», мечтающий спасти ему жизнь. При этом убеждающий, что жизни этой что-то грозит. Многовато для привычного размеренного существования Стивена Стэнделла, до этого считавшего верхом безрассудства неожиданную свадьбу после двух недель знакомства.

Как это ни странно, но мерное шлепанье кошачьего язычка по донышку миски позволило Стиву воспринять этот калейдоскоп мыслей с определенной долей спокойствия, разбавленного непритворным удивлением.

Он прикрыл глаза и осторожно, как будто руками ловил рыбу, попробовал приручить и систематизировать свои дикие мысли. Не вышло…

Стив невольно вздрогнул, чуть не сбросив прыгнувшего на грудь котенка. Довольно нагло, нужно заметить, да. А если он заразный? Стивен вздохнул, так и не заставив себя сбросить зверька на пол. Придется привыкать жить не в одиночестве. Хотя один раз он уже привык…

— Ну хоть ты-то меня не предашь? — тихонько спросил он, почесывая того за ушком.

Вероятно, рассуждая, что столько радостей за один раз случается только в кошачьем раю, а значит, он умер, кот развалился на груди Стива, перестав смущаться. Блаженно заурчал, вылизывая лапу. Кстати, надо будет купить ему горшок… Стив снова улыбнулся котенку, начиная понимать, чего именно ему не хватало в жизни. Возможно, даже для счастья.

Телефоны, кроме их постоянной обязанности звонить в самое неподходящее время, когда руки покрыты мукой и на плите подгорает рыба, вы в туалете или занимаетесь любовью, иногда наделяются дополнительными полномочиями. Скажем, умеют невероятно сильно пугать.

Кот, едва блаженно задремавший под аккомпанемент неспешных мыслей Стива, вскочил и в один прыжок скрылся под столиком-черепахой. Сам Стэнделл, подлетевший с дивана на полметра вверх, кое-как справился с обезумевшим сердцем и пошел на кухню. Дотянулся до стойки, подхватил забрызганную каплями молока трубку, даже не подумав включать видеофон, и снова упал на диван.

— Ну ты и свинья, котик. — Он обтер телефон о диванную подушку и приложил трубку к уху. — Алло?

— Алло, добрый день, я могу услышать Стивена Стэнделла? Его спрашивает доктор Эдриан Алан из частной…

— Док, это я. Еще раз приветствую.

— Стивен? Будете богатым, как говорят русские, не узнал вас.

— Задремал, простите. Есть новости, доктор?

— В общем-то, да… — Алан замолк буквально на миг, но в эту же секунду Стив пожалел, что спугнул кота и все-таки не послушался правила Астарты, подняв трубку звонящего телефона. Пауза пригрозила затянуться, но доктор Алан снова заговорил.

10:1:5 — Нам стали известны кое-какие подробности, связанные с сегодняшним несчастным случаем в Сети. Вы понимаете, о чем я говорю, мистер Стэнделл? Данные довольно важные. Настолько, что нам, совместно со Службой Контроля, пришлось почти сразу обнародовать их, хоть и не в полном объеме. Вы сейчас не смотрите телевизор? Тогда включитесь на шестой канал, там передают новости, я жду…

— «Жилище», телевизор. — Стив прикрыл микрофон рукой. — Шестой канал, громкость пять. — Панель мгновенно засветилась. Диктор выпуска, немолодой мужчина с седой шапкой стильно подстриженных волос, продолжал вещать, иногда поглядывая на активный экран в верхнем левом углу.

На экране мелькали люди в халатах, вечернюю улицу раскрашивали полицейские прожектора, чье-то укрытое с головой тело на носилках спешно грузили в красно-белый гидромобиль, отталкивая репортеров.

— …Таким образом, эксперты полагают, что внезапная смерть господина Золотых наверняка станет причиной отмены не менее чем сорока процентов заявленных экспортных контрактов. Как показывают события последних десяти часов, смерть олигарха уже спровоцировала ряд действий крупных игроков рынка компьютерных технологий и оборудования. Как нам стало известно буквально полчаса назад, немецкая корпорация «Пульс планеты» и северояпонская компания «Серая стрела», являющаяся структурным подразделением корпорации «Мицунамко», незамедлительно ответили на изменения во внешней политике медиа-империи господина Золотых. По заявлениям представителей компаний, большая часть договоров уже расторгнута, причины не объясняются. Однако пресс-центры корпораций уже открыто заявляют, что сферы интересов компаний в самое ближайшее время будут перенесены в страны Северной Африки и Юго-Западную Азию. Как и предсказывали аналитики, пирамида Золотых, выстроенная исключительно на его влиянии и личных связях, рушится на наших с вами глазах. Кроме того, специалисты единогласно предсказывают, что это лишь начало крупной волны рокировок, начавшейся на кибернетическом рынке после трагической кончины господина Золотых. К сожалению, пока это вся информация,

предоставленная нам пресс-службой корпорации «Сибирское возрождение», представителями японской и европейской компаний, а также медицинским центром, где Золотых проходил курс лечения. В следующем выпуске мы обязательно вернемся к кончине одного из влиятельнейших бизнесменов России, более полную информацию вы можете найти на нашем информационном ресурсе в Сети.

Дальнейшие новости.

Сегодня завершился визит в Мадрид генерального…

Стив поднял трубку телефона к лицу. Щека горела, словно в лихорадке.

— Я зацепил только конец, — смог просипеть он, прижимая холодный пластик к коже и удивляясь, почему не слышит шипения.

— Они называют это происшествием, Стивен. — Алан вновь замолчал. Затем вдруг заговорил мягким, но решительным голосом, и Стив невольно, как и обычно, начал успокаиваться. — Я бы назвал это одним из наиболее значимых событий в современной российской экономике… Александр Золотых, президент и основатель корпорации «Сибирское возрождение», один из самых богатых людей не только России, но и Объединенной Европы. Его деловая империя уже более двадцати лет занимается разработкой и продажей новейших достижений в области кибернетики, нейрохирургии и еще много чего, так или иначе связанного с компьютерами и Сетью. Я не знаю мировой корпорации, не сотрудничавшей с Золотых, Стивен. Говорят, что добиться своего положения Золотых позволил его пробивной характер, криминальные связи, а также средства, заработанные во время последних войн на юге России. Благодаря сложению этих факторов Золотых вывел свою корпорацию на одну из лидирующих позиций как на рынках Европейского Альянса, так и обеих Америк. Ему было всего пятьдесят девять лет, и последние четыре месяца он проходил стационарный курс обследования в одной из лучших российских клиник, на родине — в новосибирском Институте Нейрохирургической Коррекции Организма и Сознания. По нашим внутренним сведениям, Стивен, полученным от ИНКОС на последней конференции, у него наблюдались ярко выраженные симптомы абсцессивного невроза… — Алан помолчал, обдумывая, что еще он может рассказать Стэнделлу. — Его модель в момент смерти контактировала с двумя массивами Нейросети — польским и нашим. Поляков, кстати, тоже задело…

— Док, — Стив говорил с трудом, против воли выплевывая сухие слова в микрофон трубки, — я могу задать вам еще один

вопрос? Возможно, он покажется несколько странным…

Алан ответил, что конечно. И тогда Стив задумался, а так ли он хочет знать ответ. Вспомнилась недавняя встреча с Астартой. «Фронт вне фронта»… «Говорят, что сегодня утром ты убил человека. В Сети… Тебя пользуют, старина».

— Док, а не могло ли быть так, что выброс энергии, нанесший повреждения системам Нейросети и… повредивший мозг Александра Золотых… был… ну, направленным? Так сказать, смоделированным? Прицельным? — Стив замолчал, стараясь дышать не так шумно. Как же глупо, господи… Из-под стола выбрался котенок и присел рядом, вылизывая серое пузо.

— Ну, теоретически, конечно, при наличии специа… — начавший было рассуждать доктор Алан умолк, внимательно прислушиваясь к приглушенному дыханию своего собеседника. — Стивен? — вдруг еще более спокойно спросил он. — Я правильно понял ваш вопрос: вы хотите узнать, не вы ли убили Александра Золотых?

Вопрос, наконец-то сформулированный и озвученный, подействовал на Стива, как удар электрошоком. Он подскочил, уже собираясь просипеть в трубку что-то в оправдание, но осекся. Провел пальцами по лбу, смахивая капли холодного пота. Сделал несколько вздохов, восстанавливая дыхание.

— Я имел в виду, док… Не мог ли я его убить… ну, теоретически? А то, что это сделал я или кто-то другой, поляк, например, я даже и не… — Стив понял, что больше не способен развивать эту тему.

— Мистер Стэнделл, — мягко, словно общался с ребенком, проговорил Алан, — Стивен. Я думаю, что это сейчас не те вопросы, над которыми нам обоим необходимо думать. Согласен, произошла трагическая неприятность, едва не повлекшая за собой несколько таких же. Деловой мир взбудоражен странной смертью русского олигарха, игроки рынка начинают передел, но это никак не касается вас. Ни вас, ни меня. Знаете, мистер Стэнделл, у людей, испытавших посткатастрофический шок, иногда возникает иррациональное чувство вины за тех, кто не пережил катастрофы… Вы понимаете, к чему я клоню? Если хотите, Стивен, я мог бы перенести дела и встретиться с вами сегодня еще раз. Ваш голос…

— Да ладно, док… Все в порядке, честно. — Стив и сам удивился, насколько правдоподобно сумел соврать. Но он действительно не хотел встречаться с доктором снова. Совершенно. — Правда, у меня все хорошо, и не нужно переживать, что я заболею каким-нибудь вашим шоком или синдромом. — Алан добродушно засмеялся. — Встретимся

завтра, док, не будем ничего менять… Если что, то созвонимся, а сейчас я лягу в постель, обещаю.

— Ну хорошо, мистер Стэнделл. — Алан, конечно, не поверил, но и настаивать не стал. — Тогда я желаю вам всего доброго, откланиваюсь и напоминаю, что, в случае чего, вы можете звонить мне домой даже среди ночи.

— Всего хорошего и вам, доктор Алан. — Стив отключил телефон и осторожно положил трубку на стекло столика. Кот мявкнул и принялся шататься по комнате, обнюхивая все, что попадалось на пути. Ответ Алана означал — да. Теоретически, такое возможно. Вы только что убили человека через Сеть. Не какого-нибудь занюханного хакера, вроде Дениса Кабалина, а одного из богатейших людей планеты. Поздравляем вас. Стив почувствовал, что его начинает тошнить.

Русскую империю Александра Золотых он, конечно же, знал. Она и вправду являлась одним из лидеров своего рыночного сегмента. Более того, корпорация Стивена сотрудничала с русскими из «Возрождения». Шеф много шутил, что работает с дикарями, только потому что русские были нескупыми на проценты ребятами, да еще и с юмором, а также шумно отмечали каждую сделку. Да и криминальная крыша у них была одна из самых прочных. Стивен только на миг предположил, что начнется сейчас на рынке, если «Возрождение» захочет изменить политику (а оно, похоже, уже начало смену курса)… Громкое дело, очень громкое. Вероятно, теперь о крупном бизнесе с русскими можно забыть.

Он замотал головой. Определенно, док прав, это не те мысли, которые ему сейчас необходимы. Снова подняв телефонную трубку, он машинально набрал домашний номер Дэйча, запоздало сообразив, что сегодня бездельничает в одиночестве. Невнятно набормотав на автоответчик что-то вроде «Дэйч, это Стив, забыл, что ты на работе, не обращай внимания, у меня все в порядке», отключился. Голова начинала болеть, жар не отпускал.

Сложив на груди руки, откинувшись на спинку и невидящим взглядом уставившись в работающий телевизор, Стив нащупал твердое ребро забытого послания из «Фронта вне фронта». Словно боясь обжечься, он вынул конверт и вопросительно посмотрел на котенка, пытающегося спрятаться в его тапочке.

— Может быть, учитывая обстановку, тебя стоит назвать Астартой? — Стив ухмыльнулся, покачав головой. — Привыкай жить с психом, кот. Или киска, кто там тебя разберет…

С этими словами он открыл и перевернул конверт. На ладонь выпал квадрат плотной бумаги, исписанный ровными печатными буквами. Аккуратно, без ошибок, каллиграфически выверенно.

Словно писали не панки, а английский лорд. Послание гласило:

«Стивен Стэнделл!

Данное письмо не является ни розыгрышем, ни шуткой, ни попыткой ввести Вас в заблуждение. Письмо не отправлено с помощью привычных каналов связи в целях безопасности.

Я полагаю, что к моменту прочтения этих строк у Вас уже появились неоднократные сомнения относительно собственного психического здоровья. Учитывая Ваше положение, это неудивительно. Осмелюсь заинтриговать Вас информацией, что Вы ничего о себе не знаете и никогда не откроете и малой части — в силу обстоятельств Вам это не под силу. Во всяком случае, до тех пор, пока не захотите по-настоящему задать себе этот вопрос.

Игра, в которую Вами играют, ведется на очень высокие ставки, однако сейчас на кону стоит, наравне с жизнями многих (часто невинных), и Ваша собственная жизнь.

Вероятно, не удивлю Вас заявлением, что ответы могу дать я. Или хотя бы попытаться их дать. Мистер Стэнделл, не пытайтесь даже думать, что Вас разыгрывают — если Вам дороги целостность собственного сознания, жизнь и свобода, Вы примете решение присоединиться ко мне. Довериться мне. Немедленно. Помните, что если на Земле и существует реальное, наделенное плотью Зло, при этом оно абсолютно и непобедимо, это еще не означает, что человек не вправе бороться с ним или обязан беспрекословно ему подчиняться.

Надежда есть всегда. Это наше оружие. Это наша сила. Как только Вы будете готовы, наберите указанный внизу номер (номер сработает только на один-единственный звонок) и приезжайте на разгрузочные платформы к югу от центрального городского аэропорта. Письмо уничтожьте. Я жду».

Далее следовала эмблема движения — красный треугольник, перечеркнутый двумя белыми шрамами от когтей хищника, и лаконичная подпись: «Люмонт». Еще ниже был столь же четким почерком отписан девятизначный номер телефона. Стив повертел бумагу в руках, даже понюхал, но ничего любопытного обнаружить не смог.

Вот тебе и «Фронт вне фронта»… Откровенный, смелый,

загадочный и даже слегка мистический стиль послания решительно сметал любые помыслы обращения в полицию. Нет, они, очевидно, не хотят причинять ему зла. Но в чем именно дело, Стивен, как ни напрягался, понять не мог. Он потер горячие виски кончиками пальцев. Где-то глубоко-глубоко он уже знал, что пройдет еще несколько часов, и он будет полностью готов к путешествию на погрузочные платформы. Иногда бывает так, что для того, чтобы не сойти с ума, мы должны доверять самым неожиданным событиям…

10:1:6 Пройдя в кухню, Стив бросил конверт и письмо на стойку рядом с аппаратом видеофона и выпил болеутоляющего. Ломота в висках отступила. Вот только… Негнущимися пальцами Стив подобрал трубку и, неловко тыча в кнопки, набрал рабочий номер Виржинии. Видеорежим включать не стал.

Сорвалось. Бросив взгляд на настенные часы, Стив повторил попытку.

— Добрый день, Виржинию Стэнделл, пожалуйста, — от этого словосочетания неприятно засосало под ложечкой и вспотели ладони.

— Алло, это Виржиния Стэнделл.

— Джина? Это Стив, как договаривались, я…

— О, Стив, я весь день жду твоего звонка. Ты в порядке?

— Да, конечно, все хорошо, спасибо. Джина… мы сегодня собирались куда-нибудь сходить и…

— Стив, постарайся мне поверить. — Виржиния заговорила глубоким, до боли знакомым Стиву (со времени их недавнего знакомства) голосом. — Я на твоей стороне, как бы то ни было. Можешь мне доверять. Что бы ни произошло, я больше не предам тебя, просто когда мне стало нужно уйти, ты слишком…

— Да-да, конечно. — Стив почти не слушал, обратив внимание, что машинально ломает в пальцах записку Люмонта. — Знаешь, Джина, я тут подумал, давай перенесем наш ужин, а? Скажем на… послезавтра или на уикенд…

В трубке воцарилась тишина. Стив закрыл глаза, только чтобы не видеть этого яркого образа бывшей жены, там, у себя в офисе, гневно прожигающей взглядом стену.

— Понимаю…

— Видишь ли, навалилось чертовски много важных дел, ты не поверишь.

— Как в клубе?

— Не понимаю, о чем ты… Если ты спрашиваешь, не ревную ли я, то нет. То есть, да, я ревную, но именно сейчас это не имеет значения. У меня действительно много важных дел. Столько

сразу… Ты не подумай. — Стив замялся. — Джина, не обижайся, прошу.

— Нет, все в порядке, Стивен, в конце концов я должна была знать, за кого выхожу замуж, — трубка покрылась инеем. — И конечно, я не обижаюсь. Послезавтра так послезавтра. Позвони мне на работу. Просто… — тут же ее голос потеплел, — я правда хотела всего лишь поговорить. Я переживаю за тебя, Стив, и действительно волнуюсь. Это было так… Это было неожиданно и… это так напугало. Я в один миг переоценила всю свою жизнь… Не хочу говорить об этом по телефону, но знай, что во мне многое изменилось.

Господи, как же он все время забывает, что она тоже едва не угодила в перестрелку?.. Как же мог еще вчера не понять, что ей сейчас как никогда нужны его поддержка и помощь?..

— Джина, прошу тебя, забудь о случившемся. Нужно просто забыть, такое случается. Случается сплошь и рядом, просто мы не всегда замечаем или хотим замечать. Я вот уже почти и не вспоминаю о том, что произошло.

— Но как ты можешь, Стив?.. Ты же…

— Оставь, Джинни… Послушай, тебе нужно отдохнуть и просто перестать думать об этом… Знаешь, люди, которые перенесли посткатастрофический шок, часто начинают испытывать необъяснимое чувство вины… Вины перед теми, кто не смог выжить… поэтому я…

— Стивен, ты о чем сейчас говоришь? — В ее голосе слышалось (настороженное) удивление.

— О, ничего… прости… Джина, ты вот что. Не сочти мою просьбу странной, но я хочу, чтобы ты на время уехала, о'кей? Скажем, в пригород к своей тете Кэтлин. Всего на пару дней, ладно? Как раз отдохнешь, наберешься сил…

— Стив, что происходит? Ты меня пугаешь, правда… У тебя опять?.. (вероятно, она собиралась добавить что-то вроде: «У тебя опять наступил снова-вторник, не так ли?», но сдержалась). Хотя я понимаю. Говорить по телефону не стану, но очень хочу тебя увидеть… милый.

Не будь Стив сейчас так рассеян, вновь и вновь пробегая глазами строчки смятого в руке письма, он наверняка бы задохнулся от неожиданности.

Погрузочные платформы… На юге города… Если бы ему желали зла, давно бы причинили. Они знают, что произошло в Нейросети… Они либо имеют к этому отношение, либо просто знают, что происходит. «Ответы могу дать я. Или хотя бы попытаться их дать», — так написал ему человек, называющий себя Люмонтом.

— Ты меня слушаешь?

— Что? О да, конечно… Теперь все хорошо, правда, мы все в безопасности, — не очень уверенно ответил он, не отрывая взгляда от ровных строк. — Ты не волнуйся, ладно?.. Просто у меня правда накопилось много дел… («И не отпускает нехорошее предчувствие», едва не добавил он)… Как только я с ними разберусь, обязательно тебе все расскажу. А ты просто поезжай отдохнуть. Когда закончу, сразу перезвоню, и мы встретимся. О'кей?

— Конечно, Стив, я все поняла, — сдалась она, и на трубке зацвели тропические цветы. — Жду твоего звонка. Но обещай, что это произойдет не позже, чем через два дня.

— Конечно… дорогая. Ровно два дня. Обещаю. До встречи. — Все так же рассеянно, почти не вслушиваясь в ее слова, почти не понимая их. В одном шаге от разгадки.

Они повесили трубки. Не кладя телефона, Стив набрал номер мобильного коммуникатора Дэйча. Через несколько секунд вежливый женский голос сообщил, что абонент покинул пределы действия городской сети или просит его не беспокоить. Машинально выругавшись и не без удовольствия наблюдая, как котенок гоняет по комнате его носок, Стив набрал рабочий телефон Хэнка.

Через пять монотонных гудков включился автоответчик. Так и есть — друг свалил по делам и, скорее всего, на Альбион, куда собирался ехать сам Стэнделл. На этот раз Стив говорил увереннее.

— Дэйч, это Стивен, привет. У меня срочно возникли некоторые дела, важные дела, и мне придется на пару дней исчезнуть из поля зрения. — Стив намеренно набирал время с запасом, даже не осмеливаясь предположить, что собирается делать после встречи с Люмонтом. — Слушай, старик, у меня есть важная просьба. Виржиния собирается поехать погостить к своей тете Кэтлин, в пригороды Брюсселя. Скорее всего, уже сегодня вечером. Ты будь другом, проследи, чтобы она нормально добралась, ладно? Знаешь, во время нашего последнего разговора она довольно странно разговаривала со мной. Может быть, наша встреча повлияла, не знаю. Не хочу раньше времени обольщаться и обманывать тебя, но она сказала, что только недавно смогла рассмотреть меня со сторон, которых раньше не замечала, представляешь? И все это так томно, так проникновенно, ну прямо как во время наших первых встреч. В общем, я взбодрен, но занят, ага. Ну. Я полагаю, что могу как обычно на тебя положиться. Позаботься о ней, прошу…

Еще, Дэйч, если через пару дней я так и не появлюсь на

работе… и не позвоню… слушай, у меня в кухне будет лежать записка. Пока большего сказать не могу, но попробуй тогда за нее ухватиться, ладно? Без обид, дружище, но пока это все. И не волнуйся за меня, хватит и Джины. Кстати, я завел кота, будь так любезен, покорми его каким-нибудь мясом или молоком, не знаю… и вообще, если хочешь, можешь забрать его себе… как и мою бритву. Ты только не подумай, что это завещание, но…

И еще, Дэйч. Если в «Алькатрасе» на самом деле все было так круто для Джинни — я твой должник. Ладно, я отчаливаю, пока, неудачник!

Стив повесил трубку, осматривая кухню с видом человека, только что выполнившего свой долг. Вот теперь он по-настоящему свободен, по крайней мере до завтрашнего утра. И это поможет ему без лишних помех встретиться с Люмонтом. Как бы страшно и таинственно это ни звучало, он на самом деле решил найти хотя бы часть ответов. Гелевым маркером перенес с письма на левое запястье номер загадочного телефона. Словно клеймо религиозного фанатика, открывающее принадлежность и не дающее свернуть с выбранного пути.

Стянув узкие джинсы, Стив прошел в спальню, где придирчиво выбрал одежду: просторные штаны от костюма, в котором обычно ходил на работу, футболка и плотная рубаха из искусственной шерсти. Задумался, вспоминая, объявляли ли на вторую половину дня дожди. Плотно затянув на ногах удобные высокие кожаные (натуральная кожа, надо заметить) ботинки, Стив позволил себе полюбоваться на себя в зеркало. Хорош, красив. Повертев бритву в пальцах, решил сохранить на лице двухдневную щетину. Теперь он нравился сам себе, а от этого становилось легче, как ни крути.

Сунув в карман брюк перочинный нож, он привычно потянулся было к столику-черепахе за портфелем, но замер. Котенок, расценивший протянутую руку как приглашение к бою, мгновенно метнулся вперед, повиснув на рукаве рубахи. Стив осторожно опустил зверька на пол, не переставая оглядывать комнату. Так и есть. Сморщившись от вновь наполнивших его неприятных ощущений, Стивен Стэнделл понял, что если хочет увидеться со своим любимым и незаменимым портфелем, сейчас ему придется заехать в офис. Буквально на минутку…

ГЛАВА 11

…Я официально заявляю, что мы действительно готовим проект закрытия Российской границы. Наше вмешательство ни к чему не привело. Эти люди просто не хотят жить так, как живет весь цивилизованный мир. Уровень жизни там до сих пор ниже, чем в Египте, а масштабы экологического бедствия превосходят любые допустимые пределы. Уверяю вас, там уже давно живут не люди — эта страна стала прибежищем мутантов, настоящей радиоактивной свалкой. Вам не понять, потому что вы сами, господа, там не были. И слава богу…

Стефан Брюмме, уполномоченный наблюдатель ООН и Альянса в Российском секторе.

Варшава, 2068 год

11:1 Идя по коридору собственного офиса и невпопад отвечая на приветствия и расспросы сослуживцев, Стивен не один десяток раз сгорал со стыда. Понимал, как выглядит со стороны, и сгорал. Для того, чтобы снова и снова возрождаться среди царства компьютеров и сверкающей офисной мебели в своей нелепой серой рубашке из заменителя шерсти и высоких ботинках на массивном каблуке. Ему казалось, что любой встречный без особого усилия также может прочитать нанесенный на внутреннюю сторону предплечья телефонный номер и заметить в кармане штанов перочинный ножик. О, смотрите-ка, мистер Неужели-снова-вторник опять что-то перепутал. Собрался на рыбалку, но вместо этого пришел на работу. Не удивительно, что его бросила жена, точно.

Красный как рак, он не поднимал глаз, стараясь как можно скорее проскочить до своего рабочего места, каждую секунду чувствуя на спине озадаченные и насмешливые взгляды коллег.

Быстрее пули пролетев метры, разделяющие его кабинет с лифтами, Стив буквально просочился в комнату, плотно прикрывая дверь. Постоял немного, прижимаясь к ней спиной, и закрылся на замок.

Переведя дух, постарался взять себя в руки, убеждая в несерьезности и забавности произошедшего.

Сел за стол. Подумаешь, пришел на работу в костюме фермера… Оставалось надеяться, что шеф не поверит в россказни — ему уже сообщили, что Стэнделл болен и лежит дома. Стивен откинул голову на высокую спинку. Привычные изгибы старого доброго кресла принесли заряд уверенности и энергии. Кабинет любил своего хозяина. Криво усмехнувшись отражению в выключенном мониторе, Стив выгреб содержимое кармана, даже не взглянув на перочинный нож, погребенный в горе сверкающей мелочи, и безжалостно ссыпал добро в нижний ящик стола.

Загудел интерком, и Стив склонился над столом, предусмотрительно отключая видеорежим.

— Добрый день, мистер Стэнделл, но мистер Ванха…

— Я знаю, Джейн, доброго дня и вам. Да, я действительно приболел, заскочил буквально на минуту, кое-что забрать. Для всех входящих звонков я в отгуле, болен, страшно занят, умер или уехал в Бразилию, не важно. Никого не принимаю, дела откладываются на пару дней или передаются мистеру Ванхадену. Все ясно? — Он несколько секунд слушал щебетание секретарши, работавшей сразу на четверых менеджеров, включая Дэйча и его самого. Поблагодарил за понимание и отключился. Дышать стало немного легче.

Расслабленно откинувшись в мягком кресле, Стивен бросил взгляд в огромное, во всю стену кабинета, окно, где внизу, покрытый серой дымкой смога, гудел дневной город. По артериям улиц неслись потоки гидромашин (хотя эту метафору Стив придумал и не сам, а украл у кого-то из писателей, она ему очень нравилась, да), крохотные человечки спешили по своим делам. Вид из окна простирался на набережную, где у самой береговой линии, южнее «Алькатраса», гудел и тяжело коптил небо один из центральных узлов города, его гордость и кормилец — древний индустриальный гигант, живущий круглые сутки, — порт Бонапарта. Стивен повернулся к столу. Наклонился, упираясь ладонями в холодный темно-серый стеклопластик, и по внутренней линии попробовал вызвать Дэйча. Того на месте все так же не оказалось. Не дожидаясь, пока записанный на диск автоответчика басок Хэнка заговорит с ним, Стив повесил трубку.

Покачав тяжелой головой и рассеянно обежав глазами комнату, он привычно потянулся рукой вправо и вниз, под

кресло, но пальцы неожиданно ухватили пустоту. Нахмурившись (под ложечкой засосало в неприятном предчувствии), Стивен медленно согнулся, заглядывая под стол. Портфеля на привычном месте не было. Оттолкнувшись ногами и отъехав на кресле к своему огромному окну, Стэнделл уже с большего расстояния снова осмотрел пустое пространство. Предчувствие усилилось.

Он встал, стараясь двигаться неспешно, обошел стол, осматривая журнальную тумбу у двери, стеллаж с документами и ряд гостевых стульев. Пусто. Пальцами оттянув нижнюю губу, Стив задумчиво провернулся вокруг своей оси. Шкаф с папками, тумба, рабочий стол, кофейный бар в стене. Хмыкнув и щелкнув пальцами, Стив подошел к стене напротив своего стола, легким движением пальца разворачивая скрытый от посторонних глаз пульт индивидуального сейфа. Тонкая красная рамка зажглась на серой стене, подсвечивая прямоугольную дверцу ящика.

Потерев лоб и посетовав над собственной рассеянностью, Стив привычно быстро набрал код (день рождения Виржинии), прикладывая к индикатору большой палец правой руки. В следующую секунду, словно ударенный током, Стэнделл отскочил от сейфа, распахнутыми глазами глядя на красный сигнал индикатора. Сейф не открылся. Схватив себя за запястье, как будто рука могла вырваться и отказаться подчиняться, он снова приблизился к тайнику. Медленно, одними губами проговаривая цифры вслух, повторил комбинацию. Никакого эффекта. Красный цвет, доступ запрещен.

Стив в один прыжок достиг стола, ударив по интеркому с такой силой, что тот подпрыгнул.

— Джейн? — Он старался, чтобы ярость и страх в его голосе были хорошо прикрыты интонациями деловой спешки. — В мое отсутствие кто-то перепрограммировал сейф. Я хочу получить все данные о проведенных работах, а также желаю, чтобы ты немедленно восстановила все возможные… — Стив до боли закусил нижнюю губу, проклиная собственное безрассудство, поспешность и глупость. — Джейн, ты слышишь? Я хочу, — добавил он уже более спокойно, — чтобы ты сообщила мне, не на вызове ли ремонтная бригада. Мой сейф, похоже, заклинило, и они могут понадобиться. Что-то никак не могу открыть…

Она ответила: «О'кей», хоть и слегка удивленно. Стив оторвал от кнопки интеркома затекший палец. Неужели снова вторник? Глупо обвинять кого-то еще, когда как перепрограммировать доступ к дарованному корпорацией кубическому полуметру частной собственности может только владелец. И только он, а работы по смене доступа ведутся лишь в одном случае — при увольнении или гибели хозяина кабинета. Это условие,

охраняющее личные дела сотрудников и их небольшие секреты от постороннего, чьего бы то ни было вмешательства, являлось одним из пунктов устава корпорации и тщательно соблюдалось руководством. Бывали случаи, когда невскрытые сейфы уехавших в спешке сотрудников вынимались и помещались в специальное хранилище, где могли ожидать востребования много лет. При этом даже в ходе судебного разбирательства получить санкцию на изъятие содержимого было не так-то просто.

Стараясь отныне не поддаваться эмоциям и действовать более хладнокровно, Стив еще несколько раз повторил попытку взлома собственного сейфа. Безуспешно. Отступив от тайника и присев на край стола, он надолго задумался, стараясь восстановить в памяти последние манипуляции с кодами, сейфом и его содержимым. Бумаги «Милано Акцизис» были помещены туда на прошлой неделе. Старые счета, и не вспомнить за что, лежат там вообще уже черт знает сколько времени. Тонкая брошюра сомнительного содержания с голой блондинкой на обложке подброшена Дэйчем недели две назад, пока сам Стэнделл отвлекся на телефонный звонок. Папка с ценными бумагами не изымалась на свет уже более месяца… Так что же произошло? Стив подсчитал, что не заглядывал в собственную ячейку уже как минимум неделю. Вот только единственным местом в кабинете, где мог находиться сейчас портфель, оставался именно сейф. Почему-то именно в этом сомнений у Стивена не возникало никаких. Если его не украли, конечно… Но Стивен знал, что портфель здесь. Он тут. Точно тут. За двухсантиметровой дверцей, утопающей в стене. Знал это так точно, словно сам клал его внутрь, хотя и припомнить этого не мог.

Стив вернулся за широкий письменный стол. Наугад или бесконечным повторением старой комбинации ящик все равно не открыть. Он взял из стопки чистый лист писчей бумаги, остро отточенный карандаш и начал машинально чертить, размышляя вслух. Да, так и есть — во время последнего разговора с Дэйчем тот что-то упомянул про сейф Стэнделла. Вот только что он сказал? Что-то про смену пароля, кажется… Но Стив не помнил досконально, говорил ли об этом другу, вчера (как и сегодня) был трудный и нервный день. Значит, судя по всему, придя на работу, он все-таки убрал портфель в сейф. Но зачем?

Он вдруг понял, что взмок в своей рубашке из искусственной шерсти. Безусловно. В сейф прячут нечто, что должно быть укрыто от посторонних глаз. Чтобы укрыть нечто. Нечто, скорее всего, противозаконное. Стив медленно помотал головой, отгоняя уже почти затертые воспоминания, спровоцированные синдромом Стоящего-на-пороге. Нет, конечно, никакого пистолета там нет,

но… Что же он тогда прятал? И как теперь открыть сейф, когда воспаленное сознание Стивена Стэнделла, не спрося разрешения, тайком перепрограммирует его тайники?

Снова загудел интерком — Джейн интересовалась, все так же ли нужны мистеру Стэнделлу электрики. Облизнув губы и прочистив горло, Стив ответил, что нет, все открыл сам. Но что теперь солгать самому себе? Там пистолет, иначе быть не может… А это значит…

Еще не до конца осознав, что же это может для него значить, он вдруг вскочил, принявшись ощупывать карманы брюк.

— О нет, я же был именно в них… — Он даже не заметил, что сказал это вслух, с жалобными, почти плаксивыми интонациями. Досадливо сморщился, продолжая ощупывать штаны. Вывернул карманы на стол. Замер, задумчиво глядя остекленевшими глазами в серую зеркальную столешницу, и снова упал в кресло, резким рывком (пластик противно заскрипел, а скобы едва не погнулись) выдергивая из стола нижний ящик.

Растопыренной пятерней разбрасывая среди бумаг горсть железных денег, так и не сумевших кануть в лету вместе с другими артефактами старины, Стэнделл отбросил в глубину ящика принесенный из дома перочинный ножик и замер, положив руку на что-то небольшое, но объемное и тяжелое, скрывающееся под исписанным листом белой бумаги. Это тоже лежало в кармане вместе с мелочью и ножом, точно. Небольшое, массивное. Подняв лист в руке, Стив оторопело уставился на темный металлический перстень, мерно покачивающийся на папке для документов. Перстень перестал качаться и замер, выжидающе посматривая на Стива снизу вверх. Тот отложил лист, осторожно поднимая весомую находку на стол. Положив печатку ровно перед собой, ногой задвинул ящик, не сводя взгляда с широкого железного обода.

Кто смог бы предположить, чего ждал он, с немым укором изучая потемневшую от времени железку?.. Может быть, что она откроет ему тайну, расскажет, как все было, избавит от кошмара… Заставит перешагнуть порог? Стивен Стэнделл не знал. Он молча сидел в своем уютном кабинете на девятнадцатом этаже красивого могучего небоскреба и, не моргая, смотрел перед собой, словно пытаясь наполненным горечью взглядом проникнуть за рамки реальности.

11:1:2 Кольцо было темным, почти черным, и только там, где металл когда-то касался пальцев владельца, поблескивала начищенная полоска. Скорее всего, оно было кованым, наверняка очень старым, может быть, даже представляло немалую

историческую ценность. При этом тонкость работы и миниатюрность узора могли вызвать восхищение у человека любой эпохи. Теперь он видел, что от предмета веяло силой и буквально мистическим знанием, и внезапно раскаялся, что вообще осмелился снять кольцо с трупа. Труп… Значит, это все же произошло на самом деле? Ткнув перстень пальцем, Стив развернул его печатью к себе, склоняясь еще ниже.

На рисунке, виртуозно сделанном внутри самой печати, были изображены два всадника, это Стив помнил. Хотя нет… Всадник был один. Вернее сказать, два человека, одетые в остроконечные шапки, с большим трудом оседлавшие одного коня. Стивен наморщил лоб, пытаясь вспомнить, где мог встречать подобный рисунок. Два всадника на одной лошади, старинные одежды, неразборчивая надпись на непонятном языке. Кажется (Стив наклонил голову, всматриваясь в крохотные буквы), латынь. Стэнделл вздрогнул, невольно закрывая глаза, вспоминая, как убитый им мужчина что-то говорил на латыни. Определенно, подумал он, хозяин кольца входит (входил) в очередную секту фанатиков. Воинствующих, чтоб им пусто было. Подперев рукой лоб, пальцами другой руки он мелко забарабанил по столу, почти касаясь кольца.

То, что у человека роль ведущих рецепторов выполняют различные органы вроде носа, глаз и ушей, — псевдонаучная ложь! И чем больше Стивен Стэнделл смотрел на кольцо, тем больше убеждался в этом. Есть у любого из нас такое место, немного пониже спины — вот оно-то и есть самый что ни на есть мощнейший рецептор, со стопроцентной вероятностью предсказывающий разные происшествия. Или неприятности. И сейчас этот рецептор, прижатый к креслу, не сообщал ровно ничего хорошего. Скорее, наоборот. И Стивен отчего-то ему верил.

Взяв кольцо в левую руку, он открыл рабочий компьютер. Если зацепку можно найти, то перстень и рисунок на нем — единственные ниточки. Не считая, конечно, трупа в переулке. Но в существование последнего, как бы все на это ни указывало, Стив пока верить отказывался.

Привычно войдя в корпоративную операционную систему, он нетерпеливо закрыл почтовую программу, сразу же запросив прямой доступ в Сеть. Воспоминания об этом магическом пространстве немедленно вызвали в теле Стэнделла легкую дрожь, но он справился с ней, решительно убедив себя, что сейчас имеет дело не с открытиями нейрохирургов и психологов, но всего лишь с обычной компьютерной сетью.

Поглядывая на висящий в пальцах перстень, Стив начал

поиск серверов и баз данных, имеющих хотя бы минимальное отношение к истории, и, продолжая покусывать губу, принялся вчитываться в их названия. Еще через минуту он уже листал каталоги Национального Европейского Музея, запустив поиск нужного материала на основе графического изображения. Словно художник, срисовывающий зажатый в руке предмет, Стивен, изредка поглядывая на кольцо, одним пальцем набрал из ключевых слов: «всадник», «кольцо» и «латынь». Программа начала поиск, и Стив недовольно прищурился, уже представляя себе, сколько информации сейчас выдаст ему беспристрастный компьютер.

Вглядываясь в многозначное число найденных баз данных, Стив обнулил результат. Следующие условия поиска он формулировал уже более старательно, поэтапно сортируя и отбрасывая лишние информационные ресурсы. Провел поиск «печатей», «перстней» и «символик». Присовокупил «латынь» и «всадников». Открывал и закрывал окна, бегло просматривая содержимое. Листал, открывал и снова захлопывал ссылки.

Нужная информация так неожиданно появилась на его плоском экране, что Стив едва не выронил перстень на стол. Занимая весь правый верхний угол монитора, перед ним возникло изображение двух всадников, едущих на одной лошади, хоть и в другую, нежели на печати сторону. Картинка была взята в жирное кольцо, по кругу бежала надпись «SIGILLUM MILITUM XPISTI», но латыни Стив не знал. Зато он прекрасно знал общеевропейский. И когда заглавие, размещенное над огромными массивами научных текстов, было в следующее мгновение прочитано Стивеном Стэнделлом, перстень все же выпал из его руки.

«На фотографии изображена малая печать духовно-рыцарского ордена Святого Храма Соломона Иерусалимского (ордена Тамплиеров). Надпись, окольцовывающая печать, гласит: «Печать войска Христова».

Изображение двух всадников на одном коне символизирует проповедуемый орденом культ бедности, его полную отдачу служению Господу, невзирая на мирские лишения и нищету.

Другой расшифровкой данного изображения является версия, уходящая корнями в базовую и, возможно, военную структуру ордена, сформировавшуюся еще в Средние века, имеющую двоичную модель отношений, в основе которой лежало постоянное взаимодействие минимальной орденской единицы — двух братьев-рыцарей в условиях быта и войны (сон под одним плащом, еда из одной тарелки, сражение спина к спине).

Данная печать принадлежала поочередно трем великим магистрам ордена — Югу де Пейну, Роберу де Бургоню и Эврару

де Барру — и была упразднена как генеральная печать в 1146 году, став не более чем символом.

Находится на хранении в коллекции Божелье, Новый Лувр (Старофранцузский Национальный музей).

По данной теме вы также можете обратиться к базам данных: «Печати мира», «История символизма», «Коллекции крупнейших музеев. Лувр», «Духовнорыцарские ордена», «История ордена Тамплиеров».

Далее приводились десятки ссылок на различные исторические сайты, посвященные данной или близкой тематике, и несколько электронных адресов… тамплиерского ордена. Стив облизнул пересохшие губы. Ему показалось, что в легких вдруг стало очень мало воздуха, а дыхание превратилось в негромкий свист. Прокашлявшись и переведя прикованный к монитору взгляд на перстень, лежащий на краю стола, Стив свернул все активные окна. Если он все понял верно, то тамплиеры существовали по сей день, имели свои представительства в Сети, а один из них вчера по какой-то причине напал на Стэнделла… Воин Храма Соломона. Голова закружилась, и если бы он сейчас стоял на ногах, то непременно упал бы. До боли в пальцах Стивен схватился за край стола.

Взаимодействие пары рыцарей в условиях войны, было сказано в посвященном печати тексте. Стив почувствовал, что у него отнимаются ноги. Если предположить, что нападавший на него был тамплиером, это означало, что он, по логике вещей, должен был напасть не в одиночку. Только представить себе — убийц было двое! Стэнделл крепко зажмурился, попробовав помолиться. Не получилось. Подумать только… Ведь везения, так пригодившегося ему в той (реальной/выдуманной?) драке, вполне могло не хватить на двоих. Но тогда где находился напарник в момент, когда рука Стива невольно умертвила нападавшего?

Сделав над собой усилие и вернув внимание к компьютеру, Стив снова активировал окна, через секунду попав на ресурс, посвященный истории тамплиерского ордена. Как бы то ни было, но появление в его кармане старинного кольца не очень вязалось с теорией о синдроме Порога…

Кратко озаглавленный текст из собраний Национального Исторического Общества «История духовно-рыцарского ордена Тамплиеров» был отредактирован неким Г. Ранью меньше десяти лет назад и представлял собой следующее: (Стив заскользил по тексту глазами, стараясь ухватывать лишь основные моменты и пропуская кажущиеся нудными куски.):

«…Таким образом, созданный в начале двенадцатого века

духовно-рыцарский орден Храма Соломона не только превратился в автономную и независимую организацию, но и дал мощный толчок к дальнейшему развитию орденов уже в то время существующих (см. иоаниты)…

…сочетанием рыцарских и монашеских принципов, по замыслу его создателей — Бернара (см. св. Бернар) и первого великого магистра Юга де Пейна (см. Великие магистры ордена Храма Соломона Иерусалимского), слияние лучших качеств и черт, искоренение пороков и недостатков легли в основы мировоззрения человека, вступавшего в орден… Столкновение двух религиозных систем, на протяжении не одного столетия горевшее пламенем Крестовых походов, в значительной степени…

…где основными принципами и основами мышления любого брата-рыцаря должны были стать отречение от мирской жизни, бедность, безответное служение Богу, защита слабых и угнетенных… запрещалось улыбаться, прикасаться к женщине, шутить, разговаривать с посторонними… полного и безусловного героизма в бою, безукоризненного поведения… изоляцией…

…своя иерархическая лестница привела фактически к созданию собственного государства, в полной мере не подчинявшегося ни королям, ни представителям Рима… полное и безоговорочное подчинение только членам ордена… создалась атмосфера закаленного в сражениях боевого братства, мощного, имеющего огромную материальную и земельную базу и отличных профессиональных воинов…

…где именно после отхода крестоносцев и, в частности тамплиеров, со Святой земли и ослабления влияния на мусульманских территориях Запада вообще был отстроен ряд орденских крепостей. Таким образом, множество подвластных ордену европейских земель было разделено на командорства, контролирующие… ту же функцию, оберегая паломников и… Тампль в Париже, независимое государство посреди могущественной европейской столицы… оказали неоднократную помощь королю Франции Филиппу Красивому… мощные крепости по всей Европе… могущественная финансовая система…

…был обвинен в ереси и вероотступничестве… Магистр и приближенные рыцари 19 марта 1314 года сожжены на кострах… комиссары инквизиции… расследование, огромный процесс и судебно-религиозное разбирательство. Одна из версий, бытующая среди историков, предполагает, что весь откровенно сфальсифицированный процесс над орденом был затеян только с одной целью… пополнения государственной казны Франции… ослабление постоянно растущего влияния ордена рыцарей Храма на европейском театре, когда образ восточного врага постепенно

таял и возникала реальная…

…5 апреля 1312 года решением Рима (булла Папы Климента V «Вокс кламентис») орден тамплиеров был ликвидирован… распущен, а земли, принадлежащие ордену в Португалии, Франции, Англии, Испании, Арагоне, Иерусалиме, Италии и землях нижнего Рейна, отошли… редкие, но упорные очаги сопротивления, но к концу 1314 года орден окончательно прекратил свое существование.

…оправданные или признанные невиновными тамплиеры… Орден Калатравы, основанный в 1164 году королем Кастильским… Орден Христа в Португалии… Орден Шотландского Чертополоха, основанный Робертом Брюсом 24 июня 1314 года в день победы при Бэннэкберне, когда шотландские тамплиеры помогли ему разгромить войско Эдуарда II Английского… на фоне непрерывно существующих орденов Тевтонских и Мальтийских рыцарей (см. История военно-рыцарских орденов Европы) фактически не существовал…

…архивы Великой Масонской Ложи в Гамбурге… возрождение ордена в XVIII веке в исключительно масонской форме… принадлежащие к древним родам и семьям тамплиеров… создание Единой Европы… масонские течения и так называемые неотамплиеры, в течение XVIII–XX веков оказавших немалое влияние на политическую жизнь Европы… как то создание ООН и Лиги Наций…

…обострение международных и религиозных отношений со странами мусульманского Востока в первой половине XXI века привело к росту и упрочнению позиций существовавших орденов… к шестому году ведения боевых действий военные соединения Тевтонского ордена приняли независимое участие в конфликте… до пяти тысяч рыцарей ордена… пик религиозного конфликта… крупные террористические акты в Люксембурге (2021 год), Мадриде (2025 год) и Лондоне (2025 год)… применение ядерного оружия… гонения на христиан по всему восточному побережью Средиземного моря… было официальное одобрение странами — участниками зарождающегося Альянса, буллы Папы Урбана VII о «Крестовом походе против мусульманского терроризма»…

…послужило причиной официального возрождения ордена Храма Соломона в 2026 году… возвращению некоторых земель ордена… оправдание от клеветы… Великий магистр Робер де Брак… восстановление Парижского Тампля… права и законы ордена… Орден принял активное участие в Арабской кампании, выставив на Иерусалимское направление до трех тысяч прекрасно экипированных и обученных рыцарей-братьев… возрождение

былой мощи паладинов…

…командорства и укрепленные резиденции в Европе и странах Востока… боевые гарнизоны в горячих точках Ирака, Израиля, Афганистана… в 2035 году резолюцию о применении на всем Восточном направлении ядерного оружия средней и малой мощности… участие в более чем двадцати полномасштабных контртеррористических операциях по всему миру…

…автономную позицию в Альянсе европейских государств… независимое формирование… независимую финансовую политику, ограниченную резолюциями…»

11:1:3 Стэнделл на негнущихся ногах подошел к кофейному бару, вынимая из крохотного холодильника бутылку питьевой воды. Непослушными руками отвернул крышку, жадно проглотил половину содержимого. Ледяная вода освежила, горло зажгло. Так вот с кем ты имеешь дело… Все предельно просто. Персональный спецназ Господа, эдакие церковные SWAT… Древние, могучие и преисполненные веры воины. Сила, реальная сила в политической жизни Объединенной Европы, о существовании которой Стивен до этой минуты даже не подозревал.

Он рухнул обратно в кресло. Вопрос в одном. И сейчас, беспокойно блуждая по исписанному строчками экрану монитора уставшими глазами, Стив Стэнделл пытался дать на него ответ. При чем здесь он? Религиозные конфликты с мусульманами, Крестовые походы, могущество ордена и зависть правителей, падение и новое рождение организации храмовников — какое отношение ко всему этому имеет он?

Он потер переносицу так ожесточенно, что едва не свернул собственный нос. Тамплиер цитировал писание, угрожая Стиву и причисляя его к порождениям Князя Тьмы. Он относился к нему так, как если бы Стив на самом деле был частью библейского Зла, борьбе с которым посвятили себя храмовники. Но Стив полагал себя (во всяком случае до недавних пор) здравомыслящим человеком и был уверен — что при всем, что только что узнал о тамплиерах, они не были фанатичной сектой. И людей просто так на улицах тоже не убивали. Произошедшее же (в действительности/в псевдодействительности?) было похоже на то, словно тамплиер охотился за Стивеном или тем, за кого он Стэнделла принял.

Голова разболелась страшно, но он приказал боли умолкнуть. Единственным логичным решением, пришедшим сейчас на ум, было немедленное прояснение ситуации. С воинами Храма. Стив решил, что хочет он того или нет, но ему придется пойти к ним и

все обсудить. Придется, если он не хочет, чтобы произошедшее (о да, в действительности произошедшее) повторилось.

Но кого искали храмовники? С кем они перепутали Стива? С арабским террористом? С мусульманином? Что за Зло имел в виду погибший тамплиер? Стэнделл поймал себя на мысли, что помимо собственной воли заинтересован этой небезопасной историей. И хочет получить ответы. Религиозные гонения, война богов… И возможно, ему скажут… после того как он сможет быстро и доступно объяснить руководству ордена непреднамеренное убийство одного из братьев.

Закрыв все ненужные ссылки, Стивен отправил на печать списки электронных и почтовых адресов ордена. Бесшумно сработал принтер, и он подхватил из-за стола свежую распечатку. Пробежав взглядом, сложил лист вчетверо и спрятал бумагу в карман мокрой от пота рубахи. Закрыл все остальные окна, с недовольством отметив мигающий в нижнем правом углу индикатор — адресное поступление свежайших новостей или почтовых сообщений с очень высоким приоритетом важности. Стив бросил быстрый взгляд на дверь и встроенный в стену рядом с ней сейф. Не в силах перешагнуть через привычку, вздохнул и открыл сообщение.

Как где-то на задворках сознания и предположил Стивен, поступившая информация практически полностью была связана с начавшимся переделом рынка, вызванного сменой руководства «Сибирского возрождения». Спина похолодела, и Стэнделл внезапно ощутил себя убийцей, пришедшим в дом жертвы на открытую панихиду. Все на тебя смотрят, сочувствующе кивают в ответ и проходят мимо, даже не подозревая, что именно ты принес горе в эти стены. Справившись, хотя и с трудом, с одолевающим его чувством, Стив быстро просмотрел сводки.

Основной новостью, как и сообщалось в утренних телевизионных новостях, были молниеносные действия немцев и японцев. Об этом кричали аналитики всех деловых изданий, об этом открыто заявляли представители корпораций — было очевидно: попав под новое командование, «Возрождение» тотчас сменит политику, перестав быть ориентированной на экспорт компанией, ограничив щедрый поток технологий и ресурсов, переориентировав бизнес на внутренний рынок. Перед глазами Стивена пробежала новость о предварительных переговорах русских со шведами для строительства на Алтае нового автономного завода. Основные партнеры Золотых (бывшие, разумеется) не могли не среагировать. Причем, если «Пульс планеты» всего лишь замораживал, хотя и на неопределенных условиях, большинство операций по скупке программного

обеспечения, временно переключаясь на Североамериканский рынок, то японская «Стрела», казалось, желает окончательно прекратить сотрудничество с русскими, несмотря на возмещение солидных убытков и штрафы.

Стивен рассеянно пробежался глазами по графикам и таблицам, присланным из статистического отдела, а также свежим пресс-релизам ряда европейских корпораций. Официальная позиция нового руководства «Возрождения», как и его реакция на происходящее, была предельно спокойной: русские (на несомненно выгодных условиях) мгновенно начали налаживать новые каналы сбыта своих технологий через Канаду, принялись готовить документы на заключение ряда импортных договоров на рынках Средиземноморья и официально подтвердили скорую сделку со скандинавами. Стив свернул окна, с неожиданной бравадой подумав, что работа может и подождать… На карте сейчас лежало нечто более важное для Стэнделла. Важное, новое, наполняющее каждый глоток воздуха сладким дурманом. Его жизнь, ни много ни мало.

Взгляд Стивена снова упал на старинную печатку, и он решительно сложил компьютер. Чем раньше он прояснит для себя сложившуюся ситуацию, тем меньше у него шансов окончательно сойти с ума. На этот раз кольцо словно бы само прыгнуло в его руку, едва не надевшись на средний палец. Стэнделл вздрогнул и задумчиво поднял глаза на сейф.

Откатил кресло, быстро встал, уверенно обходя стол, и практически с ходу набрал код, прижимая крохотных всадников, оседлавших одну лошадь, к сканеру сейфа. Светлая полоска пробежала в окошке, считывая изображение, и Стив скорее почувствовал, чем услышал низкое шипение и легкий щелчок. Дверца сейфа вздрогнула, плавно отходя в сторону, включилась внутренняя подсветка. Стив окаменевшей рукой достал из стены тяжелый коричневый портфель. Там лежало нечто, весящее явно побольше, Чем две папки с документами, портативный компьютер и утренняя газета. И он знал, что это. Знал, даже не откидывая кожаный клапан, — внутри находился короткоствольный черный пистолет с прикрученным глушителем.

ГЛАВА 12

…Не очень-то я разбираюсь, честно сказать, да… а, сука, чтоб тебя, куда ж тебя несет, зараза?! Простите, отвлекся… Знаете, я не в курсе, как было в начале века, но сейчас водительское удостоверение спокойно может купить себе каждый больной на голову, честное слово. Так и есть. А если вернуться к нашему разговору, то знаете, у меня есть точка зрения. Своя. Я думаю, если откровенно, что Конец Света никогда не наступит. Да, да, не смейтесь. Потому что он уже наступил, вот так. А мы с вами все давно сдохли и находимся в самом настоящем аду. Просто этого не замечаем. Что? Ну а как же! И Дьявол, конечно, с нами, и уже давно… да поворачивай же ты наконец, драть тебя раком!..

Эндрю Страфф, таксист.

Нью-Йорк, 2059 год

12:1 Повинуясь странному чувству, Стивен остановился напротив витрины табачного магазина. Большого, с богатым выбором отрав. Обворожительно улыбающийся с плаката пожилой афроамериканец приятельски протягивал вперед небрежно скрученную сигарету. Выглядело стильно и аппетитно. Повернувшись к витрине с плакатом лицом, Стив задумчиво разглядывал расположенные внутри стойки с разноцветными коробками сигарет и пакетами табака. Неизвестно, как это выглядело со стороны, но он едва сохранял спокойствие. Его трясло. Трясло уже полчаса, с тех самых пор, как он едва ли не бегом покинул здание корпорации «Пасифик Текнолоджиз», плотно прижимая к груди портфель. В портфеле лежали кольцо-печать и пистолет тамплиера. Настоящие, реальные, осязаемые, как, собственно, и произошедшее на него нападение. Как и угроза возможной гибели, идущей по пятам. Стив чувствовал ее

дыхание… Эту фразу он тоже где-то прочитал, а сейчас она навязчиво вертелась в голове.

Теперь Дэйч точно поверит. У него, старого циника и скептика, просто не будет возможности отвертеться и не поверить в очевидное. Возможно, Стив лишь немного ошибся с ощущением времени — Джейн только что озвучила точное время его вчерашнего появления на работе, без десяти минут полдень — да, как и говорил Хэнк, но в целом это не меняло картины. Это принесло даже какое-то странное чувство облегчения, ведь опасения о синдроме, о котором говорил Алан, оказались напрасны… Это в свою очередь говорит о том, что с ума все-таки Стивен еще не сходит. Ну, может быть, все только начинается. И помощь, безусловно, ему нужна. Еще как… Ну да ладно, он найдет возможность перезвонить Дэйчу позже… сразу после того, как отправится во «Фронт вне фронта».

А еще Стив понял, что ему срочно нужно покурить. Немедленно. Впервые за семь (точно он не помнил, но отчего-то был уверен, что именно семь) лет. Интересно, что бы сказала Джина? Стэнделл уже ощущал на губах привкус дыма, приятное тепло внутри и призрачное облако, полное мифических фигур, вылетающее изо рта. Да, покурить необходимо. Стивен вошел в магазин, а уже через две минуты снова появился на улице, сжимая в левой руке жесткую пачку «Галуа» с объемным голографическим наездником на коробке. Вид скачущего рыцаря пробудил целую гамму трудноописуемых, но как минимум неприятных эмоций, и Стив быстро и неловко, зажав портфель под мышкой, распечатал пачку, забытым движением выбивая из нее сигарету. Голографический рыцарь исчез в кармане штанов, оставив в руке Стива плоский коробок пластиковых спичек.

Медленно, наслаждаясь ощущениями, Стив зажал сигарету уголком рта, неторопливо открывая спички. Запах табака защекотал ноздри, и он улыбнулся — определенно, сигареты и котята — это как раз то, что нужно преследуемой тамплиерами офисной крысе, чтобы начать улыбаться на улице. Стивен мимоходом порадовался на мгновение выглянувшему тусклому солнцу, обежав улицу спокойным и почти счастливым взглядом.

Напротив, через широкую четырехрядную, трехуровневой высоты дорогу был разбит парк. Правда, не такой уютный, как Стивен обнаружил благодаря Астарте прямо за кафе напротив дома, но и не такой огромный, как Штадс-парк в центре. Настоящий и большой, с ухоженными газонами искусственной травы, декоративными прудами, чистыми аллеями, с прогуливающимися по ним горожанами и многочисленными туристами, с фонтаном в тенистой глубине. На барельефе

фонтана голенькие ангелочки, оседлав дельфинов, дружно выплескивали на головы животных потоки звенящей по мрамору воды, пользуясь глубокими фигурными кувшинами. Над парком звенела фонограмма птичьего пения, где-то на площадках для игр смеялись дети.

Дальше за парком, занимавшим практически всю площадь Освобождения с бронзовой, заботливо запаянной в стеклянный колпак статуей императора Наполеона I, высились небоскребы офисных и торговых центров, а также новая гостиница, строительство которой заканчивалось.

Широкая многоуровневая дорога, дугой изгибаясь над площадью, уводила одним своим концом в глубь города, откуда только что неспешным шагом пришел Стивен, другим уходя в сторону моря. Там через три квартала она раздваивалась и вливалась в шоссе на южный аэропорт. Стив направлялся именно туда, оставив за своей спиной небоскреб корпорации «Пасифик» и намеренно (как будто оттягивая неизбежный финал прогулки) пропуская уже четвертый телефонный автомат. Площадь в этот дневной час была практически безлюдна, и лишь немалое количество припаркованных повсюду гидромобилей говорило о том, что люди отсюда еще не откочевали. Стэнделл поежился, перекладывая портфель в левую руку, и двумя пальцами отломал от коробки спичку. Пахло цветами, чьи ароматы распыляли над парком специальные машины.

12:1:2 Тамплиер появился справа, медленно выходя на пустой тротуар из-за угла большого винного магазина. Стив наверняка должен был миновать это царство алкоголя по пути к висящему на угловой аптеке телефону. Тамплиер ждал.

То, что это был именно брат ордена, Стивен понял сразу. Серое пальто, в котором так легко затеряться в толпе, подстриженная круглая бородка, почти как у напавшего днем ранее, вот только шляпы у этого не было. Зато был бешеный, животный, дикий блеск в глазах, и это сверкание Стэнделл разглядел даже с двадцати метров. Словно парализованный, он наблюдал за приближающимся мужчиной, так и не поднеся спичку к чиркачу. Крепкий, даже могучий, на вид лет около сорока, рыцарь чем-то неуловимо напомнил доктора Алана. Вот только Алан наверняка не носит под полами пальто обрез дробовика. А этот нес.

Отчетливо слыша, как отбивает торопливый темп набата его измученное сердце, Стивен повернулся лицом к наступающему на него тамплиеру. Сейчас тот подойдет, и он все ему расскажет. Он даже отдаст пистолет, хотя вначале и не собирался. Он все

объяснит, он сумеет.

Пальцы выпустили спичечный коробок, и тот оглушительно громко шлепнулся на мокрый асфальт. Опустив глаза, Стивен Стэнделл едва не закричал, внезапно обнаружив, что его руки движутся. Сами.

А пальцы действительно двигались, быстро и уверенно укрепляя спичку под ногтем большого пальца правой руки. Словно он хотел сам над собой подшутить, как тот кот в мультиках, постоянно вставляющий спички в ноги своей спящей хозяйке, а потом запаливающий их. Переводя взгляд с торчащей из пальца плоской спички на приближающегося тамплиера, Стив попытался открыть рот, но вместо этого его губы сложились в крайне поганую ухмылку. Кажется, он все же упустил момент, когда рехнулся… Храмовник начал отбрасывать в сторону левую полу длинного серого пальто.

Согнув большой палец, Стив подложил под него согнутый указательный и коротким рывком, словно подбрасывал бородатому рыцарю мячик, вскинул руку, целя тамплиеру в лицо. На короткое мгновение тот замер, готовый метнуться за припаркованные у обочины автомобили, но успел разглядеть пустую ладонь. В следующий миг он продолжил движение, хотя и осторожнее, уже почти не скрывая сжатый в руке короткий блестящий обрез. Десять метров. Тамплиер готовился что-то сказать. Вероятно, не могут они совсем без слов…

Когда рука полностью выпрямилась, Стивен щелкнул сведенными пальцами, настолько мощно, что заломило в локте. Удивившись, что умеет так ловко щелкать пальцами. А через секунду удивившись еще сильнее. Спичка, неожиданно гулко зазвенев, словно миниатюрная арбалетная стрела пронеслась в воздухе, с едва различимым в шуме улицы неприятным шлепком втыкаясь рыцарю в левый глаз. Втыкаясь. Расскажи кто-нибудь это Стиву на словах, тот засмеял бы рассказчика, в знак презрения забросав пивными банками. Но спичка на самом деле воткнулась. Утонула в глазу почти наполовину, а тамплиера отбросило на пару метров назад.

Храмовник дико закричал, запрокидывая голову, и едва не рухнул на спину, разбрасывая руки, словно в танце. Дробовик, зажатый в правой руке, блеснул в полете. В этот же миг кто-то завизжал. Да, отрешенно подумал Стэнделл, так всегда бывает в кино — стоит только достать пушку, как кто-то на улице уже замечает это и поднимает вой…

Стивен метнулся вперед, змеей проскальзывая среди припаркованных гидромобилей, и когда из-за спины грянул выстрел, он уже пригибался за новенькой «Вольво-Ландо»,

выхватывая из портфеля трофейный пистолет. Второй тамплиер на этот раз появился немедленно — молодой усатый парень в джинсах, в короткой кожаной куртке, блестящих перчатках и узких солнцезащитных очках. Выскочил на улицу, едва услышав крик напарника, с ходу открывая огонь.

Приставным шагом, почти боком, двигаясь по тротуару метрах в двадцати пяти за спиной Стэнделла, он снова уверенно вскинул к плечу укороченную автоматическую винтовку и нажал на спуск. Вторая пуля звонко отрикошетила от армированного стекла «Ландо» и со свистом ушла вверх. Стив едва заметно приподнялся с корточек, через широкие дверные стекла полированных болидов рассматривая одноглазого, который уже понемногу приходил в себя. Храмовник опирался рукой о витрину, второй хватаясь за лицо, пытаясь восстановить утраченное равновесие и сориентироваться. Из его левой глазницы длинной неприятной нитью свисал вытекший глаз, который он все еще пытался поймать в ладонь. На одном из пальцев чернела знакомая печатка.

Молодой рыцарь приближался короткими перебежками, пригибаясь за машинами, делая одиночные выстрелы через каждую пару-тройку шагов и не давая Стиву поднять головы. Пуля шарахнула в столб, в узкий рекламный плакат напротив табачного магазина, еще две просвистели в воздухе. По асфальту тротуара звонко отплясывали гильзы.

Стивен двинулся направо, увеличив дистанцию между собой и стрелком еще на несколько гидромобилей, свернул в узкий проход между «Маздой» и высоким полутрузовым «Фордом-Ньюсоником» и снова присел. Теперь он практически в профиль разглядывал раненого храмовника, все еще пьяно шатающегося посреди пешеходной дорожки. Пули начали вгрызаться в «Форд», вышибая стекла и круша обшивку. Заныла сигнализация. Стив поднял пистолет и, не спеша прицелившись в стонущего от боли тамплиера, размахивающего обрезом, выстрелил дважды — в голову и бок. Молодой напарник что-то закричал, но его друг уже кулем валился на землю, роняя оружие.

Стэнделл приподнял пистолет над кузовом, еще дважды выстрелил в направлении второго храмовника и побежал, пригибаясь как можно ниже, все время оставаясь скрытым рядом плотно стоящих легковых машин. Его оставшийся противник что-то кричал, но остановился — вероятно, склонившись над телом напарника. Выстрелил еще три раза, а затем побежал следом, прыгая прямо по крышам стоящих в ряд гидромобилей. Те тяжело раскачивались под его весом, почти касаясь бамперами дороги, некоторые также принялись протяжно завывать.

Стив добежал до перекрестка, где полоса парковки кончалась, и оглянулся, рассматривая фигуру приближающегося по крышам машин тамплиера. Тот мгновенно среагировал, переведя оружие на автоматический огонь, и принялся поливать укрытие Стэнделла очередями по три патрона. Пригибаясь под сыплющимися сверху кусками жести, пластика и стекла, Стив осмотрелся — широкая автомобильная трасса убегала влево в обход парка, еще одна направо — за угловую аптеку с телефоном на стене. Прямой как стрела проспект Освобождения был пуст, а редкие водители, услышав стрельбу, поспешно тормозили или разворачивались. Бежать прямо — попасть под огонь, налево — эффект схожий. Справа, отделяя Стива от спасительного аптечного угла, растянулись в бесконечность несколько метров открытого пространства.

Он сильно взмахнул рукой, отбрасывая портфель за спину и вверх, и рванулся вперед. Прыгнул, практически не глядя, выставив пистолет в сторону врага и крепко зажав спусковой крючок. За время, пока Стэнделл летел к углу массивного старинного здания, пистолет трижды плюнул свинцом. В ответ стрекотала винтовка. Стив мягко приземлился на левое плечо, по низкому крыльцу аптечного магазина перекатываясь за угол, и вскочил, распластываясь по стене. Несколько покупателей, попытавшихся в этот момент выйти на улицу, с криками исчезли за дверями, а затем сработала активированная хозяевами система охраны, запечатавшая вход. На улицу навалилась практически гробовая тишина.

Еще через миг тишина рухнула, обнажая звуки гидромобильных сигнализаций, далекий плач ребенка, вой полицейских сирен и испуганные крики горожан, прячущихся в укрытиях на противоположной стороне улицы. Но вот стрельбы в этих звуках больше не было.

Стивен пригнулся и быстро выглянул из-за угла. Глубоко вздохнул и выглянул снова, уже медленнее. Тамплиер лежал на крыше синей полугоночной машины, марку которой Стив не разглядел. Его тело почти съехало по начищенному металлу, не упав на дорогу лишь потому, что плечом уперлось в соседний «РеноФантазия». Хорошо видны были только торчащие в небо ноги и свисающий на плечевом ремне «ФАЛ-504» с дымящимся стволом. Прямо на середине пустынного четырехколейного проспекта сиротливо валялся изодранный пулями портфель Стэнделла. Стив вернулся за угол, сплевывая все еще зажатую в губах сигарету. Ему вдруг стало трудно дышать.

Протяжно вопя сиренами, к месту перестрелки приближались несколько полицейских машин. По верхним уровням трассы, если

верить звукам, отражающимся от зданий. Стив обежал глазами безлюдную улицу, выпустил из штанов рубаху, пряча пистолет за ремень, и побежал направо, более не оглядываясь. Прохожие, жавшиеся к стенам, и продавцы магазинов, выглядывавшие на шум пальбы из-за пуленепробиваемых стекол, поспешно отворачивались. Те, кто не мог спрятаться, просто замирали на месте, присаживались на корточки, закрывая головы руками, и с нескрываемыми вздохами облегчения пропускали бегущего человека. Терроризм и все производные этого явления уже далеко не первое десятилетие действовали на этих людей, как взгляд удава на обезьянку — встать спокойно, не паниковать, ожидать своей участи. Стив бежал, оставляя перепуганных людей за спиной, и молил Бога, чтобы тот сейчас же послал ему быструю и безболезненную (по возможности, Господи) смерть. Потому что по улице бежал убийца.

На приличной скорости он пролистал два квартала, лишь однажды нырнув в переулок, словно бы рассматривая уцененные стерилизаторы за витринным стеклом, чтобы пропустить полицейскую машину. Замедлил шаг только на значительно более людном и оживленном перекрестке у Банка Независимой Великобритании, стараясь выглядеть как можно более безмятежно. Завертелся в толпе, не без удивления обнаружив, что одетых подобно ему туристов кругом хоть отбавляй. Прохожие здесь еще ничего не знали о перестрелке на площади, волнений не наблюдалось. Густой двухъярусный поток легковых гидромобилей мерно гудел. Улица была плотно наводнена людьми, спешащими по делам (в основном здесь располагались муниципальные офисы), обедающими в кафе и фастфудах, гуляющими по магазинам. Другой район — словно другой город. С изморозью в сердце Стивен подумал, что начнись перестрелка в этом месте, кто знает, сколько случайных тел попало бы под пули…

Стараясь не врезаться в идущих навстречу прохожих, Стив с любопытством прислушивался к своему телу. К его удивлению, проделанный им только что спринт совершенно не отразился на дыхании. Сердце, которое, казалось, вообще должно было лопнуть от страха и напряжения, билось не чаще обычного. Лоб был сух, спина тоже не вспотела. Пожалуй, вдруг ощутил он, я мог бы пробежать еще столько же и только тогда начать чувствовать подобие усталости.

Стив собрался было подумать о чем-то еще, вроде необычайной плавности собственных движений или неожиданной остроте обоняния и зрения. Его вдруг осенило, что он мог не только разглядеть кусочек торта на блюдце женщины, сидящей в

кафе через широкую автостраду, но и, казалось, ощутить его запах. Он мог… Но тут холодный металл заткнутого за пояс пистолета коснулся обнаженного живота, и Стив мигом взмок, возвращаясь в мир собственных кошмаров. Находящиеся рядом люди мгновенно разоблачили в нем преступника, наверняка угадав даже модель спрятанного под рубахой оружия. Взгляды окружающих стали враждебными, а любые прикосновения пугающими. Стэнделл осознал, что находится в толпе врагов, в один этот миг потеряв всю грацию и легкость походки, а также отточенность восприятия окружающего. Несколько раз основательно врезавшись в прохожих, ответивших тихой, но отборной руганью, он решил замедлить шаг и перевести наконец дух.

12:1:3 Он ощущал себя странно. Ошарашенно. Оторопело. Чувствовал себя студентом, готовым ответить по высшему баллу, но неожиданно недопущенным до сдачи финального экзамена. За какие-то провинности его даже не впустили в аудиторию, и вот он в недоумении остался в одиночестве посреди коридора. Очевидно, что только что он убил двоих человек. Это правда. Убил быстро и ловко, почти как первого тамплиера (в собственной реальности). Убил, хотя совершенно не хотел этого делать. Гоночная машина с внешним управлением и определенно лишенная (Стив это точно знал) тормозов набирала скорость, унося Стэнделла к опасному обрыву.

Как будто в первый раз, Стив посмотрел на свои руки. На линии ладоней, на тонкие пальцы, ровно остриженные ногти. Он смотрел на руки, которые по собственному желанию вполне могли не послушаться его. К примеру, когда они вдвоем с Джиной. Стив испугался. Испугался до дрожи в ослабевших ногах. И еще он понял, что боится именно себя. Потеря контроля и понимания происходящего, столь внезапные и одновременно с тем совершенно безболезненные (если не сказать — приятные и привычные), все отчетливей рисовали в сознании палату стационара клиники доктора Алана. Эдакий уютный домик на зеленом холме, где обитают эльфы соседнего мира.

Когда Стив дошел до конца Сандерус-страт, он сделал то, что по-настоящему не делал вообще никогда в жизни. Он попробовал помолиться. Ошибка тамплиеров уже не так однозначно казалась ошибкой…

«…Я полагаю, что к моменту прочтения этих строк у Вас уже появились неоднократные сомнения относительно собственного психического здоровья… ничего о себе не знаете… никогда… Вам это не под силу… игра, в которую вами играют… наравне с

жизнями многих, часто невинных… ответы могу дать я… если Вам дороги целостность собственного сознания, жизнь и свобода… на Земле существует наделенное плотью Зло… человек не вправе бороться с ним… надежда есть всегда… наберите указанный внизу номер…»

Проморгавшись, как будто глаза присыпали песком, Стивен понял, что уже пару минут неподвижно стоит перед темно-синей телефонной будкой. Кошмару необходимо положить конец, и есть только один способ сделать это — окончательно проснуться. Он судорожно вздохнул и, оттолкнув плавающую на роликах дверь, вошел в будку. Улица за спиной смолкла, человек в будке остался один. Специальным колесиком отрегулировав уровень тонированности стекла, он включил под потолком небольшой, но яркий светильник и закатал рукав рубахи. Пистолет неприятно холодил живот.

Мелочи не было. Стив вспомнил, как выгреб ее вместе с ножом и печаткой в рабочий стол. Выругавшись, он вставил в прорезь желтую банковскую карту. Приятный женский голос объявил, что можно набирать номер. Поглядывая на полузатертую надпись, Стив девять раз нажал на кнопки, предварительно убедившись, что видеорежим отключен. Трубку взяли на самом первом гудке.

— Алло? Это… Стивен Стэнделл. Я…

— Разгрузочные платформы находятся к югу от центрального аэропорта. Мистер Стэнделл, отправляйтесь туда немедленно и не задерживайтесь — время бесценно для нас…

Голос мужской, уверенный, негромкий. Голос человека, ждавшего у аппарата, когда тот зазвонит. Пошли короткие гудки, и Стив повесил трубку на магнитный рычаг. Он, честно признаться, ожидал иного. Думал, ему сразу же хоть что-то объяснят… Он раскатал рукав, застегивая пуговицу на запястье. Надо полагать, у платформ его встретят.

Стив протянул руку вверх, чтобы погасить свет, и уже нажал на рычажок, погружая кабину в серую тьму, когда телефон внезапно зазвонил. Чтобы не вскрикнуть, Стивен почти до крови прикусил губу. В полумраке кабины продолжал звонить телефон, настойчиво и монотонно. Сердце металось по грудной клетке — казалось, сейчас оно пулей навылет прошьет легкие, затем желудок, и Стэнделл умрет прямо здесь, в телефонной будке. Звонок из «Фронта»? Проверяют… или хотят что-то уточнить. Изменить инструкции? Все это вихрем пронеслось в голове Стива, а телефон тем временем выдал еще две громкие электронные трели. Еще одну. Так и не включив свет снова, он опустил руку на холодный пластик трубки.

Поднял с рычага, обрывая звонок ровно на середине. Осторожно, словно ядовитую змею, поднес к уху. Тишина.

— Алло?..

— Арриведерчи.

Стив швырнул трубку на аппарат, едва не выломав дверь в стремлении как можно скорее покинуть темноту будки. Споткнувшись о порожек и едва не упав на тротуар, он выскочил прочь, затравленно оборачиваясь на телефон и совершенно не обращая внимания на удивленные взгляды прохожих. Ухо горело, словно по нему ударили полной щепок доской. Опять этот голос, словно через решетку динамика трубки просыпали мелкий речной песок. Значит, тогда, три или сколько там дней назад, ему звонили из «Фронта»? Пытались предупредить? Напутствовать ритуальной фразой? Долбанутые во всю голову наркоманы, мать их так! Если бы не окружавшие Стива со всех сторон люди, он бы наверняка расстрелял телефон. Он не желал этого признавать, но глупый звонок очень сильно, буквально до боли в мочевом пузыре, напугал его. Вот ублюдки!

Стэнделл перевел дух, жадно глотая ртом пахнущий бензином воздух, а затем натянуто улыбнулся прохожим, посчитавшим своим долгом остановиться и поглазеть. Аккуратно, словно хрустальную, прикрыв дверку телефонной кабины, Стивен пошел прочь, на ходу высматривая в потоке машин сигнальные шашечки такси.

ГЛАВА 13

Тот, кто утверждает, что человечеством стало легче управлять с приходом эры Больших Капиталов, — либо совершенно не разбирается в жизни, либо непроходимо глуп. Интересно, парадоксально, чудовищно, но сегодня даже подобные мне люди, а таких, поверьте, немало, уже не знают, что нужно человечеству. Мы пасуем, действительно пасуем. Посмотрите в окно. Посмотрите на этих сытых и довольных жизнью людей. Сегодня у них есть все, а наши финансовые империи тем временем медленно обесцениваются. Простите, конечно, за сравнение, но подчас мне кажется, что мир окончательно съехал с катушек.

Уважаемый и авторитетный человек.

Брюссель, 2066 год

13:1 Чиркнув пластиковой картой по счетчику под левой ногой, Стив выскользнул из такси. Водитель — молодой китаец — еще раз неодобрительно покачал головой и, махнув на прощание рукой, развернул машину. Стив махнул в ответ, отходя с дороги на посыпанную щебнем насыпь, проводил ускользающую машину взглядом. Такси стремительно унеслось в направлении города, и Стэнделл наконец-то осмотрелся.

Китаец был прав, покачивая головой в оценке поступка своего клиента, — вокруг узкой бетонной дороги (уже давно не ремонтированной) во все стороны раскинулись здоровенные коробки складов, из-за которых ржавеющими обломками торчали башни подъемников. Нагромождения бетонных плит и свай, покосившиеся стены бараков, обшитые ржавой жестью, — все это одним своим видом выбитых стекол и сорванных с петель дверей внушало полнейшее отчаяние. Над погрузочными платформами висела тишина. Когда-то использовавшиеся, но после недавней

постройки подвесной модели у северного аэропорта заброшенные, ангары и подъемные краны медленно, но верно приходили в негодность, оставленные здесь, словно кладбище слонов. Некоторым везло — изредка со стороны аэропорта приезжала колонна грузовиков под вооруженной охраной, и одного из железных гигантов валили наземь, обдирая жестяную шкуру и разбирая скелет. Но в последние годы это происходило все реже.

Низкое небо, затянутое непроглядной пеленой смога, в этом месте казалось еще ниже, словно бы касаясь шпилей подъемных башен. Оно давило на людей, превращая сотни квадратных километров забытья в огромный низкий погреб. И что печалило прежде всего, так это то, что подвал сей, невзирая на законы природы, построили люди… Испорченная почва и близость побережья сделали территорию старинных складских терминалов почти непригодной для жилых или новых производственных застроек. Таким образом пригороды к югу от «Олд Бельгиум Аэротранслайн» уже лет двадцать назад стали зоной полного запустения, разрухи и забытья. «Фронтом вне фронта». Кварталами беззакония, рядом с которыми «Алькатрас» выглядел надежным правовым государством.

Здесь, на этой покрытой обломками земле, мог найти себе приют и убежище любой, у кого хватило бы желания и сил отстоять свою жизнь и имущество от обитающих в недрах терминалов. Строя свои жестокие и простые законы, королевство замусоренных ангаров, засыпанных бесформенными грудами камней, железа и бетонных конструкций, легко могло игнорировать мир окружающий, при желании дав здесь нешуточное и решительное сражение всем полицейским подразделениям Антверпена. Однако никто пока не решался измерить силу сопротивления с виду безлюдных коробок. Обо всем этом Стивен Стэнделл узнал несколько позже, а пока что спокойно вертелся на месте, не подозревая ничего страшного и рассматривая окружающие его пейзажи.

А пустоши тем временем рассматривали его. Среди бетона и искореженной временем жести алчно загорелись сразу несколько пар глаз. Взгляды эти, полные ненависти, слегка притухли, как только Стив выдернул из-под рубахи пистолет и неумело осмотрел его. Но было очевидно, что в складских комплексах началось движение: грязные босые ноги мягко ступали по крошкам битого стекла, медленно подбираясь к старой дороге, уводящей в город.

Стив продолжал рассматривать оружие, в который раз поражаясь, как вообще сумел выстрелить. Повертев пистолет в

пальцах, но так и не определив ни количество оставшихся зарядов, ни расположение предохранителя, он оставил эту затею, сжав пластиковую рукоятку, словно одно это могло придать ему уверенности. Что-то негромкое (мерцающее) подсказывало, что если дело дойдет до стрельбы, он снова сможет себя удивить. Стэнделл взглянул на часы и еще раз огляделся.

На пятиметровой стопке бетонных плит в двадцати шагах от дороги сидел человек. Длиннобородый мужчина, одетый в изрядно поизносившееся тряпье, со всклокоченными и спутанными волосами. Он искренне и дружелюбно улыбался Стивену, помахивая грязной пятерней. Это посланник «Фронта»? Стив озадаченно нахмурился, но послушно сошел с дороги, скользя по щебню, и направился к плитам.

— Эй?! — Стив постарался спрятать пистолет за бедро. — Меня зовут Стивен Стэнделл… Вы, должно быть, ожидаете меня? Я получил послание от Люмонта…

Он уже почти дошел до высокой бетонной стопки, как вдруг лицо сидящего на ней оборванца вытянулось в крайнем изумлении. Бродяга что-то вскрикнул и вскочил, отбрасывая в сторону зажатый в левой руке полуметровый тесак. Со скоростью пули он испарился с глаз долой, оставив Стэнделла в полном недоумении.

А еще через секунду за спиной Стивена что-то дважды звонко щелкнуло, раздался приглушенный вопль, и кто-то тяжело упал, с грохотом скатываясь по щебню. Стив стремительно (как ему показалось) обернулся, неумело вскидывая пистолет. По склону дороги катился человек, обеими руками вцепившийся в засевшую под сердцем стрелу. Насыпь кончилась, и он недвижимо уткнулся в обломок рельса. Кажется, убийства людей стали привычными элементами жизни Стивена Стэнделла…

На самой же дороге, глядя на незнакомца сверху вниз, стояли люди. И Стив понял, что именно они и являются настоящими посланцами «Фронта вне фронта».

Сплошь затянутые в искусственную кожу — от коротких курток до длиннополых плащей, в высоких армейских ботинках, выбритые ровно на половину голов, с серьгами и кольцами, с суровыми татуированными лицами, на насыпи неподвижно застыли шестеро мужчин — бойцы «Фронта». Стояли спокойно, всеми позами демонстрируя желающим, кто в доме является хозяином. В руках мужчины сжимали многозарядные арбалеты и ружейные обрезы, и только у командира, что стоял в центре, через плечо висел длинноствольный автомат. Двое из шестерых были темнокожими, один из которых вдруг пошевелился, разрушая монолитную картину, и принялся перезаряжать

арбалет.

— Стивен Стэнделл, — не спросил, а подтвердил командир, спускаясь навстречу. Он был невысок, но коренаст. Темно-русые волосы на нетронутой половине головы заплетены в три косички и заправлены за ворот черного плаща. Покрытое страшными шрамами лицо невольно притягивало взор. — Меня зовут Врокс. Люмонт лично послал меня, чтобы организовать встречу. Однако я хочу, горожанин, чтобы ты знал, что мы с удовольствием опоздали бы, если бы не его личный приказ.

Стивен сглотнул комок, настороженно вглядываясь в ледяные глаза Врокса. Тот не шутил, утверждая, что легко отдал бы незнакомца на растерзание бродягам. Человек со шрамами на лице подошел ближе, не отнимая руку от автомата.

13:1:2 — К сожалению, Стервятники слишком глупы и плохо вооружены, чтобы являться серьезной угрозой, — с более близкого расстояния Стэнделл с удивлением различил в глазах командира боевиков плохо контролируемую ярость. Он смотрел на него, как мог бы смотреть на убийцу своей дочери, неотрывно, не мигая, готовый в любую секунду оскалить зубы и ринуться вперед.

— Полагаю, — Врокс нарочито медленно протянул руку, — мне лучше забрать это.

Стив понял, что до сих пор стоит с вытянутой рукой, неловко направляя пистолет в сторону дороги. Быстро кивнув, он все столь же неловко сунул оружие Вроксу. Тот мельком осмотрел его, спрятав за пояс. Затем они молча, только бряцали выпадающие из-под ног камни, поднялись к остальным бойцам. Убитого Стервятника Стивен обошел добрым крюком. Наверху, снова ступив на асфальт, он немедленно попал в кольцо молчаливых вооруженных людей, недоброжелательно рассматривающих его одежду и лицо. От панков пахло костром, грязью, мазутом и порохом, Стив заставил себя натянуто улыбнуться, вспоминая, что, если бы боевики «Фронта» желали ему вреда, Астарта пришел бы в кафе с дробовиком. Улыбка растаяла, как брошенный в камин снежок… Врокс забросил автомат за спину.

— Не знаю, что там рассказывал Люмонт о твоих способностях, — с вызовом в голосе сказал он, — но что до меня, то я и без предупреждений понимаю: стоит тебе только неловко шевельнуться, и мы положим тебя спать вон за теми плитами… — Они двинулись вперед, увлекая за собой Стэнделла, неспешно пересекли дорогу и спустились по противоположному склону насыпи. — А была бы моя воля, — недобро улыбнулся

иссеченный шрамами боевик, — то вообще никуда бы тебя не повел. Это я говорю без умысла. Просто, чтобы ты знал.

Врокс не до конца озвучил мысль, но Стив все же с облегчением подумал, что это, наверное, очень даже хорошо, что старший здесь именно Люмонт. А еще он подумал, что совершил одну из самых опасных в своей жизни ошибок, никого толком не предупредив о визите во «Фронт вне фронта». Да и вообще поверив письму. А через пару дней вызванные Дэйчем спасатели найдут (найдут ли?) его труп недалеко от взлетно-посадочных полос. Хотя в интонациях Врокса, кроме жестокости и необоснованной злобы, он все-таки неясно слышал просвечивающую загадку. Вроде секрета, о котором не говорят до поры. Как загадка, дурацкий розыгрыш, правила которого известны всем, кроме Стивена. Ты что, Стэнделл, на самом деле не знаешь шутку про банановый джем?! Х-ха-ха…

Они, получается, если Врокса послушать, уже знают о нем. Или о том, с кем путают. Иначе чем это он так круто провинился перед панками, которых видит первый раз в жизни? Люмонт обещал ответить.

Уверенно огибая одинаковые тела огромных ангаров, группа Врокса продвигалась в глубину погрузочных платформ. Двое бойцов ушли немного вперед, еще двое отстали, прикрывая тыл. Почти полчаса шли молча. Лишь Врокс перебрасывался со своими воинами короткими фразами команд. Обходя широкие грязные лужи с разводами масляной пленки, перебираясь через поросшие редкой травой площадки, бетон которых трескался под пронизывающим ветром, господствующим здесь безраздельно. Перепрыгивая разнокалиберные обломки бетонных плит, Стивен порадовался, что не отправился на встречу в туфлях. Полчаса напряженного дыхания и косых взглядов тянулись неестественно медленно.

Неожиданно платформы и разновысотные подъемные краны закончились, ангаров стало меньше, и Стив с невольно восторженным удивлением предстал под стенами сердца пустошей — спрятанной среди складов одной из старинных фабрик, назначения которых уже полвека не помнил никто. Тридцатиметровой высоты нагромождение коробок из серого бетона, увенчанное огромными трубами и ржавыми костьми арматуры обвалившихся секций, возвышалось над людьми. В свете уходящего дня посверкивали щербатые ряды грязных, по большей части выбитых, окон фабрики. Перед глазами Стэнделла разворачивалась картина прогнившего мира, от которого люди, подобные ему, Виржинии или Дэйчу, уже больше ста лет пытались спрятаться среди комфорта и великолепия

многоэтажных дворцов. Прятались, зачастую даже не подозревая, насколько страшные и непредсказуемые джунгли посеяны под окнами. Бетонные чащобы, готовые в любой миг ворваться в их сверкающий хромом спокойный мирок.

Низкое небо накрутилось на черные кирпичные трубы, словно запутавшись, и теперь клубилось прямо над фабрикой, как гигантская воронка. Ветер со свистом гулял по заброшенным этажам, и оттого казалось, как здание что-то зловеще нашептывает. Оставшись здесь в одиночестве, Стивен бы наверняка свихнулся от страха.

Врокс повел группу налево, обходя многоэтажные гаражи для транспортов на воздушной подушке. Еще через десять минут они обогнули один из массивных блоков фабрики, выходя к здоровенным, метров сорок шириной, железнодорожным воротам. Старые рельсы, уже почти невидимые под покрывшей их землей и грязно-желтой травой, вели внутрь фабрики. Слева размещалась площадка для тягачей, справа — железнодорожный перрон и ряд грузовых лифтов. Перейдя через рельсовые пути, которых Стив насчитал не меньше десятка, боевики по металлическим трапам поднялись к погрузочной зоне.

Просторная бетонная площадка упиралась в серую, залитую пенопластовым утеплителем стену, в которой темнели шесть высоких двустворчатых ворот, в каждые из которых мог с легкостью проехать самосвал. Два передвижных подъемника были сложены в режим консервации и отогнаны к дальнему краю платформы. Над воротами для техники нависло переплетение ржавых балконов и решетчатых лестниц, среди которых мигали, страдая от перепадов напряжения, желтые промышленные фонари, половина из которых не работала. Перед Стивеном находился вход в крепость «Фронта вне фронта».

Едва ступив на площадку, Врокс приветливо вскинул руку. Здесь гостя тоже ждали.

Еще девять человек, похожие на встретивших Стивена людей как близнецы, стояли у вторых слева ворот. Кожаные куртки, перчатки с обрезанными пальцами, ровно наполовину выбритые головы и целый арсенал автоматического оружия. Стив внезапно ощутил, что неожиданно, словно Алиса в нору, провалился в совершенно чужой мир. Мир непонятный и жестокий, мир-ловушку, из которой он никогда не найдет выхода. Глядя на хмурые лица разглядывающих его людей, он мгновенно захотел смерти, забытья, чего угодно, но только не продолжения этой дикой истории, в которую позволил себя втянуть.

Попав на платформы у аэропорта, отзвуки которого иногда доносились через завывания сквозняков, он переместился на

другую планету, где все привычные и работающие законы его жизни отказали в один миг. Новые же правила игры были совершенно чуждыми его, Стэнделла, сущности и пахли старым мазутом. Еще Стивен понял, что уже никогда не вернется отсюда живым.

Один из бойцов Врокса вежливо, но жестко подтолкнул его вперед. Конвой расступился, и Стив вышел на открытое пространство, попав под пристальный прицел полутора десятков пар глаз. Он мутным взором осмотрел стоящих перед собой вооруженных мужчин, и его взгляд сам собой остановился на Люмонте. Худой и бледный, одетый в длинный черный пиджак, вожак панков стоял немного впереди своих людей, локтем придерживая висящий за спиной короткий автомат, а в другой руке сжимая окурок. На поясе его под пиджаком виднелся сотовый коммуникатор, нож и портативный компьютер. Ветер отчаянно пытался хотя бы пошевелить его очень короткие светлые волосы. На выбритой половине головы виднелась татуировка — сложный штрих-код.

— Стивен Стэнделл, — негромко констатировал он, кивая и пронзая гостя холодным взглядом бесцветных глаз, — меня зовут Даниэль Люмонт, и это я пригласил вас во «Фронт вне фронта». Пригласил, хотя для этого мне и пришлось поссориться с некоторыми из своих единомышленников. Я рад, что вы приняли мое приглашение.

13:1:3 Панк щелчком отбросил сигарету и подошел к Стивену. Под толстыми подошвами хрустела мелкая каменная крошка, ровным слоем покрывавшая платформу. Люди вокруг настороженно зашевелились, и он понял, что его взяли на прицел. Да за кого, черт побери, они его тут принимают?

— Мне очень жаль, но, вероятно, произошло недоразумение… — Стэнделл постарался, чтобы его голос звучал как можно тверже. Даже в шерстяной рубахе он вдруг почувствовал страшный холод. — Дело в том, мистер Люмонт, что мне все еще не ясно, что здесь происходит. Поэтому, — он осторожно огляделся, стараясь не делать резких движений. Господи, да они смотрят на него, как на бешеного пса, ну точно… — мистер Люмонт, за кого, я хотел бы сразу узнать, вы меня тут принимаете?

Он судорожно вздохнул, неожиданно представив, что командир Люмонт сейчас ударит его по лицу. Но прошло несколько мгновений, и он с удивлением увидел, как тот улыбается, внимательно разглядывая его лицо.

— Значит, вот вы какой, Стивен Стэнделл… — Голос

командира боевиков казался столь же бесцветным, сколь и его глаза. Вот только в интонациях что-то проскальзывало. Что-то похожее на усталость и… грусть. В привычном понимании Стивена панки так не разговаривали. В его понимании они должны были ругаться, плеваться и бить людей… А тут сначала Астарта, больше похожий на программиста из аналитического отдела его корпорации (только стиль сменил, да), а теперь вот Люмонт.

Тем временем тот вынул из-за спины белый пластиковый обруч небольшого диаметра с блестящей металлической оболочкой по краю.

— Как я и обещал, постараюсь помочь вам все узнать. Но не сейчас, не сразу. Для такого, какой вы есть сейчас, любые разговоры будут бессмысленными и непонятными. Они могут даже лишить вас разума, Стивен Стэнделл. Для того чтобы начать постигать, вы должны отбросить страхи и довериться мне. Вы ведь уже думали о том, что пожелай мы убить вас, как эти фанатичные храмовники, вы уже давно были бы мертвы? Думали об этом, вижу по глазам. Так вот будьте уверены, что пожелай мы этого, и вы были бы мертвы, заметьте, без всяких там «во имя Господа». Так что доверьтесь нам и возьмите это.

— Что это? — Стив с опаской покосился на обруч, протягиваемый ему вожаком панков. — Это нужно надеть на голову?

— Это, друг мой, всего лишь наша страховка… знаете, чтобы единомышленники не скалились.

Люмонт поднял руки и медленно надел обруч на голову Стивена, укрепив на уровне лба. Он все еще улыбался, как ребенок, только что развернувший целлофан рождественского подарка, и от этого определенно становилось не по себе. Стэнделл не шевелился и даже задержал дыхание, чувствуя, как холодная полоска металла и пластика прикасается к коже. Люмонт отодвинулся, унося следом запах дешевого табака и чего-то железного.

— Я до сих пор поверить не могу своему счастью. Ведь вы действительно очень редкий и тонкий экземпляр, Стивен. — Он блеснул зубами, больше половины из которых были железными протезами. — Ну а сейчас этот нимб на некоторое время сопроводит тебя в мир спокойствия и грез. Когда же вы очнетесь, мы закончим свою часть работы, и я наконец поговорю с вами. Врокс! Пора нашему дьяволу стать ангелом, хотя бы на время…

Стэнделл открыл было рот, чтобы уточнить, что означает фраза «когда мы закончим работу», и уже был готов поднять руку, срывая белый нимб, как люди Врокса из-за спины бережно

подхватили его за плечи, а чей-то палец быстро коснулся обруча. Короткая молния пробила виски, он вскрикнул, дернулся и обмяк, повисая на руках держащих его людей. Люмонт улыбнулся, доставая новую сигарету, качнул головой в сторону фабрики, и мир опять погрузился во тьму.

ГЛАВА 14

На таких, как я, спрос был всегда. Вы думаете, что если человек придумал универсальный трансформатор мусора, на улицах стало меньше всякого хлама? Ха!

Вацлав Хорка, мусорщик.

Манчестер, 2087 год

14:1 Крик. Отчаянный крик существа, стоящего на пороге гибели. Еще через секунду он понимает, что это его собственный крик. Уже целую вечность не меняющий своей тональности, этот протяжный вой неожиданно переходит в сухой, захлебывающийся кашель, и Стивен начинает задыхаться.

Потом вспыхнул нестерпимо яркий свет, тьма перед глазами с треском порвалась на куски, и мир закружился, наваливаясь со всех сторон незнакомыми очертаниями. Чувство было такое, словно он из плотного мешка был вытряхнут в кастрюлю с супом, большой кипящий котел. Следом пришла боль.

Тело обожгло, как будто кожу окатили кипятком, причем не только снаружи, но и, странным образом, изнутри. Стив опять закричал, почти не узнавая своего голоса. Рванулся, выгибаясь в дугу, стараясь сбить охвативший его тело огонь, но обессиленно рухнул обратно на раскаленный металл, схваченный за руки и ноги страшной нечеловеческой силой.

— Дай-ка сюда еще пару кубиков нашей любимой синей дряни, детка Снуп. Я, конечно, многого ожидала, но такими темпами парень сломает себе конечности, — хрипловатый женский голос родился совсем рядом, буквально над ухом. Проступил сквозь боль, мгновенно вплетясь в охвативший водоворот ощущений. Крик снова утих, и Стэнделл замер, по-прежнему выгибаясь дугой, лишь бы не прикасаться к обжигающей поверхности. — Снуп, шевелись, сонный ты засранец! — В левую (или в правую?) руку ткнулся стеклянный холод, и мышцы внезапно размякли, роняя тело на жесткий стол. Теперь, когда по рукам разливалась спасительная прохлада и боль не так терзала, он уже смог определить, что это был именно стол. Скорее всего — хирургический.

Огни и образы перед глазами стали четче, но от этого завертелись еще быстрее, и Стив смежил веки, с благодарностью

проваливаясь в полутьму спокойствия. Пламя исчезло, и только острое покалывание по всему телу продолжало напоминать о перенесенных только что муках. Рядом кто-то был — неясные голоса и звуки шагов, бряцание железа о железо, шум капающей воды, негромкий смех, разлетающееся эхо. Вдали на старом заикающемся проигрывателе играла тяжелая музыка, громкая и ритмичная. Стив рассеянно прислушался, с неожиданной уверенностью определив, что находится в просторном, скорее всего прямоугольном зале с высоким металлическим потолком и таким же полом. Окон в помещении не было. Он знал это так же точно, как если бы открыл глаза, да. Просторный зал, а вокруг него восемь человек. Трое из них женщины, половина присутствующих расположены от стола дальше, чем десять метров, остальные же совсем неподалеку. Часть людей, безусловно, вооружена — звук прикосновения человеческой руки к оружию он не мог спутать ни с чем на свете.

Мысли эти пришли настолько внезапно и естественно, что он даже не успел удивиться. А когда осознал, о чем сейчас подумал, со странной легкостью безоговорочно поверил, как в должное. Поначалу захотев испугаться новым ощущениям, понял, что не может, вернее — не хочет этого делать. Еще позже понял, что действительно не может бояться себя. А вот это, как ни странно, на какое-то мгновение напугало.

Незнакомые (родные) ощущения приходили одно за одним, наполняя душу смятением и непониманием, но воспринимались, как нечто хорошо знакомое, просто забытое. Сквозь закрытые глаза он разглядывал пятна света, позволяя своим мыслям течь свободно.

Происходящее с ним на этом столе можно было сравнить с ощущениями человека, неожиданно раскрывшего обман всей его жизни. Понимая, что сравнение не блистает остротой, Стивен тем не менее представил себя этим человеком. Как если бы он выпустил на улицу свою жену, лучшего друга, мать и любимую собаку, прикрыл на секунду дверь, затем открыл ее, и в следующее мгновение впустил в дом совершенно незнакомых людей и животное…

— Вычеркни из своей жизни все, что ты видел и знал до этого момента.

…Совершенно незнакомых, но тем не менее продолжающих играть роли его близких. Действительно остающихся близкими.

— Забудь все, что видел и запоминал прежними глазами.

…Они смеются и разговаривают, обсуждая неоконченную за ужином тему, а он застыл в дверях, как идиот, шокированно глядя в незнакомые лица и понимая, что что-то не так.

— Тебе лгали.

…Они проходят в дом, берут свои любимые вещи и продолжают заниматься привычными делами.

— Это не дурацкий розыгрыш. Это мудрая рокировка.

…Он смотрит в зеркало, видит в нем прежнего себя и понимает, что наконец-то рехнулся, а абсолютно незнакомый пес жмется к ноге…

— Это правда. Но раньше ты не мог увидеть ее всю…

Так и чувства, восприятие окружающей действительности, слух, обоняние, ощущения кожи. Все новое, но родное. Вслед за ними Стив почувствовал свое тело. И вновь история повторилась. Словно помещенный в иную, чем прежде, оболочку, Стэнделл медленно сканировал себя, ни в одном месте не узнавая. Молодое, необычайно сильное, гибкое и умелое тело настолько хорошо подчинялось приказам, что одно только это запрещало верить. Ощущения неловкости и плохой физической формы внезапно превратились именно в ощущения, намеренно внушаемые Стивом самому себе. Это словно обнаружить, что уже лет пятнадцать ходил по улицам со связанными ногами и пытался рисовать картины в наручниках. А вот то, что открылось следом, ему определенно не понравилось, хотя и вошло в родной дом с видом полноправного хозяина. Вошло вместе с женой, матерью, другом и псом. Стивен понял, что это тело совсем не предназначено для рисования картин.

Оно предназначено для убийства. Оно было создано именно для этого.

Перед внутренним взором Стэнделла возникло безгранично мудрое око, огромное, висящее в пустоте ледяного космоса. Окружающий мир исчез, оставляя его один на один с видением. Взгляд этого ока проникал глубоко внутрь души, в одно мгновение принудив держать ответ за все смертные грехи, совершаемые им и столь же неведомые ему… Но видение исчезло столь же внезапно, как и появилось, и Стивен с горечью понял, что способен подавить в себе практически любую эмоцию, от религиозного трепета и экстаза, до… любви и душевной привязанности. Угрызений совести, самобичевания и признания вины более не существовало.

Затем его мысли свернулись в цветные спирали, канув в бездонную черную дыру. С резким свистом в ушах действие наркотика прекратилось, и тело Стэнделла вновь ощутило под собой до судорог холодный стол.

Стивен подавил боль, выяснив, что сделать это не сложнее, чем задуть спичку. Стало спокойно и легко, немного прохладно, но он сосредоточился, после чего пропал и легкий озноб. Еще не

до конца сориентировавшись во вращающемся над головой мире, Стив улыбнулся, останавливая сумасшедшую карусель. Своему телу можно внушить все, что угодно — от дикой боли, до полнейшего безразличия к ней, от холода до нестерпимого жара. Тело слушалось его, словно идеально отлаженный музыкальный инструмент, на каждое пожелание откликаясь целыми кантатами чувств и ранее не испытанных ощущений. Нужно было только знать, на каком языке с ним разговаривать, как убеждать. Стивен знал этот язык, знал в совершенстве. Он отлично представлял себе, когда необходимо до полной потери крови отключить болевые ощущения, а когда нужно оставить их, словно биологический маяк, все еще доказывающий организму, что если он в состоянии болеть, то он все еще в состоянии жить. Как же раньше он был не в состоянии видеть в себе подобные умения?

Обнаженный до пояса, он лежал на широком белом столе, пристегнутый к нему четырьмя широкими армированными ремнями. Даже не пошевелив руками, Стив знал, что всего за тридцать секунд сможет встать, не расстегивая и половину из них. Еще он определенно чувствовал, что над ним колдовали врачи. Руки еще помнили десятки уколов, а выбритая практически налысо (к неудовольствию Стива) голова была покрыта сетью свежих, уже зарощенных шрамов. Люмонт. Он сказал, что «Фронт» должен закончить свою работу. Кажется, он сделал ее. Неужели превратив Стэнделла в это? Странное существо, каким он себя ощущал? Стив облизнул губы и решил, что пришло время задавать вопросы.

— Я очнулся, — громко сказал он в высокий потолок, открывая глаза навстречу неяркому, льющемуся с шатких металлических стоек свету, — займитесь мной, наконец.

14:1:2 К столу подошли двое. Обритая наголо девушка со зрачками цвета раскаленного угля и долговязый парень с косой на левой половине головы, вероятно, тот самый сонный засранец Снуп. Прямо поверх коротких кожаных курток оба были одеты в грязные серые халаты, выполняющие роль медицинской одежды. Девушка держала в руках диск новой модели портативного медицинского компьютера «Айвацу», парень сжимал рукоять взведенного «Пустынного орла». Боялся только он. Девчонка же вела себя, как ветеринар, осматривающий усыпленного льва. Перебирая пальцами по прорезиненной пистолетной рукояти, Снуп нервно озирался. Лишь мельком взглянув в открытые глаза пленника на операционном столе, отошел вне поля его зрения. Девушка же склонилась над Стэнделлом, цепляя к левой кисти два липких датчика.

— Все в порядке. — Она взглянула на дисплей, внося в программу новые данные. — Снуп, малыш, можешь сказать Люмонту, что его птенец наконец-то вылупился. — Она натянуто улыбнулась, но посмотрела на Стива не без приязни. — Теперь он окончательно стабилизирован. Если верить приборам, хоть сейчас на волю…

Последняя фраза произвела на парня с пистолетом нехороший эффект, и он едва не бросился к напарнице, чтобы удержать руки, распутывающие ремни. Но девушка и не собиралась этого делать. Подмигнув длинному, она прошла за голову пациента, колдуя на стационарном терминале, жужжание которого стало более различимым. Снуп что-то сказал, ему ответил мужской голос, еще один подхватил издали, кто-то засмеялся. С характерным щелчком раскрылся телефон, но Стив не слушал. Сосредоточившись и расслабив мышцы, он терпеливо ждал.

Внезапно над головой послышались тяжелые шаги, чьи-то сильные руки взялись за край операционного стола и резко дернули в сторону, проворачивая на сто восемьдесят градусов. Мир завертелся, и Стив разглядел стоящее в голове его лежанки оборудование — передвижной хирургический цех: компьютеры, лазерные резаки, шокер, аппарат для анестезии и несколько разновеликих сканеров. За ними виднелся ряд старинных капельниц на штативах и несколько переносных ламп-софитов, возле которых бритая налысо девушка что-то набирала на своем компьютере.

У стола, между вульгарно раздвинутых ног Стива, вцепившись руками в пластиковые края, стоял Врокс.

Его наброшенный на голое тело черный плащ не скрывал окровавленной повязки на правом плече, а в мутных от наркотиков глазах прыгала ярость. Стив знал наверняка — это работа «Липокса», сильного обезболивающего. Армейского. Снятого с поставок в вооруженные силы Альянса четыре года назад из-за побочных эффектов.

За спиной Врокса стоял Снуп с пистолетом в руке. Сейчас он явно стал храбрее. Наклоняясь вперед так, что отворотами плаща почти задевал ботинки Стивена, Врокс захрипел, с трудом выговаривая каждое слово.

— А может, все-таки своего Люмонта он убил? Может, так ему и сделаем? Так и сделаем, — бессмысленно повторил он, уронив каплю вязкой слюны на штанину Стива. — Не место таким на Земле, правы сто раз были эти мужеложцы-самураи из ордена, или как их там называют. И еще сто раз был прав я, когда говорил, что этого ублюдка стоит кончить прямо там, среди

складов! Что молчишь, сука?! Ты был более разговорчив, когда стрелял по нашим парням! Но я еще жив, и это означает, что тебе не повезло. Флетчер, ну давай вколем ему чего-нибудь, прошу тебя, молю Христом Богом, пусть эта скотина сдохнет! Я сам, я лично скажу Люмонту, что мы не смогли… я обещаю, что придумаю что-нибудь убедительное… что-нибудь да скажу этому упертому мудаку Люмонту… Ну давай, Флетч?..

Лысая девушка звонко рассмеялась, запрокидывая голову, но не оборачиваясь, и эхо ее смеха улетело к высокому потолку зала. Вздохнув, словно собираясь с духом, отключила «Айвацу» и через плечо коренастого Врокса посмотрела на Стэнделла.

— Ты несешь бред, Врокс, честное слово. — Она отложила компьютер на один из столов. — Завязывай, малыш, если, конечно, не хочешь остаться без своих колокольцев. — Девушка снова рассмеялась собственной шутке и отошла за ряды капельниц, стягивая халат. — Сколько раз вам, мудоломам, можно повторять, что жизнь этого парня находится под личным приказом Люмонта? Вы что, на самом деле не понимаете всей важности его добычи?..

— Добычи?! — Врокс взревел, приподняв и грохнув край хирургической кровати с привязанным к ней Стивом о бетонный пол. — Тебя просто не было с нами, тупая ты девка! Не было с нами, когда этот гаденыш кончал наших парней, словно траву косил!

— Эй, Врокс, попридержи-ка язык, детка…

— Точно, Врокс! — Новый голос, мужской, недовольный. — Полегче на поворотах, ладно? Мы тут не хуже тебя все понимаем, но решение все равно принимает Люмонт…

— Точно, здоровяк, отвали от девчонки. Она-то здесь вообще ни при чем…

Не отрывая пальцев от операционного стола, Врокс затравленно озирался на летящие со всех сторон упреки. Присутствовавшие в зале панки зашевелились, хотя видеть этого Стивен не мог, Флетчер предостерегающе махнула рукой. Потом Врокс выпрямился, и его покрытое жуткими шрамами лицо исказилось. Снуп поспешно отступил на шаг. Тяжелая музыка резко стихла прямо на середине композиции, как будто кто-то поспешно выключил проигрыватель.

— Я там был, понимаете?! Я эту суку своими глазами видел! Я же…

— Я это знаю, Врокс, и именно поэтому послал тебя и твою группу! Другая группа не вернулась бы с задания вовсе, и ты это знаешь не хуже меня! — Голос, словно могучий прилив, наваливающийся на гранитные стены утеса, раскатился по залу,

заставив всех смолкнуть. Врокс резко обернулся, заметно сбавив пыл, и в глазах его промелькнул страх, какой бывает лишь у наркоманов со стажем.

В воздухе повисло напряжение. Словно в залу вошел еще один лев, в силе и мощи которого здесь никому не приходило в голову сомневаться. Стивен впервые пошевелился, с интересом повернув голову налево.

14:1:3 Через просторные двери, механизм запирания которых давно пришел в неисправность, а распахнутые створки были приварены к стенам, в зал вошел крупный высокий мужчина. И единственного взгляда на его рельефную фигуру хватало, чтобы понять, что дело не обошлось без большого количества стероидов последнего поколения. Квадратный небритый подбородок и плотно сжатые в презрительной усмешке губы удачно дополняли картину — смуглый здоровяк словно только что сошел со страниц японских голографических комиксов. Подняв руку в перчатке с обрезанными пальцами, он отточенным движением отбросил со лба длинную прядь черных волос, которые, в отличие от остальных причесок банды, не были острижены с половины головы. Верзила неспешно обвел зал тяжелым взглядом темных глаз. Замер, глядя на распластанного на столе, словно лягушка, пленника, и медленно пошел вперед.

Стивен разглядывал черные кожаные штаны, заправленные в высокие армейские ботинки, черную жилетку, плотно обтягивающую обнаженный мускулистый торс, огромную кобуру с пристегнутым к ней автоматом, раскачивающуюся на поясе великана. На левом бедре болтался внушительных размеров нож. Весь правый бицепс гиганта был оплетен сложной синей вязью татуировки. Головорез неспешно пересек операционный зал, притихший так, что не стало слышно даже шепотков, и остановился справа от стола. Его иссиня-черные глаза, не мигая, смотрели в глаза Стэнделла.

Неслышными шажками приблизилась Флетчер, тенью замерев за широченной спиной громилы, а Врокс и долговязый испарились в дальний угол. Присоединились к еще двум боевикам под железной лестницей, запустив по кругу длинную непрозрачную бутылку.

Великан вновь откинул непослушную прядь и бросил косой взгляд на девушку за плечом.

— С ним все в полном порядке, командир. — Взгляд Флетчер сейчас витал где-то далеко. Она осторожно прикоснулась к плечу гиганта, и в прикосновении этом было много больше деловых отношений. — Он в норме, полностью в норме. Адаптация,

контроль, стабилизация. Кажется, у нас все-таки получилось его вернуть. — Тот задумчиво покачал головой, не отрывая взгляда от Стэнделла. Суровый взгляд, тяжелый — так мог бы смотреть на подданных средневековый король.

— Я хочу, чтобы меня развязали и дали возможность поговорить с Люмонтом. — Стив без особого труда выдерживал прицел черных зрачков. Великан снова кивнул.

— С первым мы пока обождем. — Стэнделл почти физически ощутил рокочущий бас. — А вот второе могу предоставить без труда. — Великан широко оскалился, продемонстрировав великолепные зубы. Флетчер за его спиной сдержанно улыбнулась.

Стив открыл было рот, но снова закрыл, понимая, что готовый сорваться с губ вопрос явно принадлежит человеку, не способному рассуждать логически. Теперь он не может позволять себе такие глупости, отныне его разум переродился. Детали головоломки промелькнули в голове, становясь на свои законные места. Еще раз осмотрев гиганта, Стив кивнул в ответ.

— Люмонт?

Даниэль Люмонт (которому скорее бы подошло боксерское прозвище вроде Торпедоносца или Расщепителя) кивнул и, не поворачиваясь к Флетчер, сделал неопределенный жест пальцами. Мгновением позже девушка подкатила к операционному лежаку стул, протестующе скрипнувший под весом командира. Люмонт придвинулся ближе, даже сидя продолжая нависать над Стэнделлом горным утесом.

— Мы обязательно поговорим, Стивен Стэнделл. Прямо сейчас. Я рад, что ты принял мое предложение, какими бы последствиями для «Фронта вне фронта» это ни обошлось. И я постараюсь помочь тебе, как и обещал. Сказать вернее, я уже помог тебе, и дело осталось лишь за тем, чтобы ты наконец-то узнал правду. Правду о себе и своей жизни. Правду о том, что так злит Врокса. А потом ты спросишь меня о том, чего так жаждал.

Стив молчал, без особого труда подавляя в себе любопытство, когда-то бывшее одной из черт его характера. Морально и физически устаревший Стивен Стэнделл надрывал хриплый голос, пытаясь высказать свою точку зрения, начать расспрашивать, буквально засыпать Люмонта горой вопросов. Обновленный и переродившийся Стивен Стэнделл молча смотрел в мрачные глаза анархиста, терпеливо ожидая дальнейших сведений о событиях последних часов. По считываемой с вожака панков невербальной информации было очевидно, что Люмонта самого распирало от нетерпения, и эта театральная пауза давалась ему нелегко. Но вот он одобрительно кивнул, глубоко

вздохнул, собираясь с мыслями, и снова заговорил, уже не останавливаясь.

— Правда состоит в том, Стивен, что ты убил меня, как я этого и ожидал. Меня и еще дюжину наших парней. — Люмонт откинулся на спинку стула, и та мелодично застонала. — По всему выходит, что в их гибели повинен я, пусть Пустоши станут пристанищем одинокой толпе… Но жалости нет. Есть скорбь, печаль и желание довести начатое до конца. Насколько мне известно, ты смутно помнишь и предполагаешь, как именно очутился на этом столе, — скажу тебе сразу, все это ложь. Ложь, которую скоро ты сможешь узреть собственными глазами. Сегодня днем, после того, как ты позвонил мне по указанному в письме номеру…

14:2 Стив повесил трубку телефона и, уже составляя в голове план действий, вышел из темной кабинки, аккуратно и плотно прикрыв за собой дверь. В потоке машин мелькнули флажки такси. Он остановился на краю тротуара и поднял руку. Желтая «Мазда» с рекламой противозачаточных средств со слоганом «Мир жесток, и в нем нет места вашим детям. Мы позаботимся об этом, пока вы заботитесь о себе!» во весь бок мягко притормозила прямо у его ног. Стэнделл скользнул на просторное заднее сиденье.

— В Чертов Подвал. Доедешь за четверть часа — плачу вдвое. — Он достал карточку, вставляя ее в щель кассового аппарата. — Гони! — по азиатскому лицу водителя медленно расплылась хитрая улыбка. Он стрельнул взглядом по данным на кассовом компьютере и без лишних вопросов утопил педаль, резко выстраиваясь в средние ряды. Подрезанные таксистом водители ударили по клаксонам.

Вообще Стив решил подстраховаться — доехать до окраинных районов, где проживали те, кто в свое время не прислушался к рекламе презервативов и таблеток, — Чертову Подвалу, можно было минут за двадцать неспешной езды. Причина была проста — среди здравомыслящих горожан почти не было экстремалов, надумавших заполонять ведущие на окраины трассы.

Центр быстро остался позади, и уже через девять минут тридцать семь секунд желтое такси ввозило своего клиента за черту бедности.

Стивен приник к тонированному стеклу, рассматривая мрачные пейзажи и понимая, что еще ни разу так и не смог досыта насладиться темной притягательностью района. Приземистые невысокие здания, ощетинившиеся облупившейся со стен краской, мутные от пыли стекла окон, выглядывающих на

трассу, — вид трущоб сразу же возвращал любого горожанина к переживаниям последней войны. Совершенно необоснованно, но любому попадавшему в это царство помоек и блошиных рынков, с которых прекрасно просматривались далекие небоскребы города, моментально начинало казаться, что в районе присутствует радиация.

Созданию зловещего ореола помогали и вездесущие репортеры, ни на день не оставлявшие районы, вроде Чертова Подвала, без своего внимания. Мол, на восточных окраинах чиновники из строительного департамента устроили несанкционированную свалку токсичных отходов, для отвода глаз построив на этом месте жилой массив для малоимущих. Или что дети, живущие в бараках, бесследно пропадают на свалках, похищаемые мутантами. Совсем недавно в прессе прошла новость, что стаи огромных псов терроризируют окраины города, пытаясь прорваться в центр и нападая на вооруженных полицейских. И так далее, до бесконечности абсурдно и нелепо. Однако из собственных (весьма достоверных) источников Стивен знал — журналисты распространяют лишь отчасти лживые слухи. С его точки зрения, это лишь добавляло Подвалу его мрачной привлекательности.

В самом же Чертовом Подвале про суеверия и предрассудки горожан отлично знали, посмеиваясь сквозь стиснутые гнилые зубы. Намеренно подпитывая легенды о собственной изоляции, жители трущоб посчитали своим долгом на каждом удобном и неудобном клочке стен намалевать радиоактивные трилистники. И теперь квартал за окном такси буквально пестрел желто-черными эмблемами — единственными яркими пятнами среди серых и грязно-коричневых оттенков.

— Дальсе не поеду, мистер. — Водитель остановил машину, обернулся к пассажиру, ухмыляясь во весь рот, и закивал, как умеют делать только азиаты. — Не хосю масину портить, да. Не пройдет и минута, как мой масина будет этими дурацкими сначками расрисована, да. Хотя никак в голову не восьму — сьто эта хрень может осначать?

Стив дружелюбно улыбнулся в ответ и чиркнул карточкой, сбрасывая на счет такси обещанную сумму. Душа его умилялась. Люди, уже не первый век живущие на огромной радиоактивной бочке, до сих пор не знают, что означают черные треугольники…

— Наверняка, это знаки сектантов. — Он вышел, оставив водителя осмысливать услышанное, мягко хлопнув дверью. Где-то неподалеку раздались сухие щелчки выстрелов, кто-то завопил. Стэнделл отошел в сторону, с усмешкой наблюдая, сколь поспешно развернулась и умчала в город желтая «Мазда» с

рекламным слоганом на боку.

Бросив еще один взгляд на часы, Стивен быстрым шагом двинулся вдоль обшарпанных грязных домов, непрерывно чувствуя на себе не один взгляд недружелюбных глаз. У ступеней одноликих подъездов ютились люди. Молодежь, играющая в баскетбол, пьянчужки, греющие руки над подожженными мусорными баками, сплетничающие бабки. Два дома налево, еще один, мимо огромной помойки, по извилистой дорожке прямиком к массивному семиэтажному зданию, когда-то покрашенному в зеленый цвет. Он шел мимо бетонных ограждений, мимо заборов из железной сетки, мимо гидромобильных парковок, на которых уже очень давно не останавливались машины. Вдали снова начали стрелять — жизнь обитателя трущоб во все времена не стоила ровным счетом ничего, ну а прирезать в Чертовом Подвале могли просто за клочок крыши над головой. Интересно, уже не в первый раз подумал Стэнделл, что произошло бы, вздумай вся эта грязная и оборванная толпа ринуться в город в поисках пропитания… Нашествие крыс.

Привычно и пристально осмотревшись, Стив отбросил в сторону скрипучую калитку, подошел к подъезду, нырнул в его низкое темное нутро. По выщербленным ступеням поднялся на третий этаж, на ходу подстраивая зрение к полутьме коридора. За время его отсутствия не изменилось ничего. Все те же грубо сколоченные доски на полу, тот же единственный источник света — окно в конце коридора, как выход из железнодорожного тоннеля. По облезлым стенам ряды испачканных ногами дверей, из-за которых несутся хохот и плач, стоны и крики, звон посуды и звуки ударов по коже. В воздухе подъезда дымно и чадно — у многих жителей дома установлены печи, но запах жженого угля не может перебить сортирной вони, потому что на лестничных площадках здесь находятся именно молодежные сортиры.

Стивен остановился перед одной из безликих дверей — бледная краска, оторванный номерок, у замка видны свежие царапины и сколы от следов неудачного взлома. Ублюдки опять пытались ломать… Даже не зная, что пытаются проникнуть за трехслойную кевларовую дверь с самым современным замком, в комнату со стальными стенами, ювелирно вживленными в отштукатуренный муляж. Да хоть рухни все это засранное здание, комната номер триста семь упала бы на землю в сохранности, словно переносной сейф.

Подняв правую руку, он приложил большой палец к спрятанному в стене датчику. Наклонился к дверному глазку, подставляя зрачок. Затем практически прижался к нему же губами и негромко сказал одно-единственное слово. Защитные

механизмы начали едва слышную работу, что-то щелкнуло, и замок открылся. Гидравлика с шипением отодвинула в сторону тяжелую дверь. Он бросил беглый взгляд на пустой коридор и вошел.

Убежище. Почти родной дом. Как пошутил когда-то его инструктор, сам Адольф Гитлер мог бы позавидовать такому убежищу. Две комнаты, кухня, ванная и туалет, склад, морозильная камера с годовым запасом продовольствия, радиостанция, мощный компьютер, переносная станция очистки питьевой воды и водосодержащих отходов, автономный генератор, отопительная система, центр детонации комплекса — тесно, но уютно. По-домашнему. Стивен заботливо вытер ноги, включил мягкий желтый свет и прошел в комнату, выкладывая на стол тамплиерский «Глок» с выгравированной по затвору надписью «Non nobis, Domine, non nobis, sed nomini tvo da gloriam — Не нам, Господи, не нам, но во славу имени твоего». Глядя на оружие, улыбнулся. Он любил мистификации.

Распахнув широкие дверцы высокого коричневого шкафа, Стив выдвинул раскладные стойки и замер, в который раз любуясь огромным и разнообразным арсеналом, находившимся в его распоряжении. Винтовки, пистолеты, пистолеты-пулеметы, пара пулеметов (они в другом шкафу), гранатомет, ножи, наборы скалолазного снаряжения, пиротехника, арбалеты и спецоружие — Стив улыбался, рассматривая сокровищницу смерти, в которую, к сожалению, так редко приходил. Выкладывая прямо на пол, он начал выбирать.

Дальний бой — автоматическая снайперская система «Конкистадор». Итальянская модель, практически новинка. Калибр 12,7 миллиметра, дальность прицельного боя — почти пять километров. Весит, конечно, под двадцатку, а с дистанционной системой и все тридцать, но баланс и поясная гидроподвеска крали практически весь вес. При стационарной установке оружия угол поражения «Конкистадора» составлял почти сто восемьдесят градусов, а скорость стрельбы десятидюймовыми патронами доходила до восьми выстрелов в минуту. Штучная работа. Стив снял двухметровое ружье со стеллажа вместе с дистанционной системой, но отстегнул подвеску. Развернул центр управления винтовкой — солнцезащитные с виду очки со встроенным дисплеем и крохотный пульт — кольцо, с виду красивое, но простое. Быстро и тщательно проверив механизм, Стив уложил снайперскую систему в пластиковый ящик, следом сунув две упаковки патронов.

Бой на средней дистанции — автоматическая винтовка

«Тарантул», английская переделка германской булл-пап «Г-33С», бездымный порох, безгильзовые патроны, сто зарядов, легка и удобна, вот только калибр и пробивная мощь слабоваты. Винтовка легла в черную спортивную сумку, следом отправился десятизарядный «вальтер» в поясной кобуре, морально устаревший еще лет пятьдесят назад, — это плохим парням на съедение.

Ближний бой — из ящика стола Стив извлек российскую кулачную систему «Диверсант» — круглый плоский пистолет. Зажимаешь его между пальцев и, не особо напрягаясь, одним давлением ладони нажимаешь на спусковую скобу. Ствол выходит между пальцев, шесть зарядов — скромно, зато практически незаметно. «Диверсанта» он спрятал в ширинку, под край плавок.

Глянул на часы, понимая, что должен спешить. Подхватив длинный кейс и сумку, открыл дверь, выставляя оружие в коридор. Выключил свет, секунду постояв на пороге и проверяя, ничего ли не забыл. Запечатал замки. Быстрым шагом по лестнице вниз, мимо обдолбанных подростков на ступеньках. Открыл дверь в подвал, спускаясь еще ниже, в королевство вони и смрада. Почувствовал, что на сегодняшний день в подвальной воде обитают как минимум два свежих трупа. Стараясь не наступать в мутные черные лужи, прошел к потайной стене.

Сканирование пальца, глаза, голоса, щелчки открывающихся замков, и в образовавшуюся в стене щель Стэнделл просочился в темное помещение гаража. Свет включать не стал. Посреди пустого зала, если не считать коробов с ремонтным оборудованием в углу, нечто массивное, накрытое брезентом. Стивен опустил ношу на пыльный пол, сдергивая тряпку.

Пред его очами заблестела шкура транспорта богов — джипа «Форд Перехватчик», бронированного, как танк, с проходимостью вертолета. Хамелеоновый окрас машины сейчас был установлен на радикальный черный цвет и глубоко тонированные стекла. Под блестящим капотом терпеливо ждал возвращения на дорогу один из новейших гидродвигателей — мощный и экономный катализатор обеспечивал запас хода при полном баке почти на триста километров. Вместо задних сидений автомобиля был оборудован компьютерный центр, позволявший вести наблюдение и этого же наблюдения избегать: радары, сканеры, антирадары и антисканеры, радиостанция и далее по списку. На переднее сиденье, рядом с местом водителя, легко монтировалась скорострельная мелкокалиберная мобильная пушка. Стэнделл на секунду задержался, сентиментально, почти ласково проведя рукой по холодному борту механического чудовища. К

сожалению, он очень редко пользовался услугами железного друга.

Зрачок, отпечаток, звуковой код — он разблокировал замки дверей и отключил сигнализацию. Осторожно переложил сумки в кузов. Сел за руль и поднял овальный пульт управления механизмами ворот. Заворчали сонные моторы, створки уверенно поползли в стороны и вверх, сбрасывая с себя копившийся годами мусор, открывая в основании семиэтажного дома черный зев почти вертикальной шахты.

Заведя мотор, Стивен поднял машину на поверхность по гладкой бетонной эстакаде и, лихо развернувшись перед воротами, с пульта закрыл гараж. Бронированные двери, лязгнув, сомкнулись, не оставляя и намека на существование подвального тайника.

Черный джип с глухим ревом рванулся меж домов к автобану, на ходу расшвыривая мусорные кучи и картонные ночлежки. Стэнделл мчался на юго-запад, огибая цивилизованные районы и полицейские блокпосты, и уже через десять минут вывернул на трассу, ведущую к «Олд Бельгиум Аэротранслайн». Заживо гниющее население Чертова Подвала провожало с ревом несущийся через трущобы джип взглядами, полными ужаса и восхищения, как если бы на их подыхающую землю с небес сошел грозный и страшный ангел.

14:2:2 Корпуса складских терминалов начались сразу за топкими пустошами, после войны так и не приспособленными для строительства и жилья. Стив свернул на бездорожье и несколько минут гнал напрямую, к далеким клыкам подъемных кранов, возвышавшихся над складами, поднимая из-под колес стены мокрого щебня и грязи. Въехав на территорию погрузочных платформ, он осторожно провел машину под просевшим каркасом передвижной подъемной платформы, законсервированной прямо под открытым небом. Остановился в тени огромной прямоугольной плиты-козырька, ка краю которой покачивалась разбитая кабина оператора крана.

В могильной тишине прожужжала «молния» сумки — Стивен достал винтовку, зарядил и укрепил за спиной, пристегнул к бедру подсумок с запасным магазином и кобуру пистолета, извлек из кузова тяжелый футляр «Конкистадора». Закрыл машину, поставив на сигнализацию. Переложив чемодан в левую руку, а правой придерживая на боку «Тарантул», он быстрым шагом направился в сторону желтого, с облезшими красными полосами на бортах, подъемного крана, возвышающегося в сотне метров от места парковки.

Под ногами чавкало, сквозь жухлую траву посверкивала вода, пахло тиной и соляркой. Стив вышел на щебень и перешел на легкий бег, через полминуты входя в основание красно-желтого гиганта, безвольно опустившего единственную руку к земле. Сразу за краном в глубь платформ уходили ровные ряды малых ангаров, через пару километров подступавших вплотную к заброшенной фабрике, где, по информации Стэнделла, и размещался штаб «Фронта вне фронта». Щебень и топкая земля отступили перед потрескавшимися, но в основной массе целыми бетонными плитами.

Выйдя на бетон, он прислушался, по-звериному наклонив голову набок, и осторожно опустил чемодан на землю. Перехватив винтовку двумя руками, забежал под перекрещивающиеся балки ходовой части крана, решетчатой крышей раскинувшиеся над головой. Кто-то приближался, негромко переговариваясь, и через минуту на площадку у крана из-за складского барака неспешно, постоянно оглядываясь по сторонам, вышли два человека. От укрытия Стива их отделяло не более пятнадцати метров.

Одеты в черное и зеленое, в основном искусственную кожу. На боках подсумки с патронами и фляжки. Картину дополняют армейские куртки, ножи и ботинки, головы наполовину обриты. У того, что помоложе, на поясе висел старенький дробовик, перемотанный изоляционной лентой. Усатый мужчина постарше нес пятизарядную винтовку «Л-505», в другой руке сжимая длинную пластмассовую рацию. Они вели негромкую и размеренную беседу, постепенно приближаясь к оставленному посреди площадки кейсу снайперской системы. Стив лег на холодный бетон в тени огромного кранового колеса, раскинул ноги и снял оружие с предохранителя, привычно подготавливаясь к стрельбе и ловя на мушку боевиков «Фронта вне фронта».

Они остановились, заметив чемодан, старший что-то сказал, и парень с дробовиком сместился вправо, прижимаясь к жестяной стене длинного контейнера. Усатый поднял к губам рацию, ни на секунду не переставая осматривать окрестности и даже пару раз стрельнув глазами по укрытию Стэнделла. Затем пристегнул ее на пояс и, подняв винтовку, медленно приблизился к чемодану.

В момент, когда он присел на корточки, склоняясь над замком, Стив открыл огонь, с восхищением ощущая биение теплого оружия в руках. Сухая трескотня очереди разбила тишину, и усатый отлетел от кейса, роняя свою винтовку. Его напарник упал на землю, беспорядочно мотая во все стороны стволом дробовика. Словно в тире, Стив плавно перевел прицел на него и снова нажал на спуск, выпустив три короткие очереди.

Вскрикивая от каждой попадавшей в тело пули, парень дернулся, попытался вскочить на ноги, но, привалившись к металлической стене, тяжело сполз на бетон. Стив опустил ствол «Тарантула». Оружие, носящее имя паука, сработало идеально — ни дымка, ни следа, — словно никто и не стрелял, и только эхо доживает последние мгновения.

Выждав в укрытии еще минуту, он стремительно поднялся и, пригнувшись, быстрым шагом дошел до чемодана. Теперь у него оставалось не больше пятидесяти минут — ровно сколько и нужно, но без промедления. В упор добив старшего из боевиков из пистолета, он с места дважды выстрелил во второго и, подхватив «Конкистадор», бегом бросился к крану.

Подъем оказался неожиданно трудным. Широкая массивная и отнюдь не легкая ноша с большим трудом проходила сквозь узкие лестничные лазы подъемной шахты, железной спиралью уводящей наверх. В нескольких местах лестницы и эстакады проржавели и скрипели под тяжестью человека, словно вот-вот готовые сорваться вниз, а сам кран несильно, но ощутимо раскачивался. Преодолев две трети, Стивен выбрался на обнесенную низким бортиком площадку операторской кабины, опуская чемодан. Вид, открывавшийся сверху, был бесподобно великолепен.

Город на севере, окруженный вуалью смога, горделиво поднимал к небу сверкающие башни небоскребов, жилые кварталы ютились вокруг центра, словно королевская свита, ленты дорог и магистралей опутывали тело, чуть ближе располагался аэропорт с тушками серебристых птиц, взмывающих в воздух, и далекое море — темное и завораживающее. Но Стив не собирался любоваться видом, он работал.

Открыв футляр, извлек массивное оружие, тремя ловкими движениями собрав и установив на позиции — почти на самом краю, стволом к фабрике. Щелкнул треногой, миниатюрным гидравлическим пистолетом пригвоздил ее ноги к жестяному покрытию площадки, пристегнул прицел и панель управления. Поднес к глазам видеокамеру-прицел, осмотрел подступы к фабрике и закрепил камеру в пазах, подсоединив контакты к оружейному компьютеру. Достал очки, настроил частоту и активировал механизм наведения. В левой глазнице загорелся небольшой дисплей, на который с огромной скоростью передавалась информация с прицела — все работало как часы. Послушная нажатиям на разные сегменты кольца — дистанционного пульта, винтовка мягко качнулась из стороны в сторону, меняя прицел и угол стрельбы. Лязгнула обойма — теперь все готово.

Сняв с плеча «Тарантул» и отстегнув с бедра запасной магазин, Стив отодвинул пустой футляр в сторону. Бросив ненужную более винтовку, как можно быстрее поспешил вниз, минуя лестничные пролеты длинными прыжками, рискуя провалиться в ржавые дыры. Через полминуты он уже был внизу, выбегая к краю площадки, где оставил убитых боевиков, а еще через полминуты со всех сторон к подъемнику стянулись новые бойцы «Фронта вне фронта», сразу с нескольких позиций взяв Стэнделла под прицел. Он успел как раз вовремя.

Стоя над трупами, Стивен спокойно осмотрелся, безразличным взглядом скользнув по спрятавшимся за углами стрелкам, и небрежно надел очки. Дисплей работал, исправно передавая изображение фабрики, лежащей перед «Конкистадором» как на ладони. Стэнделл с безразличным видом посмотрел вверх и демонстративно зевнул. Наконец вокруг перестали грохотать ботинки разбегавшихся по позициям солдат, и грубый мужской голос отрывисто пролаял откуда-то сверху, с жестяного контейнера:

— Замри и не шевелись, гнида! Хоть одно движение — и ты труп, хорошо запомни мои слова! — Стивен неторопливо повернулся на голос, заметив на крыше контейнера плечистого крепыша с автоматом. — Медленно, очень медленно вынь пистолет и отбрось его в сторону! Медленно и осторожно! И сделай два шага назад.

Стив отошел от трупа и медленно, так, чтобы было заметно всем, отбросил от себя пистолет. Тотчас его окружили вплотную, ни на секунду не выпуская из прицелов. Шестеро солдат, один из которых — тот самый раскомандовавшийся крепыш с лицом, покрытым шрамами — осторожно приблизился в упор, приставив ствол «геклера» почти к носу Стива. С видимым трудом сдерживая бурлившую в нем ярость, процедил сквозь зубы:

— Если бы ты только знал, как я желаю развалить тебе башку! Как же я желаю тебе смерти! Да, ты бы только знал… Ты ублюдок, Стэнделл, и ты хорошо об этом осведомлен — не успел войти на нашу территорию, как убил двоих! О, небеса! Ну почему Люмонт дал приказ не убивать тебя?! Ведь я предупреждал! А этот глупец не послушал, он не поверил мне… И что? Два трупа! Ты зверь, Стэнделл, опасный дикий зверь, и когда командир закончит с тобой, я тебе припомню! Даже не стану спрашивать, зачем твоему воспаленному сознанию понадобилось убивать моих людей, а просто продырявлю тебе лоб!

— Прошу, осторожнее с оружием… Матерью клянусь, что не хочу умирать. Но вижу, у тебя так и чешутся руки, а ведь нарушать приказы Люмонта последнее дело. — Пальцем Стив

крайне мягко отвел от лица матово-черный ствол, легко заставив себя побледнеть. — Что касается твоих людей, то когда я появился, они уже были мертвы. Клянусь тебе в этом.

Лицо коротышки побагровело, и стоящий слева от него темнокожий панк поспешно схватил того за плечо.

— Врокс, не надо! Тише, старина, остынь… Люмонт не простит, ты знаешь! Разберемся с этой падалью позже. — Он мягко, но настойчиво отстранил командира и умело пробежал пальцами по одежде Стэнделла. Скривил полные губы в презрительной усмешке, заглядывая пленнику в глаза. — Поверь мне, я с не меньшим удовольствием станцую на могиле этого маньяка. Но приказ есть приказ…

Он обернулся, осматривая трупы товарищей.

— Судя по всему, ублюдок не врет, парней привалили чуть раньше… Значит, ты говоришь, что они уже были мертвы, когда ты пришел? Ты слышал выстрелы?

— Ни одного, клянусь.

— Проклятие… Покажи мне свои глаза, мразь.

Чернокожий потянул было руку за очками Стэнделла, но тот спокойно, словно и не было пяти направленных в голову стволов, шагнул вперед, сжимая правой рукой мошонку панка.

— Тебе очки, мне твои яйца, обмен устраивает? — Он лучезарно улыбнулся побелевшему боевику. Тот медленно отвел руку, после чего лицо его вновь приобрело привычный темный цвет. — А теперь ведите меня к Люмонту. Это он, а не я настаивал на встрече.

— Ведите его к Люмонту, — Врокс сплюнул на бетон, не сводя взгляда с убитых, — какой шустрый нашелся… Клешня, Дузер, соберите оружие и спрячьте трупы, пришлем за ними позже. Арни, передай на базу, что птица в силке и мы выдвигаемся обратно. Про потери пока ничего не сообщай…

Арни — негр, едва не лишившийся одной из своих самых ценных частей, отвернулся, прижимая к губам чехол черного армейского передатчика. Двое боевиков тем временем собрали разбросанное оружие и оттащили тела убитых за контейнер. Врокс приблизился вплотную, дыхнув на Стива запахами чеснока, сивухи и больного желудка.

— Теперь двинули. Но если я замечаю хоть что-то неладное, хоть что-то, что даст мне повод, — ты мгновенно умираешь. Это ясно? Пошли! Клешня, Арни, не сводите своих стволов с затылка этой скотины.

Стив удержал усмешку, в очередной раз поразившись предсказуемости людей. Его ждали с севера, он пришел с юго-востока, уничтожил патруль, сдался встречающему отряду без боя

и отдал оружие. Он действительно выглядел больным, смертельно больным и от этого опасным гостем, заблудившимся в самом себе, раскаявшимся и стремящимся к помощи… И главное (дисплей снайперской системы уже показывал появившихся на железнодорожной платформе фабрики людей), его ведут к Люмонту. Высоко над их головами «Конкистадор» тихонечко зажужжал, плавно подворачиваясь на шарнирах и выбирая новый угол стрельбы.

Коренастый Врокс уверенно вел отряд торной тропой, петляя среди сложенных кранов и жестяных бараков, и не прошло и получаса, как они вышли на огромный пустырь, в центре которого высилась заброшенная фабрика, приютившая в своих недрах «Фронт вне фронта». Там, где змеи железнодорожных путей убегали за широченные ворота, а слева высилась разгрузочная платформа, их ждали новые боевики. В проеме, одном из нескольких, выводящих на грузовые пирсы, стояли девять человек, которых Стивен при помощи «Конкистадора» рассмотрел уже давно.

Разместившись в неровном пятне света, созданном битыми, мигающими высоко над платформой фонарями, воины терпеливо ожидали прибытия Врокса. И только один — худой, бледный высокий тип в черном пиджаке нервно прогуливался по площадке. Ходил от сложенных в консервацию передвижных кранов до железных трапов, ведущих на пути, и обратно, выкуривая подряд уже четвертую сигарету. Когда Врокс, его люди и Стэнделл появились в поле зрения, он как будто успокоился, заняв место в центре своей группы.

Покрытый шрамами Врокс первым поднялся на высокий перрон, устало вскидывая руку в приветствии. Стивена подтолкнули стволом, и он легко поднялся следом, демонстративно осматриваясь. Остальные взошли за ним, полукругом разместившись за спиной на краю площадки. Врокс приблизился к худому мужчине с татуировкой на выбритой голове и что-то тихо сказал. Вероятно, подтверждал, что пленник пришел один, территория чиста, слежки нет, а сканеры не обнаружили ничего подозрительного. Тот прищурился, кивнул и медленно, на ходу отбросив окурок, подошел.

Стэнделл сунул руки в карманы штанов, покрутил на пальце кольцо и улыбнулся панку в лицо. Перед ним собственной персоной предстал легендарный и неуловимый Люмонт, личность которого были бы рады установить и в полиции, и в криминальных кланах Антверпена. Человек, которого чужие не знали в лицо, да. А теперь и не узнают…

14:2:3 Люмонт остановился в нескольких шагах. Стали видны болезненные синяки под глазами.

— Стивен Стэнделл, я рад, что вы приняли мое приглашение и пришли. Действительно рад, — в голосе его проскальзывала легкая нервозность. — Меня зовут Даниэль Люмонт, и это именно я отправил вам письмо…

Тем временем Стивен, одним глазом наблюдая за происходящим, другим уже прицеливался тому в голову, пытаясь максимально отрешиться и воспринимать поступающие в разные глаза сигналы, при этом не сливая картинки. Через левое стекло очков он сейчас видел Люмонта совсем с другого ракурса, крупно сверху и слева, практически из-за собственного плеча. Видел его глазами «Конкистадора», откуда на вожака панков с расстояния в две тысячи метров, не мигая, уставилось стеклянное око снайперской винтовки.

Худой мужчина в пиджаке, носящий имя Люмонта, натянуто улыбнулся и сказал что-то еще. Стив покачал головой и улыбнулся в ответ. Не вынимая руки из кармана, нажал на кольцо, и в следующую секунду у Даниэля Люмонта взорвалась голова. Следом площадку накрыло свистящее эхо и дружный крик ужаса боевиков «Фронта», кинувшихся в укрытия. Но удалось это не всем. Упав на бетон рядом с изуродованным трупом лидера банды, Стив одной рукой уже доставал «Диверсанта», другой продолжая стрелять из винтовки.

На погрузочной площадке в один миг поднялась настоящая паника. Удерживаемые приказом (пусть уже мертвого) командира, бойцы так и не отважились стрелять в Стивена, на что, собственно, он и рассчитывал. Тем более что, на первый взгляд, к открытому по ним огню тот был непричастен. Его лишь держали на мушке, поспешно прыгая за редкие укрытия. Боевики прятались, лихорадочно вертели бритыми головами, тщетно пытаясь определить направление атаки, и умирали. За спиной что-то с надрывом выкрикивал Врокс.

Стив повернул голову, и взгляд его в буквальном смысле слова разил людей Люмонта, словно гневный меч Ангела Возмездия. С приглушенным шипением реактивные пули сыпались на перрон, прошибая жестяные бочки и заграждения вместе со спрятавшимися за ними людьми, с каждым выстрелом беспощадно унося одну жизнь за другой. Боевики хватались за развороченные грудные клетки, пробитые головы, по очереди валясь на бетон, окрашивая серое в красное. Кто-то начал стрелять наугад, во все стороны, стонали редкие раненые, медленно отползая к воротам.

Все-таки сигнал, передаваемый через видоискатель

«Конкистадора», поступал в мозг с определенной задержкой — у снайпера было слишком много объектов для контроля. Поэтому Врокса Стэнделл заметил, когда тот уже практически находился за его спиной. Боевик быстро бежал через площадку, низко пригнувшись и обеими руками сжимая свой автомат за ствол, как бейсбольную биту. Стив, не шелохнувшись, прицелился тому в спину, щелкнул спуском и сбросил крохотный пульт винтовки с пальца, мгновенно перекатываясь на спину. «Конкистадор» был пуст.

Врокс уже нависал, замахиваясь прикладом, когда Стивен оттолкнулся от бетонного пола спиной, в прыжке толкая боевика обеими ногами в грудь, и одновременно выстрелил из «Диверсанта». Врокса отбросило, словно к его спине были прицеплены тросы, стремительно натянутые реактивным самолетом. Скомкавшись, словно куча тряпья, Врокс покатился через бетонку к самому краю. Мимо головы наконец просвистела пуля — кто-то осмелился нарушить приказ, и Стэнделл повалился на землю, навскидку отвечая на выстрел. Несколько голосов выкрикивали команды, по бетону рядом со Стивом чиркнула еще пара пуль, а из открытых ворот уже появлялось подкрепление.

Он снова перекатился, в движении стреляя в проем ворот, и уже положил руку на отброшенный автомат Врокса, когда первая глушилка упала метрах в трех впереди. Шоковая граната, укрепленная на арбалетной стреле, ударила в бетон, и мир вокруг Стива залило ослепительно сверкающим белым светом, который прозрачно звенел и вибрировал. Электроника «Конкистадора» мигом вышла из строя, и он дрожащей рукой сдернул ненужные более очки. Вскочил, отстреливаясь по звукам ответных выстрелов, и рванулся вперед, когда вторая стрела ударила прямо под ноги. Звенящая белизна стала еще насыщеннее, переворачиваясь над головой подобно падающей бетонной плите, роняя его навзничь, а затем на Стэнделла навалилась зловещая в своем замысле тишина…

14:3 Спинка кресла вскрикнула, когда великан вновь сменил позу. Рассказ был окончен, и в операционном зале наступило гнетущее молчание, теперь не нарушаемое даже бульканьем бутылки Врокса. Гигант сцепил смуглые пальцы и похрустел костяшками, внимательно вглядываясь в лицо пленника. Стэнделл молчал, ни единым жестом или вздохом не выдав собеседнику происходившую внутри себя катастрофу, где планеты миропонимания стремительно срывались с орбит, сталкиваясь друг с другом и разрушая все живое. Не дрогнув ни одним мускулом, он спокойно выдержал взгляд панка.

— Как ты теперь понимаешь, ты убил ненастоящего Люмонта… — Люмонт потер переносицу и покосился налево, где под лестницей с дружками заседал Врокс. — Для меня это было непростым решением, поверь… Погибшего Дансена мы будем помнить вечно… но чтобы ты не считал меня убийцей, я отвечу, что парень вызвался сам — у него была тяжелая форма рака… Да простят меня мои собратья, но цель свои средства оправдала.

И Стивен Стэнделл внезапно понял, что это действительно так. И в ту же секунду он понял еще много чего. Даниэль что-то говорил, снова подошла Флетчер, присоединяясь к беседе, легко, но демонстративно облокотившись о плечо командира. Но он уже не слушал, устремившись взглядом высоко под металлический потолок, проваливаясь внутрь себя… Новый мир, целая галактика открылась его взору, и мир этот впервые был настоящим. Территорией, вот уже много-много лет остававшейся под замком. С первого взгляда чужой и страшной, но до боли родной, словно забытый двор детства. Немигающий взгляд Стивена остекленел, когда на поверхность сознания одно за одним стали всплывать воспоминания.

Он многое знал. Многое умел. Очень и очень многое, гораздо больше простого человека. Хотя он никогда и не был простым человеком…

Стив умел драться. Руками или ногами, не важно — он умел владеть своим телом виртуозно и легко. Знал, как нужно упасть с пяти метров и подпрыгнуть на высоту своего роста. Знал, как не дышать с десяток минут и пробежать пять миль, ни на секунду не остановившись отдохнуть. Знал, как можно убить человека одним ударом, а как обездвижить и лишить голоса. Его тело пребывало в идеальной форме, словно он каждый день по три часа проводил в спортзале. Энергии и активности, переполняющим каждую клеточку по самому мимолетному желанию, мог позавидовать любой атлет. Организм работал, словно хорошие часы, — все под контролем, все в норме. Стив понял, что знает, как можно управлять собой — от изменения кровяного давления до увеличения количества вырабатываемых гормонов. Он мог приказать себе умереть, в его же власти было жить почти вечно.

Стив умел убивать. Собственно, когда сознание коснулось именно этой сферы, он осознал, что это умеет делать, пожалуй, лучше всего. Он разбирался и умел пользоваться практически любыми видами вооружения — от арбалета и ножа до пулемета и редких лазерных карабинов. Он умел стрелять, метать, бросать, давать залпы и колоть, кромсать на куски, рубить и расстреливать. Не было на свете такой винтовки, взяв которую в руки Стив через минуту не смог бы ею воспользоваться. Он не

просто умел стрелять, он умел стрелять профессионально — от беглого огня на ходу до терпеливого суточного ожидания жертвы для одного-единственного выстрела. Ручное, тяжелое и стационарное вооружение — он во всем этом прекрасно ориентировался и умел применять.

Еще Стэнделл разбирался в технике. Разбирался как на уровне первоклассного водителя, так и на уровне хорошего технаря. Гидромобиль, мотоцикл, флаер, танк, катер, яхта и вертолет — если не починить, так хотя бы определить неисправность он мог с легкостью…

Он позволил мыслям течь еще более свободно и едва не захлебнулся в окружившем его водовороте. Знание десятка языков, искусство камуфляжа, актерское мастерство, основы шпионажа, психология, кибернетика, химия, боевые искусства и наука ведения войны, история и религии, от буддизма до язычества древних скандинавов, медицина — Стив прикрыл глаза, словно свет стал ему нестерпимо ярок, пытаясь хоть как-то укрыться, спрятаться от навалившегося озарения. Но тут же открыл глаза вновь, сосредоточенно глядя на Люмонта и его подругу. Для обновленного Стэнделла более не существовало эмоций и чувств в их привычном понимании — неконтролируемых областей не было. Стив стал существом без изъянов. Оружием без изъянов.

Именно оружием, и он это сразу понял. Как понял это и Даниэль Люмонт. Оружием не обычным, не рядовым — он был тем позолоченным револьвером, покрытым богатыми инкрустациями, что извлекается из дубовой коробки лишь несколько раз в жизни. И не на войну — на смертельный бой, дуэль или для мести. Или же возмездия…

Люмонт молчал, внимательно наблюдая за пленником, Флетчер снова отошла. Стивен глубоко вдохнул застоявшийся воздух фабрики. Мысли его успокоились, волнение, шок и паника ушли, словно в мире вообще не существовало подобных понятий. Остались холодный, как этот стол, рассудок, трезвый расчет и готовность действовать. В движении постигая общую картину, Стив последний раз окинул внутренним взором свое теперешнее состояние, не в силах пока осознать, что же за сила превратила его в подобное существо. Существо, лишенное возможности помнить, думать и знать. Например, знать, где сейчас находятся родители Стивена и его отчий дом… да и был ли он вообще рожден в привычном понимании этого слова… Он заглянул в темные глаза великана.

— Ты наверняка хочешь знать, насколько сейчас я контролирую и понимаю себя? Насколько мне открылось

внутреннее состояние и сущность? Это ведь так, Люмонт? — Стивен слегка наклонил голову. — Я отвечу тебе так: теперь я знаю правду… если только это не очередная ложь… Скажи мне, Люмонт, не очередной ли сон я сейчас смотрю, в действительности делая куда как более страшные вещи?

А ведь правда… Может быть, именно до этого дня он жил, как обычный менеджер по фамилии Стэнделл, сын американских эмигрантов? Может быть, именно сейчас, сойдя с хирургического стола Люмонта, он стал машиной?

Лица командира панков и его пленника были недвижимы. Прошла минута, молчаливая, тягучая и слепая, когда окружающие предметы и звуки сливаются в один сплошной фон. Затем Люмонт протянул могучую руку и одним щелчком расстегнул удерживающие Стивена ремни.

— Осторожнее. — Тот демонстративно неспешно потер якобы затекшие руки. — Когда освобождаешь обученного убивать пса, благородство и красивые жесты — явно не то, что может спасти жизнь… Или ты тоже всего лишь двойник?

По смуглому лицу великана пробежала быстрая кривая усмешка, он расстегнул последние крепления и резким рывком встал с облегченно вздохнувшего стула.

— Теперь нам необходимо поговорить, Стивен Стэнделл. — Он выразительно взглянул в сторону, где, приканчивая вторую бутылку, окопались Врокс и его компания. — Поднимемся ко мне…

Не спрашивая и не принимая возражений, Люмонт повернулся и широкими шагами направился к выходу из зала, на ходу придерживая раскачивающуюся кобуру. Легко спрыгнув со стола, Стив подхватил с одного из осветительных софитов свои рубашку и штаны. Придирчиво осмотрел бурые пятна на воротнике и рукавах, не без сожаления обнаружил протертую при падении дыру. Как и предполагалось, все личные вещи, вплоть до кредиток, у него изъяли. Стэнделл оделся, размял плечи, шею и поясницу. Несмотря на отсутствие усталости, судя по ощущениям, он провел без сознания никак не меньше десяти-пятнадцати часов. Исходя из этого, Стивен предположил, что оперировать начали еще вчера. Обогнув медицинское оборудование, он мельком заглянул в мусорный бак, заполненный окровавленными бинтами и хирургическими тампонами, и последовал за лидером «Фронта». Врокс сопровождал пленника презрительным и уже основательно помутневшим взглядом.

14:3:2 Люмонта Стив догнал уже в широком коридоре, но тот

не повернулся, не сбавил шага. В молчании они миновали низкий тоннель, пару залов — нечто вроде столовой и жилого помещения с разбросанными по бетонному полу тюфяками и спальными мешками. Архитектура фабрики, как и ожидал Стивен, не радовала глаз — старый бетон, разодранный линолеум, торчащая из стен арматура, наспех подвешенные к потолку армейские лампы в решетчатых коробах.

На охраняемом боевиками скрипучем лифте они поднялись на несколько этажей, прошли сквозь еще один коридор, и наконец Люмонт с силой толкнул тяжелую железную дверь, небрежным жестом приглашая гостя в полутемное помещение. Словно в подводной лодке, здесь пахло железом и горелым машинным маслом.

Перешагнув высокий порог, Стивен оказался в довольно просторной комнате без окон, обстановка которой была именно такой, как он и мог себе представить — низкая широкая кровать, вешалка для одежды в углу, сейф для оружия, маленький вздрагивающий холодильник да стол с парой стульев. На столе — заляпанный пивными пятнами вполне современный компьютер. Кабинет полководца, не больше, не меньше. Не спрашивая приглашения, Стив опустился на один из стульев. За его спиной Люмонт закрыл дверь и щелкнул выключателем.

— Сказать по чести, — без прелюдий пробасил гигант, шагнув к холодильнику, — особенного желания разговаривать с тобой у меня нет, но…

Он не закончил фразу, но все было ясно и так. Люмонт будет разговаривать с ним. Будет разговаривать и отвечать на вопросы. Потому что он давно ждал этой минуты, и никакое отвращение к сущности Стэнделла не помешает ему завершить начатое. Люмонт открыл холодильник и, согнувшись в три погибели, извлек на свет тусклой лампы посверкивающую жестью упаковку пива.

— Предупреждаю, Стэнделл, что, если ты настроен на исповедь, душевную беседу или философские споры, придется подождать, пока я обмякну, — он шлепнул упаковку на стол, ногой захлопнул дверку и сел за стол напротив гостя. — Знаешь, произошедшее очень сложно описать в двух словах, лишь поверхностно затронув предпосылки нашей встречи, да только вот и роман писать желания нет…

На комнату опустилась тишина, лишь где-то в глубине фабрики глухо гудел огромный генератор. Какое-то время сидели молча, а затем великан коротко кивнул, отстегнул кобуру с автоматом, положил около себя на стол и протянул руку к упаковке, отламывая себе металлический цилиндр с крепким

темным «Бексом». Лязгнул крышкой банки и отставил в сторону, давая рванувшейся пене сбежать на грязный пол. Протянул банку Стиву, но тот медленно покачал головой. Гигант равнодушно передернул плечами и, приложившись к жестянке, в полтора глотка опустошил ее.

— Знаешь, мой дед варил пиво, — неожиданно сознался он. — И могу тебе сказать, что человечество определенно забыло его настоящий вкус. Продают людям всякую дрянь, не имеющую ничего общего с пивом, да при этом еще и навязывают ее вкус, как мировой стандарт, — Даниэль Люмонт смешно сморщился и, легким движением пальцев скомкав в руке пустую банку, отбросил ее в корзину под столом. Промахнулся. — Вот увидишь, пройдет еще лет сто или двести, и когда кто-нибудь, вроде моего деда, сумеет воссоздать забытый вкус, они обиженно заголосят, мол, что это за дрянь ты нам суешь, мы хотим нормального вкусного синтетического пива…

Стив терпеливо молчал, выжидающе поглядывая на панка. Люмонт потянулся и отстегнул от упаковки еще одну банку. Щелчок, длинный глоток, сминаемая в пальцах жесть. Бросок в корзину, новый промах. Панк открыл ящик стола, вынимая длинный пластмассовый ящик. Молча придвинул его Стэнделлу, приглашая открыть. В ящике оказались личные вещи Стивена, отобранные при пленении. Бумажник, банковские карты, рыцарское кольцо. Он задумчиво повертел его в пальцах. Люмонт это заметил, прищурившись.

— Знаешь, а ведь с такой же легкостью они могут многое. Не только менять вкус пива, запомни мои слова. Если захотят, через двести лет мы с легкостью поверим в Сатану, как в спасителя, а имена богов вообще сотрутся из людской памяти. — Люмонт покивал собственным словам, подтолкнул ногой брошенную под стол банку и в упор взглянул на Стивена. — Я слышал, как хорошо ты умеешь контролировать эмоции, но прошу тебя, не притворяйся, что тебе совершенно все похрен, а? Я отлично знаю, что именно ты хочешь узнать… Тебе ведь важно понять, почему я сберег тебя, а не пристрелил, подобно храмовникам? Почему рисковал для этого своими людьми, многих потеряв? Для тебя это важно?

Выдержав пристальный взгляд, Стэнделл все так же медленно кивнул.

— Пойдем прошвырнемся, черти тебя побери. — Люмонт резко встал, почти опрокинув стул. — Сколько ни пытаюсь себя приручить, все ненавижу сидеть на одном месте. Прихвати пару банок. Да не себе, мне прихвати.

14:3:3 Они покинули комнату и медленно побрели по высоким, по большей части пустынным цехам фабрики. Без оборудования, с голыми стенами, те казались дикими и заброшенными. Шаги и звуки голосов уносились вверх, возвращаясь постаревшими и сухими.

— Знаешь, нас часто называют бунтарями, но если откровенно, я не очень хорошо знаю, с кем мы ведем борьбу. — Люмонт в ожидании покосился на Стивена, разглядывающего носки своих ботинок. — Как бы чудовищно это ни звучало из уст лидера «Фронта вне фронта», я понятия не имею, кто является нашим врагом. Это первая правда, которой я делюсь с тобой. Люди, идущие следом, тоже не знают. — Он обвел рукой пустой цех. — Они просто верят и идут за мной. Кому-то больше некуда податься, кто-то верит… Именно их отличие от таких, как ты, позволило мне стать предводителем и создать из «Фронта» полноценную организацию… Мы всегда будем отличаться. От тех, кто снаружи, за стеной. От тех, кто производит это поганое синтетическое пиво. Ты наверняка слышал, что нас называют революционерами, террористами, да, наверное, частично так оно и есть — общества, подобные этому, притягивают вполне определенных людей, мыслящих схожими категориями. Немного от хиппи, немного от панков, зеленых и Блуждающих, кибернетиков, революционеров, анархистов, щепотка от вооруженных сил, чуток от религиозных институтов — и вот мы имеем готовое братство…

Люмонт остановился, прислоняясь к скрипучим ржавым перилам и глядя в бездонный провал старой лифтовой шахты. Стивен замер рядом — недвижимый, словно статуя, взведенный как пружина, и напряженный, подобно охотничьему псу. Пока рассуждения панка казались ему туманными.

— Мы работаем за деньги, иногда за идею. Продаем оружие, финансируем своих братьев по всей Европе, ломаем компьютерные сети, расшатываем систему, если угодно. Логично предположить, что мы не альтруисты. Скажу тебе откровенно, Стэнделл, зайди речь исключительно о твоей жизни, тебя бы перемололи, не заметив. Но… Для того чтобы выживать, волку необходимы не только острые клыки, но и дьявольски отточенное чутье, а в своем я уверен полностью. Наткнулись мы на тебя случайно, совершенно неожиданно. Но уж как нашли, так с поводка и не отпускали.

Даниэль прервался, чтобы выбросить пустую жестянку в шахту и взять из рук Стивена еще одну. Тот все так же молчал, впитывая разбрасываемые слова и пытаясь постичь их пока неясную суть.

— Ты не подумай, что я один из этих свихнувшихся проповедников, ага? Однако я точно знаю, что те, на кого мы так не хотим быть похожи, контролируют жизни и судьбы, достигая все большего в этом совершенства еще с начала двадцатого века. О, братец, они сильны и изворотливы, а тот, кто пытался противостоять, — неизбежно проигрывал. Они навязывают культуру, они прививают веру, они порождают ценности и закапывают в землю идеалы прошлого. Они дают определения поступкам и предметам, они рожают детей в колбах и бросают на непокорных атомные бомбы. Они развязывают войны и убивают наш воздух, они дают жизнь огромнейшим мегаполисам и заставляют океаны в панике отступать. Они в действительности правят миром и сами назначают цены… — Люмонт ненадолго умолк, глотая пиво. — Я буду давить подобных им в любом месте и в любое время — в этом теперь состоит вся моя жизнь. Жизнь, посвященная расшатыванию основ. Жизнь, которой суждено окончиться в очередной перестрелке с силами полиции. Но я, Стивен Стэнделл, прекрасно осознаю, где пролегает грань между марионеткой и кукловодом. Именно поэтому я сохранил тебя. Если ты и после освобождения продолжишь убивать людей, так хотя бы будешь делать это по собственной воле…

Стив медленно обошел Люмонта, прислоняясь к перилам с другой стороны. Взгляд смуглокожего гиганта был направлен в темноту шахты. Где-то в глубине фабрики лязгнула машина, пронзительное гудение наполнило воздух.

— Люмонт, я хочу знать, что произошло… Важнее этой задачи у меня сейчас ничего нет.

Тот понимающе кивнул. Вышвырнул очередную пустую банку, забирая у Стивена последнюю.

— Нам стало известно, в общем, немногое. В свое время мы саботировали работу Всемирной Психоаналитической Сети. Как ее еще называют — Нейросети второго поколения. Невольно вели анализ ее деятельности. Мои ребята это дело не очень, я тебе скажу, уважают, им бы все взрывать да ломать. Но меня заинтересовало. Изучение работы Сети в течение нескольких последних лет внезапно привело меня к выводу о необъяснимости некоторых происходящих в ней событий. Внешне не связанные друг с другом, эти события неожиданно привлекли мое внимание своей новизной, чужеродностью и грамотностью планирования. Мне было показалось, словно кто-то решил сделать за нас работу. Но только этот кто-то не ломал систему, Стэнделл. Нечто постороннее появилось в Нейросети, влияя на умы людей с неизведанной ранее стороны. Без ложной скромности признаюсь, что заметить это помогло мое чутье… Я стал следить, наблюдать

и запоминать. И через какое-то время увидел. Постороннее вмешательство, выполненное на высочайшем профессиональном уровне, таком высоком, что повергло моих техников в полнейшее замешательство. Великая Нейросеть, оснащенная наисовременнейшими системами защиты, была буквально за несколько лет разобрана по болтикам, а в один из ее блоков, совершенно неприметно, помещен паразит. Мы продолжали следить, через своих… коллег на территории Альянса, постепенно обнаружив участников диверсии, но… так и не добрались до корней. Надеюсь, что только пока…

Стивен начал понимать, но до времени запретил себе анализировать сказанное, продолжая собирать информацию. Люмонт, пристально глядя на собеседника, продолжал:

— В самых общих чертах это выглядело так: вмешательство в нейропсихологическую оболочку Блуждающего в определенный момент становилось просто тотальным. Причем приемы и механизмы, работающие в этот момент над мозгом клиента Сети, были для «Фронта вне фронта» неизвестны. Как ты понимаешь, одним из таких Блуждающих оказался и ты. Старательно спрятанные от Службы Контроля кукловоды дублировали существование твоей модели — Дениса Кабалина. С помощью еще не идентифицированных нами языков нейрокомпьютерного программирования они заставляли модель Кабалина, то есть тебя, совершать необходимые им действия, причем без твоего собственного согласия. А через еще какое-то время вдруг наш аналитический отдел… да, между прочим, а что такого? И не нужно иронии, аналитический отдел у нас тоже есть, хоть и небольшой… Так вот, в очередной раз обкурившись, они предположили возможную связь между событиями Нейросети и шумными происшествиями последних нескольких дней по всему миру. И даже произвели необходимые расчеты.

Он причмокнул губами, и Стивен понял, что панк испытывает вину. Через секунду его предположения подтвердились.

— Знаешь, а я ведь не поверил им. Ну а кто бы поверил, а? Так что решение вмешаться в происходящее я принял только после убийства Александра Золотых. То есть когда подтверждений осознанного покушения более не требовалось. Ты ведь теперь осознаешь, что это было именно оно? Да, способ новый и рискованный, но, согласись, в нашей реальности до России добраться еще сложнее… Появились первые ответы — родились новые вопросы. Так и не объясненные нами религиозные мотивы поведения управляемых моделей Блуждающих вообще поставили в тупик. Очередная попытка выйти на кукловода успехом вновь не увенчалась. Скажу тебе

больше, нам основательно надавали по рогам. Однако одно мы смогли установить наверняка — Блуждающий, подвергшийся подмене модели без предварительной подготовки, подобного бы не вынес. Тогда мы установили наблюдение за тобой не только в Нейросети, но и в реальной жизни. Это дало нам несколько ключей. Первое, что бросилось в глаза, это парадоксальность и необъяснимость ряда твоих поступков, что заставило нас начать контролировать буквально каждый твой шаг. От этого, Стэнделл, мы и вовсе ошалели… Однако вклиниваться между тобой, якудзой и тамплиерами не торопились.

Люмонт наконец оторвался от ржавых перил, отряхнул ладони и без предупреждения зашагал вперед, глядя в невидимую далекую точку. Пустая пивная банка улетела в зев шахты. Стив, для которого картина практически сформировалась, двинулся следом за панком, задумчиво рассматривая протянутые под потолком провода.

— В попытках предупредить мы несколько раз выходили с тобой на связь через Нейросеть и с удивлением установили, что попытки отрезать твой канал от направляющей силовой линии принимали образы, также носящие откровенный религиозный оттенок. Может быть, ты помнишь стариков у лифтов в российском Монолите?.. Связь была нечеткой, и нас умело блокировали. А чуть позже появились храмовники. На самом деле, Стэнделл, я до сих пор не понимаю, что же все-таки происходит, но как всегда слепо доверяю своему чутью. А оно говорит мне — братец Люмонт, заварилось что-то густое. Именно поэтому, когда нам стало известно, что воины Храма пытаются тебя завалить, я принял решение о твоем спасении любой ценой, каким бы чудовищем ты ни становился по невидимой указке хозяев. Бывших хозяев. И мое чутье вновь не обмануло меня. Как и предполагалось, попытки Флетчер найти ответы в глубине твоего мозга принесли свои богатые плоды. Надеюсь, ты не будешь сильно шокирован или обижен?

Стэнделл покачал головой, начиная подозревать, что знает, о плодах какой стоимости говорит анархист.

— Помещенные в твоей голове ультрасовершенные, фантастически мощные схемы и процессоры всю твою жизнь, какой бы ты ее ни помнил, выполняли целые цепочки сложнейших операций от затирания дорожек кратковременной памяти до дублирования воспоминаний. Вот, смотри. — И Люмонт извлек из внутреннего кармана жилета небольшой блестящий предмет. — Это один из них, извлеченный из тебя…

Стив почувствовал, как его передернуло, а по телу прошла волна физически ощутимого отвращения. В плоском стеклянном

футляре в пальцах его собеседника распластался демонический паук. Плоская, не толще миллиметра, центральная часть биопроцессора была похожа на высушенную шкурку от апельсина, бугристую и скукоженную. От нее во все стороны разбегались сотни тончайших щупов, еще вчера подключенных к нервной системе Стэнделла. Помещенный в специальный раствор, процессор медленно плавал по футляру, словно живой перебирая отростками.

Заметив реакцию Стива, Люмонт снисходительно улыбнулся.

— Любопытнее всего оказались процессоры, способные программировать твои действия с передачей четких инструкций и приказов. Программировать действия, подменяя восприятие действительности, как это происходило с моделью Кабалина. Именно под их управлением ты устранил Икехато, затем Золотых, а после попробовал убрать и меня, сунувшего нос куда не следует… Знаешь, подобные технологии способны на самом деле произвести серьезный переворот в науке, а столь длительное сокрытие их от общественности вызывает лишь неподдельное восхищение возможностями наших противников. Кстати, полагаю, для тебя не будет новостью, что без угрозы жизни и рассудку мы смогли заблокировать или извлечь лишь часть твоей биоэлектроники?

— Не новость, — кивнул Стивен, невольно проводя рукой по бритой голове и местам, где еще несколько часов назад лазерные скальпели оставляли идеально-ровные шрамы.

— Подводя итог, — Даниэль Люмонт обернулся, — извини, Стэнделл, но ты зомби… Вернее, был зомби до встречи со мной. Был существом, способным в любой момент по безмолвному приказу без возражений совершить работу, какой бы она ни была. Кстати, просто для информации, возраст вживленных имплантатов определяется приблизительно двадцатью — двадцатью пятью годами, не меньше. Знаешь, мне даже подумать страшно, насколько далеко вперед шагнули их изобретатели за эти годы.

14:3:4 Люмонт остановился у еще одной темной, дышащей сыростью и смертью старой лифтовой шахты, и Стэнделл представил, как ночью, в одиночестве этот гигант бродит по собственной крепости, рассматривая руины, попивая пиво и размышляя. Анализируя. Сопоставляя. Отныне, решил он, его мнение о панках и кибернетиках станет иным. Он проследил за взглядом Люмонта. Ржавые тросы медленно покачивались в полумраке, напоминая щупальца спускающегося чудовища.

— Значит, масса неизвестных переменных, молодой якудза,

русский олигарх, а теперь еще и ты, Люмонт — вожак «Фронта вне фронта»? Заказ за заказом…

— Твое последнее задание я спровоцировал сам, пару раз намеренно наступив на хвост кукловодам. Затем лишь приготовил западню, хотя скажу честно — твои способности я все-таки недооценил.

— Почему «Фронт» не ликвидировал меня после хирургической операции? Только не нужно о ценности человеческой жизни, ладно?..

— Да о чем ты? Мы не ценим человеческую жизнь, это не секрет. Но отдать тебя кукловодам или убрать означало бы присоединение к идеологии наших противников. Мы, Стэнделл, боремся за чистоту человеческого сознания, давим прыщи манипуляций умами миллионов. Решение о сохранении твоей жизни было далеко не самым легким, но наверняка самым верным. Оплаченным жизнью моих братьев. — Люмонт взялся за край лифтовой двери, как будто хотел вырвать ее с корнем, мышцы напряглись, а на скулах забегали желваки.

— Какова сейчас степень моей свободы?

— Я не могу ручаться, но Флетчер утверждает, что мы сделали все, на что были способны. Сигналы подсознательного программирования и дублирования памяти подавлены. Если это так, то ты вроде как свободен…

Стив потер заросший щетиной подбородок и еще раз взглянул в сырой провал лифтового колодца.

— Меня интересуют любые зацепки, Люмонт, любые следы.

Вожак внимательно посмотрел Стэнделлу в глаза.

— Я даже не буду спрашивать, — чуть помедлив, пробасил он, — что произойдет с этими людьми, когда ты их найдешь… Но и не спешу тебя обнадеживать — следов они почти не оставляют. Очевидно, пожалуй, только одно — имплантаты, с которыми нам пришлось иметь дело, производились на самом современном и профессиональном оборудовании. Кустарям такое однозначно не под силу, а используемые в них технологии стоят миллионы. Самый простой из вживленных в тебя чипов создавался, по крайней мере, в течение нескольких недель, и то при условии работы целого предприятия…

Стивен вдруг понял, но панк уже озвучивал его мысль.

— Например, — Люмонт звучно сплюнул в шахту, — корпорации «Сибирское возрождение»… Что еще интересно, так это, скажем так, азиатское происхождение особенно редких элементов твоей биоэлектроники. Не стану делать выводы, слишком мало известно наверняка, но поломать голову стоит…

Они замолчали, думая каждый о своем. Стэнделл

поколебался, но, уступив старой привычке, потер пальцами глаза. Пожалуй, не каждый день узнаешь, что двадцать лет своей жизни существуешь исключительно по чьей-то воле, а поступки не контролируешь. Но через секунду Стивен прислушался к внутреннему голосу и понял, что совершенно спокоен. Равнодушно спокоен. Вероятно, это тоже часть программы, вложенной в основы его реального миропонимания. Словно бездушный автомат, он принялся кропотливо анализировать услышанное, раскладывая по полочкам. Откуда же он взялся? Какую часть воспоминаний может считать настоящей? В какой момент начал жить двойной жизнью? Кем создан, кем и для чего обучен? Менеджер уважаемой и престижной компании, славный малый и приятный собеседник, любящий, хоть и не самый умелый муж — расчет кукловодов был удачен — подозрения не возникли ни у окружающих, ни у него самого. Ни разу до недавних пор. Ни разу до сеансов Эдриана Алана, на которые он угодил благодаря неудачной женитьбе.

Он наклонился, подбирая с пола камешек. Поднес к лицу, разглядывая, повертел в пальцах, под пристальным взглядом Даниэля швырнул в шахту. Очевидно одно — в воспоминаниях о своем прошлом Стив более не имеет права доверять самому себе. Он вообще теперь никому не имеет права доверять. Даже Люмонту. Тем более Люмонту. Стивен скосил глаза на вожака боевиков и неожиданно понял, что будь в руках панка точное описание начинявших Стэнделла технологий, он бы не задумываясь перепрограммировал его на собственный лад… Перепрограммировал. Неужели теперь ему придется привыкать думать о себе именно так?

«Алькатрас». Убийство принца якудзы. Пожалуй, это действительно сделал он. Как же не повезло прыщавому диджею, в этот момент уже пребывающему на Кубе, запомнить Стива в лицо… Но неужели Джина тоже все видела? Спланированное нападение на «Фронт вне фронта» наверняка было именно таким, каким Стэнделлу его описал Люмонт. Двойная память. Двойное дно жизни. А Кабалин? Как ложные воспоминания проявились у модели Дениса Кабалина? Это намеренно сделано его манипуляторами или же взбунтовалось бессознательное Стэнделла? Так же до сих пор не ясно, зачем его хозяевам понадобилось стирать воспоминания об обычном рабочем дне, заставив поверить в нападение тамплиера… Его хотели предупредить?

Стоп.

Перестрелка была настоящей. По-настоящему настоящей. Придуманные пистолеты не убивают людей, как тогда, перед

старинным памятником древнему императору Франции. Стивен нащупал в кармане штанов возвращенную рыцарскую печатку. Следовательно… Стив понял, что без лишних эмоций может сейчас шагнуть в сырую пустоту лифтовой шахты, навсегда покончив с головоломками. Стало (вероятно, по привычке) невыносимо больно в груди, там, где сердце. Сверкающие стеклянные пазлы кружились перед внутренним взором, укладываясь в яркую и понятную картину. Он попробовал было опротестовать получившееся, вновь и вновь взвешивая собственные выводы, но ничего не смог сделать, понимая, что прав. Последний фрагмент мозаики лег на свое место, и стеклянное панно покрылось сеткой крохотных трещин. Стивен до боли сжал кольцо в руке. Вот так-то. Арриведерчи, дружище.

Японцы везут компьютерное оборудование, биопроцессоры, имплантаты — редкие и безумно дорогие. Везут не открыто, такие вещи провозят контрабандой, подключив все возможные каналы влияния. Русские работают головами. Они сидят в прокуренных Монолитах и рождают на свет все новые и новые невероятные разработки, которые так любят воровать американцы, чтобы потом выдать за собственные и до основания потрясти мир. Когда современные технологии сходятся в одной точке с современным оборудованием, на свет рождаются такие, как Стивен Стэнделл. Система работает на протяжении многих лет. Вполне напоминает государственный заговор.

А затем что-то происходит. По какой-то причине в старых каналах поставки отпадает необходимость… Или происходит что-то еще — пока только гадать остается. Но и японский воротила и русский медиа-магнат умирают.

Еще есть люди, которые помимо нагрудных крестов носят автоматы. И если хакеры «Фронта» наткнулись на феномен Стэнделла случайно, то рыцари шли по следу, определенно обладая информацией. Пусть и облаченной в религиозные тона. Тамплиеры что-то знают.

Стив прищурился, вглядываясь в покачивающиеся тросы. Ему нужно как можно скорее остановить охоту на себя, прояснить ситуацию и получить ответы. Теперь, когда в его руках сосредоточено преимущество, о котором кукловоды (возможно) еще не подозревают, он обязан воспользоваться своей свободой. Он пойдет к тамплиерам.

— Что дальше, командир? — Стив отшатнулся от провала, оглядываясь на Люмонта. Застывший в одной позе панк продолжал смотреть вниз. Вот губы его скривились, а длинная черная прядь упала на лоб, скрывая глаза.

— Дальше ничего, Стэнделл. Дальше ничего. — Голос

великана был почти неслышен. — Ты свободен, насколько это возможно. Насколько это возможно — не знает никто. Ты волен идти, куда хочешь. «Тарантул» тебе вернут, а вот систему снайперского огня я решил оставить себе как трофей. В одну коллекцию с парочкой выдранных из твоей башки микросхем… Джип твой нам тоже не нужен, хотя машина что надо. Как соберешься сваливать, только скажи, мои доверенные люди выведут тебя с территории. Разумеется, тайно. Не все в команде желают, чтобы ты остался жить… Как понимаешь, на процент от продажи извлеченных из тебя технологий можешь не рассчитывать. Как и на нашу повторную встречу, я полагаю.

— Спасибо, Люмонт. — Тот лишь коротко кивнул, все так же не глядя на Стэнделла. — Мне нужно место, где я мог бы несколько часов поспать и подумать. — Новый кивок смертельно уставшего человека. — Если есть возможность, еще мне нужен компьютер и доступ в Сеть. — Гигант отбросил со лба прядь и наконец-то взглянул на Стива. — Еще мне нужно кофе. Много, если можно.

— Без проблем. — Панк отшатнулся от лифтовой шахты, хрустнув пальцами. — Отдохнуть можешь в моей комнате. Насколько я понимаю, тебе нужно быть в форме…

Он повернулся к Стэнделлу спиной и, не оглядываясь, тяжело зашагал прочь по коридору. Металлические набойки на его массивных ботинках звенели по бетону, разбрасывая мелодичное эхо. Стивен посмотрел в широкую спину великана и едва слышно повторил одними губами:

— Спасибо…

ГЛАВА 15

Да чего тут голову ломать? Человечество элементарно зажралось!

Хейлен Крапова, практикующий нейропсихолог.

Торонто, 2091 год

15:1 В размышления Стивен погрузился уже в машине, когда его черный джип, вывезенный лояльными Люмонту боевиками на безлюдную трассу к югу от платформ (в кузове ободранного фургона), уже мчался к городу. Машину, к его удивлению, совершенно не тронули, только, по личной просьбе командира, Стив оставил на фабрике орудие и боезапас.

Низко подвешенное солнце вот-вот было готово упасть за наполненное кислотой Северное море. Оно было почти невидимым, это засыпающее солнце, тусклым желтым кругляшом пробиваясь сквозь плотную вечернюю пелену смога, магической завесой окружавшую гудящий Антверпен и пригороды. Южное многополосное шоссе, пустынное в этот час, почти не петляло, ровной черной лентой несясь сквозь безмятежно-прекрасные пригородные районы, застроенные современными таун-хаусами и коттеджами. Неестественно яркие черепичные крыши и низкие ограды из вечнозеленого пластмассового кустарника откровенно резали глаз, совершенно не сочетаясь с вырастающими из-за домов и ухоженных клумб силуэтами фабрик и складов.

Машина мягко летела вперед, почти не покачиваясь, грациозно, уверенно. Человек в машине рассеянно следил за дорогой, перебирая в памяти события последних часов. Было над чем поразмышлять, это точно — крупицы информации, собранной на базе «Фронта вне фронта», представлялись неоднозначными и противоречивыми. И если во время разговора с Люмонтом Стив лишь старательно впитывал услышанное, почти не стараясь вникнуть, то сейчас приготовился обобщить.

Вглядываясь в разгорающуюся люминесцентную разметку дороги, он попробовал сосредоточиться и призвать на помощь умения, коими был наделен против воли. Сконцентрировался, выровнял дыхание в надежде, что сейчас головоломка сойдется. Сейчас он ощутит прозрение, и разрозненные части ее встанут на

свои места, подчиняясь логике, интуиции и бог знает чему еще, а перед Стивом как на ладони раскроется весь заговор.

Плавно опустив педаль тормоза в пол, Стив остановил машину на обочине, тяжело опуская голову на руль. Так и есть. Сверхмощное и тонкое произведение искусства, именуемое Стивеном Стэнделлом, поступило в европейские магазины без инструкции к пользованию. Этого следовало ожидать, да, как бы он ни бился, его все равно будет двое. Двое чужих, незнакомых друг другу людей, живущих совершенно разными жизнями и не настроенных на взаимовыручку. Да, сегодня один помог другому, в то время пока Стэнделл искал в Сети возможные ответы, подбрасывая скрытые зацепки. Помог заметить то, чего сам Стивен в обычном состоянии не углядел бы никогда. Показал связи, нащупал скрытое дно, буквально на интуитивном уровне провел за собой, подсказал. Но сделал это словно бы неохотно, и Стив не был уверен, что сможет воспользоваться своими способностями еще раз. В одном его родители… его создатели были правы — такого, как он, действительно невозможно поймать. Потому что когда он превращается в чудовище, он не играет роль — он действительно становится другим человеком, как в старинной книжке про профессора, изобретателя волшебного эликсира.

Стив готов был поспорить на что угодно, что попади к нему в руки пистолет, он бы с завязанными глазами разобрал и собрал оружие за считаные секунды. Но взглянув на пистолет или попытавшись разобраться в механизме, большее, чего бы он добился, это выстрелил в себя. Блокираторы, четко отделяющие две его сущности, после хирургического вмешательства Флетчер, может быть, и стали прозрачны, словно стекло, но не исчезли, как было необходимо. С легким холодком, проползшим по спине, Стивен вдруг представил, как задумывается над своими действиями, балансируя на высоко подвешенном канате или разминируя бомбу…

Как там сказал Люмонт сегодня утром? Чутье. Вот что никогда не подводило таких волчар, как он. И теперь, брошенный за борт обеих своих жизней, Стивен должен научиться ему доверять. А там, глядишь, и спрятанный, проявлявший себя в жизни Стэнделла лишь в облике Дениса Кабалина, тоже подключит свои умения — только руки подставляй.

Стив постарался вообще ни о чем не думать, лишь представляя себе исписанные клочки бумаги, которые кружатся, словно листья русской березы, парят и медленно оседают… Еще раз оценив распределение фигур на игральной доске с момента кончины Александра Золотых, он окончательно согласился с

большинством догадок Люмонта.

Японцы, контрабандными путями обходя многочисленные эмбарго на ввоз и распространение своей электроники, вполне прибыльно и успешно действовали на рынках Альянса уже далеко не первое десятилетие. Да, официально товары поступали через Скандинавию и Канаду, но столь частые поставки японских гоночных гидроциклов могли любого натолкнуть на размышления. С русскими было еще проще. Покореженные войной, они с еще большим остервенением, чем раньше, бросались на любой кусок хлеба, протянутый с Запада. Гранты, премии, фонды — взамен всего этого научными учреждениями Старой Германии и Франции планомерно скупались русские мозги и русские разработки.

Объединяющее звено находилось тут же, только приглядись… Стив поднял голову, провожая взглядом красный скоростной гидромобиль, с приглушенным гулом улетевший к городу. Отталкиваясь от идеи, что он был рожден (создан) порядка двадцати с лишним лет назад, вырисовывалась громоздкая схема, наверняка имеющая ложные и намеренно уводящие от основной линии ответвления. В схеме этой, не афишируя перед общественностью факты сотрудничества и деловые связи, вращались примерно одни и те же корпорации. Раз в несколько лет они намеренно меняли структуру, названия, диверсифицировали бизнес, а иногда даже осуществляли перестановки в высшем руководстве. Как определить, за какой корпорацией он найдет ответ, а какое название является лишь ширмой?

Снова закрывший глаза Стэнделл парил над огромной разноцветной сетью, переливающейся радужными огоньками, снующими по ней, как маленькие светящиеся паучки. Сетью, построенной его воображением после нескольких часов напряженной работы за компьютером Люмонта. Корпоративный код доступа все еще оставался его собственностью — это был большой плюс, позволивший ему сегодня вновь посетить закрытую базу данных «Пасифик Текнолоджиз». На прощание Стив подарил эти коды панкам… И вот теперь он приглядывался к лампочкам, изображавшим на этой схеме концерны, корпорации и фирмы. Наблюдал за бегущими огнями потоков информации и товаров. Замысел неясен, каждое отдельное звено выполняет исключительно собственную функцию, пешки попросту незнакомы друг с другом. Не случись сегодняшнего разговора с Люмонтом, эта схема так и осталась бы для Стэнделла одной из неясных макроэкономических комбинаций, что окружают человечество на протяжении всей его жизни. Неизменен и

спокоен лишь Паук, сидящий в центре. Паук, дергающий за нити.

Но увидеть его не дано. Стив сжал зубы, проклиная тех, кто отнял у него реальность и память о ней. Ничего… Темнота. Тишина. В собственных поступках лишь ощущение фальши.

Если брать его появление на свет за начальную точку представления, то прошло немало времени. Можно предположить, что сменился ряд действующих лиц… возможно даже, что и режиссеры, и сценарий, кто знает… Но на этот раз его чутье не смолчало, и Стив почувствовал непреодолимое желание оскалить зубы в волчьей усмешке. Ничего не изменилось. Даже не проверяй. Как говорил Кабалин, к бабке не ходи… Этот расчет, многолетнее планирование и стабильная, построенная на множестве фигур система, не могла значительно трансформироваться по определению. Не позволяла цель, поставленная кукловодами. Все до сих пор шло, как и предполагалось…

Торговые соглашения, переговоры министров, огромные вложения в области военных разработок стран Европы, шагающая вперед семимильными шагами наука, благотворительность и вклады в религию (особенно в неотечения, вроде церкви Пристанища Истины), и даже крупные пожертвования в строительство Берлинского Храма Прозрения, что стал одним из восьми Новейших Чудес Света — под масками неприметных событий и поступков организаций-марионеток скрывалась четкая система. Невероятно огромная, да. Охватывающая почти весь цивилизованный мир. Люмонт был прав — пожелай они, и мы на честно завоеванных рабочих местах и в наконец-то откупленных из кредита квартирах забудем вкус настоящего пива. Начав верить в то, чего пожелают кукловоды. Даже если они заменят мировые религии…

Но.

Любая, самая надежная и проработанная схема всегда имеет незапланированный риск разрушиться по повелению всемогущего случая. Только если ты не Создатель, в планы и знания которого входит совершенно все — в том числе скорое предательство и падение одного из ближайших ангелов… Хотя не исключено, что это тоже был лишь случай, предсказать который не смог даже он… Стив взглянул на себя в зеркальце заднего вида, пригладил рукой до смешного короткую светлую щетину на голове, улыбнулся, и отражение ободряюще улыбнулось в ответ — уж он-то, к счастью, имеет дело не с Богом. А значит, вероятность ошибки кукловодов возможна.

Джип тронулся с места, вновь возвращаясь на дорогу. И дорога эта отныне лежала в местное Антверпенское командорство

Рыцарей Храма, чей адрес, отпечатанный на измятом листе бумаги, лежал вместе с печатью ордена в кармане штанов Стива.

Не разобравшись, рыцари не перешли бы к действиям. А значит — они знают кое-что, чего еще не знает Стивен… Это значит, что пришла пора встать по одну сторону крепостной стены. Когда он обменяется информацией с храмовниками, многое встанет на свои места… В том числе и мистический фон, окружавший жизнь модели Кабалина. Стив взглянул на встроенный в панель управления видеофон, но передумал. Звонить сейчас опасно, даже Виржинии, сначала необходимо попасть в командорство…

Однако не проехал Стэнделл по пустынной дороге и пары километров, как тамплиеры первыми дали о себе знать.

15:1:2 Словно хищные птицы, крылом к крылу упавшие на поверженную добычу, посреди дороги, соприкасаясь передними бамперами, стояли два черных армейских джипа, нелепые в этом пейзаже кричащей черепицы и кислотно-зеленых газончиков. Стив остановился, пристально вглядываясь в снующих за машинами людей. Дерзко, конечно, но если вспомнить перестрелку с боевиками ордена на площади, то вполне предсказуемо — видать, крепко успел насолить, пока себя не помнил… Эти же даже не потрудились одеться в штатское. Словно у военного подразделения — одинаковые черные плащи до пят и поблескивающие на груди железные бляхи амулетов. У всех, словно у армейского взвода, одинаковые автоматические винтовки… Стив раздвинул пульт бортового компьютера, выводя на лобовое стекло гидромобиля увеличенное изображение перекрывших дорогу людей.

Через круглое пятно оптического прицела, установленного в бампере, он смог лучше рассмотреть встречающих. Легонько вращая трекболом, он смотрел и запоминал. Десять человек, унитарное вооружение, имеются два подствольных гранатомета, под плащами надеты бронежилеты. Командуют двое. Держатся уверенно, почти как профессиональные солдаты, из укрытий не высовываются. Стив невольно скосил глаза и, наткнувшись взглядом на пустую нишу, на миг пожалел, что оставил орудие Люмонту…

Вот только откуда они знают, что он поедет этой дорогой? Знают заранее, успев очистить трассу от лишних машин, перекрыв улицы коттеджного городка, загнав жителей по домам? Люмонт слил или сами нашли? Нет… Люмонт не такой. Значит — выпасли.

Стивен неторопливо достал из-под приборной доски

«тарантул». Сам встречи искал, теперь получай. Решил же, что не воевать собирается, а разговор говорить. А старший у них, должно быть, вот этот — с белыми, как у мутанта, ресницами…

Придерживая винтовку правой рукой, Стэнделл открыл дверцу. Осторожно шагнул на влажный асфальт дороги. Тамплиеры мгновенно заняли стрелковые позиции вокруг машин. На крышу правого джипа лег плоский раструб громкоговорителя. Но Стив заговорил первым. Громко, чисто.

— Я двигаюсь медленно и очень осторожно! — Он вышел из машины, держа винтовку за дверцей на уровне пояса, и поднял левую руку с открытой ладонью. — Не нужно ошибок и кровопролития! Теперь я знаю, почему вы ищете меня и желаете моей смерти, но все изменилось… Я более не тот, кого вы боялись. Лишь недавно я увидел истину и готов говорить, так или иначе ответив за гибель ваших братьев!

Стив замолчал, через открытую дверь всматриваясь в увеличенное изображение тамплиерского командира на лобовом стекле своей машины. Его слова, хоть и не целиком долетевшие до рыцарей, произвели эффект — тамплиеры зашевелились, начав переглядываться, но их предводитель стремительно вскинул руку, и ропот смолк, уничтоженный властным жестом. Человек с белыми ресницами повернулся к Стэнделлу и, пристально вглядываясь в силуэт врага сквозь разделявшие их метры, что-то негромко произнес. Стивен тяжело вздохнул, по губам тамплиера прочитав собственный приговор. Потом нагнулся в салон, кладя винтовку на соседнее сиденье, и небрежным щелчком отключил увеличительную систему. Все было ясно и так…

— Он либо вновь применяет одну из своих уловок, ибо сущность Антихриста безгранична в своем зле, либо на самом деле прозрел, что делает его еще более опасным. Приготовьтесь, братья мои, ибо мы все равно совершим предначертанное волей Бога нашего Иисуса Христа… Есть овцы навеки заблудшие, вернуть коих можно лишь напрямую в царствие Его.

Когда он подойдет на двадцать метров, открывайте огонь… Именем Святой Церкви очистим землю нашу от нечестивых созданий!

Стивен задумчиво посмотрел налево, где за притихшими в ожидании разноцветными коттеджами вонзались в вечернее небо бетонные пальцы заводских труб. Простые исполнители имеют приказ не верить ему. Отсюда выход оставался один — говорить с самым старшим. Говорить, наверняка, придется жестко, приведя неоспоримые доказательства своей свободы и дав гарантии.

Командир отряда рыцарей включил мегафон, и над

пустынной дорогой полетел его скрежещущий голос.

— Мы рады твоему прозрению, Стивен Стэнделл! Святая Мать Церковь горда своими победами над порождениями Нечистого, а каждая раскаявшаяся душа только возвышает величие Господа нашего. Приди же к нам, сложив всякое оружие в знак покаяния и смирения, и оставь все темные помыслы, ибо возвращаешься ты к Отцу своему!

Через долю секунды Стивен уже сидел за рулем, захлопывая дверь. Тамплиеры за машинами вскинули оружие, а командир отошел в укрытие, отдавая приказы. «Перехватчик» Стэнделла тронулся с места, но не прошел и десяти метров, как рыцари начали стрелять.

Черный джип стремительно набирал скорость, весь покрытый яркими искрами от скользивших по броне пуль. Стивен пристегнулся. Глухо ухнул гранатомет, за ним второй. Граната упала под колеса, гидромобиль подбросило, качнуло, но Стив удержал дорогу. Запела резина, из-под колес вырвались змейки дыма. Вторая граната рухнула почти на крышу — в левый верхний угол лобового стекла. Стива швырнуло вперед, машина завиляла по правой половине автобана, на приборной доске что-то закоротило, а по стеклу неохотно зазмеились трещины. Град пуль осыпал машину, все быстрее приближающуюся к позициям рыцарей. Стивен облизнул губы, чувствуя солоноватый привкус — наверное, от ударной волны носом пошла кровь.

Еще через миг тамплиеры бросились врассыпную, а «Перехватчик», словно таран, ударил в середину заграждения, туда, где машины почти соприкасались бамперами. Более легкие джипы рыцарей разметало в стороны, как игрушечные, раздался грохот и скрежет металла, в воздухе закружился сорванный капот. Словно сбитые кегли, храмовники отлетали с дороги, сметаемые собственным заслоном, а джип Стива, с разбитым и искореженным радиатором, почти не сбившись с курса, проскочил на север. Стэнделла рвануло в ремне, тревожно запищали системы безопасности, а затем машину подбросило еще раз и вот сейчас повело по-настоящему.

Стивен вцепился в руль, скосив глаза на бортовой компьютер — тамплиеры оказались предусмотрительны — все четыре покрышки «Перехватчика» были пробиты простейшей наземной системой «Скорпио». Железная лента и шипы в три ряда, а каков эффект…

«Перехватчик» затормозил, едва не перевернувшись набок, и Стивен развернул панель управления машиной. Наименее пострадавшие при столкновении тамплиеры начали приходить в себя. Крича и размахивая винтовками, они поднимались на ноги.

Снова начали стрелять. «Перехватчик» вздрогнул, еще, а затем начал медленно приподниматься. Жидкая резина, наполнявшая покрышки, заблокировала пробоины, и сейчас внутренний насос вновь накачивал колеса. Стив вывернул на свою полосу и, даже не взглянув в зеркало заднего вида, повел машину к городу.

Отбросил ремень безопасности и привычным, но совершенно ненужным в новой жизни движением потер переносицу. Бессмысленное и откровенно глупое со стороны храмовников столкновение разочаровало его в мудрости и благоразумии руководителей ордена. Ощущая себя необычно, словно со стороны наблюдал за сенсационным экспериментом, Стивен восстановил пульс и давление, все еще с легким недоверием ощутив, как легко злость и раздражение отступают прочь. Собственные способности продолжали вызывать у него немое восхищение. Но и оно тоже подавлялось с легкостью.

Начались пригороды, и разноцветные кварталы малоэтажных домов стремительно сменились на индустриальные пейзажи в технократических оттенках серого и стального. Ориентируясь по системе электронного наведения, после тарана работавшей с помехами, Стивен влился в многоярусный поток машин, патокой плывущий по улицам. Он направлялся на северо-восток, почти через час остановив «Перехватчик» перед двадцатиметровым зеркальным кубом, который и являлся Антверпенским командорством ордена Храма Соломона.

15:1:3 Примитивное с архитектурной точки зрения здание, словно воплощение стабильности и благородства, вырастало из земли среди бетонных дорожек и стриженых лужаек. Бескрайняя гладь ослепительного полотна его зеркал лишь изредка нарушалась светильниками и внешними видеокамерами. Небольшая площадь командорства неприметно, но с достоинством хранилась среди скребущих облака высотников, грани стен отражали и преумножали бетон и сталь величественных гигантов. Высоко над командорством раскинула свои дорожки, цепляясь прямо за углы небоскребов, транспортная развязка монорельса. От бегавших по небу овальных вагончиков неслось тихое жужжание. Еще выше, над монорельсом, виднелась массивная спираль автострады. С наступлением вечера внешнюю подсветку здания зажгли, и теперь оно было похоже на сверкающий черный бриллиант, забытый на дне огромного города.

Стив внимательно осмотрел командорство и в очередной раз убедился, что глазу остановиться совершенно не на чем. А собственно, чего он хотел? Массивных контрфорсов и

обшарпанных, оббитых штурмовыми лестницами зубцов на позеленевших от мха стенах? Коптящих факелов под навесами из неошкуренных досок? Холодный и стильный куб, независимый и загадочный — он ничем не рассказывал о себе, в отражениях зеркальных стен вообще теряясь из виду, превращаясь в мираж, видение, заставляя глаза слезиться. Именно таким было убежище рыцарей двадцать первого века…

Стэнделл несколько минут наблюдал за потоком обтекающих его джип гидромобилей, поверх руля вглядываясь в обманчивый силуэт тамплиерского дома. За зеркалами наверняка прячутся пулеметы, а за единственной и скромной дверцей из темного стекла установлена бронеплита. Стэнделл снял черную трубку видеофона, отключил видеорежим, набрал номер, откидываясь на мягкую спинку. Гудок, щелчок.

— Антверпенское командорство ордена Храма Соломона Иерусалимского, брат Анастасиус… Если помощь вам возможна, она будет оказана…

Стив задержал дыхание. Скользнул взглядом по безликому зеркальному фасаду.

— Мне необходимо поговорить лично с командором Монбаром. — Небольшая пауза, явное замешательство на другом конце провода, чуть слышный щелчок. Когда в трубке раздалось придыхание и брат Анастасиус уже хотел что-то ответить, он негромко добавил: — Его беспокоит Стивен Стэнделл. Насколько я понимаю, Монбар искал со мной встречи.

Тишину, наступившую после, вполне можно было принять за обрыв сигнала. Зуммер, приглушенные проклятия и вежливое покашливание Анастасиуса. Тамплиеры бросились отслеживать звонок.

— Можете не торопиться, брат Анастасиус. — Стив улыбнулся одними губами, надеясь, что его улыбку не сочтут обидной. — Я не собираюсь больше прятаться или убегать. Но мне необходимо поговорить с командором.

— Прошу прощения, мистер Стэнделл. — Голос Анастасиуса звенел от переполнявшего храмовника напряжения. — Мне нужно уточнить некоторые вопросы. Частности, так сказать… Вы же понимаете? Командор ожидает вашего звонка?..

— Прекратите пороть чушь, брат Анастасиус. — В голосе Стэнделла прорезался металл. — Вы прекрасно осведомлены, с кем сейчас разговариваете, и не нужно делать вид, будто моя персона вам неинтересна. Я уверен, что после пары-тройки бессонных ночей, проведенных в поисках, Монбар будет заинтересован в общении со мной. Также я полагаю, что посланный перехватить меня на Брюссельскую магистраль отряд

уже доложил о своей неудаче.

Снова наступила тишина, лишь приглушенные голоса долетали, словно из плотного тумана, да шумел за бортом машины загазованный вечерний город. Стали зажигать фонари, замерцали рекламные стенды и видеоэкраны. Стив ждал. Через бесконечно долгие полминуты Анастасиус снова подал голос:

— Хорошо, Стивен Стэнделл, нам на самом деле нет причины играть в игры… хотя твой звонок очень похож на вызов… Я соединю тебя с командором Монбаром, и да хранит нас всех Бог…

Вновь щелчок, ленивый перелив мелодии, и новый голос — властный, сухой и усталый, словно сами вершины гор обрели способность говорить:

— Стивен Стэнделл?

— Можно сказать и так. — Стив вслушивался в интонации командорского голоса и невольно рисовал себе портрет. Портрет широкоплечего, высокого мужчины с седой окладистой бородой и глубокими морщинами, подобно крепостным рвам изрывшим чело. — То, чем я являюсь, называют именно Стивеном Стэнделлом, но более я не представляю для вас угрозы. — Монбар пребывал в явном замешательстве, и Стивен наяву увидел, как этого умудренного годами человека тянет пуститься в религиозное отрицание сути произнесенных слов, начав цитировать Писание. Но командор смолчал. Тяжело, словно лавина сошла, вздохнул и осторожно спросил:

— Меня зовут Натаниэль Монбар, и властью, данной мне магистром, я командую тамплиерами Старой Бельгии. Я готов выслушать тебя, Стэнделл, хотя речи твои лживы, как и отец твой. Чего ты хочешь?

— Я хочу знать, — Стив поймал собственный взгляд в треснувшем зеркале заднего вида, — правду. Освобожденный и прозревший, я осознал, что неведение может быть благодатью, Монбар. Вы верите мне? Меня оперировали, мне многое рассказали, главное — при всем этом мне сохранили жизнь. — Он сделал паузу, наслаждаясь силой выпада. — Если хотите, командор, назовите это прозрением. Вполне в вашем духе, не правда ли?

— Ты не можешь знать правду о себе, Стивен Стэнделл. — Сила постепенно оставляла голос Монбара. — Подобное счастье не дано ни одному из вас. Поверь, даже если ты узнал о чем-то, это лишь очередной шаг нашего врага, новая уловка, обман среди лабиринта обманов, из которого тебе не выйти никогда. Тебя вновь используют, новыми масками прикрывая истину, у Лукавого тысячи лиц… Чего ты хочешь, слуга моего врага?

Стив опустил глаза, разглядывая лежащий на сиденье «тарантул». Что за война идет между храмовниками и такими, как Стэнделл? Ведь командор именно так и сказал — «такие, как вы», во множественном числе… Вспомнился дымящийся автомат в руках Кабалина и слова, против воли слетающие с губ (…и узнают они, что я — Господь, когда совершу над ними свое мщение…). Стивен невольно вздрогнул, вновь поднимая трубку к щеке.

— Боюсь, вы заблуждаетесь, командор Монбар. Люди… назовем их некоммерческой организацией, обладающие большим технологическим потенциалом, смогли параллельным от вас курсом заняться решением данного вопроса. Подойдя, так скажем, с более гуманной стороны к решению задачи, они захватили меня и прооперировали, отныне наделив определенной степенью свободы.

— Это правда? — по интонации Стивен без труда понял, что подобные фразы вырываются у Натаниэля Монбара нечасто. Но командор быстро взял себя в руки. — Даже принимая сказанное тобой на веру, я не могу поверить тебе до конца. И ты сам не можешь. Определенная степень свободы… Ты — бомба, Стэнделл, ходячая бомба, которая сама не в курсе времени своего взрыва. После всего, что я знаю, как я могу поверить?.. Не искушай меня, — по шелесту рукава он понял, что командор несколько раз перекрестился.

— Я сдаюсь вам, Монбар. — Стивен не без удовольствия вслушивался в наступившую в очередной раз тишину. — И это не ложь. Сдаюсь, чтобы узнать больше, чтобы понять… Поверьте, я на самом деле не желал зла вашим людям на Брюссельской трассе. Предлагайте любые условия — я согласен. — И, не давая собеседнику опомниться, продолжил: — Я сейчас совсем рядом, метров сто на юг от вашего центрального входа, командор, черный джип на парковочной ячейке. Сейчас я выйду из машины, безоружный, и медленно направлюсь к дверям. Хотите — парализуйте меня, хотите — стреляйте, но перед этим настоятельно рекомендую вспомнить вашу любимую книжку…

Командор Монбар еще раз вздохнул, вновь зашелестела ткань рукава.

— Я жду тебя, Стивен Стэнделл, орудие врага моего… — В голосе его прозвучало разочарование. Как если бы он искал в этой жизни нечто важное, но неожиданно обнаружил прямо на заднем дворе своего дома и понял, что переоценил ожидания. Стивен положил трубку и прикоснулся к прохладному пластику винтовки. Решительно взял оружие за цевье, отложил на заднее сиденье.

Открыл дверцу и уже поставил ногу на бетон дороги, настороженно вглядываясь в зеркальный куб, за стенами которого его уже наверняка взяли на прицел, но замер, прикованный к месту переливчатой трелью телефонного звонка. Только что повешенная трубка настойчиво мигала светло-зеленым светом, приглашая к аппарату. Стивен не шевелился, переводя взгляд с панели управления машиной на убежище ордена.

Телефон все гудел, тренькая и попискивая на все лады. Впервые за последние несколько часов, прошедшие после встречи с Люмонтом и медицинскими лазерами, Стивен Стэнделл почувствовал нечто, напоминающее страх. Телефон звонил. Кто может знать номер машины? Кукловоды? Тамплиеры, отследившие звонок? «Фронт вне фронта», взломавший бортовой компьютер? Он смотрел на звонящий телефон, не торопясь сдвигаться с места. На обратном конце провода властно бился призыв, сильный и притягивающий.

Медленно, чтобы на стенах командорства не заподозрили ничего дурного, протянув руку, он снял трубку. Обжигая щеку о холодный пластик, приложил ее к уху.

Словно горсть песка в стекло.

— Арриведерчи…

Гудки, гудки. Стив бросил трубку обратно на пульт, облизывая пересохшие губы и радуясь, что отключил видеорежим. Он понял, что совсем не хочет видеть человека, разговаривающего таким голосом. Что же, черт побери, происходит?.. Липкое небо над головой города стремительно темнело, окрашивая вечерний Антверпен в неживые огни. Стив еще раз покосился на винтовку, телефон и вышел из джипа.

Облокотившись на приоткрытую дверцу, он рассматривал сверкающий отражениями огней куб командорства.

ГЛАВА 16

В этом мире никто не имеет права жить долго. Если ты сейчас силен, завтра найдется кто-то, кто сумеет тебя победить. Вот я и думаю, что смысл жизни в том, чтобы как можно быстрее и… полнее, что ли, выпить ее до дна. До самого донышка. Хоть на время, но красиво удрать от смерти… А те, кто накапливают миллионы на счетах? Мне их жаль… Да чего же они ждут, когда еще немного, и это грязное небо попросту рухнет нам на головы?! Стреляй и беги, да про подружек не забывай, вот это круто… Вот это я понимаю.

Удачник Тано, боевик группировки «Бриллиантовые крысы».

Пустоши Афганистана, Зона Отчуждения 751, 2082 год

16:1 Светофор моргнул, и волна машин послушно замерла, пропуская Стивена, зажатого в многолюдном пешеходном потоке, на противоположную сторону дороги. Тамплиеры уже ждали — узкая темная дверь приоткрылась, а на блестящий бетон подъездной площадки неспешно вышел человек. Стэнделл пересек дорогу и по прямой, словно полет пули, дорожке между клумбами направился к нему.

В изломанных зеркалами потоках летящего со всех сторон света он разглядел храмовника. Среднего роста, плечистый, тот нерешительно вертел в широких ладонях нечто длинное и гибкое. Лицо открытое, широкое и изрытое морщинами, судя по ним, этот воин прожил не меньше шестидесяти зим, седые волосы и бородка аккуратно причесаны (этим храмовник чем-то неуловимо напомнил Стивену доктора Алана). Прямо поверх темного делового костюма-тройки на плечи рыцаря был наброшен белый с красным подбоем плащ. Когда Стив приблизился на двадцать

шагов, храмовник вскинул ладонь, на одном из пальцев которой блеснул ободок перстня.

— Остановись, Стивен Стэнделл! — Тот послушно замер, безуспешно пытаясь рассмотреть за односторонними зеркалами обшивки стен наблюдающих за ними людей. — Прежде, чем ты войдешь в нашу обитель, ты обязан надеть вот это, — тамплиер поднял на вытянутой руке широкий пластиковый пояс. — Если слова твои правдивы, эта предосторожность окажется лишней, если же правы оказались мы — это даст нам гарантии… Надевай и помни, что в поясе установлен сверхмощный парализатор… прошу тебя, будь осторожен в действиях.

Стив молча развел в стороны руки и медленно приблизился к тамплиеру. Пожилой рыцарь наклонился, зашелестев плащом, охватил пластиковой дугой бока Стивена прямо поверх выправленной из штанов перепачканной шерстяной рубашки, и на поясе Стэнделла щелкнул магнитный замок. Ну что же, кажется, в последние сутки ему не привыкать попадать в плен к своим благодетелям…

— Довольно туго. — Он осторожно опустил руки, стараясь лишний раз не прикасаться к парализатору. Тамплиер совершенно серьезно кивнул и продемонстрировал пленнику овальный пульт дешифратора кода.

— Я — Натаниэль Монбар, командор бельгийских тамплиеров. Это — пульт управления поясом. А теперь следуй за мной, Стивен Стэнделл… — Плащ взметнулся за спиной рыцаря, когда он стремительно перекрестился и повернулся, шагнув к воротам резиденции.

Дверь, шипение гидравлических запоров. Стив прищурился, привыкая к полумраку. За стеклянной бутафорией, как он и предполагал, находилась еще одна дверь — бронированная, в рядах круглых поблескивающих заклепок, и только за ней Стивен понял, что наконец-то попал в самое настоящее командорство. Осмотрелся и понял, что картины, рисуемые его воображением, были вовсе не такими уж и абсурдными.

За зеркальным технократическим фасадом современного здания, гармонично вписывающегося в современный Антверпен, пряталась крепость. Настоящая, сложенная из массивных, наверняка покрытых ковром мха, валунов. На небольшом расстоянии от декоративных стен, построенных из односторонне-прозрачных стекол, вверх, касаясь зеркал алюминиевыми распорками, крепежными лесами и блоками сигнализации, убегали высокие толстые стены. Массивная (метровая в толщину) дверь вела в глубь спрятанной под зеркальной бутафорией твердыни. Стивен бросил быстрый оценивающий взгляд,

запоминая конструкцию внешних стен, и, слегка пригнувшись, прошел в ворота за Монбаром.

В узком коридоре с низким потолком, что начинался сразу за дверью, Стэнделла ждали. Прижавшись к стенам, в другом конце прохода стояли двое тамплиеров, их черные силуэты резко выделялись на фоне освещенного крепостного двора. Неподвижно, словно статуи. Винтовки, направленные Стэнделлу в лицо, не шевелились ни на дюйм. Стивен остановился, с оттенком легкого удивления рассматривая старинные (белые, с красным восьмиконечным крестом) короткие сюркоты братьев, надетые прямо поверх заляпанных зелеными пятнами камуфляжа бронежилетов. На обоих рыцарях были шлемы с тонированными пластиковыми забралами.

Монбар широкими шагами прошел вперед, остановившись между охранниками. Появившиеся из-за его спины двое послушников ордена (еще не рыцари — в черных, с красными крестами, сюркотах) — неофитов — вежливо, но решительно и профессионально поставили Стэнделла к стене и методично обыскали с помощью двух портативных сканнеров: оружие, взрывчатку, вшитые под кожу капсулы, спрятанные емкости с газом, замаскированные лезвия, парализаторы, сканеры, камеры и прочее. Стив терпеливо ждал и не шелохнулся, даже когда послушник передал командору изъятый из его штанов трофейный перстень.

Когда жужжание детекторов стихло, а один из юношей что-то тихо сказал командору, тяжелая дверь за спиной Стива медленно сдвинулась с места и наглухо запечатала вход в крепость. Тамплиеры опустили оружие, а Монбар повел в сторону рукой в неопределенном жесте.

— Добро пожаловать, Стивен Стэнделл.

— Черный «Перехватчик» с помятым бампером и битым стеклом припаркован у магазина на другой стороне улицы. Сигнализации нет, системы безопасности отключены. Машина хорошая, прошу вас, отгоните ее к крепости.

В ответ командор кивнул, а обыскивающие Стива послушники молча удалились. Наверняка они покинут крепость через еще один, запасной, и наверняка замаскированный, выход.

Стив осторожно прошел мимо вооруженных тамплиеров, оказавшись на крепостном дворе, напоминавшем колодец. Вдоль широких полых стен колодца, в которых размещались помещения резиденции, шли лестницы, ведущие на стены и крыши казематов.

— Сразу хочу пролить свет на недоразумение, произошедшее с вашим отрядом, посланным на старую Брюссельскую трассу. —

Стивен не смотрел на идущего рядом командора, завороженно разглядывая сводчатый стеклянный купол над головой. Темное прозрачное стекло с трудом пропускало летящий с улиц свет фонарей и реклам, больше напоминая ночной небосвод в сумрачный день. Стив водил взглядом по казематам и широким каменным стенам, квадратом опоясывающим двор, по старым истоптанным ступеням лестниц и широким, окованным металлом дверям. Если бы не технократичный купол над головой, бетонный пол двора да белые пятна пластиковых аппаратов внутренней связи на стенах, вполне можно было бы решить, что провалился в прошлое…

Командор Монбар подал знак, и за спиной Стива в проход с лязгом опустилась кованая решетка. Как его еще в кандалы не заковали?.. Тот перевел взгляд на командора, прищуриваясь. Но рыцарь лишь задумчиво потер подбородок, внимательно рассматривая своего добровольного пленника. Его лоб изрезали новые морщины.

— Ты говоришь о вещах, мне неведомых, Стэнделл…

В ответ Стив невольно моргнул, чувствуя усиливающееся жжение в горле…

— Ты великая загадка, Стивен… — продолжил Монбар, словно этим все объяснялось. Он мельком, что не укрылось от Стэнделла, взглянул на двух вооруженных автоматами рыцарей, сопровождавших командира. — А можешь ли ты вообще с уверенностью сказать, что происходящее сейчас происходит с тобой на самом деле?..

Стив удержался от того, чтобы невольно не вздрогнуть, но по спине побежал холодок. А ведь правда?

(Арриведерчи…)

Он встретился взглядом с пепельно-серыми глазами командора, и в это мгновение мозг взорвался изнутри обжигающей вспышкой.

Стэнделла повело в сторону, он едва не упал, страшная боль раскаленным обручем охватила голову, и он невольно отшатнулся от рыцаря, перекрестившегося и настороженно вскинувшего руку с дешифратором. Охранники отступили, поднимая оружие. Перед глазами поплыли разноцветные круги, и Стивену показалось, что вселенная вот-вот развалится на хрустальные осколки, а он вновь, как тогда, управляя моделью Кабалина в Сети, увидит себя чужими глазами, с оружием в руках над телами мертвых храмовников.

(Арриведерчи, арриведерчи…)

Стив с невероятным трудом заставил боль уйти. Это было похоже на выдергивание из собственной глазницы раскаленной

отвертки, но он справился. Разогнулся, проведя рукой по побледневшему лицу, натянуто улыбнулся насторожившемуся тамплиеру.

— Отличный и очень своевременный вопрос. — Он прикоснулся кончиками пальцев к пульсирующим вискам и выдал командору самый честный из десятка возможных ответов: — Нет, я не уверен…

— Тогда верь и надейся. — Монбар качнул головой, словно действительно понимал, о чем идет речь, и неспешно двинулся по крепостному двору. — Зло, обитающее в тебе, еще очень сильно. Чтобы оградить всех нас от него, мы обследуем тебя. Сегодня, как только техники подготовят оборудование. Ты пребываешь в долине грез, в которую закрыт путь смертным. Жизнь вообще обманчива, а жизнь на лезвии кинжала, проложенного между двумя мирами… — Командор не собирался заканчивать рассуждения, но оборвал фразу и обернулся к троим послушникам, в дальнем углу двора ремонтировавшим легковой скутер с красным крестом вдоль борта. — Заканчивайте работу и идите по кельям…

Послушники молча сложили инструменты, поклонились все так же молча и скрылись за одной из казематных дверей.

— Даже если сейчас я против своей воли веду бой с вашим гарнизоном, — не без усилия произнес Стивен, ускоряя шаг и догоняя рыцаря, — осознающая себя моя половина считает важным предупредить, командор, что прорыв сквозь кордон был спровоцирован вашими же людьми. Это…

Натаниэль Монбар резко повернулся, зашелестев плащом, и в упор взглянул на Стива. Он был похож на крепкого шведского лесоруба, дважды переодетого накануне маскарада. В первый раз в блестящий и дорогой деловой костюм, а во второй раз разряженный поверх этого костюма в настоящую рыцарскую мантию. Сурового лесоруба.

— Я не очень люблю повторять дважды, мистер Стэнделл, но я не посылал отряд на Брюссельское шоссе. — Стив прищурился в ответ, оживляя в памяти недавнюю стычку с боевиками ордена. Ему определенно противостояли храмовники, иначе к чему все произнесенные молитвы, амулеты на груди?.. Командор среагировал быстрее. Лицо его в один миг окаменело, рука спряталась за отворотом пиджака, и он стремительно выхватил из-под плаща трубку коммуникатора. Не отрывая от пленника внимательного взгляда, на ощупь набрал номер.

— Брат Магнус? Да, совершенно верно… Нет, не может. Информация очень срочная, проверь линию. Отлично. Новости принес гость. Нет, думаю, что еще не совсем, но откуда мы можем

знать наверняка?.. Оставь это на моей совести, хорошо? Четвертый Цербер. Столкновение на Брюссельской трассе. Да, похоже, что миссия брата Бальта не удалась. Да, я хочу, чтобы ты немедленно передал Высшему Кругу, что Ватикан начал действовать… Амен. — Командор сложил крохотный телефон и спрятал его обратно под плащ. Вынув ладонь из-под складок, быстро перекрестился.

— И что все это значит? — одновременно Стивен подумал, что пора наконец перестать удивляться ровным и спокойным интонациям собственного голоса. Командор рассеянно потеребил ворот плаща, разглядывая грубую кладку стены.

— Это были не наши люди, Стивен Стэнделл. — Он открыл рот, словно собираясь добавить что-то еще, но вместо этого произнес совсем другое: — До начала твоего тестирования еще есть какое-то время. Прогуляемся по стене? Кажется, у нас появились новые темы для обсуждения, — Стив поднял голову, осматривая берега нависающего над ним колодца, и, соглашаясь, коротко кивнул. Он с призрачным сожалением осознал, что может с легкостью не испытывать ни любопытства, ни щемящего душу предвкушения опасности. А уж и того, и другого в голосе Монбара сейчас хватало…

16:1:2 Они миновали прямоугольный двор и по широким каменным ступеням поднялись на стену замка. Охранники командора не отставали ни на шаг, тем не менее держась на почтительном расстоянии и не мешая разговору. Ступени были гладкие, вышорканные не одной тысячей подошв. Наверху, стилизованные под факелы, в металлических уключинах мягким светом горели фонари. Под одним из таких факелов неподвижно, навытяжку стоял охранник в рыцарском сюркоте, оглядывая ночной город за стеной. Стивен на мгновение остановился на подъеме, переводя взгляд с полыхающего огнями Антверпена за зеркальной завесой на стационарный крупнокалиберный, полностью автоматизированный, пулемет, установленный над самым краем стены. Жерла многоствольного орудия были направлены вниз, на шумящие автомагистрали. Монбар перехватил этот взгляд.

— Братство Храма в последнее время стало как никогда более сильной военной общиной. — Командор подошел к краю, опираясь обеими руками в потертые ветрами зубцы и выглядывая в пробел бойницы. — Полагаю, что даже в период своего средневекового расцвета орден не представлял собой такой мощи, как сейчас… Раньше не было исламских фундаменталистов, напичканных взрывчаткой, газовых атак в метро, захваченных

самолетов и бомбовых ударов по рыцарским гарнизонам в Святой Земле. Последний Крестовый поход нас многому научил…

Стивен подошел и остановился рядом, у соседней бойницы, через прозрачное, как дневной свет, стекло разглядывая сверкающий искусственными огнями город. Охранники замерли у лестницы, страж стены даже не повернул головы.

— Значит, — спросил Стэнделл, словно не расслышав последних слов командора и возвращаясь к прерванному разговору, — на Брюссельской магистрали, после того, как я выехал из «Фронта», на меня напали не ваши люди? Так объясните мне все, что сможете объяснить, Монбар. Что это было? Очередной подлог моих воспоминаний?

— Значит, тебя оперировали кибернетики «Фронта»? — Монбар покивал, то ли поняв, то ли с порицанием. — Ладно, это уже хоть какая-то информация… Я попробую объяснить.

Он украдкой взглянул на Стивена, на его поблескивающий шоковый пояс и понизил голос.

— Пока не произведено полномасштабное сканирование твоего мозга и наполняющих тебя систем, я буду краток. Надеюсь, в скором времени ты узнаешь больше… Также возможно, что мой рассказ окажет на тебя активизирующее действие, Стэнделл. Если это произойдет, мне придется тебя отключить. — Стив осторожно кивнул, тоже взглянув на пояс и снова ощутив, как плотно тот охватывает его бока. — Хорошо. Если ты утверждаешь, что прозрел, значит, тебе наверняка известно о феномене полного раздвоения твоей сущности. О том, что некие силы, олицетворяющие в глазах всех верующих добрых людей на этой Земле абсолютное Зло, с помощью самых современных технологий построили тебя и твою жизнь полностью по своему усмотрению. Ты готов к тому, чтобы узнать истину? Хорошо… Тебя не рожали, Стивен Стэнделл, как ты, вероятно, предполагал. А это уже большой грех. Грех созданий, породивших тебя, ибо нельзя даже в мыслях наших уподобляться Создателю, а не понимающие этого рано или поздно ответят за свои прегрешения. Твой отец силен, но в могуществе своем он возгордился стать ровней отцу всего сущего и созидать самому…

Стивен обратил внимание, что его пальцы, вцепившиеся в холодный край каменного зубца крепостной стены, начинают сжиматься. Из-под пальцев с хрустом и скрежетом сыпалась влажная гранитная пыль. Монбар пристально наблюдал за реакцией пленника, ни на секунду не выпуская из рук пульт управления шокером.

— Ты был взращен в искусственных условиях, выращен в капсуле и сразу же начинен необходимым набором механизмов и

устройств. По большому счету, Стивен Стэнделл, ты и не человек вовсе… — Монбар облизнул губы, прищурился. Так, должно быть, этот рыцарь прищуривался, когда среди обжигающих кожу песков Ливии ходил вместе с братьями в атаку на пулеметы террористов. — Ужас состоит в том, что таких, как ты, в этом мире — много. Не один десяток, а может быть, и сотня. Выращенные нашим врагом, против которого мы долгое время не могли поднять оружие, подобные тебе создания растворены в толпе, живут среди обычных людей, живут как обычные люди, наслаждаясь ложной памятью и ничем, совершенно ничем не выдавая себя. До определенного момента. Пока тот, кто держит нити, не принимает решение сделать очередной ход. Запрограммированные на определенные действия, получающие полные и подробные инструкции от дьявольской половины самого себя, вы готовы бездумно выполнять любые приказы Нечистого. Для того чтобы активизировать любого из вас, достаточно одного-единственного слова.

Монбар машинально осенил себя крестом, рассеянно повертел в пальцах дешифратор, бросил взгляд на неподвижного стража стены и охранников за спиной пленника. Огонь атаки в его глазах начал затухать.

— Я впервые разговариваю с одним из вас, Стэнделл. С одним из врагов…

— Знаете, Монбар, а ведь лидеры «Фронта вне фронта» не потеряли веры в мое человеческое начало… — Стивен не отводил взгляда от крошащегося под ладонью камня, но заметил, что в ответ Монбар примирительно поднял руку.

— На войне нет времени для долгих раздумий, Стивен Стэнделл, особенно при схватке с опасным противником. Ты знаешь о том, что такие, как ты, получили названия Церберов — многоликих безмолвных убийц? С этой тактикой сложно спорить — расчет идеален, вас просто не отыскать в толпе. Учителя и программисты, политики и служители Церкви, студенты и фотомодели. У каждого из вас прекрасная дисциплина, ни одного привода в полицию, все вы исправные налогоплательщики и крупинки послушного электората. Мир слишком погряз в радиоактивной грязи и выхлопах заводских труб, чтобы начать искать зло не в обдолбанных анархистах, а в собственной постели или собственной жене.

Монбар тяжело, очень тяжело вздохнул и еще сильнее понизил голос. Таким этот рыцарь был над могилами своих павших братьев, закапывать которых приходилось во все тот же обжигающий лица песок.

— Твоя темная половина знает и умеет так много, сколько

обычному человеку не усвоить за всю жизнь. Но главное, она умеет лгать половине светлой, законопослушной. Лгать так, что никакие препараты, гипнозы, детекторы и сканеры не в состоянии вывести тебя на чистую воду. Ведь самый опасный глупец тот, кто на самом деле свято верит, о чем говорит.

Стивен прислушался к собственному телу, в скрытом предвкушении ожидая, что от прилива адреналина его сердце сейчас забьется быстрее. Но не нашел ни единого эмоционального отклика на рассказ тамплиера. Все опять находилось под контролем, как он того и ожидал. Стэнделл отошел от проема между зубцами, отряхивая покрасневшие ладони с налипшими на них кусочками камня.

— Разумеется, мы совершенно не ожидали такого поворота событий. Воистину, Deus ex machina, Стивен Стэнделл. Подумать только — тебя обнаружили боевики военизированной организации, да еще и смогли прооперировать…

— Люмонт, командующий «Фронта вне фронта», нашел меня через свои источники. Они не так примитивны, как вы полагаете. С помощью собственных технологий он смог внести изменения и что-то извлечь. Что-то очень опасное. Вот только память не вернулась… — Монбар понимающе кивнул, словно и не ожидал другого ответа.

— Надеюсь, что наши техники смогут добиться большего, Стивен…

Он повернулся лицом к пленнику (гостю) и опустил руку с пультом от шокового пояса.

— Я благодарен тебе, враг мой, за прозрение твое и без устали хвалю за это своего Господа. Ведь это неслыханная удача, Стэнделл. Обследовав тебя, мы сможем точно знать, с кем ведем эту скрытую войну. Ведь в наши руки впервые попадает живой Цербер. О, прости меня…

— Я больше не умею обижаться, Монбар. Вы уже сталкивались с моими родственниками?

— Да, одного смогли выследить. Не так давно нашим спецотрядом в Индокитае был уничтожен Цербер, проходивший в нашей базе данных под кодовым номером шесть. Но мы даже тела не нашли…

— Я тут размышлял, командор. — Стивен наклонил голову, с высоты стены разглядывая крепостной двор и бродивших по нему послушников. — И у меня появились кое-какие соображения по поводу моих… родителей. Могу поделиться. При условии, что вы не располагаете точной информацией, кто именно создал и использовал меня…

Командор Монбар отвернулся к ночному, но сверкающему

городу. По его лицу скользили разноцветные лучи света. Командор колебался, и для того, чтобы заметить это, не нужно было приглашать доктора Эдриана К. Алана. Один из злейших врагов ордена, способный убивать безвинных и при этом оставаться в тени, подобно оборотню, стоял сейчас лицом к лицу, предлагая помощь. Либо подстраивая сложную, наделенную тройным дном ловушку. Стивен внимательно посмотрел на своего пленителя. Увидел почти неприкрытые муки на покрытом морщинами лице и сменил тему.

— Так что же за боевики пытались остановить меня на Брюссельской трассе, командор? Еще один участник этой непростой игры? Однако же моих религиозных познаний хватило, чтобы разгадать в этих стрелках служителей Церкви. Разве нет? При том, что описанное вами создание сверхлюдей больше похоже на правительственный заговор мирового масштаба, Монбар. Игры государств. Исходя из этого, по логике вещей, такими, как я, должны заниматься спецслужбы Альянса, а не воинствующие монахи…

— А вот об этом, Стэнделл, — Монбар повернулся к нему, раздраженно потирая седой висок, — ты узнаешь позже. После полного обследования, как я и говорил… если все пройдет нормально.

— Для Люмонта я оставался человеком, командор, хоть и странным. Скажите мне, отныне все церковники будут обращаться со мной, словно с подопытной крысой?

В голосе Стивена не было ни раздражения, ни иронии, ни обиды, но Монбар как-то осел и поник плечами. Он уже открыл было рот для ответа, но тут у него на поясе запищал телефон. Стражник на стене вздрогнул, едва не развернувшись на звук, и Стивен заметил, в каком напряжении тот пребывал все это время. Командор отвернулся, отошел на пару шагов и, покусывая ус, открыл трубку.

— Нам пора, Стивен. — Монбар бросил в телефон пару коротких фраз и сразу же отключил связь. После разговора с пленником лицо его стало практически серым. — Наши техники готовы к проведению обследования.

— И все же скажите мне, Монбар. — Стив даже не шелохнулся, и шагнувший мимо седой рыцарь замер у лестницы. Вооруженный эскорт Монбара смотрел на командира, ожидая хотя бы намека на приказ. — Кто напал на меня сегодняшним вечером?

Монбар вздохнул, снова потерев висок, и неопределенно махнул рукой.

— Ватикан, Стэнделл. Вероятно, они все-таки решились

действовать самостоятельно. Скорее всего, что-то произошло… Возможно, постановили, что если после пробуждения Цербера мы не в силах справиться, то они смогут. Признаться честно, это для нас большой сюрприз. Дело в том, что там, на Брюссельском шоссе, Стивен, ты столкнулся с отрядом Святой Инквизиции.

ГЛАВА 17

…Как собака, а потом еще иди домой к спиногрызам, и не дай-то бог на них хоть прикрикнуть! Мы работаем в две смены, не покладая рук, а выходные бывают, только когда в город вводят национальную гвардию… Подонков все больше, ребята гибнут. Черт знает что происходит в этом мире ублюдков!

Кристофер Такерто, сержант полиции, патруль комендантского часа.

Сан-Франциско, 2085 год

17:1 Стив отхлебнул несладкий холодный кофе и, не поморщившись только из уважения к заботам послушников, отставил металлическую чашку на стол. Прислушался к доносившимся из коридора шагам, неторопливо повернулся к окованной железом двери. В оплетку вежливо постучали костяшками пальцев, после чего дверь сразу приоткрылась. Бегло осмотрев комнату (камеру), решительно вошел Монбар, на этот раз снявший с костюма тамплиерский плащ. По всему виду рыцаря было ясно, что последние часы не прошли для него с легкостью. Узел галстука ослаблен, на воротнике светлой рубахи виднелись пятна, жилет же Монбар снял вовсе.

Вглядевшись в бледное лицо храмовника, Стивен подумал, что тот, должно быть, за прошедшие с прибытия Стэнделла в крепость сутки постарел лет на пять. Командор прикрыл дверь, машинально перекрестился, устало опускаясь напротив пленника в скрипучее деревянное кресло. Сцепил пальцы. Поднял взгляд.

— Невероятно. — Это слово Монбар произносил каждый час по нескольку раз с тех пор, как техники ордена расшифровали результаты сканирования. — Все-таки это просто невероятно. Мы, конечно, предполагали всякое, но чтобы столкнуться с легендами на самом деле… Чтобы рассмотреть все это на примере живого человека…

Стив отодвинулся, более вольготно располагаясь на жесткой кровати и отбрасывая подушку в изголовье. Оперся на нее спиной, положил ногу на ногу.

— Надеюсь, командор, на этот раз вы посетили меня не только для того, чтобы еще раз воочию убедиться в моей материальности, но и для того, чтобы посвятить в полученную информацию? — С того момента, как Стива поместили в специальную «гостевую» келью, до той минуты, когда старший инженер командорства перебросил окончательный отчет на портативный компьютер Монбара, последний только и делал, что куда-то исчезал, стремительно появлялся и вновь уходил. При этом не уставая повторять, как же происходящее невероятно. — Ожидание становится томительным, командор. По-моему, пришло время поговорить откровенно. Вы не находите?

Монбар облизнул губы и с тоской взглянул на почти опустошенную кофеварку.

— Да, Стивен, ты прав, пожалуй. Сколько с анализом отчетов ни тяни, а рано или поздно поговорить нам придется.

— Тогда давайте сделаем это как можно раньше?

— Хорошо. — Монбар кивнул, привстал, потянувшись к кофеварке. — Но без галлона кофе разговора не состоится. — Стив кивнул, про себя отметив, что рыцарям, кажется, вполне даже нравится пить гадость, которую они по незнанию именуют кофе. — Запреты ордена остаются запретами, — продолжал негромко бормотать рыцарь, наполняя кофеварку порошком, — но когда писался устав, кофе в Европу еще не привезли.

Пока сварится напиток, ждали молча. Стивен продолжал отхлебывать холодный кофе, командор рассматривал аккуратно подстриженные ногти. Когда аппарат звонко отсигналил и отключился, Монбар наполнил кружку и с неописуемым удовольствием на лице сделал из нее пару глотков. Стивен пересел с кровати в свободное кресло и, жестом отказавшись от предложенной командором добавки, превратился в слух.

Сделав еще глоток, Монбар отставил свое варево на самый край стола, задумчиво повертел на пальце перстень и начал говорить.

— Сначала о проведенных исследованиях. Признаться честно, даже выслушав твой рассказ о кибернетиках и медицинских возможностях «Фронта вне фронта», я не смог до конца поверить в способности панков. Теперь вижу, что ошибался. Да, это правда, они произвели определенное хирургическое вмешательство в твои системы и кое-что довольно профессионально изменили… — Монбар пожевал губу, стараясь не встречаться со Стэнделлом глазами. — Конечно, меня при этом не может не заботить еще один вопрос… — Он украдкой, но не случайно, бросил на Стива короткий выразительный взгляд. — Они получили в распоряжение технологии. Вражеские технологии…

Мощные технологии. Опасные. Они, как бы точнее сформулировать, несколько опередили нас в этом вопросе. Да, конечно, мы и без этого располагаем огромным количеством материалов для изучения и даже кое-какими схемами, извлечение которых показалось нам возможным, но…

Монбар многозначительно помолчал, не готовый развивать тему. Вероятно, после проведенных над Стэнделлом операций общение тамплиеров и «Фронта» не закончится… Стив равнодушно пожал плечами. Монбар расценил этот жест, как сигнал к продолжению. Глотнул еще кофе.

— Прозрение, как ты его назвал при нашей первой встрече, к всеобщему удивлению, на самом деле состоялось. Кибернетики Люмонта, так ведь зовут их лидера, да?.. Так вот, его кибернетики действительно смогли выполнить все необходимые операции — от блокады канала, ответственного за ложные воспоминания и переживания, до изъятия активатора. Собственно, этим они меня и удивили, да… Устранив активатор неконтролируемых действий. Один из ключевых узлов настройки любого Цербера… — Машинально начерченный кончиками пальцев напротив сердца крест. — …Единственное, что удалось сделать нам в дополнение, это обнаружить биопроцессор, выполнявший функции датчика слежения, и заблокировать его.

— Это я все знаю, командор. — Стив говорил негромко, но храмовник вздрогнул, словно вырванный из полудремы. — Сейчас вы расскажете мне, что при моем создании использовались русские технологии, а биопроцессоры и имплантаты наверняка сконструированы японцами. Что я являюсь результатом клонирования, искусственного вынашивания и поэтапной начинки. Это известно мне и так. Но вы обещали открыть мне тайну моего создания, Монбар. Вы ведь подошли к ее разгадке, не так ли? Я хочу знать.

— Да, да, конечно. — Тамплиер рассеянно обшарил взглядом тесную сырую комнату, обставленную минимумом мебели, глотнул густого терпкого кофе и снова неловко стукнул чашкой по столу. — Это и есть главный вопрос, я понимаю…

Было очевидно, что Монбар очень устал. Устал и никак не решается до конца поверить тому, кого почитает врагом. Но он все-таки продолжил:

— Начинать придется издалека. Так сказать, провести краткий исторический экскурс. Ты не потеряешь много времени, а я смогу собраться с мыслями, чтобы не запутать картину. — Вздох, крест на сердце, взгляд в потолок.

17:1:2 — Вот уже много лет идет война, Стивен. Война

незаметная, скрытая, но, тем не менее, уносящая все новые и новые жизни. Когда стреляешь в неверного… прости, когда стреляешь в арабского террориста на баррикаде, ты отлично знаешь, с кем имеешь дело. Война же, начавшаяся чуть более века назад, не имеет ни линии фронта, ни воюющих армий. Зло пришло на Землю, Стивен Стэнделл, и пусть это не кажется тебе очередной проповедью сектанта. Об этом много говорят, это многие замечают, но никто ничего не желает делать. Антихрист на Земле. Давно. И он не дремлет. Сегодня, стоит служителю Церкви окрестить компьютер или голографическую кабину Блужданий порождением Сатаны, это вызовет лишь скептический смех. Однако же это не больше, чем правда…

Короткий взгляд серых глаз рыцаря.

Монбар допил свой кофе и подлил еще. На этот раз Стэнделл не отказался и принял из его рук теплую чашку.

— Зло растеклось по планете неотвратимо и без шума. У Нечистого множество лиц, и он бесстыдно пользуется всеми. Развитие технологий, рост объемов мировой промышленности, непрерывные войны и военное производство, умирающая экология — все эти события часто называют предвестниками Апокалипсиса, но лишь метафорически… пока не придет час. Ни для кого не секрет, что человечество на пороге двадцать первого века стало как никогда капризным. Не обращая внимания на гремевшие экологические и техногенные катастрофы, которыми предвещался Конец, оно металось из крайности в крайность, словно распутная девка пробуя одно приключение за другим. Оно создало разумные компьютеры, продолжало подчинять природу, разрушало само себя. А еще оно погрязло в сотнях новейших религий, которые не несут истинный Свет, но лишь удовлетворяют желания и потребности человечества. Человек не успел обернуться, как созданные им микропроцессоры стали его новыми богами. — Монбар вновь перекрестился, на этот раз трижды, и что-то произнес одними губами. — Вера была выброшена на прилавки по сниженным ценам, а прогрессивные деятели Масонской Ложи наконец совершили то, к чему стремились многие века. Если их наибольшим достижением двадцатого века стало создание Организации Объединенных Наций, то в веке двадцать первом Альянс Староевропейских государств перестал быть утопией. — Командор смотрел в стену, словно видел на ней деяния минувших эпох. — Тамплиеры, как и в прошлые века, когда подвергались за это гонениям, немало способствовали данному объединению. Но после поражения Нечистый упал именно на Землю, и сила Зла на ней изначально гораздо ярче, чем свет Господа.

Стивен против своей воли, что происходило с ним все реже, поерзал на стуле, пытаясь отыскать в сознании хотя бы намек на понимание сказанного. Казалось, что рыцарь его не замечает, словно находится в келье один.

— Да простит нас всех, грешных, Создатель наш и Отец… — Монбар вдруг осекся, как будто только что окончил молитву, и осторожно взглянул на пленника (гостя). — На фоне многочисленных язв, покрывших тело человечества, около пятидесяти лет назад, среди войн и непрекращающихся катастроф, стихийных бедствий, уносящих в прошлое целые города, и исчезновений государств, возник (или лишь наконец открыл свое лицо?) главный гнойник. Церковь Пристанища Истины. Изначально секта, незаметная формация, каких сотни, стремительно превращенная в величину невероятно огромную. Их учение, построенное на Писании, имело массу искажений. Их трактовки Библии повергали верующих в ужас… Но мир уже жил законами, по которым дозволено все. И пока за стенами начинала лютовать чума, начался пир.

Стэнделл глотнул кофе, даже не заметив, что обжег язык. Он начинал понимать.

— Человек живет верой, это в его сути, да. Ему просто необходим образ, нечто святое, во что он станет верить и чему будет молиться. В этом равны все — и мусульмане, и буддисты, и язычники, в конце концов. Но, Стэнделл, если бы ты только знал, какой ужас переживали все честные христиане, когда Пристанище Истины год за годом в геометрической прогрессии набирало свою паству…

Снова взгляд в глаза — искренний, яростный, полный ненависти. Стивен выдержал этот взгляд.

— И люди шли. Вместе с верой, ложной и нечистой, они получали в награду не смирение и покорность — они получали все, чего только могли пожелать. В кипящем котле общей смуты, охватившей планету в середине века, отступники быстро нашли последователей. Гулящей девке захотелось новенького — получайте. В Европу пришла новая вера — вера во всеобщее благоденствие и комфорт. Достижения человеческого прогресса на радость Господа нашего. Развитие — вот смысл жизни. Они поклонялись микрочипам, вознося их выше небес и призывая к их совершенствованию на благо жизни человека. А потом замыкали кольцо поклонения и уже через усовершенствованный микрочип призывали к новым вершинам. Ты по своей фальшивой жизни знаешь, Стэнделл, что люди уже давно не смотрят в небо — там только липнущий к лицам смог и потоки жидкой грязи. Но им по человеческой природе необходимо хоть иногда видеть звезды, и

вот они уставились в экраны мониторов…

Монбар ненадолго замолчал, торопливо допил остывший кофе. Стивен представил, как сидящий перед ним человек произносит свою проповедь с покрытого шрамами бронетранспортера, и ему стало жутковато. Командор, уловивший перемену настроения Стива, едва насмешливо прищурился, словно сарказм остался его единственным оружием против человеческой слепоты.

— Раньше такое объявляли ересью, а люди, подобные Симону де Монфору, сжигали за истинную веру целые города. Сейчас всем наплевать. Пока они росли, у нас был реальный враг — Ближний и Дальний Восток, сидящие на атомных бомбах и оружии массового поражения. У нас был изматывающий Крестовый поход и его последствия… Кроме того, церковь Пристанища до последнего момента входила в лоно Святого Католического Доминиона. Со всеми своими пороками и грехами, но входила. Потому что глаза Папы были прикрыты абсолютно на все, кроме войны… Как же долго их считали всего лишь одним из неотечений, каких множество. И ни миссии, ни расследования, обнаруживающие в молодой религии признаки верования в Козла, ни документальные подтверждения и доказательства — ничего не смогли изменить… Нарыв созрел под слоем пудры и румян.

В комнате стало холодно, как в морозильной камере. Стивен машинально повысил температуру собственного тела. Монбар потирал пальцы, грея их об остывающий кофейник.

— А ведь специальные церковные комитеты начали получать одно доказательство за другим. Сначала медленно, затем все быстрее, полилась кровь. Но что такое кровь, когда планета стонет от перенаселения? Наиболее смелые наши теологи еще лет тридцать назад назвали церковь Пристанища сатанинской. Ты думаешь, их услышали? Но это оказалось именно так. Развившись и прочно встав на ноги прямо посреди Альянса, в своей идеологии она медленно и продуманно начала крепить веру в царствие технологий и скорый приход нового Князя. А люди к этому времени так сильно заждались второго Пришествия, что… Одним словом, об этом как-то не принято говорить в новостях. Были кровавые обряды, ритуалы, храмы и прочее. Да и не особенно тайно, просто никому дела не было… Но мы наблюдали. И начали войну. И уже не только войну проповедников.

Где-то над головами разговаривающих мужчин, еще вчера бывших врагами, гудел огромный мир. Такой, каким знал его Стивен Стэнделл. Такой, каким знал его Натаниэль Монбар. Мир

с двойным дном.

— Открытых столкновений мы не допускали — Пристанище сейчас настолько популярно, что я иногда боюсь, что мы уже опоздали. — Крест на сердце, словно оберег от дурных мыслей. — Им на самом деле поклоняются, представляешь? Как когда-то делали это перед Папой и Ватиканом! А этот их архиепископ Струго и вовсе почитаем за святого. Ну а тайне противостояния мы были обязаны еще и старинным уставам… Разгребая последствия религиозных войн по всему миру, Католический Доминион просто не мог позволить себе собственного раскола или междоусобных распрей. Это могло бы привести к потере паствы, да, так говорили мудрейшие… О, если бы только кто-нибудь знал, насколько на самом деле мы уже тогда были слабы…

Монбар опять умолк, и Стив понял, что он сейчас снова находится под обжигающим солнцем Палестины. В ставке ордена, где рыцари оседлали не лошадей, но ревущие танки. Шли минуты, но он не торопил старика. Наконец тот словно очнулся, приподнимаясь в кресле. Изо рта его вырвались клочки пара.

— Пойдем со мной, Стэнделл. — Командор встал. — Тут становится неуютно, а еще мне кажется, я должен тебе кое-что показать…

Стив поднялся вслед за рыцарем, отставляя кружку на крохотный стол. В тишине кельи скрипнуло дерево старинных кресел.

— Возможно, увиденное тобой сейчас произведет не самое лицеприятное впечатление. — Монбар неспешно двинулся направо по узкому полутемному коридору, продолжая разговаривать со Стивом, повернувшись вполоборота. Коридоры под резиденцией были настолько узки, что не позволяли идти плечом к плечу. — Но… я хочу, чтобы ты знал. Видел сам. Полагаю, теперь это важно для тебя.

Стив молчал, осматриваясь. Он почти не помнил внутреннего убранства крепости — в медицинский блок его доставили в сознании, а вот как он попал в комнату (камеру), воспоминаний не было. Вероятно, рыцари на руках перенесли его туда после операции. Стэнделл задрал голову к поросшему мхом (подумать только, настоящим мхом) потолку, проводя рукой по едва отрастающим волосам, вновь обритым медиками ордена. А сделав это, не в первый раз поразился, что совершенно не ощущает последствий проведенных над ним хирургических операций. Да, первые часы после работы Флетчер безболезненными назвать было никак нельзя. Но позже, с тревогой ожидая головных или фантомных болей, дискомфорта

или ощущения чего-то недостающего, на деле Стивен не получил ничего. Только едва заметные шрамы на голове и всем теле, где тамплиеры изучали новые обнаруженные имплантаты и биопроцессоры, да и те исчезнут через день-другой.

17:1:3 Храмовник уверенно вел его по подземному лабиринту, то и дело сворачивая в похожие многочисленные коридоры крепостного подземелья. Лампы, оформленные в виде старинных масляных светильников, тускло мерцали, заставляя тени людей танцевать на стенах, словно от настоящего огня. Здесь не было ни устройств внутренней связи, ни проводов вдоль стен, ни мощных ламп дневного света. После пяти минут пребывания в коридорах замка начинало казаться, что незаметно для себя шагнул в прошлое. Недоставало лишь крысиного писка по скрытым теменью углам.

На скрипучем лифте — единственном доказательстве цивилизации — они опустились на еще один этаж вниз, где в конце короткого коридора Монбар остановился перед узкой массивной дверью. Дверь была проста, без оплетки или украшений, и лишь на уровне глаз на ней висело бронзовое распятие. Командор повернулся к Стиву, словно собираясь еще что-то добавить, но проглотил фразу, едва заметно качнул головой и молча толкнул дверь. Стэнделл шагнул внутрь.

Комната, вернее, небольшой квадратный зал с низким потолком, оказавшийся за порогом, был освещен гораздо лучше коридоров резиденции. Тем не менее Стиву показалось, что помещение словно наполнено тяжелым полумраком. Это навязчивое и весьма реальное ощущение навалилось мгновенно. Как и остальной замок, зал был столь же убого меблирован. Вдоль стен его стоял пяток компьютеров, чьи пыльные шнуры, змеясь, убегали в железный шкаф у двери, да несколько стульев. У дальней стены Стивен не без удивления обнаружил высокую кровать с полупрозрачным балдахином, возле кровати — старинный пюпитр с раскрытой на нем огромной, еще более старинной книгой в изодранной обложке.

С того момента, когда командор приоткрыл дверь, Стив явно различил странные приглушенные стоны и скрежет вычислительных машин, доносящиеся из комнаты. Сейчас он понял, что тихое бормотание, нарушаемое редкими гортанными вскриками, доносится именно из-под кроватного балдахина. Кроме лежащего на кровати, в комнате находились еще двое — высокий худой старик в белом одеянии орденского священника, стоящий за раскрытой на пюпитре книгой, и очкастый послушник за одним из дальних мониторов. Священник, не обращая на

вошедших никакого внимания, продолжал свое неслышное чтение. Стив расширил зрачки, вгляделся в движения его губ и без особого труда догадался, что тот читает Библию.

А затем он принюхался, и волосы на загривке невольно начали подниматься, как при приближающейся грозе. Воздух комнаты был наполнен незнакомым сладким запахом, а именно струйки дыма, вытекающие из подвешенных к каменному потолку курильниц, и делали свет в комнате таким густым. Но кроме аромата трав здесь откровенно присутствовал еще один запах, который Стивен был в состоянии отличить из сотни других. Потому что в комнате пахло кровью. Он присмотрелся и теперь заметил за пюпитром низкий столик, на котором стояли две наполненные бинтами корзины и чаша с водой. Рядом с чашей примостился открытый докторский чемоданчик. Бинты в одной из корзин были белыми и аккуратно уложенными в рулончики, в другой — небрежно сброшенными в кучу. Насквозь окровавленными. Монбар осторожно прикрыл за собой дверь.

— Брат Павел, — стараясь говорить как можно тише, командор приблизился к священнику, — я привел нашего гостя… Мне показалось, он должен это видеть.

Седые брови священника сошлись на переносице, и уже через секунду он с видимым недовольством оторвался от чтения. Сурово взглянул на Стэнделла, с любопытством разглядывающего мониторы. Внимание гостя привлекли тексты на различных языках, с одинаковой скоростью непрерывно ползущие по экранам. Стивен тут же оторвал от них взгляд, делая шаг вперед, и чуть поклонился, приветствуя священника.

— Видеть? — Павел вонзил иглы выцветших глаз в Монбара. — Хорошо, командор, возможно, ему на самом деле стоит это увидеть. В любом случае, решение за вами.

Монбар благодарно склонил перед священником голову. Было очевидно, что просто отдать Павлу приказ командор не решится.

— Да, брат Павел, поверь мне, я желаю этого…

Капеллан еще раз, словно на прощание, прикоснулся к желтым страницам огромной книги и широким шагом отступил к кровати.

— Подойди ближе, гость.

После этих слов он плавным жестом отбросил кроватный балдахин в сторону. Стэнделл подошел, наклоняясь.

На кровати лежал старик. Древний, как сама Земля, как Стиву показалось с первого взгляда. С темным, морщинистым лицом, с редкими клочками белых как снег волос, с руками, похожими на ветки саксаула. За эти самые ветки старик был

кожаными ремнями пристегнут к спинке кровати. За ноги тоже. Он вяло и сонно шевелился в путах, непрерывно что-то бормоча. Серые простыни под его тощим телом скомкались, крохотная подушка съехала набок. Высокий брат Павел вдвое согнулся над привязанным, умело поправляя ему постель и одновременно проверяя крепежи ремней.

Стивен повернулся к Монбару, пристально глядя тому в лицо. Командор ордена выдержал взгляд пленника, но Стэнделлу показалось, что глаза рыцаря влажно заблестели.

— Это стигматик, — тихо сказал он. Капеллан приподнял край простыни, и Стив смог рассмотреть окровавленные повязки на стопах старика. — Полагаю, Стэнделл, ты знаешь, кто это такие…

Да, Стивен знал. Стигматики — люди, отмеченные свыше. Посланцы небес, доносящие до патологически глухого человечества волю, предсказания, предостережения и просто голос Господа. Люди, как и Стив, не властные над своей жизнью, платящие за врожденный дар, отметину, проклятие (называй как хочешь) собственной кровью из ран, появляющихся на теле необъяснимым образом. Ран, подобных ранам Христа в момент его распятия. Они существовали во все века от Рождества и появлялись в любой стране мира. Они терпели муки, сами не понимая, а зачастую и не помня собственных деяний и предсказаний.

Также Стэнделл знал, что в моменты пророчествования такие люди впадают в трансовое состояние и вполне способны причинить себе случайный вред. Высшей волей, необъяснимым образом они выходят из безликой толпы людской, чтобы стать вестниками неба. Стив неосознанно коснулся собственной ладони, задумываясь, как же схожи определенные свыше судьбы Церберов и стигматиков.

— Совет выражает тревогу по поводу стремительного увеличения числа стигматиков в последнее время, Стэнделл. — Монбар не отрывал от старика зачарованного и полного сострадания взгляда. Голос его, и до этого тихий, стал едва слышим. — Почти двадцать лет назад Ватикан даже создал специальные фонды для постройки особых госпиталей и центров для людей со стигматическими симптомами, но они перестают справляться с нагрузкой. Однако человечество все равно не понимает или не хочет услышать, что они пытаются донести. Толпа глотает их и прячет… Толпа перестала верить в кровавые чудеса. Она лишь придумывает новые названия для людей, страдающих самопроизвольным кровотечением. Этот старик из Испании. После официального окончания третьей Реконкисты он

был доставлен в тамплиерский лагерь беженцев на юге Франции. По распоряжению Совета его отдали на прямое попечение моему командорству…

Стивен посмотрел вверх и заметил укрепленный над кроватью микрофон, старательно фиксирующий каждый вздох пророка.

— О чем он говорит?

Ему ответил капеллан, все еще недовольно рассматривающий гостя.

— В перерывах между нечленораздельными и бессмысленными стенаниями он раз за разом, как сейчас, например, иногда до десяти часов подряд произносит один и тот же набор фраз. — Брат Павел сделал жест в сторону компьютеров, словно бегущие по экранам тексты все объясняли. — Мы уже не первый год занимаемся дешифровкой его речей. Но до сих пор не располагаем однозначной трактовкой. Если командор Монбар будет настаивать, я могу продемонстрировать.

Брат Павел выпрямился и выразительно посмотрел на Монбара. Тот, как будто не заметив предупреждения во взгляде, коротко кивнул.

— Вот, — священник подошел к одному из мониторов. — Это наиболее точная, с нашей точки зрения, интерпретация повторяющегося отрывка в переводе на эсперанто. Вот, да, здесь, смотрите. Приближается, приближается конец. Тот, кто однажды в грехе своем уподобился Всевышнему, будет мстить ему за рождение свое… здесь неразборчиво… далее — когда совершил он падение с Небес, получив имя Зверя, и в том его страшная ошибка, когда повернул предавший войной на Отца своего… здесь что-то про наказание собственным грехом… Задумал он править миром и привести его к гибели… Близится конец сущего, и лишь он один в силах остановить крушение мира, но силен Зверь… и как никогда сильна жажда его мести.

Брат Павел отвернулся от монитора и перекрестился, а за спиной Стива командор повторил его жест. Священник подошел к изголовью и молча замер, сложив ладони на груди. Стэнделл снова посмотрел на старика, пытаясь ухватить бессвязные с виду движения его губ. Монбар хотел что-то сказать ему, но тот предостерегающе поднял руку. Монбар окаменел.

— Тише. — Стивен приблизился к кровати и осторожно наклонился вперед, не обращая внимания на гневный взгляд капеллана. — Молчите.

Теперь Стэнделл почти лег на старика, приложив ухо к самым его губам, вдыхая удушливый запах умирающего по велению небес тела. Он слышал. Он знал. Язык древний, как сама планета,

узнавался Стивом не сложнее, чем английский. Стив поднял взгляд на рыцарей и прошептал, стараясь не заглушать жаркий шепот стигматика.

— Командор, прошу вас, на несколько минут выключите машины, мне нужна полная тишина.

Брат Павел вскинул брови и уже собрался ответить дерзкой просьбе, но Монбар решительно поднял палец, наставив его на компьютеры у стены.

— Брат Павел, тишину!

Послушник за клавиатурой блеснул стеклами очков, вопросительно взглянув на капеллана, а затем пробежался по клавишам, и тихое жужжание машин стихло вовсе. Стивен благодарно кивнул, прищуриваясь, и вновь вгляделся в сухие губы старца.

— Мне кажется, вы не совсем верно расшифровали послание, брат Павел. — Стив сделал паузу, надеясь, что не обидел священника. Но тот оскорбленно молчал, под взглядом Монбара не решаясь озвучить возражения. — Он говорит… Близится конец. Тот, кто упал с небес, тот, имя кому Зверь, совершил ошибку, страшнее которой не будут даже преступления его, уподобившись Всевышнему… Будет он наказан одним из своих первых грехов. Он правит миром, приближая его гибель, и лишь предавший, повернувший против своего Отца, способен остановить крушение, точно так же, как подобный ему способен это крушение сотворить. Ибо сильна жажда мести его и нет силы могущественней. Но Зверь силен, как никогда прежде.

Стив выпрямился и отошел от кровати, с облегчением вдыхая запахи курящихся трав. В воцарившейся тишине первым очнулся капеллан.

— Ради всего святого, о чем говорит этот глупец?! Командор, я настаиваю, чтобы сказанное только что не попало в официальные протоколы наблюдения. Молодой человек, вы сознательно обманываете нас, делая вид, что понимаете древние языки? Это…

Монбар мягко взял Стивена под локоть и развернул к двери. Даже через искусственную шерсть рубашки Стэнделл почувствовал, как холодны пальцы рыцаря.

— Разумеется, брат Павел, все будет именно так. Продолжай работу. И я и мой гость смиренно просим прощения, что отвлекли тебя от служения Господу. — Командор осенил себя быстрым крестом и под возмущенным, полным недоверия взглядом священника решительно выставил Стивена из душной комнаты. — Более не смею мешать твоим наблюдениям. Еще раз, спасибо тебе, брат Павел…

Закрыв дверь, Монбар тяжело оперся о нее плечом, жадно вдыхая влажный воздух подземелья.

— Я на самом деле знаю, о чем говорит этот старик.

Монбар закрыл глаза и кивнул.

— Да, да, Стэнделл. Я совершенно не исключаю такой возможности при… твоих способностях, но… видишь ли, не все из нас готовы к этому. Думаю, нам лучше вернуться в твою келью. Ты увидел все, что было нужно увидеть. — В голосе командора Стивен разобрал дрожащие нотки страха и возбуждения.

17:1:4 Равнодушно пожав плечами и не думая вступать в спор, Стэнделл последовал за храмовником, лишь у самого лифта обернувшись на дверь с бронзовым распятием. Когда они вернулись в тесную камеру Стэнделла и вновь опустились в кресла, Монбар был совершенно спокоен. Лишь серая пелена усталости вновь покрыла его лицо. Повертев в руках пустую кружку из-под кофе, тот продолжил прерванный разговор.

— На этом моя история окончена, Стивен Стэнделл. Как я уже сказал, идет война. И как ты, должно быть, уже понял, Пристанище окрепло настолько, что окончательно порвало с канонической верой. Ну а это в свою очередь означает скорое открытое противостояние. Новый этап войны. Чем чревато?.. Господи, воздай нам по деяниям нашим… Боюсь, Стивен, что скоро на Землю придет новая вера. Вера в Нечистого.

— Вы действительно полагаете архиепископа Струго живым воплощением?..

— К сожалению, таковым уже его полагаем не только мы. Я немало прожил на этом свете и порой видел такие чудеса, о которых пишут разве что в фантастических книгах. Вещи, в которые ни за что не поверит даже самый лучший друг, если не увидит сам. Спросишь ты меня, считает ли Папа Урбан архиепископа Струго воплощением Дьявола? Я отвечу, что не знаю. Спросишь меня лично, и я отвечу, что да. Я считаю его Антихристом, явившимся на Землю за душами праведников. Ты ведь наверняка знаешь, какой ореол таинственности и мистицизма окружает фигуру Струго, лицо которого видят лишь избранные…

Словно отрекаясь от тяжелой темы, рыцарь повертел в воздухе пальцами, перекрестился и со стуком уронил руку на подлокотник.

Несколько минут Стивен внимательно глядел на рыцаря, казалось бы, задремавшего в кресле, понимая, что во время беседы Монбар так и не ответил на самый важный для него вопрос. Он вспомнил стигматика, бессвязное бормотание,

скованные ремнями руки и тихо спросил, не отводя взгляда:

— Что есть я?

Командор поднял на него взгляд своих холодных глаз, вокруг которых прибавилось морщин.

— Около тридцати лет назад орден узнал о новом секретном проекте церкви Пристанища. Идее грешной до глубины своей сути — уподобления Господу в деяниях его. Проект носил кодовое название «Спящий Бог» и был построен на выращивании запрограммированных созданий. У последователей церкви Пристанища вполне хватало и средств и времени на реализацию проекта. Ни Ватикан, ни рыцарские ордена помешать не смогли, потеряв в секретных операциях несколько штурмовых отрядов, в том числе и ряд подразделений Апостолов. А еще через какое-то время Инквизиция потеряла следы «Спящего Бога», официально признав проект уничтоженным. Разумеется, эго было не так. Как только первое поколение «Спящих Богов» выросло и стало готовым к бою, Пристанище Струго начало будить Церберов… Поиск и уничтожение «Спящих» во всех точках мира стали задачей именно нашего ордена. Признаюсь, все эти годы мы действовали не очень успешно, выследив всего двоих…

Стивен наклонил голову, разглядывая каменный пол с узкой серой циновкой у кровати. Вот он и узнал истину. Узнал правду о своем существовании. О кукловодах, вот уже почти тридцать лет затуманивающих его мозги, о страшной и неотвратимо надвигающейся вере в Князя Тьмы. Что дальше? Медленно, словно опасался втянуть легкими ядовитый газ, он вздохнул, старательно гася огненные языки эмоций. Неожиданно вспомнил, что оставил в своей квартире дикого котенка. Задумался, не помер ли тот с голоду. Эти мысли помогли, но он заметил, что сжатые на подлокотниках пальцы оставляют в древесине глубокие вмятины.

Стивен Стэнделл, когда-то в прошлой жизни носящий дурацкое прозвище Неужели-снова-вторник, Цербер под кодовым номером четыре, один из детей проекта «Спящий Бог», поднял голову и посмотрел на ссутулившегося Монбара.

— Вот за что я их действительно ненавижу, — с натянутым на клыки оскалом негромко сказал он, — так это за то, что даже переживать по-человечески не умею…

На этот раз Монбар в ответ промолчал. Потом как будто спохватился, вспоминая важное. Привстал в кресле и поправил съехавший набок галстук.

— Кстати, Стивен, мы уже отправили необходимые отчеты в Париж магистру де Браку и в Ватикан. Сегодня же днем магистр вылетает в Рим. Состоится срочный Большой Совет… Знаешь,

полученная нами информация может многое изменить…

Стив встал и налил себе холодного кофе. Приложил губы к ледяному краю кружки, с трудом глотая синтетическую гадость. Не поморщившись, выпил половину, небрежно вылив остатки в крохотный умывальник в углу кельи.

— Я благодарю вас, командор Монбар. За искренность и понимание. За правду.

— Насколько я понимаю, теперь тебе, Стивен, необходимо укрыться в…

Но Стэнделл не дал рыцарю договорить. Резко, практически молниеносно развернувшись, он вскинул руку с зажатой в пальцах чашкой, направляя ее на Монбара, точно оружие. Дикие глаза его потемнели, и Натаниэль Монбар впервые за последние несколько часов вновь подумал, что все-таки совершил ошибку. Губы его шевельнулись, чтобы призвать Святую Деву, но Стивен опустил руку, наклоняясь вперед.

— Я предпочту сам решать, командор Монбар, что именно мне необходимо. Скажу даже более. После всего, что я узнал за прошедшие дни, после того, какой информацией я располагаю, после двух суток ответов и открытий у меня появился собственный план действий.

Они молча смотрели друг на друга в тесноте полутемной комнатушки под каменной громадой орденского замка. Пожилой рыцарь с уставшим взглядом, и молодой ассасин, вновь обнаживший зубы в оскале. Тишина осязаемой шалью легла на плечи обоим, но уже через мгновение была сдернута прочь безжалостной рукой судьбы. Во внутреннем кармане пиджака командора опять зазвенел коммуникатор. Стивен скривил губы и тяжело опустился на кровать. Монбар же встал, раскладывая трубку, и торопливо вышел из кельи вон.

Стивен ждал, рассматривая тусклую лампочку под потолком. Он не соврал рыцарю, невольно напугав ответом. Теперь он на самом деле знал, как будет действовать. Действовать, зная о себе правду. Дышать, находясь под постоянным и неослабевающим бременем истины. Его прошлая жизнь потускнела, за один поворот планеты разделившись на два разновеликих по величине куска: огромного «до» и крохотного «после». Да, теперь он действительно знал, как сжигать мосты.

Скользнув в приоткрытую дверь, в комнату вернулся Монбар. Он расстегнул еще одну пуговицу рубахи, а пальцы его беспрерывно потирали висок.

— У меня появились неприятные новости, Стивен Стэнделл. — Тамплиер смотрел в пол, словно не решаясь поднять на него взгляд. — И, вполне возможно, что они скорректируют

твои планы, да… дело в том, что во время боевого столкновения с инквизиторами снайперу удалось пристрелить к твоей машине прибор наблюдения. И сейчас несколько их ударных групп находится под нашими стенами. Десять минут назад командующий группировкой инквизитор Чезаре Факолли в ультимативной форме выставил ордену требование о передаче четвертого Цербера в его руки. Это произошло уже после получения отчета о проведенных над тобой исследованиях. Дело в том, Стэнделл, что Ватикан, в ответ на наши запросы, дважды подтвердил силу его полномочий…

17:2 Командорство тамплиеров в Антверпене было самой что ни на есть настоящей крепостью, и Стивен полностью убедился в этом, через пять минут после звонка вышагивая за Монбаром сквозь узкие мрачные коридоры. Пластик и всевозможные заменители натуральных материалов применялись только тогда, когда без них было уже не обойтись, а по количеству старинной деревянной мебели резиденция наверняка обогнала музей.

Здесь можно было не только принимать визитеров. Здесь можно было жить. Жить долго, даже не покидая стен. Можно было и воевать. Квадратная крепость, мощные стены, башен нет. Просторный внутренний двор. Командорство напоминало Стивену корабли первых лунных колонизаторов, какие показывали в патриотических документальных фильмах — эдакий автономный мирок, в котором можно спокойно, хоть и без изысков, существовать несколько лет. А еще оно напомнило его собственное убежище в Чертовом Подвале…

Уходя под город еще метров на двадцать, крепость храмовников имела в своих недрах все самое необходимое. Большой гараж для техники, оружейные склады, автономную электростанцию, резервную гидростанцию, крохотную фабрику, внушительных размеров склады продовольствия (в основном армейского), несколько кухонь, две церкви, кельи рыцарей и послушников, кабинеты, музей, спортивный зал, коммуникационный узел, собственный центр орбитальной связи, линию автоматизированной обороны, бомбоубежище, помещение для беженцев, лазарет, технико-медицинский блок, две тюрьмы, блок допросов, необъятную старинную библиотеку, несколько различных мастерских и даже систему самоуничтожения.

Вслед за Монбаром он вынырнул на приглушенный стеклянным потолком свет крепостного двора. Стояла середина дня, и над рыцарской твердыней гудел деловой город. Стивен осмотрелся, заметив десяток вооруженных автоматами братьев, ни на секунду не усомнившись в боеспособности командорства в

случае осады. Терзало его, серой мышью скребясь под сердцем, совсем другое.

— Брат Анастасиус утверждает, что отряды инквизиторов не превышают численности в пятнадцать-двадцать человек. — Монбар широкими стремительными шагами поднялся на стену (он даже не оглянулся, словно Стивен был обязан так или иначе следовать за ним). Почти на этом самом месте они со Стивом общались целую вечность назад. Сорвал развязавшийся галстук, сунул в карман пиджака, принял от охранника электронный бинокль. — Теперь мне совершенно очевидно, что Ватикан принял решение придерживаться заранее намеченной стратегии, не прислушиваясь к голосу разума.

Командор внимательно осмотрел заполненные гражданской техникой прилегающие к крепости улицы и магистрали. Кивнул сам себе, как кивает человек, осознавший картину, и отдал бинокль.

— Факолли одарил нас одним часом на размышления… Он заявил, что в случае нашего противления будет вынужден применить силу, именем Святой Церкви. — В голосе рыцаря слышался неприкрытый гнев.

Стив остановился между зубцами, края которых вчера вечером терзал своими пальцами, как и в прошлый раз через зеркала фасада рассматривая улицу. Один из черных армейских джипов с помятым капотом угнездился практически там же, где вчера парковался он сам.

— Какое бы решение ты ни принял там, в келье, Стивен, — Монбар недобро прищурился, и тому вновь стало ясно, как держал себя этот человек во время приближения радиоактивного самума, — я не отдам тебя инквизиторам, пока не получу на это разумно аргументированное распоряжение Ватикана или непосредственный приказ моего магистра.

Не сводя взгляда с улицы, командор открыл коммуникатор.

— Брат Магнус, да… Это не учебная тревога. Повторяю, именем Господа, это не учебная тревога. Немедленно объявите готовность для всех братьев и систем обороны. Фактически, брат, отныне мы находимся в осаде. Да. Немедленно отошлите сообщение по всем необходимым формам в совет Высшего Круга и магистру де Браку. С Ватиканом я свяжусь сам. Нет, я поговорю с Факолли… Да. Не забывайся, брат, это уже не Цербер… Брат Магнус, — он невольно повысил голос и отвернулся, сделав несколько шагов прочь. — За последние часы мы неоднократно обсуждали этот вопрос, не так ли?.. Хорошо. Еще я хочу, чтобы на стены выставили разведывательный отряд послушников, а всех рыцарей собрали в Малой церкви. Амен. — Командор с силой

захлопнул телефон, до хруста сжимая его в кулаке.

— Вы не боитесь, Монбар, — Стив старался говорить очень осторожно, не поворачиваясь к рыцарю, — что с орденом может повториться история, произошедшая в 1312 году? Все-таки то, что вы собрались делать, это прямое противодействие посланникам Доминиона…

— История всегда повторяется, Стэнделл, запомни это, — глухо обронил командор, тоном давая понять, что спор неуместен. — Орден Соломона Иерусалимского всегда, запомни, Стэнделл, всегда гордился своей независимостью. Воины Храма были и будут противниками глупости, греха и порока во все времена. И мне не важно, от кого исходят глупость или грех. Но главное, — командор Натаниэль Монбар наконец-то потерял выдержку и от души ударил зажатой в руке трубкой телефона по раскрытой мозолистой ладони, — тамплиеры всегда давали защиту тем, кто в ней нуждался! На том и сейчас стоим, да простит нам Господь!

— Я услышал вас, Монбар. — Стивен хотел добавить что-то еще, но промолчал. Опасность ситуации состояла в том, что в словах рыцаря не было ни капли бравады или хвастовства — Стэнделл уже отлично знал, что тамплиеры никогда не шутили, также не используя в общении метафорических форм. — Вы… вы настоящий рыцарь, — в ответ он получил лишь сдержанный кивок. — Однако, — тут же добавил Стив, — в скором времени я смогу предоставить вам свой вариант решения этой непростой проблемы… Как благодарность. Вы позволите?

Монбар еще раз поклонился. Что бы ни удумал себе инквизитор, посланный на поиски Стивена, тамплиер был настроен более чем решительно.

— Положись на помощь Храма, Стэнделл. А сейчас мне необходимо идти. Ожидай здесь, я незамедлительно пришлю к тебе одного из послушников. — Монбар сделал охраннику короткий знак и вслед за ним спустился со стены, на ходу принимая из его рук армейский передатчик.

Стивен снова повернулся к улице, вглядываясь в черный гидромобиль у обочины. В это же мгновение слева загудела, переходя в активный режим, автопушка охраны. Тамплиеры действительно не умели шутить, при необходимости готовясь на самом деле вступить с инквизиторами в бой. Он подождал еще пару минут, осматривая шумящий со всех сторон город, и неторопливо пошел вниз. Он все так же знал, что необходимо делать.

Доминирующая Католическая Церковь не должна погрязнуть в междоусобице. Произойди это, и враг получит новое

преимущество. Произойди это, и Стэнделл на самом деле окажется бомбой, о которой говорил Монбар. Произойди это, и Цербер все-таки выполнит свое задание, расколов союзников изнутри…

17:2:1 Стив прошел через опустевший крепостной двор. Сломанный скутер, ремонтируемый вчера послушниками, увезли в гаражи. Он остановился у серой стены каземата, заметив спешащего к нему паренька в черном сюркоте. Послушник подошел, почтительно (но отнюдь не робко) поклонившись. Черное без рукавов одеяние резко контрастировало с белоснежной копной волос паренька, подстриженной «под горшок». Несмотря на весьма юный возраст кандидата в орден, его пояс справа был оттянут широкой кобурой пистолета.

— Командор Монбар послал меня сопровождать вас по замку и помогать во всех вопросах. Что-то вроде экскурсовода… — Паренек тут же вскинул к лицу ладонь, прикрывая неожиданно налетевшую улыбку, недопустимую Уставом. — Меня зовут Николас, мистер Стэнделл.

— Следи сколько хочешь, — равнодушно бросил Стив, наконец отводя взгляд от рукоятки «вальтера», выглядывающей из кобуры. — Я хочу отдохнуть, Николас.

— Конечно, мистер Стэнделл. Я провожу вас в вашу келью. — Паренек отвернулся, но от Стива не укрылись нотки смеха в голосе послушника. — Пожалуйста, идите за мной.

Стив безропотно последовал за не в меру улыбчивым для будущего храмовника Николасом, уже знакомым путем вернувшись в комнату, больше напоминавшую тюремную камеру. Всю дорогу тот важно вышагивал впереди, преисполненный гордости за возложенную на него командором задачу. Казалось, паренька так и распирает от желания начать хоть какой-то разговор, но Стивен хранил молчание.

Оставив послушника в коридоре, он практически повалился на жесткий матрац кровати.

Ответы пришли. Загадки раскрылись. Но что с того? Тамплиеры готовятся к бою с церковниками. Панки и военизированные кибернетики получили в распоряжение самую современную технологию управления человеческим сознанием. Его создатель, возомнивший себя новым мессией, восседает в неприступном Храме Прозрения… Стив заворочался, садясь на кровати и прижав ноги к груди. В бездонную чашку времени закапали тягучие минуты.

Наверное, он все-таки задремал. Далекий гул и приглушенный расстоянием звон заставили его невольно

вздрогнуть, вскочить с кровати. Там, наверху, ухнуло еще раз, снова хрустальный дождь оросил бетон двора, а следом заговорили, отхаркиваясь короткими очередями, пулеметы обороны.

Стив сделал два нерешительных шага к двери. Обороняющимся ответил гранатомет. Инквизиторы Факолли рушили стеклянные фасады и наверняка пытались пробить купол. Под огневым прикрытием и щитом из дымовых гранат церковники наверняка постараются подорвать дверь, А может, они обнаружили замаскированные ворота гаража. Бой начался. Недопустимое сражение на одной стороне баррикады. Битва в самом сердце миллионного города…

Уняв дрожь в ладонях, Стив приоткрыл узкую дверь, и в то же мгновение в проеме возник мальчишка.

— Мистер Стэнделл, прошу вас, не покидайте келью! — От былого веселья Николаса не осталось и следа. — У меня… личный приказ командора.

— Инквизиторы начали штурм? — утвердительно спросил Стив, заглядывая послушнику в глаза. В ответ Николас шумно сглотнул и коротко кивнул, положив руку на кобуру.

Стив отпрянул от проема и закрыл толстую дверь, не отнимая руки от запора. Видимо, все же пришла пора действовать. Сейчас каждая минута боя на долгое время увеличивает разрыв между де Браком и Ватиканом. Цербер выполнил свою задачу.

Страха не было. Теперь Стив вообще не знал подобного чувства. Свой путь он прошел, где-то с честью, где-то по горло в крови и грехе. А еще он… а еще он смог освободиться. Узнать правду. Чего более может желать человек в своей жизни? Да и человек ли?..

Он вновь надавил на дверь, выглядывая в коридор. Николас появился в проеме — напряженный, суровый от возложенной на него миссии, напуганный и готовый ко всему. Нет, подумалось Стивену, не ко всему…

Наклонившись к парню, он одним движением привлек того к себе за плечо.

— Послушай меня, брат Николас…

— Я еще не брат, мистер Стэнделл.

— Хорошо, Николас. Послушай меня внимательно и запомни, ладно? Запомни вот что: в том, что произошло, твоей вины нет. Понимаешь? Ты обязательно станешь рыцарем, будь уверен. Запомни это навеки и в точности передай мои слова командору Монбару. Передай ему, что я сам принял решение. И еще скажи, чтобы немедленно прекратили бой и… в общем, тут больше не за что сражаться.

Николас все еще смотрел в его глаза, удивленно и непонимающе, когда рука Стэнделла скользнула по бедру мальчишки (не успел бы среагировать и взрослый воин), выдергивая из кобуры пистолет. Не прекращая движения, Стив мягко оттолкнул паренька, возвращаясь в келью и опуская запор. Остается лишь подождать, пока Николас убежит за братьями и ключом, и действовать… Мальчишка барабанил в дверь, что-то кричал в отчаянии, в ужасе от того, как его только что провели. Стивен опустился на твердую, словно камень, кровать, покачивая на ладони новенький «вальтер».

Прищурился, взвешивая факты, и бросил взгляд на дверь. А ведь парень не побежит наверх. Не побежит, потому что незачем, ведь один умник лет двести назад изобрел телефон…

— Николас, немедленно уходи! — закричал в дверь Стив, не слушая ответных криков. — Уходи, молю тебя! Приведи братьев-рыцарей, а сам немедленно уходи!

Удары в дверь неожиданно прекратились, а по коридору прокатился, удаляясь, перестук шагов. Ну и слава Господу… Теперь можно.

Стив хотел встать, но передумал и остался сидеть. Еще раз осмотрел пистолет, проверил магазин и снял оружие с предохранителя. Металл привычно холодил кожу. Подняв глаза к далекому и безликому небу, Стивен Стэнделл вставил ствол «вальтера» себе в рот и нажал на спуск.

ГЛАВА 18

Огонь, огонь и еще раз огонь. Только святое пламя сможет вычистить грех и пороки, осевшие в сердцах человеческих. Сожгите миллион еретиков, и планета вообще не заметит потерь.

Альберто Донними, инквизитор, командир ударной группы.

Рим, Ватикан, 2078 год

18:1 — Внимание, прошли Эльбу, уходим к северо-востоку. Внимание! Глушим системы, общая тишина, высота тридцать, молчание в эфире. Во имя Господа! — в динамиках шлема щелкнуло, и связь отключилась, наполнив эфир мягкой, потрескивающей тишиной. По рядам сидевших вдоль бортов воинов волной шепота прокатилось ответное:

— Именем Его!

Свет померк, тут же включились специальные лампы, и салон вертолета наполнил густой и сочный красный полумрак. Свист лопастей за бортом стал более сухим и шелестящим — один из «Аллигаторов» перешел в бесшумный режим полета.

Стивен Стэнделл медленно повел головой из стороны в сторону, через пластиковое забрало шлема внимательно разглядывая окружавших его людей. Он не без удивления обнаружил, что находится в низком десантном салоне вертолета, где вдоль стен на жестких лавках пристегнуты ремнями семь человек. Он был восьмым. Черные униформы, закрытые шлемы, из-под которых видны бороды братьев, между ног в специальных пазах — винтовки «М-116Н». Уже знакомый Стивену капеллан сплел длинные пальцы на цевье снайперского штурмового орудия «Сколопендра», а в руках одного из рыцарей справа виднеется тяжелый германский пулемет «Агония».

На всех боевиках бронежилеты, подсумки с запасными магазинами к оружию, аптечки, фляжки, чехлы армейских ножей, связки гранат, инфракрасные прицелы и бинокли. Полнейшая боевая комплектация. Стив опустил взгляд на собственное оружие, обнаружив прикладом пристегнутую к полу укороченную автоматическую винтовку «Геклер унд Кох-3999 Комендант» с

многозарядным подствольным гранатометом. Спокойным, но все еще ничего не понимающим взглядом он снова и снова рассматривал сидящих вокруг.

На плечах круглые нашивки: у двоих красные восьмиугольные кресты на матовом белом фоне, четверо послушников носят такие же, но на черном фоне, у капеллана Павла — поверх алого креста золотой крылатый меч. На шее и запястьях каждого обереги и символы веры — трофейные арабские пули на цепочках, кресты, распятия, браслеты и значки принадлежности к ордену. Как только в салоне зажегся красный свет, все это было незамедлительно и тщательно спрятано под одежду. Тамплиеры. Что происходит?

— Что происходит? — Как можно спокойнее. В голосе ровные, лишь слегка вопросительные нотки. Во рту привкус вороненой стали. Стив приподнял забрало и наклонился к соседу справа.

Пулеметчик, как оказалось, только этого вопроса и ждал.

— Командор Монбар предупредил, что это произойдет именно в пути. — Рукой в черной перчатке с обрезанными пальцами он открыл свое забрало, наклоняясь навстречу Стиву. В глубине шлема тот рассмотрел совсем молодое, но до безобразия иссеченное морщинами лицо, с которого горели голубые глаза. Тамплиер нагнулся, насколько позволил ремень безопасности. Шепот его был едва различим. — Меня зовут брат Магнус, ты, должно быть, слышал обо мне. Я апостол, правая рука командора, но в этом походе по его приказу составляю боевую пару с тобой.

Апостол… Рыцарь ордена, во время битвы принимающий специальные препараты, увеличивающие реакцию, выносливость и снижающие порог восприятия боли. Средняя продолжительность жизни апостола после начала приема препаратов составляла не более шести лет.

— Магнус, — Стив облизнул губы и ярко представил себе, что произойдет, дай он сейчас волю своим эмоциям, — выполнишь мою просьбу? Я хочу, чтобы ты коротко, буквально в двух словах, напомнил мне события последних десяти часов. Для уточнения картины. Это не затруднит тебя?

— Должно быть, твои последние воспоминания на самом деле не стыкуются с происходящим вокруг сейчас… — Из-под рыцарского шлема сверкнула добродушная улыбка. — Слава Господу, что командор успел разглядеть в тебе некий… сбой, что ли… Он предупредил меня еще в крепости о возможных провалах твоей памяти, поэтому я не удивлен, Стивен Стэнделл. Что именно ты помнишь?

— Последнее, что я помню, — прошептал в ответ Стив, — это

ствол тамплиерского пистолета у себя во рту. Это произошло, когда я пытался свести счеты с собственной судьбой.

Магнус едва заметно отстранился, и в его голубых глазах промелькнул упрек, перемешанный с неподдельной скорбью.

— Самовольный уход в царствие Господа — это большой грех, Стэнделл. Даже в мыслях.

Тот равнодушно пожал плечами, пальцами проводя по прохладному цевью винтовки.

— Как я понимаю, греха я все-таки не совершил. Если, конечно, эти вертолеты не принадлежат Святому Петру и везут меня в чистилище. Брат Магнус, прошу тебя, введи меня в суть происходящего вокруг, я… я изо всех сил попытаюсь вспомнить. — Обжигающая боль наполнила душу Стивена, но он ничем не выдал себя. Ложь возвращалась или в последний момент рыцари смогли помешать ему застрелиться?

Тамплиер серьезно кивнул. Наклонил голову, будто что-то припоминая, и заговорил, стараясь не повышать голос.

— Мы только что начали запланированный тобой маневр уклонения, а несколько минут назад активизировали дополнительные защитные экраны. Расчетное время до точки прибытия составляет полтора часа… если, конечно, следовать твоему плану.

18:2 — Итак, Факолли дал нам на размышления не более часа. — Монбар отнял от лица бинокль, после легкого замешательства передав его Стиву. Задумчиво потер висок. — Ублюдок утверждает, что после этого уполномочен применить силу именем Святой Церкви.

Стивен прислонился плечом к источенному ветром зубцу и поднял бинокль к глазам. Черный армейский джип с помятым капотом был припаркован практически там же, где вчера останавливался и он сам. В машине с итальянскими номерами сидели четверо мужчин, но система защиты транспорта даже после применения электронного сканирования не позволила разглядеть инквизиторов детально.

— Еще три такие машины на улицах вокруг командорства? — не отрываясь от бинокля, спросил он и краем глаза заметил, как Монбар кивнул.

— Четыре, возможно. Брат Анастасиус, отвечающий за системы слежения и ближнего наблюдения, утверждает, что отряд Факолли не превышает пятнадцати-двадцати человек. В крепости сейчас находятся двенадцать рыцарей и восемнадцать послушников — мне очевидно, что у церковников практически нет шансов.

— Командор, — Стив вернул бинокль стражнику, оборачиваясь, — вы действительно полагаете, что инквизиторы могут пойти на штурм? На открытое столкновение с рыцарями Храма?

— Скорее всего, да. — Монбар снял с шеи развязавшийся галстук, пряча его в карман пиджака. — Орден во все века был независимой формацией, зачастую вступая с Матерью Церковью в… назовем это открытым обсуждением разногласий. Скорее всего, в случае штурма они попробуют подорвать вход, прикрывая прорыв огнем с машин и дымовыми завесами. Возможно, даже предупредят о столкновении полицию и изолируют площадь…

— Сражения не должно произойти, командор Монбар. И вы понимаете это лучше меня, не так ли? Война внутри Церкви — это чересчур роскошный подарок вашим противникам.

— Боюсь, Стивен Стэнделл, что для меня это остается единственным решением. Я не отдам тебя инквизиторам, но раз Ватикан так слепо и необдуманно реализует в жизнь намеченные планы, то… А что предложишь ты? Хочешь на дыбу? На молекулярное расчленение? Не допусти Всевышний, но стоит тебе попасть в руки Святой Церкви, ты на самом деле узнаешь, как обращаются с подопытными крысами… Расценивай это как вздумается, но я не выдам им тебя. Ты вообще имеешь представление, что такое Инквизиция?! Нет, это однозначно исключено, — Монбар наконец-то вышел из себя, сбрасывая маску равнодушия, и решительно ударил кулаком по широкой раскрытой ладони. В голосе его послышалось рычание, словно перед рыцарем сейчас находился не Стэнделл, а готовый к атаке Факолли. — Орден всю свою жизнь стоял на принципах защиты тех, кто в ней нуждался. Так будем верны им и сейчас. И особенно сейчас. Я уверен, магистр де Брак поддержит мое решение.

— Вы совершаете ошибку. Подумайте, Монбар, этим конфликтом вы повторяете историю падения ордена…

— История всегда повторяется, запомни это, Стэнделл. Решение принято, а орден Храма Соломона никогда не отрекался от данного им слова. Как и восемьсот лет назад, мы скоры на подъем и не склонны шутить — это нам запрещено. Свершается то, чему суждено свершиться во славу Господа…

Командор недобро улыбнулся, с хрустом размяв крепкую шею, и открыл телефон, отвернувшись внутрь крепости.

— Да, брат Магнус, да, знаю. Немедленно отошлите послания соседним командорствам и лично магистру де Браку, да. С Ватиканом я свяжусь сам. Да и с ним я тоже поговорю лично. Внимание, брат. Это не учебная тревога. Повторяю, это не учебная тревога. Активизируйте системы защиты замка. Да, брат

Магнус, я самостоятельно принял решение защищать душу, вырванную из лап Дьявола… Оставим споры, выполняй приказ. Немедленно подними на стены отряд из пяти послушников, объяви боевую тревогу и собери всех рыцарей в Малой церкви. Да. Да, и еще — пришли послушника… например, Николаса на южную стену, я хочу, чтобы он сопровождал Стэнделла по замку. Амен.

Монбар закрыл трубку и обернулся к Стиву. В глазах его полыхало заходящее над Палестиной солнце.

— Жди здесь, Стивен Стэнделл, за тобой скоро придут. Брат Антуан, — он обратился к стоящему на страже храмовнику, — за мной… И да поможет нам Бог.

Монбар и один из его рыцарей спустились во двор, оставив Стива в одиночестве. Слева в бойнице заскрежетало, приходя в движение после долгого сна, могучее автоматическое орудие. Он вновь нашел взглядом черную машину инквизиторов. На душе было неспокойно.

Командор определенно совершал ошибку. Сражения не должно произойти. При всей гордости, силе и самонадеянности ордена, он не должен вступить в войну с Ватиканом… из-за него, проникшего внутрь Цербера. Произойди это, и миссия Стэнделла в командорстве будет успешна — бомба разорвет союзников изнутри, стравив в грызне. Но решение было рядом, а ответ на поставленную задачу крутился где-то поблизости — только ухвати, — постепенно становясь все более очевидным.

Он задумчиво посмотрел вниз, где среди штанг удерживающих фасад конструкций, виднелись ворота крепости. Глупо предполагать, что Факолли станет штурмовать дверь. Скорее всего, инквизиторы попытаются разрушить часть зеркальной обшивки, наверняка в нескольких местах, а затем, под прикрытием нескольких снайперов и отвлекающей огневой точки, возьмут стену с помощью веревок или реактивных ранцев.

Стивен обернулся на звук приближающихся шагов и увидел поднимающегося на стену мальчишку, одетого в сюркот послушника. Пистолетная кобура неуклюже шлепала того по правому бедру, но все же мальчик с гордостью носил оружие. Послушник поднялся на стену и слегка поклонился.

— Мистер Стэнделл, меня зовут Николас. Брат Магнус послал меня помогать вам, а также прислушиваться к любым требованиям… — Паренек скосил настороженный взгляд на улицу и замешкался.

— Да, хорошо, меня предупредили. — Стив двинулся к лестнице, намеренно разворачивая мальчишку спиной к внешнему краю стены. — Можешь называть меня просто

Стивен. — Николас кивнул. — Спустимся во двор?

Послушник еще раз кивнул, не отставая ни на шаг. Из дальнего каземата появились пятеро парней, словно близнецы похожие на Николаса. Грохоча ботинками, они уже через минуту заняли свои посты на стенах с автоматами наперевес. Николас с плохо скрываемой завистью смотрел вслед сверстникам. Мальчишка явно торопился в бой… Стивен прислонился плечом к прохладной каменной стене и лениво прикрыл глаза.

Решение только что спелым яблоком упало в его ладонь. Решение, основанное на чутье. На зверином чутье. На интуиции, позволяющей матерям угадывать желания своих детей. Теперь осталось убедить в нем тамплиеров… Стив полной грудью вдохнул спертый крепостной воздух. Ему неожиданно показалось, что он вдруг, в мгновение ока обрел то, чего так долго искал. Понял, кем является.

Люмонт подарил ему свободу, а Натаниэль Монбар невольно показал, как ею воспользоваться.

В чем состоит смысл жизни существа, созданного для убийств? В том, чтобы вернуться домой, позвонить Дэйчу, упасть на колени перед Виржинией и накормить котенка? Стивен горько улыбнулся, чувствуя на себе недоумевающий взгляд послушника. Да, конечно. И он обязательно сделает это. Вернется и начнет все заново, зная о себе правду, владея собственной судьбой не больше, но и не меньше любого счастливого человека. Без лжи и темных иллюзий, без провалов в памяти и чужих приказов. Обязательно сделает. Но чуть позже…

После того, как совершит предначертанное.

— Николас… — Он открыл глаза, и молодой послушник с трудом успел стереть с лица удивление, с которым рассматривал прирученного Цербера, дремавшего на солнце. — Я хочу, чтобы ты показал мне, где находится ваша Малая церковь.

Малая церковь командорства находилась на втором подземном этаже, как и келья, куда сегодня ранним утром поселили Стэнделла, однако лифтовая шахта этого сектора располагалась в другом каземате. Длинный низкий коридор упирался в широкую двустворчатую дверь, по бокам которой ярко горели два факела-светильника. Николас остановился в коридоре, осторожно прикоснувшись к рукаву Стива.

— Мистер Стэнделл, — мальчишка явно волновался, но довольно неплохо владел собой. — Туда сейчас нельзя. Рыцари Храма собрались на общую молитву и совет. Если мы побеспокоим их… это… я…

Стивен понимающе кивнул, доверительно наклоняясь к послушнику.

— Я знаю, Николас. Я также знаю, насколько важен для твоих братьев этот ритуал, но… думаю, рыцари Храма готовятся не к той битве. А значит, я должен их остановить. Согласись они с… моим планом, и им понадобится совершенно иной настрой. — Николас в замешательстве опустил глаза, совершенно не понимая, о чем так убедительно говорит вчерашний пленник, о котором так много сплетничали остальные послушники.

— Ну, я все-таки не знаю…

— Поверь мне, Николас. — Стив выпрямился, проводя пальцами перед лицом юноши. — Мне очень нужно попасть туда именно сейчас. Ты же знаешь, что я сделаю это в любом случае, — он тут же миролюбиво раскрыл ладони, заметив, как рука послушника опустилась на кобуру. — Я не хотел тебя пугать, прости. Просто я хочу, чтобы ты помог мне сделать это… как можно более вежливо.

Закончив говорить, Стивен оценил, что монотонность речи и гипнотическое присоединение к дыханию мальчишки он применил зря. Тамплиеры с раннего детства приучались противостоять чарам. Тем не менее, Николас неуверенно вздохнул, обернулся и, подойдя к дверям, несколько раз громко стукнул о пластик металлическим кольцом дверной ручки.

Прошло полминуты, и одна створка приоткрылась, выливая в коридор чистую и высокую фонограмму церковного органа. Николас что-то сказал в ярко-освещенный проем, быстро и виновато взглянул на Стива и неожиданно прошел внутрь. Раздался гневный голос капеллана, следом за ним что-то сказал Монбар. Дверь закрылась.

Еще через минуту Николас снова появился в коридоре, пунцовый, как вареный рак, он смотрел только в пол, одними губами беспрерывно нашептывая молитву. В проеме двери возник один из незнакомых Стэнделлу тамплиеров — широкоплечий бородатый толстяк.

— Стивен Стэнделл, пройди. — Он вонзил в затылок кающегося паренька полный негодования взгляд и отступил в сторону.

Не поднимая на Стивена глаз, послушник Николас вдоль стены просеменил к лифту.

Цербер вошел в церковь.

18:2:2 Вот так бывает. Не был в церкви едва ли ни разу в жизни, а оказалось, что именно этого не хватало для обретения гармонии и мира в душе. Перешагнув порог, Стив почувствовал именно это чувство, угодив в одновременно нежный и грозный водоворот музыки. Обладающий великолепными акустическими

свойствами зал храма умело прятал источники звука, и казалось, что мелодия течет сразу со всех сторон.

Церковь была небольшая, шагов двадцать на двадцать. Вдоль стен располагались резные колонны, несколько скамей, у противоположной стены алтарь, и большой крест на стене за ним. Стивен невольно поднял голову и замер, понимая, что его дыхание перехватило. Низкий потолок был не плоским, а чуть сферическим, нависая практически над головами людей, но… на всю его площадь была раскинута дивной красоты голограмма, превращающая его в невероятно высокий купол, расписанный потрясающими фресками. Через круглое отверстие в центре купола были видны ослепительно-белые невесомые облака, величественно проплывающие над замком, а на головы находившихся в церкви людей лились потоки теплого желтого солнечного света, какого уже много лет не видела настоящая Земля.

Полностью отдавшись во власть окружившей его иллюзии, Стивен так и замер у приоткрытой двери, всей душой уносясь наверх, к белоснежным облакам над куполом. Знакомый, наполненный негодованием голос капеллана выдернул его из сна.

— Стивен Стэнделл, по какому праву ты осмелился прервать таинство орденской молитвы?! — В голосе брата Павла звенела неприкрытая угроза.

Стив с явной неохотой опустил глаза, осматривая тамплиеров. Перед ним находились все рыцари командорства. Монбар, Антуан, Магнус, Анастасиус и еще семеро незнакомых ему храмовников. У алтаря, с раскрытой книгой в руках, стоял Павел. Остальные тамплиеры преклонили перед капелланом колени, а у их ног лежали винтовки. Сейчас храмовники подняли смиренно склоненные головы, обернувшись на непрошеного гостя.

— Брат Павел, командор Монбар! Вы молитесь не за то. — По рядам рыцарей прошел вздох, а лицо капеллана исказилось от гнева. — Сражение с инквизиторами не должно состояться. Прошу вас, рыцари, выслушайте меня!

Пока Павел судорожно глотал воздух, Монбар тяжело поднялся с колен, оборачиваясь к дверям. Оглянувшись на задыхающегося священника, командор потер переносицу, виски.

— Я так и не разобрался, — сказал он, глядя пленнику в глаза, — кем же ты послан нам, Стивен Стэнделл, Светом или Тьмой?.. Чего ты хочешь на этот раз? Будь краток.

Стив решительным кивком поблагодарил командора и, не обращая внимания на обжигающий взгляд капеллана, торопливо заговорил:

— В своем желании вступить в сражение на роль врага вы выбрали не того противника. В то время как наш общий враг находится не здесь. И мы все об этом прекрасно знаем. Знает магистр ордена, знают в Ватикане, знает даже Факолли. Инквизиторы готовятся совершить ошибку, и нам необходимо не помогать им в этом, а мешать. Одним из вариантов является мое немедленное отбытие из крепости. — Тамплиеры зашевелились, обмениваясь взглядами, но командор не торопился отвечать, сцепив руки на широкой груди. — Это не нарушит данного вами слова, но и не даст пролиться ненужной крови. Ведь инквизиторам нужен именно Цербер, а не ваша крепость? Мой же маршрут вы вольны утаить…

Монбар потер подбородок, намереваясь возразить, но Стив продолжил, не давая прервать себя:

— Но бежать и прятаться, признав себя побежденным, я не собираюсь. Командор Монбар, вы отлично знаете, где гнездится Зло, породившее меня. И также должны знать, что я намерен отправиться именно туда. Отправиться, чтобы лицом к лицу встретиться с силой, задумавшей уподобиться Господу. Чтобы окончательно понять, для чего я существую. Чтобы взглянуть в глаза своему страху и господину. Больше я не побегу, я желаю драться. До победы, как и был запрограммирован, или до смерти.

Тамплиеры молчали, внимательно разглядывая Стива, стоявшего в луче яркого света, падающего из-под искусственного купола. Молчал Монбар, задумался даже возмущенный вторжением священник. Музыка по-прежнему негромко лилась вокруг людей, перебирая струны где-то глубоко-глубоко внутри каждого из них.

— Признаюсь честно, я ожидал от тебя подобного решения, Стивен Стэнделл. — Командор шагнул к нему, огибая коленопреклоненных братьев. — Но что ты собираешься делать, когда достигнешь Храма Прозрения?

Стив посмотрел в серые глаза командора, затем поднял взгляд к бездонному куполу над головой. Тихо, одними губами сказал:

— Я собираюсь убить архиепископа Струго.

От неожиданности капеллан захлопнул книгу.

— Этого не удавалось сделать ни одному из фанатиков, совершавших на него покушения. Я без всяческого мистицизма заявляю, что, по слухам, Струго выглядит, словно пятнадцатилетний мальчишка, но живет уже полсотни лет.

Стивен опустил голову, встречаясь взглядом со священником.

— Я не фанатик, брат Павел, я — профессиональный убийца.

— Чего ты хочешь от нас, Стэнделл? — Монбар, за

прошедшую минуту постаревший еще лет на десять, развел в стороны руки, словно приглашая в свидетели святых, взиравших на происходящее со стен церкви.

— Я хочу, чтобы вы предоставили мне возможность экипироваться и отдали «Перехватчик». И еще… — Стив неожиданно закусил губу, но все же произнес: — Молились за меня.

Капеллан перекрестился, вслед за ним жест повторили все присутствующие рыцари. Монбар опустил руки, прислушиваясь к звучащим внутри себя спорам. Антуан, совсем юный еще тамплиер, стоявший на страже у стены, когда Стивен и командор изучали позиции инквизиторов, неожиданно поднялся в полный рост, выходя вперед. Полные удивления взгляды мгновенно обратились к молодому храмовнику.

— Мой командор, — он встал ровно перед Монбаром и почтительно преклонил колено, — если Стивен Стэнделл не откажет мне, я желаю пойти вместе с ним. В случае, если сражение с инквизиторами не состоится, прошу, благословите меня на поход, в котором я буду представлять орден и обеспечивать нашего гостя необходимой и посильной защитой. Во имя Господа!

Натаниэль Монбар машинально, словно в глубоком сне, опустил руку на светловолосую голову рыцаря. Одними губами, не сводя со Стэнделла глаз, прошептал:

— Именем Его…

— Командор? — возвращая своему голосу гнев, возразил священник.

Брат Антуан решительно поднялся, заняв место за спиной Стэнделла.

Монбар тяжело вздохнул, оглядываясь на поднятые к свету лица братьев. Через пять минут все до единого рыцари Антверпенского командорства (кроме самого Монбара и капеллана) испросили у предводителя благословения на поход. Даже недовольный толстяк, открывавший Стэнделлу дверь.

— О, Господи! — Монбар обвел взглядом стоящую за Стивеном живую стену храмовников и повернулся к алтарю. Казалось, силы покинули этого крепкого воина, когда он буквально рухнул на колени, поднимая голову к распятию. — Что творим мы, неразумные? — Он несколько раз перекрестился и зашептал слова молитвы, словно в церкви более не было никого.

Брат Павел так и стоял на прежнем месте, задумчиво вертя в руках закрытую книгу. Отошел за алтарь, приглушил музыку. Окончив молитву, командор не без усилия поднялся с колен.

— Я не в силах удерживать сердца, рвущиеся служить вере в

Царя Небесного, но и отпустить вас всех я не могу… — Стив спиной почувствовал охватившее братьев напряжение. — Решение мое будет таковым, братья. — Монбар повернулся к рыцарям, и все увидели, что в глазах его вновь зажглось пламя. — Я лично сформирую отряд, который пойдет вместе с тобой, Стэнделл. Пойдет до победы или смерти, раз так распорядились судьба и Господь. Вы будете полностью укомплектованы и экипированы с наших складов. Но джип не дам. Дам вертолет.

Обсуждать план боевой операции было решено прямо в церкви, перед ликом Господа. В отряд, посылаемый командором к Храму Прозрения, вошли пять рыцарей и девять старших послушников.

Укомплектовавшись, отряд должен будет тайным ходом покинуть крепость и через подвалы соседнего «Британского Королевского Банка» выйти на поверхность в нескольких кварталах от командорства. На расположенном к северо-востоку от Антверпена частном аэродроме их будут ожидать два десантных вертолета «Аллигатор», находящиеся в собственности ордена, на которых отряд достигнет границ Старой Германии. Оставшийся в замке Натаниэль Монбар и не ушедшие со Стэнделлом храмовники на максимально возможный срок задержат инквизиторов Факолли и через двадцать (по настоянию Стивена) часов защищенными каналами связи поставят в известность о походе самого магистра де Брака.

— В целях удержания информации от утечки, — подытожил Монбар, уже беспрерывно потирая пальцами виски, — мы официально сообщим о перегоне транспортных вертолетов в Магдебургское командорство ордена.

— Одного вертолета, — поправил Стив, вставая с церковной скамьи. — На втором, где полечу я, необходимо установить дополнительную противорадарную защиту, пусть и короткого срока действия. Дозаправки будут произведены в Дортмунде и Ганновере. При переходе отрядом Эльбы вертолеты возьмут курс на северо-восток, а один из них уйдет в режим-вне-шума, дезинформируя наземные системы слежения о численности пересекающих границу объектов. Остаточный след второго «Аллигатора» пилот первого вертолета может выдать за помехи от перевозимых излучающих металлов. Машины минуют официальную точку назначения, а в сорока километрах к северо-западу от Берлина перейдут на ускорение и возьмут курс на Храм Прозрения, находящийся под Хеннигсдорфом.

По решению Монбара командовать тамплиерами в походе будет брат Магнус. В бой рыцари пойдут двумя самостоятельными отрядами, укомплектованными снайперскими

винтовками, пулеметами и системами спутниковой связи.

— Нам понадобится много веревки и альпинистского снаряжения, братья. — Стив неторопливо, с явным трудом, рисовал в памяти громаду Храма Прозрения. — Непременным элементом экипировки должны стать шоковые и электромагнитные гранаты.

После краткой молитвы военный совет постепенно переместился в главный зал крепости, где были составлены окончательные списки необходимого вооружения и сформированы отряды. Стэнделл не без удивления узнал, что в последний момент капеллан Павел также принял решение присоединиться к походу. Монбар в ответ на его решение прищурился, вздохнул, но ничего не сказал.

Быстро и по возможности подробно (как смог восстановить в своей щедрой на фальшивые образы памяти) Стивен описал командирам групп — братьям Магнусу и Хэйворду план храма и главную цель — одну из башен, в которой, по его предположениям, располагалась личная резиденция архиепископа. Стив был уверен, что стоит ему попасть на место, как встроенные в него механизмы активизируются сами собой, указав верное направление и предупредив о ловушках. Однако эта иррациональная уверенность предполагала, что остальным бойцам во время сражения придется держаться рядом.

18:2:3 В целом Стивен понимал, что озвученный им план был очень похож на самоубийственную авантюру, подобную тем, что рыцари вроде Боэмунда Тарентского устраивали во времена древних Крестовых походов. Но он продолжал говорить, костяшками пальцев постукивая по разложенной карте, смотрел в горящие лихорадочным огнем глаза храмовников и все тверже убеждался, что тамплиеров уже не остановить.

Без устали анализируя намеченный план действий, Стивен осознавал, что втягивает рыцарей в пускай и наполненную смыслом, но все же месть. Не месть в привычном понимании этого слова — с лютой злобой к врагу и непреодолимым желанием любой ценой его сокрушить. В возмездие. Возмездие, основанное на необходимости ликвидации существа, представлявшегося Стэнделлу опасным и заслуживающим смерти. Оставаясь честным перед собой, он соглашался, что решение устранить Струго, озвученное в стенах храма, спонтанным или необдуманным назвать нельзя. Так пусть же именно оно будет первым самостоятельно принятым в его новой жизни без ложных воспоминаний и приказов. Принятым здесь, под ослепительными лучами, бьющими из-под купола храма. Перед взором Господним.

А вот тамплиеры…

Храмовники преследовали совершенно иные цели. Неожиданно решившие идти в битву вместе с ним, эти люди готовились умирать за идею. А в том, что многим из них придется умереть, Стивен почти не сомневался. По его приблизительным расчетам, при запланированном проникновении в цитадель Пристанища потери отряда должны были составить не менее восьмидесяти процентов.

Но они знали это не хуже его, отправляясь со своим вчерашним врагом во тьму, где каждого поджидал зверь, бояться которого их учили всю жизнь. При этом Стив твердо знал, что умри любой из них на его руках, он не будет испытывать ни малейшего угрызения совести. Ведь встреча лицом к лицу со своим страхом и удар в сердце зла много лучше безропотного, хоть и проведенного в молитвах, ожидания конца. Лучше бесполезных попыток ловли цепных псов, подобных Стэнделлу. Вот только… смерть Струго могла оказаться вовсе и не такой уж и победой. Ведь одной метко выпущенной пулей невозможно сокрушить систему, построенную его церковью за многие годы. Падет ли она? Смогут ли Ватикан и ордена расшатать ее после ликвидации архиепископа?

Но любые сомнения меркли перед уверенностью в выборе. Стэнделлу было ясно, как и то, что у него не было матери — Зверь действительно существует. Однако, по прошествии нескольких тысяч лет все же сойдя на Землю, он совершил большую ошибку, обретя плоть среди людей, уже совсем не уступающих ему ни в лютости, ни в хитрости, ни в злобе. И теперь его стало можно убить…

Медленно, но слишком стремительно истекал отведенный инквизиторами час. В крепости стояла деловая, без единого лишнего движения суета, в которой по командорству сновали отправляющиеся в поход воины. Когда до окончания ультимативного срока оставалось меньше семи минут, брат Павел увел всех участников рейда с их оружием в Большую церковь командорства на последнюю молитву. Стэнделл, оставшийся наедине с командором, принял из рук того металлическую пластину специального пропуска с выгравированным распятием и звездой и отправился в оружейные подвалы.

Спускаясь на нижние этажи замка, Стив вспоминал лица рыцарей — решительные и суровые. Как и сотни лет назад, воины Господа готовы были нести свой меч туда, где он был нужен Богу. Стэнделл по себе знал, что это клеймо человек обретает навечно — любой, кого одарила своим прикосновением война, до конца жизни несет ее отпечаток. Зачастую выбирая путь вечного

служения ей.

Стивен вынул из кармана пропускную пластину, открывая панель электронного замка оружейной.

Бывает так — закружится голова и перехватит дыхание, стоит увидеть вокруг себя то, чем грезишь во сне и наяву. Археолог забывает обо всем в катакомбах древней гробницы, где, смеясь от счастья, на коленях целует древние плиты. Нумизмат сходит с ума и падает в обморок при виде россыпи старинных, считавшихся навеки утерянными, римских монет. Коллекционеры забывают дышать, когда на приватной вечеринке им демонстрируют еще не попавшего в каталоги Рубенса или Ван Гога. Ребенок вне себя от счастья, стоит ему попасть на шоколадную фабрику. То же самое происходит с воином, когда он попадает в оружейную палату.

Но Стивен Стэнделл окончательно разочаровался в себе, когда, прикрыв за собой массивную бронированную дверь, вошел в оружейную ордена. Вошел привычно, без придыхания, как хозяйка входит на родную кухню, прямо с порога оценив, что есть в холодильнике, а чего не хватает.

Оружейная могла потрясти практически любого. На самом деле могла, и даже армейский генерал минуту не смог бы выйти из ступора, обозревая убегающие в полумрак стойки с вооружением. Но Стив не был армейским генералом. Сразу решив, в чем нуждается, он решительно направился вдоль рядов, словно в супермаркете на ходу собирая необходимое в огромный сверток.

Через десять минут Стив покинул оружейную.

По узкому коридору третьего подземного этажа тамплиерского командорства шагал высокий широкоплечий мужчина в черном матовом армейском комбинезоне и высоких кожаных ботинках на массивной вентилируемой подошве. Следы отпоротой ножом эмблемы ордена еще виднелись на узком рукаве и левой стороне груди черного жилета, богатого множеством карманов. Большая черная сумка в руке почти не раскачивалась при ходьбе, выдавая тяжесть груза.

Из оружейной Стивен вынес два ножа из сверхпрочного сплава в набедренных ножнах, пистолет «глок-43» в поясной кобуре и три запасные обоймы, аптечку, фляжку, боевой шлем с забралом, облегченный бронежилет, пластиковые наручи и поножи, противогаз, две шоковые гранаты, две газовые, дымовую и две световые. В объемной сумке покоился автоматический «комендант», оснащенный глушителем, лазерным прицелом и фонариком; запасные магазины, несколько гранат к подствольному гранатомету, засапожный «шершень» с коротким

клинком и вертикальной хватки рукоятью. Также короткий складной арбалет, сто тридцать метров веревки со стальными нитями в плетении и трезубая «кошка» в компактном чехле, браслет минодетектора, ручной сканер движения, мощный фонарь, прибор наблюдения из укрытий, а еще набор альпинистских блоков и карабинов.

У лифтовых дверей навстречу шагнул послушник Николас. Мальчишка старался держаться как можно серьезнее, очевидно полагая, что плотно сжатые губы, скрещенные на груди руки и немигающий взгляд в пол делают его более взрослым. Стивен кивнул ему, невольно радуясь, что паренька не взяли в рейд.

Но вот Николас поднял глаза, и его губы едва заметно дрогнули. Стив провел рукой по ежику своих коротко остриженных волос и тепло улыбнулся молодому человеку.

— Где собрались братья рыцари, Николас? Полагаю, что пора выступать…

— Это так, мистер Стэнделл, установленный Факолли срок истек несколько минут назад. Командор вступил в переговоры…

Словно в ответ на слова послушника высоко над их головами что-то взорвалось, после чего до ушей донесся звук сползающей с гор лавины.

Николас вздрогнул, невольно поднимая глаза к потолку, и быстро заговорил, вновь стараясь казаться взрослым и спокойным. Казаться настоящим рыцарем.

— Идите к библиотеке, мистер Стэнделл. Братья заканчивают молитву… ждите там. Они поспешат, но перед святым походом оружие необходимо освятить. Торопитесь, — не оборачиваясь, мальчишка рванулся к запасной лестнице, на бегу выдергивая из кобуры тяжелый пистолет. — Прошу простить меня, но мое место на стенах. Уходите, мистер Стэнделл, мы прикроем ваш отход. — Шаги паренька загрохотали по решетчатым ступеням.

Последние слова, что когда-либо слышал Стивен от послушника Николаса, донеслись уже едва различимо.

— И да хранит вас всех Бог…

Время кончилось, и инквизиторы мгновенно решились на штурм. Нужно было спешить. Стивен шагнул в лифт и, не закрывая сетчатых дверей, резко дернул рубильник. Необходимо как можно быстрее предоставить инквизиторам доказательства его отсутствия в стенах командорства. Лифт медленно приближался к поверхности, все четче становились звуки начавшегося боя. С этого момента Стэнделл больше никогда не видел ни молодого послушника Николаса, ни командора тамплиеров Натаниэля Монбара.

Подземным ходом прочь, в неизвестность. Через несколько

минут покинувший крепость отряд уходил навстречу судьбе.

18:3 Он откинулся назад, прислоняясь пластиковым затылком к мягкой обшивке вертолетного борта. Магнус еще немного выждал в наклоне, пожевал губу, словно собираясь что-то добавить, но потом тоже выпрямился, позволяя эластичным ремням снова прижать его к спинке кресла.

Угощайся своей свободой, Стивен Стэнделл. Не поворачивая головы, он одними глазами рассматривал мрачные лица храмовников, скользил по темным забралам шлемов. Эти люди пошли на войну, даже не подозревая, что Стив не осознает собственных поступков и принятых решений. Даже не догадываясь, что тот действует, словно машина. Или знали? Ведь Монбар предупредил Магнуса, наверняка дав напарнику четкие инструкции относительно дальнейшего поведения Стэнделла. Значит, командор знал? Догадывался? В какой момент заподозрил? Или же решил избрать Стивена незрячим проводником к победе, вручив в его руки жизни своих воинов?

Больше подобных провалов произойти не должно. Иначе он на самом деле представит серьезную опасность для окружающих его союзников. Вероятно, он переоценил способности кибернетиков Люмонта и медиков ордена…

Две черные, размытые в ночном воздухе тени стремительно неслись во тьму, на восток. Легкие лопасти мерно рубили вязкий, пропитанный смогом воздух, а внизу проплывало загипнотизированное экранами домашних компьютеров человечество.

Напряжение, наполнявшее салоны вертолетов, было плотным, словно густой туман, готовое взорваться от единственной искры, подобно облаку газа. Стив подтянул «липы» на перчатках с обрезанными пальцами и вдруг (в полнейшей неожиданности для самого себя) перекрестился. В салоне включилась внутренняя связь, и помощник пилота негромко объявил, что машины прошли Ораниенбург.

ГЛАВА 19

И я еще раз повторю, что исследуемое нами открытие равнозначно изобретению пороха. Потенциал, разворачивающийся перед человечеством после запуска в серийное производство двигателей, работающих на воде и катализаторе Хоукинга, просто… да что там говорить, он просто безграничен. Да, да, господа, именно безграничен. Мы более не будем насиловать мать-планету, отныне мы дадим ей новую жизнь. Обладая столь уникальной технологией, мы становимся… мы становимся действительно всесильными, уподобляемся самому Богу…

Уильям Спенсер-младший, президент корпорации «Дженерал Моторс».

Церемония награждения Мишеля Хоукинга премиями Мира и Нобеля, Женева, 2047 год

19:1 — Группа «Давид», Цербер на позиции, просматриваю площадку. Сектор чист, можете сократить дистанцию. — Стивен отнял руку от передатчика, закрепленного на горле, и опустился на колено, продолжая пристально просматривать окутанную тьмой площадь между заброшенными фермами.

— Цербер, прием, это Иеремия. Мы заняли северное здание, все чисто. Можете продвигаться вперед, — раздалось в шлеме, и Стивен повернул голову налево.

Едва различимые на фоне темных строений фермы братья тамплиеры из отряда Хэйворда серыми тенями проскользнули на северную окраину поселка. На верхнем этаже крайнего здания уже занимал позицию снайпер «Иеремии».

Не оборачиваясь на подкатывающуюся со спины мягкую поступь бойцов своей группы, Стив резко вскинул правую руку,

давая Магнусу короткую отмашку направо. Храмовники торопливо обогнули его укрытие, рассредоточиваясь вдоль разломанного кирпичного забора. Пока все шло именно так, как и планировал Стэнделл.

Высадившись в одиннадцати километрах к юго-востоку от Ораниенбурга, группы «Иеремия» и «Давид», двигаясь параллельными курсами и держа друг друга в поле видимости, достигли северных окраин Хеннигсдорфа. В стремительном броске дошли меньше чем за полтора часа, по пути огибая населенные пункты и многочисленные брошенные фермы, за целыми кварталами которых и располагался Храм. Именно в брошенных зданиях последователи Струго разместили первую линию безопасности, несколько десятков сигнальных ловушек которой тамплиеры уже обезвредили.

Сразу после десантирования «Аллигаторы» ордена спешно выдали в эфир сообщение о потере курса и на максимальной скорости ушли в направлении рыцарской авиационной базы на востоке от Магдебурга. По плану Стэнделла, Магнуса и Хэйворда, сразу после прибытия машин из Магдебургского командорства к Храму Прозрения должны были выйти два колесных вездехода и в обозначенной точке отхода подобрать возвращающиеся с задания группы. Однако произойдет это только при условии, что личный эмиссар Натаниэля Монбара в Магдебурге сможет убедить местного командора в необходимости принять участие в операции…

Здесь, к северу от Храма, когда его невероятная громада уже виднелась во тьме серым айсбергом, они затаились. После короткого отдыха, продолжавшегося до половины третьего, двинулись вперед значительно медленнее, осторожно продвигаясь среди ферм-призраков, оставленных хозяевами (не без вмешательства служителей Пристанища) много лет назад. Фермы — крохотные поселки, состоящие из шестисеми домов, сараев и гаражей, по известным причинам окружали Храм подобием кольца, создавая мертвую зону, начиненную датчиками. Дома ветшали и разрушались, но что удивляло больше всего, так это полная сохранность оставленных в зданиях вещей, даже не тронутых мародерами. Если бы не ощутимый запах гнили, можно было бы предположить, что жители ушли совсем недавно. И лишь при ближайшем рассмотрении становилось понятно, что время уже давно оставило на этой зоне свой отпечаток.

Штурмовые группы храмовников медленно и настороженно продвигались среди мертвых двухэтажных коробок, внимательно изучая каждый сантиметр местности с помощью сканеров, детекторов и миноискателей. Буквально каждую минуту Стивен

получал сообщения о найденных в зданиях, заброшенных бензоколонках и просто в земле сигнальных минах, датчиках движения, приборах, отвечающих за колебания грунта. Однако оборудование и умения рыцарей приятно удивили Стэнделла — боевики ордена уверенно продвигались вперед, оперативно обезвреживая (или обходя) одну ловушку за другой, так уверенно, словно ничем другим в жизни и не занимались.

Ферма, занятая тамплиерами на этот раз, осталась ближайшей к Храму Прозрения группой строений. Дальше на юг, до самых поднимающихся в небеса стен храма, лежала ровная, едва холмистая пустошь. Ни единого деревца. Триста метров пустоты под прицелами пулеметов. В том, что стены храма-крепости оборудованы замаскированными орудиями и системами слежения, Стивен был уверен точно. Это был не Храм, в привычном понимании, это была цитадель.

Он откинул забрало и поднял к лицу электронный бинокль. Прицел, прибор ночного видения и система увеличения объектов, размещавшиеся в толстом пластике забрала, были хороши лишь на ближних дистанциях. В ярком, испещренном масштабными сетками окне бинокля всплыла громадина Храма Прозрения. Стивен терпеливо принялся в который раз изучать местность и подходы к зданию, но которым его отрядам предстояло достигнуть Храма.

Храм Прозрения. Построенный пятнадцать лет назад, он сразу же попал в число восьми Новых Чудес Света, строительством и отбором которых занялись ООН и Совет Правителей. Отбор начался в конце многолетнего периода всеобщего упадка, наступившего после открытого применения рядом мировых стран ядерного оружия. И вот теперь европейский колосс по праву занимал место свое в списке между семидесятиметровым Сиднейским памятником жертвам войн уходящего века и сотнями квадратных километров плавучих джунглей, построенных японцами.

На первый взгляд, Храм очень сильно напоминал своего готического Кельнского соседа, как по величию и могуществу постройки, так и по множеству высоких узких башен и длинных витражных окон. Однако же построен он был не по канонам европейских церквей, то есть отнюдь не в форме креста. Как официально сообщал пресс-центр Пристанища, в свое время для его проектирования были приглашены сотни архитекторов со всего мира, принявших участие в жестком соревновании за концепцию и проект. При этом, как утверждали уже непроверенные источники, в число приглашенных вне конкурса вошел ряд специалистов по компьютерной архитектуре и дизайну

популярнейших компьютерных игр.

Родившееся на свет здание невероятно гармонично сочетало в себе мрачность готики и стремительность технократического стиля. Здесь прошитые стальными заклепками стропила соседствовали с многоцветными витражами из настоящего стекла, словно бы в насмешку покрытыми изображениями библейских сцен. Сейчас, разглядывая Храм не на странице учебника, а через прицел винтовки, Стивен невольно поежился — столь открытого, но упорно не замечаемого вызова вере в Господа, жившей в готическом резном камне, еще не бросал никто. Он подумал, что пройдет еще несколько лет, и распятия в Храме, если их не сняли до сих пор, будут заменены на изображения первых микропроцессоров компании Ай-Би-Эм, созданных на благо человечества и во имя искупления его грехов.

А еще при взгляде на Храм становилось очевидно, что строивший здание забыл, либо не принял во внимание, либо и вовсе решил переиграть финал истории про Вавилонскую башню. Двухсотметровой высоты Храм летел в облака шпилями башен, стремясь достать до самих небес, дерзкими и стремительными очертаниями словно бы угрожая нерушимости престола Господня.

Храм строили и по сей день, даже при самых быстрых темпах все отделочные работы за полтора десятка лет закончены не были. Он и сейчас то здесь, то там был облеплен паутинами строительных лесов и крохотными лодками высотных ремонтных шлюпок. Тело каменного гиганта было погружено во тьму, в редких местах разрываемую пятнами фонарей, тускло освещенными изнутри рядами витражей и авиационными маяками.

Стэнделл спрятал бинокль. Он увидел все, что хотел. Четыре одинаковые башни по углам прямоугольной коробки, каждая следующая по часовой стрелке — на несколько этажей выше предыдущей — словно вкручивающаяся в небо спираль. Все это опутано сетью строительных лесов, куда и лежал путь штурмовых отрядов — к оставленным на ночь площадкам рабочих бригад.

— Общий эфир, группам «Иеремия» и «Давид». — Стив говорил уверенно и не спеша, понимая, что от силы сказанных им слов сейчас зависел успех всего похода. — Начинаем последний рывок. Всем отключить электронные устройства, стекла затонировать, открытых участков кожи не оставлять, соблюдать тишину в эфире. Одна группа наступает, ведя поиск ловушек, вторая остается в прикрытии. Движемся ползком, «Давид» выступает вперед. Ползем в колонну, всем придерживаться моих следов. Через сто пятьдесят метров «Давид» занимает стрелковые позиции, и группа Хэйворда сокращает дистанцию, дальше — в

том же порядке. По первому звуку моего голоса все замирают и остаются неподвижными до следующего сигнала. Точка сбора — две красные люльки на земле у одноэтажной пристройки… При наличии охраны внешнего периметра снимать ее ножами, либо с применением глушителей. Мой голос в эфире — сигнал к открытой атаке. До этого не должно дойти, но при возникновении ситуации каждый из вас знает цель миссии и общий план действий. Держитесь командиров групп. Вопросы?

Стив замолчал, вслушиваясь в едва шумящий в ухе эфир и разглядывая замершие в темноте силуэты воинов. Они справятся. Обязательно справятся. Помедлив еще чуть-чуть, он вновь прикоснулся к передатчику и добавил:

— Капеллан Павел, пожалуйста, благословите бойцов. И да поможет нам Бог… — Стивен потянул штекер, и шорохи эфира уступили место гробовой тишине. Вокруг фермы не селились даже сверчки или ночные птицы. Тишина. Тамплиеры собрались, готовясь к броску.

19:1:2 Стэнделл снял шлем, вынул из-за левой поножи баллончик распылителя и прикрыл глаза. Черная струя краски, приятно щекоча кожу, побежала по лицу и пальцам. Спрятав краску, он отключил сканер, наручный минодетектор, бинокль и блок питания рации. Надел шлем и поднял перед собой оружие. Поводил стволом, наблюдая за перемещениями красной точки прицела в экране забрала, повинующейся видоискателю «Коменданта», закрепленному на мушке. Еще раз отметив, что прицел запаздывает на движение ствола влево, он отключил и электронику шлема. Подтянул подбородочный ремень, забросил автомат за спину и проверил, как закреплено остальное вооружение.

Шипение распылителей со всех сторон стихло, и Стивен, пригибаясь, пробежал к забору. Взглянул в едва различимые черные пятна лиц и легонько хлопнул в ладоши. Сидящий рядом Магнус коротко кивнул, прикоснулся к его плечу и едва заметным движением перекрестил.

Стив на корточках выглянул из-за угла кирпичной кладки, осторожно лег на живот и уверенно пополз к Храму. В то, что его интуиция, знания и просто удача помогут отрядам беспрепятственно достичь стен колосса, сейчас оставалось лишь верить.

За спиной послышалось движение — рыцари и послушники сдвигали оружие за спину и начинали ползти следом. Где-то там, в укрытии, группа Хэйворда напряженно вглядывалась во тьму, не опуская пальцев со спусковых крючков.

Земля была холодная и сухая, просыпающаяся сквозь пальцы небольшими ломкими кусочками, словно отожженный шлак. Словно на этом поле сожгли сотни людей, невольно подумал Стив. Ни травы, ни камешков — как будто Храм Прозрения стоял в эпицентре испепеляющего взрыва, прогремевшего не так давно. Он с легкостью подавил нарастающее отвращение к мертвому прикосновению земли и продолжил уверенно, словно ящерица, ползти вперед, неумело молясь, чтобы шум, издаваемый храмовниками, не выдал.

Однако уже через сто метров Стэнделлу внезапно показалось, что ползти стало значительно тяжелее. Словно бы выжженная земля каким-то необыкновенно мощным магнитом притягивала и угнетала, давила на мозг, сковывала движения. Стивен уловил и отогнал иллюзию, но отряд Магнуса за спиной так просто с мороком справиться не смог — люди отчаянно сопротивлялись пелене упадка и бессилия, невольно повышая уровень собственного шума.

Дважды Стивен менял направление, неожиданно для самого себя сворачивая в стороны, и лишь через пять-десять метров возвращаясь на прежний курс. Оставалось надеяться, что наблюдающий за ними Хэйворд тщательно запоминает путь «Давида».

Через сто пятьдесят отсчитанных метров Стэнделл замер, откатился в сторону и замер вновь, поудобнее раскинув ноги. Остальные бойцы постепенно подползали ближе, занимая позиции справа. Капеллан медленно и практически бесшумно снял со спины свою «Сколопендру», разложил коротенькие сошки орудия, ловя в затемненный прицел этажи храма. Где-то за их спиной группа Хэйворда сейчас должна была начать движение.

Потянулись минуты. Темный силуэт над головой грозно молчал, позволяя распластавшимся на земле человечкам разглядывать себя во всем величии. Шло время, и тамплиеры начинали чувствовать перед немым гигантом пока еще тонкий и неуловимый, но уже начинающий угадываться ужас. Прошло почти восемь минут, когда Стивен неожиданно приподнял голову. В следующую секунду он стремительно обернулся и тихо, но отчетливо выкрикнул в темноту за спиной единственный гортанный звук, после чего упал лицом в серую пыльную землю. Рыцари мгновенно замерли, моля Бога о том, чтобы он сделал их невидимыми. Замерли, словно хамелеоны сливаясь с холодной землей. А через несколько секунд включились прожектора.

Десятки узких лучей мгновенно выхватили из ночи громаду Храма, начав выписывать по его бокам причудливые узоры.

«Вот он я, смертные, — говорили лучи ослепительного света,

ласкающие стены, — стою во тьме, страшный и неприступный!»

Стивен буквально кожей ощутил, каково сейчас орденским рыцарям и послушникам. Неясный до того страх прорвал шаткую плотину, теперь проверяя на прочность стены русла, по которому протекал через сознание. Неожиданная демонстрация стоящего на пустоши Храма во всем его величии буквально впечатала воинов в грунт.

Но лучи прожекторов искали не тамплиеров. Прошло еще полторы минуты, и к юго-западу от Храма, на низкой высоте, с приглушенным рычанием моторов пробороздили ночной воздух два транспортных самолета. Как только машины удалились на восток, прожектора мгновенно погасли, погрузив строение в еще более непроглядный и вязкий мрак. Стэнделл зажмурился, пытаясь справиться с бегающими в глазах зайчиками света. Продолжать наступление он не торопился.

Прошло почти полчаса, прежде чем он снова бросил в темноту тихий гортанный вскрик. Ауру напряжения, окутавшую группу «Давид», можно было резать ножом. Вскоре Хэйворд и его люди приблизились, занимая стрелковые позиции. Оглянувшись на бойцов своего отряда, Стивен покрутил над головой пальцами и дал короткую отмашку в сторону храма.

Линия «Давида» вновь пришла в движение, вытягиваясь в узкую колонну.

Громада здания окончательно надвинулась, закрывая небо и тусклые звезды на нем. Извиваясь червями, группа «Давид» достигла стен. Расставив храмовников по позициям вокруг пристройки, Стив прислонился к стене подсобки, внимательно разглядывая цитадель. Если издали коробка храма казалась безупречно гладкой, то вблизи становилось заметно, что стены покрывает резьба, многочисленные карнизы и подоконники фигурных окон.

Хэйворд оказался молодцом, бесшумно вынырнув вместе со своей группой из темноты ровно в том месте, где это сделал Стивен. Как тамплиер провел своих людей через второй участок пути, не имея возможности запомнить маршрут, осталось загадкой даже для него самого.

19:1:3 Короткая разведка показала, что внешнего охранения собор не имеет. Строителей, судя по всему, на ночь подле храма тоже не оставляли, скорее всего вывозя на ночевку в гостиницы ближайших городов. Собрав и рассадив рыцарей в круг и выставив охранение, Стив негромко заговорил, показывая рукой вверх.

— Итак, мы миновали мертвую зону. — Он подключил к

рации питание, подавая пример остальным. — Можете активировать всю электронику и рации, в собственном поле Храма мы все равно останемся незаметны — он напичкан оборудованием до самой высокой крыши. Теперь нам предстоит проникновение.

Тамплиеры зашевелились, подключая сканеры, приборы ночного видения и рации.

— Группа «Давид» поднимается первой, занимает позицию на вот этом ярусе и ожидает вас, Хэйворд. Первые подъемы сделаем, воспользовавшись строительными тросами, далее идем на собственном снаряжении. Наша цель, повторяю, вот эта башня. По карнизу мы должны будем обогнуть вот этот угол и башню, после чего войти в храм через во-о-он тот, четвертый, ряд окон. Отсюда он почти не виден, но поверьте мне, он там есть. Места хватит всем, группы наступают одновременно. В случае разъединения или обнаружения «Иеремия» продолжает наступление по внешнему периметру. При таком развитии событий мы проникаем внутрь кратчайшим путем, отвлекаем огонь на себя и прорываемся внутрь здания. Тяжелое вооружение не использовать до последнего момента. Повторяю, директивы, данные вам орденом, выполняются во вторую очередь. Сбором информации будем заниматься при отходе, наша основная цель — Струго. Вопросы?

Кивнув молчащим храмовникам, Стив осмотрел свою группу, коротко взглянул на Апостола Магнуса и бегом бросился к стене. Через считаные секунды «Давид» сгруппировался подле строительных подвесных лодок, снова крепя оружие на спинах. От люлек во мрак над головой убегали стальные тросы. Стивен подтянул перчатки и ухватился за веревку.

Справа и слева тамплиеры следовали его примеру, что-то негромко бормотал капеллан. Легко оттолкнувшись от земли, Стив подпрыгнул, высоко перехватывая трос. Сила, об обладании которой он и не подозревал, вселяла уверенность и покой. Стараясь не отрываться от остальных бойцов, Стэнделл, пользуясь лишь руками, полез вверх. Черные точки — букашки на боку спящего гиганта, начали восхождение. «Иеремия» вновь настороженно замер в тылу.

Оставив под ногами почти тридцать метров пустоты, Стивен первым выкатился на едва наклонный к краю настил крыши, мгновенно занимая позицию за одной из строительных лебедок. Со стены витражей, занимавших всю противоположную стену яруса, на Стэнделла снисходительно смотрели святые и ангелы. Сцена из книги Малахии, «о пришествии Господа». Он неожиданно поддался чувствам, замерев на миг и столь же

неожиданно вспомнив слова: «…вот, Я посылаю ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною, и внезапно придет в храм Свой Господь, Которого вы ищете, и ангел завета, которого вы желаете. Вот, Он идет…»

Пульс его участился.

19:1:4 — Давид, это Цербер. Я на позиции, сектор чист. — Стив установил автомат на железную опору и начал взглядом примеряться к следующему ярусу храма. Через какое-то время на крыше показались все храмовники его группы, сразу рассредоточились среди лебедок и еще не установленных на постаменты мраморных фигур.

Пригибаясь и бесшумно шагая по пластиковым черепицам настила, Стив устремился налево, к едва различимым на фоне темной стены строительным лесам. Группа выдвинулась следом, а «Иеремия» начал первый подъем. Сканеры молчали, но у лесов Стэнделл все же остановился, вскинув сжатую в кулак руку. Храмовники молча попадали на колени, водя по нависающим над ними стенам стволами винтовок.

— Магнус, впереди блок слежения, камера, сенсор и сканер. Давай сюда глушитель. — Стив медленно опустился на колено, стараясь не делать резких движений. Согнувшись вдвое, за его спиной появился тамплиер, имени которого Стив не знал, с коротким пультом в левой руке. — Внимание, всем группам, входим в первый контакт с противником. После отключения приборов наблюдения возможно объявление тревоги, действуем очень быстро.

Он кивнул храмовнику, и тот поднял пульт. В закрепленном на поясе послушника приборе что-то щелкнуло, а через секунду точка на радаре Стэнделла мигнула и погасла.

— Давид, вперед, вперед! — Отбросив радар за спину, он рванулся к строительным лесам. Грохоча ботинками по черепице, храмовники бежали к конструкции, ловко забираясь наверх вслед за Стивом.

— Давид, обнаружена новая система слежения…

Стив окаменел, не успев перебросить ногу через край крыши. Протянул руку вниз, и в нее ткнулся пульт. Щелчок, почти ощутимая электромагнитная волна, широким веером метнувшаяся к камере и крушащая систему наблюдения. Держа под прицелом каждую щель и окно, группа Магнуса поднялась за Стэнделлом на новый ярус, остановившись у новой, почти сорокаметровой стены.

— Иеремия, у вас две минуты, мы начинаем третий подъем.

Он рывком сдернул со спины рюкзак, краем глаза отмечая,

как слаженно и правильно повторяют его движения члены ордена. Сухой хруст собираемых арбалетов наполнил прохладный ночной воздух, ему вторил негромкий лязг устанавливаемых на ложа метательных снарядов.

— Иеремия, это Цербер, — Стив уже прицеливался вверх, ожидая готовности всей группы. — На третий подъем пойдете на пятнадцать метров левее. Забирайте к карнизу и выходите к башне, мы пройдем через вертолетные площадки. Группа «Давид», огонь!

Ответом стала трескотня спускаемых тетив и шуршание уходящих в темноту веревочных змей. Словно заправские альпинисты, храмовники ловко натягивали веревки, проверяя надежность крепления. Две «кошки» сорвались, а их обладатели, бормоча молитвы, теперь перезаряжали арбалеты. Стив забросил рюкзак с торчащим из него арбалетом обратно за спину. Махнул рукой и, разбежавшись по скату, прыгнул на стену, прямо в прыжке перехватывая тонкий трос. Чувствуя, как мускулы начинают наливаться бронзой, полез вверх, отталкиваясь ногами от резной стены. На этот раз он поднялся на новый уровень гораздо раньше остального отряда. Одним движением забросил за собой веревку, вскинул автомат и откатился за укрытие — лежащего набоку каменного ангела. «…И третий ангел последовал за ними, говоря громким голосом: «Кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божьей, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его…»

Перед ним, как и предполагалось, раскинулось пустое вертолетное поле, над которым нависала одна из башен Храма. Крупная площадка, двадцать на двадцать метров, совершенно невидимая снизу, с посадочной люминесцентной разметкой. Сейчас она была заставлена бочками, ремонтным оборудованием для летательных машин и ящиками. В центре площадки белел, помигивая зелеными огоньками, сам посадочный круг. Стивен поднял голову, замечая, что к стенам, видневшимся за площадкой, словно страшные хищные насекомые, прицепились три автоматические зенитные установки.

В висках глухо пульсировал набат, ритмично отбивающий мелодию сражения. Этот гул, этот барабанный бой в ушах означали только одно — теперь он действительно стал самим собой. Только теперь, когда все клеточки его тела стали охвачены огнем и азартом битвы, как молниеносный пожар охватывает высушенный лес в жаркий день августа. Он ощущал себя оружием, пролежавшим в промасленной тряпице много лет. Оружием, наконец извлеченным на свет, протертым, заново

смазанным и заряженным. Каждая деталь которого сидела как влитая, а единение их предназначало его жизнь лишь для одного — идти вперед, оставаться живым и убивать. Ощущение было нестерпимо сладким и одновременно ужасным, словно он только что узнал о себе нечто плохое, неугодное Богу, на которого сейчас работал. Но поделать с накатившим чувством Стэнделл не мог совершенно ничего. Он был пружиной, наконец-то развернувшейся пружиной. Сердце работало, как великолепно собранный двигатель, дыхание не сбивалось даже на бегу, мышцы наслаждались приятной тяжестью. Полыхающие глаза ловили любое движение, а взгляд пронзал ночь, словно та была освещена сотней сигнальных ракет. В эту минуту он действительно верил, что способен дойти куда угодно, хоть подняться к Престолу, хоть отправиться в пустоши Ада — дойти, выполнить свою миссию и вернуться невредимым…

— Давид, сокращайте дистанцию, сектор чист. — Стив выждал, пока на уровень не поднимутся еще двое, а затем переместился немного вперед. Вскинув бинокль, принялся изучать находящуюся ярусом выше башенку передатчика и диск радара.

— Давид на позиции, можно продолжать движение.

— Иеремия на позиции, закончили второй подъем.

Стив пригнулся и побежал вперед, не сводя глаз со сканера, на огромной скорости петляя между бочками и автокарами.

— Давид, это Цербер. Курс на полсотни шагов левее башни. Поднимаемся к застекленной колоннаде и следуем вдоль нее параллельно курсу «Иеремии».

Храмовники вновь рванулись вперед. Сначала Стэнделл, за ним основная группа, и замыкал капеллан, не спешивший покидать свою снайперскую позицию до последнего момента. Черные тени призраками пересекли площадку, сгруппировавшись у очередной стены. Вновь захрустели взведенные тетивы, хлопки выстрелов наполнили ночь, болью отозвавшись в натруженных руках. Господи, вдруг подумал Стивен, да мы ведь словно штурмуем небеса…

19:1:5 Вновь подъем, с каждым разом все более сложный, узкая площадка. Справа — покатая стена из желтого матового стекла, дивной красоты резные колонны, слева — многометровая пропасть, на дне которой мертвая земля окружающей Храм пустоши. Пригибаясь и цепляясь за каждый выступ стены, тамплиеры бежали по узкому козырьку, вытянувшись в колонну по одному.

— Цербер, это Давид-четыре, — раздался в шлеме Стэнделла

голос капеллана. — Занял превосходную позицию, веду наблюдение за открытым подвесным мостом внутри здания. Даю запрос на сохранение позиции.

— Вас понял, Давид-четыре, сохраняйте позицию до потери группы из зоны видимости. — Стив прикинул длину козырька — тот проходил практически через весь храм. Фактически, они уже достигли самого верхнего яруса. Сейчас над головой возвышались только четыре башни да несколько отдельных надстроек. Теперь оставался лишь рывок к высочайшей из них, осуществленный с двух сторон, и прорыв внутрь.

— Давид, это Иеремия-один, мы на позиции, начинаем продвижение. Расчетное время прибытия к башне — четыре двадцать две. Мы… о, Господи! Давид! — ночную тишину внезапно раскололи оглушительно-тяжелые пулеметные очереди и последовавшие вслед за ними крики людей. — Мы наткнулись на автоматическую систему защиты, — через трескотню ответных тамплиерских выстрелов голос Хэйворда был едва различим. — Про… о, мой Бог…

Голос храмовника оборвался, сразу после этого раздался громкий взрыв, напоминающий хлопок гигантской ладони, за ним скрежет металла. Давид замер на своих позициях, переглядываясь. Высокая резная стена и угол небольшой башни скрывали от отряда происходящее со второй группой, да вот только сполохи пламени и дым, медленно вытекающий снизу, говорили за себя.

— Иеремия, это Цербер, отвечайте!

— Давид, это Иеремия-три, мы попали в ловушку. Система огня подавлена, но есть потери.

— Доложите, Иеремия-три. — Стив начал считать секунды.

— Убит снайпер — брат Эстес, брат Хэйворд ранен. Ждем инструкций.

— Иеремия, — Стив сжал кулак, оглядываясь на своих бойцов, — оставьте кого-нибудь с раненым. Остальному отряду продолжать движение. Камеры не глушить, а расстреливать, следите за ловушками. Иеремия-шесть, брат Антуан, теперь ты возглавляешь группу. — Он повернулся к судорожно вцепившемуся в пулемет Магнусу, и тот кивнул, подтверждая приказ.

За спинами Давида бездушными щелчками раскашлялась винтовка капеллана.

— Давид, это Давид-четыре. Веду прицельный огонь по группе вооруженных людей, пытающихся форсировать мост. Немедленно продолжайте движение!

Послышалась ответная стрельба. Стив окинул взглядом

крышу — то здесь, то там начинали включаться зрачки мощнейших прожекторов. Как и предполагал Стэнделл при составлении плана штурма, Пристанище Истины охранялось вооруженными послушниками. В своем роде они тоже являлись членами ордена, пусть не древнего и рыцарского, но не уступающего тем в вооружении и стремлении защищать свою веру с оружием в руках. Никакой полиции или патрулей служб безопасности — Стивен знал, что в подготовку послушников Храма Прозрения входил обязательный воинский курс. Потому что Струго предвидел, что однажды настанет день. День, когда его пастве придется с автоматами наперевес отбивать атаки войска Христова. Открытым же пока оставался лишь один вопрос — какую численность насчитывал гарнизон храма?..

— Давид! — Стив обернулся к матовой, почти не пропускающей наружу яркого желтого света, стеклянной стене. — Огонь по окнам.

Трескотня выстрелов слилась в единый гул, за которым последовал грохот и звон осыпающегося стекла. Сбросив с плеча моток веревки, Стив перекинул «кошку» за резной колонной, поймал с другой стороны, цепляя в петлю прямо за трос. Колотое пулями стекло рушилось с десятиметровой высоты вниз, осыпаясь на пол длинного и широкого коридора.

— Делай, как я! — прокричал Стив, но это было лишнее. Храмовники уже крепили свои веревки, сбрасывая свободные концы внутрь башни. — Давид-четыре, — Стив на одну секунду задержался у края, — держите позицию.

Отстегнул от пояса подвижный альпинистский блок, продел веревку, другим блоком укрепил на поясе и спиной вперед рухнул внутрь.

С того момента, как начался открытый бой, рыцари стали двигаться, словно единое целое, отставая от действий Стэнделла не больше, чем на пару мгновений. Жужжание закрепленных на веревках блоков резануло по ушам, когда семь черных фигур стремительно спикировали в храм из-под разрушенного стеклянного потолка. Однако в шуме битвы приближающиеся из-за поворота шаги смог услышать (или почувствовать) только Стивен.

Не долетев до пола немногим более четырех метров, он резко зафиксировал блок и, дернувшись обратно, словно тряпичная кукла на нитке, перевернулся головой вниз. Одновременно подцепил веревку мыском ботинка, наматывая ее на голенище. Закачался, похожий на спускающуюся на нитке гусеницу. Автомат сам собой соскользнул с плеч. К тому моменту, когда из широких двустворчатых дверей в коридор выскочили две закутанные в

темно-красные балахоны фигуры с автоматами в руках, Стив уже целился в них. Тамплиеры один за другим опускались на пол, поспешно отбрасывая веревки, блоки и вскидывая оружие.

19:1:6 Целясь сквозь электронную проекцию на забрале шлема, Стивен дал две короткие очереди. Даже не проводив взглядом падающие тела монахов, левой рукой он вновь ослабил зажим троса. Как и оставался — вверх ногами, — плавно съехал к остальным. Приземлившись на руки, мягко кувыркнулся в сторону, выпуская трос из блока, и встал на одно колено, взяв дверь на прицел.

— Давид-один, остаешься для прикрытия. Остальные отходят по коридору к северной башне. — Он быстро осмотрел помещение. Коридор широкий, больше напоминающий длинный зал, давил своей мрачной роскошью. Резные плиты на стенах, широкие каменные скамьи и статуи высоких крылатых фигур с мечами в руках. Под потолком, потревоженные рикошетными пулями и осколками стеклянного свода, качались огромные копии старинных круглых люстр.

— Давид, это Давид-четыре. Пятеро прорвались через мост, ожидайте противника в тылу. Держу позицию.

Стив начал пятиться, краем глаза следя за Магнусом. Плечистый апостол держал пулемет перед собой на вытянутых руках, держал так легко, словно тот был сделан из пластмассы. За их спинами остальные храмовники почти миновали коридор, оканчивающийся большой дверью на ступенчатом крыльце. По остальным дверям, выходящим в холл из глубины храма, без устали плясали точки тамплиерских лазерных прицелов.

Южные двери, откуда появились расстрелянные Стэнделлом двое монахов, распахнулись внезапно и с жутким грохотом. Ударили по лежащим на полу телам, одно из которых до сих пор медленно шевелилось в луже собственной крови. Ударам этим вторили крики, которыми нападающие подбадривали себя в атаке. Однако именно это и сгубило боевиков Пристанища, прыгающих через поверженных соратников.

Толпой вывалившись в огромный коридор, они в ту же секунду сломали строй, наткнувшись на длинные автоматные очереди Стивена и Магнуса. Теперь крики людей заглушал лязг гильз, отплясывающих по кускам битого стекла под ногами. Монахи валились друг на друга, не успев понять, что произошло, и беспорядочно паля в воздух из автоматических винтовок. Стэнделл присел на колено, оглянулся, разглядывая, как на ступенях короткой мраморной лестницы храмовники закладывали гранаты в петли огромной северной двери. Заменил

опустевший магазин «Коменданта».

— Иеремия, это Давид-один. — Магнус отпустил пулемет стволом в пол и постучал пальцами по шлему, словно пытался отогнать помехи эфира. — Отвечайте, что у вас происходит?

— Давид, это Иеремия, дошли до основания башни, штурмуем дверь со смотровой площадки, еще один ранен.

— Иеремия, заходите внутрь и занимайте позицию, мы приближаемся.

Под потолком мигнули старинного вида люстры. Стивен поднял глаза, и в этот момент свет окончательно погас. Храмовники тут же включили подствольные фонари, после чего коридор наполнился двигающейся паутиной лучиков и тонких красных щупов. Воины ордена торопливо откатились от заминированной двери, через секунду прогремел взрыв, и по полу заскакали осколки дерева и пластика. Из разбитых северных дверей мгновенно застрекотали автоматы. В дыму, в неярком свете пролома замелькали размытые фигуры в балахонах.

Стэнделл развернулся на колене, щелкнул затвором гранатомета. Вскинул оружие, нажал на спуск. Дымный след гранаты потерялся в рваном дверном проеме, ухнуло, в коридор швырнуло новый заряд обломков, закричали люди. Храмовники метнули еще одну ручную гранату, следом за ней ринувшись по ступеням.

— Давид, это Давид-четыре, внимание. Отмечаю приближение крупного, хорошо вооруженного отряда. Численность — не меньше десяти человек. — Голос капеллана в наушниках через равные промежутки времени заглушался хлопками Сколопендры. — Нахожусь под интенсивным обстрелом, прох…

Связь зашипела, и канал священника неожиданно отключился. Стивен и Магнус, продолжая пятиться, прикрывая спины остальным, достигли выбитой двери. В наполненном дымом проеме появился один из послушников.

— Брат Магнус! Мы обнаружили лестницу, уводящую вверх, но коридоры разветвляются.

— Верните троих в холл, ожидайте сопротивления из-за южной двери, готовьте гранаты. Численность противника десять человек, вооружение тяжелое. Медленно отступайте, прикрывая наш прорыв. — Стив побежал сквозь дым, перепрыгивая через израненные и окровавленные тела под ногами. Широкая, покрытая красным ковром лестница уводила вверх на три высоких этажа.

По его приказу, подтвержденному Магнусом, трое храмовников метнулись обратно к порванному взрывом проему.

Однако еще один боец отряда, совсем молодой послушник (едва ли не одних с Николасом лет), внезапно опустился на ступени, откладывая винтовку. Опустился тяжело, словно только что перетаскал сотню ведер с водой, и что-то в его позе заставило Стэнделла замереть. Через мгновение он понял, что его опасения подтвердились.

— Мы ведь даже не знаем, в кого стреляем, братья. — По щеке послушника потекла тонкая ярко-красная струйка. Глаза подернулись дымкой, в движениях добавилось неловкости. — Мы словно убийцы в этом месте. Господь мой, это же… — Вдруг голова его откинулась назад, стукнувшись о кованые перила, а веки прикрылись. Стэнделл в один прыжок подскочил к воину, тисками вцепляясь тому в плечо.

Рванувшийся в решительном замахе Магнус был остановлен его жестом.

— Не стоит тратить силы, избивая своих, брат Магнус. У парня шок, он ранен, — уложив послушника на ковер ступеней, он показал апостолу распоротое осколком левое бедро мальчишки, рассеченный затылок. — Ты! — Он ткнул пальцем в другого послушника. — Перетянешь ногу, остановишь кровь, вколешь обезболивающее. Магнус, пожалуй, тебе лучше оставаться с группой. Медленно отходите наверх, пробиваясь к крышам. Уходить будем по ним.

Но лежащий перед ним раненый юноша столь же неожиданно очнулся, с внезапной силой вскакивая на ноги и поднимая руки.

— Грех не смоешь кровью, братья! — завопил он, перекрывая шум далекого боя. Глаза его опять начали закатываться. — Они же не виноваты! — Он попытался было броситься бежать, но другой послушник, уже разматывающий резиновый жгут, прочно прижал его к полу.

Стивен вскинул к плечу автомат и, перепрыгивая через две ступеньки, побежал наверх, держа лестничные пролеты в прицеле. За спиной вновь начали стрелять, прорвавшиеся через заслон капеллана защитники Прозрения штурмовали проем. Предупрежденные о контратаке храмовники косили накатывающих монахов, забросав холл гранатами.

19:1:7 — Иеремия, это Цербер. Поднимаюсь к вам по внутренней лестнице, приступайте к зачистке этажа, — не сбивая дыхания, Стив бежал все быстрее.

Этаж, еще этаж. Память услужливо подбрасывала нужные образы. Третий этаж, тут направо. Он с неожиданной радостью вспомнил, что уже бывал здесь. Круглая лестничная площадка — две двери. Налево, пинком в замок. Присел.

Светлая комната, мониторы, люди в белых халатах. Суета, деловая и напряженная, никому нет дела до происходящего снаружи. Они смотрят в экраны, они не умолкают ни на секунду, координируя бой.

— Восьмой сектор, взвод охраны срочно на крышу…

— Гранатомет в Коридор Святых…

— Неизвестная численность…

— Вертолеты…

— Обеспечьте безопасность…

— Немедленно отступайте…

Стивен от порога швырнул в комнату шоковую гранату. Выждал хлопок, поток ослепительного света, вырвавшийся из проема, а потом, когда силуэты людей замерли, словно на негативе фотографии, расстрелял всех шестерых. К сожалению, память подсказала ему не ту дверь. Он снова выскочил на лестницу.

Бросился на пол, прямо под разрывающие дверной косяк пули, откатился в сторону, забиваясь в неглубокую нишу и едва не своротив себе на голову гипсовую статую. Бросил на красивый мозаичный пол новую чеку. Не глядя швырнул. Покатившаяся в сторону поста охраны граната произвела ожидаемый эффект — перекрывая цокот болванки по гладкому полу, раздались человеческие крики и топот ног, рухнул опрокинутый стол. Граната взорвалась, а он уже швырял в коридор новую — на этот раз газовую и, отбросив на ремни автомат, натягивал маску противогаза.

Метнулся в расползшийся по проходу дым, на звуки захлебывающегося кашля отстрелял до конца второй магазин. Корчащиеся в паралитическом облаке люди умирали со страшными криками, пытаясь скрюченными пальцами разодрать себе горло. Каждый из них, как и встреченные ранее боевики храма, был одет в багрово-красный балахон, поверх которых посверкивал железный медальон с изображением трех звезд. Стивен проскочил разбитый блокпост и только сейчас прислушался к эфиру, не торопясь продолжать наступление.

— Это Иеремия, мы наткнулись на укрепленный коридор, необходимо подкрепление…

— Иеремия, Цербер, это Давид. Нас теснят наверх, мы потеряли контроль над южными дверьми. Несем потери, необходимо подкрепление…

Теперь он различал стрельбу, приглушенную, где-то впереди. Шагнул в новый коридор, и в этот же момент из-за поворота прямо на него выскочил еще один монах — повесив автоматическую винтовку на плечо, он спиной вперед пятился

прямо к Стэнделлу, по полу волоча раненого товарища за рваный капюшон.

Стивен остановил точку прицела на затылке монаха, не колеблясь выстрелил. Перепрыгнув через тела и цепляя на пояс ненужный больше противогаз, опустился на колено возле нового поворота, снимая с карабина «Костяное око».

Опустив прибор на уровень правой голени, Стэнделл выставил его за угол и вгляделся в небьющийся зеркальный пластик. В широком холле возле лифтовых дверей шел бой. Монахи Прозрения, чьи спины Стив мог спокойно созерцать из-за утла, укрепились за перевернутой мебелью и не жалея патронов успешно сдерживали пытающихся прорваться в холл тамплиеров. Кроме ручного оружия, отряд защитников был оснащен тяжелым пулеметом на развернутых сошках. Стивен убрал прибор и неторопливо зарядил подствольник.

Без лишней суеты, едва ли не сдерживая собственные силы, все еще молившие, чтобы он выложился до самого конца, Стивен выглянул из-за утла. Прицелился, стреляя из гранатомета в самое сердце импровизированной баррикады. Грохот взрыва, вопли и крики раненых монахов заглушил победный рев рыцарей, тут же бросившихся в атаку. Тамплиеры перепрыгивали через разрушенное укрепление, добивая раненых из пистолетов или ножами. Через минуту холл был взят.

Брат Хэйворд, без бронежилета и шлема, перебинтованный поперек торса и бледный, как сама смерть, вышел из дыма навстречу Стиву с пистолетом в руке. Оглядевшись, Стэнделл понял, что из группы «Иеремия» на ногах оставалось только четверо бойцов, включая командира.

— Этаж чист… — Хэйворд держался твердо, а в глазах рыцаря горел дикий огонек. Стив удовлетворенно кивнул, осматривая бронированные лифтовые двери и прислушиваясь к происходящему за спиной. Такие не взять простыми противопехотными гранатами. А если и взломать, то аналогичные плиты ждут его и наверху…

— Какова высота башни со смотровой площадки, откуда вы ворвались в храм? — он расстегнул подбородочный ремень, снимая и отбрасывая собственный шлем. Следом за ним отстегнул уже опустевшие подсумки, способные помешать, снял с пояса чехол противогаза, сбросил рюкзак.

— Высоко, Стэнделл. Не менее пятидесяти-шестидесяти метров, — Хэйворд отвечал четко и быстро, но по интонациям Стэнделл определил, что храмовник из последних сил сдерживается, чтобы не потерять сознание. Жизнь оставляла раненого рыцаря. В глазах его мелькнул интерес, но он так и не

поинтересовался, зачем Цербер узнает у него высоту башни.

— На какой высоте расположены самые нижние окна?

— Ряд мозаичных витражей, — Хэйворд чуть замешкался и обернулся, словно бы ища поддержки у соратников, уже занимавших оборонительные позиции и собиравших с трупов трофейное вооружение, — на высоте не более двадцати пяти метров. — Стив снова кивнул, словно этого и ожидал.

— Отошли двоих воинов вниз, к «Давиду», затем по возможности пробейтесь как можно выше и укрепитесь. Я отправляюсь в башню… своим путем. После того, как займете оборону, осмотрите раненых, соберите отряды воедино и через лифтовые шахты пробивайтесь за мной. Брат Хэйворд, позиции необходимо удержать, после чего мы все должны снова попасть на крышу — от этого зависит отход. — Стивен расстегнул ремень автомата, отдавая оружие одному из рыцарей. Снял оставшиеся гранаты и заряженные магазины.

— Стэнделл! — Хэйворд качнулся, невольно заграждая ему дорогу. На его сером лице глаза сверкали, словно два болотных омута. — А что нам делать, если Струго не окажется в башне?! Что делать, если его сейчас вообще нет в храме?

— Он здесь, — Стив без колебаний выдержал взгляд тамплиера. Прищурился, едва заметно кивнув, и брови рыцаря изогнулись в ответ. — Я это знаю! — Он обошел командира группы. — Удачи вам, и увидимся наверху…

19:1:8 Он покинул холл, пройдя по разбитому храмовниками при штурме коридору. Как и везде, его устилали изрешеченные пулями тела монахов, в десятке метров дальше у стены лежал на спине мертвый рыцарь. Мрамор и гранит, облицовывающие коридор, были изляпаны кровью и иссечены следами пуль. Миновав помещения, отбитые у послушников Пристанища группой «Иеремия», он вернулся на оставленный храмовниками просторный балкон.

В свете шарящих по стенам храма прожекторов блеснули клинки ножей. За их сталь Стив не опасался — выкованные по самым современным технологиям, ножи легко выдерживали нагрузку до ста килограммов. Он отошел к краю балкона и присел, спиной прислонившись к массивным балясинам перил. Полной грудью вдохнул прохладный ночной воздух, примерился и шагнул вперед. Разбежавшись, изо всех сил бросил свое тело вверх, словно паук прыгая прямо на светло-бежевую стену башни, как можно выше вонзая в нее ножи.

Башня не была облицована натуральным камнем, и в этом Стивен мог поклясться еще до того, как начал подъем. На такой

высоте ее стены были обшиты толстым легким материалом, огромные плиты которого были украшены резными сценами из Ветхого завета. Прорезиненный пенобетон с трудом, но поддавался отточенным, словно бритвы, клинкам. Стэнделл полз вверх. Рывком выдергивал один клинок из пенобетона, подтягивался на другой руке, цепляясь за барельефы мысками ботинок, с невероятной силой вновь вгонял в стену другой нож. Один нож за другим. Мерно, словно плыл на длинную дистанцию. С шипением и скрипом сталь вонзалась в тела высеченных на плитах персонажей. Удар — нож вонзается в бедро царя Давида, испрашивающего у Бога, идти ли ему против филистимлян и предаст ли он их в руки его. Удар — клинок с натугой входит в тело коленопреклоненного Иезекиля, слушающего повеление Господне. Удар — нож бьет ровно в край мантии Моисея, помазывающего жертвенник перед двенадцатью начальниками Израилевыми. Удар за ударом, шаг за шагом, Стивен Стэнделл поднимался все выше и выше.

Теперь его мускулы уже не пели — они стонали и вопили от натуги, звеня натянутыми канатами, кровь била в виски еще громче и яростнее. Каждый новый удар ножа давался все труднее и через какое-то время стал казаться последним, на что способно тело. Удар, еще, подтягиваться, опираясь ногами на лица и крылья ангелов, вонзать клинки в их тела и нимбы. Еще рывок, ветер беснуется, пытаясь отодрать от стены, доказать ничтожному человеку, что людям нечего делать так далеко от надежной твердыни. Но он — не человек.

Удар за ударом, когда мокрые от пота рукоятки ножей уже начинают скользить в руках и кажется, что сталь больше не выдержит. Еще удар, подтянуться и… Что это? Карниз, подоконник, в глаза бьет изломанный витражами неяркий свет, наполняющий башню. Стивен рванулся из последних сил, буквально затаскивая себя на узкий карниз. Побежденная бездна, словно торт разрезаемая на кусочки лучами прожекторов, лежала у его ног. Ветер, смирившись, ласкал его бритую голову. Теперь он снова слышал стрельбу.

С трудом спрятав ножи, Стивен прислонился к витражам спиной и принялся восстанавливать форму. Дыхание, пульс, давление. Медленно, не торопясь, давая отдых и рукам, и голове. Внизу с новой силой закипало сражение, но он не спешил. Открыл глаза, рассматривая звезды. Повернулся к витражам.

Пора.

Он уже ждет.

Ухватившись левой рукой за пенобетонную раму, Стэнделл вынул из кобуры пистолет и, отвернувшись в сторону, чтобы

осколки не брызнули в лицо, выстрелил в нижний угол окна. Битое стекло рухнуло на него тяжелой волной, кое-где порезав кожу и ткань комбинезона, и он даже пожалел, что снял шлем. Ботинком отбил торчащие из оконной рамы неровные края цветного стекла. Затем перебросил внутрь ноги и с метровой высоты спрыгнул в большой зал с очень высоким, почти как в тамплиерской церкви, куполообразным потолком.

Он находился в большом прямоугольном зале, обе длинные стены которого были заняты рядами ярких цветных витражей (через один из которых он и проник в башню). В стене справа виднелось начало короткого пустынного коридора, ведущего к лифтам. Слева от Стэнделла возвышался круглый постамент, над которым на массивных железных цепях были подвешены огромные бронзовые звезды — эмблема Прозрения. Под эмблемой на подиуме был установлен стол, широкий и гладкий, в чьей поверхности отражались перевернутые звезды. На самом краю его скромно, но эстетично примостился миниатюрный переносной компьютер. Тусклые шары ламп, также подвешенные на цепях к высокому потолку, свисали очень низко, хоть рукой достать. В зале, в отличие от остальных помещений церкви, не находилось ни статуй, ни барельефов, ни фресок.

Только висящая в воздухе эмблема храма, огромный стол, компьютер и единственный высокий стул с узкой выгнутой спинкой. Стивен поднял пистолет и, хрустя битыми витражами, медленно отошел от окон. За столом сидел архиепископ Струго.

19:2 Стэнделл медленно приближался к возвышению, не сводя глаз со своего неожиданного врага, одновременно продолжая осматривать зал. Тишина, внезапно опустившаяся на главную башню храма, умиротворяла и завораживала.

Стивен вгляделся в Струго, неподвижного в своей позе, словно древний сфинкс. Как и разносила молва, это действительно оказался мальчишка, но Стэнделл не позволил себе удивиться. Обыкновенный пацан пятнадцати лет, одетый, как и все встреченные (убитые) до этого монахи. Широкий капюшон был отброшен назад, короткие светлые волосы непослушно топорщились. Юноша сидел прямо, но не скованно, просто прямо, даже горделиво. По его открытому лицу блуждала спокойная улыбка. Этой же добродушной иронией был наполнен и взгляд.

Не опуская руку с пистолетом, Стэнделл медленно обошел возвышение, заглянул под стол. Не обнаружил ничего: ни спрятанных стволов, ни ловушек, ни кнопок тревоги. За все это время мальчишка не обернулся. Он так и сидел не шелохнувшись, как будто не торопясь первым начинать разговор.

Стивен завершил полный круг по залу, снова занимая позицию напротив стола. Ствол его оружия смотрел ровно между глаз архиепископа. Наконец паренек с интересом склонил голову набок. Совсем как Николас, впервые разглядывающий пришедшего в замок гостя…

— Где Струго? — Стэнделл внезапно почувствовал, что произнесенные слова даются ему с некоторым трудом. Он поспешно проанализировал свое внутреннее состояние, вдруг испугавшись, что не заметил ранения. Не обнаружил ничего подозрительного. Однако мальчишка заметил его реакцию. Повернулся всем корпусом, спросив проницательно, но с юношеским задором в голосе.

— Ты снова не доверяешь себе, Стивен? — Голосок у него был звонкий, словно каучуковый мячик на каждом произнесенном слоге отскакивал от блестящего каменного пола.

Стэнделл приподнял ствол и сглотнул предательский комок, тем не менее не спуская мальчишку с прицела. Он начал ощущать, что теперь его тело двигалось как во сне.

— Поверь в себя, Стив, — с вызовом попросил мальчишка. Голос его был еще совсем детским, ломким, но одновременно наполненным невероятной силой и спокойствием. Глаза продолжали улыбаться. Парень определенно знал силу своего голоса… Он еще раз улыбнулся, понимающе кивая. — Истинным является лишь опыт, приобретенный самостоятельно, правда, Стивен? Все остальное легко может оказаться ложью. Да, да, это так. И только так. Навязываемая нам история, философия, религия… Даже физика или геометрия, ты ведь понимаешь, о чем я говорю? Либо доходишь до всего в своей жизни сам, либо становишься рабом чьих-то открытий. Верно? В первом же случае твоя власть над жизнью просто невероятна. — Он сказал последнюю фразу таким тоном, словно рассуждал о чем-то ужасно вкусном и сочном, что может на долгое время делать людей счастливыми. С удовольствием прищурившись, мальчишка неожиданно поднялся со стула.

Частично потерявший контроль Стивен отшатнулся, предупредительно вскидывая ствол, но палец внезапно дрогнул. Мальчишка встал, и в наступившей тишине зала шуршание его багрового балахона показалось Стиву громогласным шумом океанского прибоя. Мальчишка встал, и Стивена упруго ударила, закружив в теплом водовороте, физически ощутимая волна ласки, заботы и тепла, нежно погладившая по измазанной маскировочной сажей щеке.

— Стивен, это я, Струго, и ты прекрасно это знаешь. — Мальчишка медленно развел в стороны руки, широкими

рукавами касаясь блестящей, словно обсидиан, поверхности стола. В это же мгновение зал наполнился легкой, успокаивающей расшатанные нервы музыкой. — Добро пожаловать домой, старина…

Стэнделл невольно шатнулся вперед. Качнулся к юнцу, словно притянутый невидимыми веревками, встретился взглядом с архиепископом, уже не в силах отвести его. Какие же у него глаза… Такими глазами могла бы смотреть вечность, имей она плоть. Такими глазами могла бы смотреть мудрость. Его взгляд — взгляд полнейшего умиротворения, единения со вселенной, пьянящего путешествия сквозь звезды. Он далеко не так юн, холодно и отстраненно подумал Стив и осознал, что мысли приходят к нему с благоговением. Намереваясь спустить курок еще минуту назад, теперь он испытывал к этому молодому, но невероятно сильному человеку неподдельное почтение. Им можно было восхищаться, о да. Им было нужно восхищаться, это точно. Он заслуживал поклонения, да восславится имя его…

— Дом, Стивен, это там, где тебя ждут… — покачал головой мальчишка, добавив в божественный звук своего голоса каплю светлой грусти. И что-то дрогнуло, сломалось, и Стивен поддался мягкой упругой волне покоя, полной грудью вдыхая неземные ароматы, слушая воистину божественную музыку храма. Святого храма. Обессиленный и полный сил, он стоял в той же позе, словно окаменел, и глаза его невольно наполнились слезами.

Летящая со всех сторон небесная мелодия завораживала, она лечила. Казалось, что под нее можно целую вечность стоять вот так, молча, с таинственной улыбкой на губах и медленно постигать тайны мироздания. Стэнделл с неохотой опустил глаза и обнаружил, что пистолет давно смотрит стволом в пол, а натруженная кисть ослабла, готовая вот-вот выпустить оружие.

Он снова взглянул на Струго, стоящего за столом, словно багровое божество, поднимающееся из озера расплавленного черного стекла. По плечам архиепископа растекалось едва заметное желтое свечение. И вновь невероятной силы почтение и любовь к этому могущественному юноше объяли его. Так безответно и светло любят своего родителя, так ярко и беззастенчиво любят Бога. В следующую секунду светящийся образ мальчишки переместился. Теперь Струго стоял совсем близко. Худой, невысокий, при ближайшем рассмотрении даже болезненно щуплый, но глаза его каким-то непостижимым образом находились на уровне глаз Стивена. Железные звезды, висящие на груди его, мерно покачивались на тонкой цепочке.

— Что они сказали тебе, Стив, мой мальчик? Что они сочинили обо мне? Окрестили меня врагом? Короновали

Нечистым? О, Господи, Стивен. Мир — страшное болото, ты ведь согласен… Он так устал сам от себя и погряз в собственной пучине, что просто не мыслит своего существования без чего-то, что будоражит кровь и потрясает воображение. — Струго задумчиво посмотрел в ночь, что врывалась в башню через выбитый витраж.

Невесомыми шагами подошел к выбитому в цветном стекле пролому, поднимая голову вверх. Оперся руками на подоконник, с любопытством вглядываясь в непроглядную ночную темноту. Прохладный ветерок из окна ласково ворошил волосы на голове мальчишки. Стив проследил его взгляд и… вдруг увидел за окном звезды, но не мутные и далекие, парящие в тяжелом загазованном воздухе. Он увидел их кристально чистыми и близкими, как рассыпанные по бархату огромные алмазы. Струго грустно улыбнулся, поворачиваясь к нему.

— Они так долго ждали, когда я вернусь во второй раз, Стивен, что уже не верят мне. Они просто не хотят верить. Сама мысль об этом стала для них чем-то вроде культа…

Стэнделл хотел сказать что-то важное, очень и очень важное, но не смог. Губы больше не слушались его, как и прочие части тела, и поэтому он просто открыл рот. Струго подошел, прикоснулся тонкими пальцами к своему подбородку, еще не знавшему бритвы. Не по-детски печально нахмурив высокий лоб, он принялся разглядывать собственное отражение в сотнях стеклянных брызг на полу. Как же он устал столетие за столетием доказывать людям очевидные вещи, пронеслось в сознании Стэнделла, словно сами звезды упрекали его в этом. Как же устал доказывать, а еще прощать кровавым убийцам гибель служащих ему людей. Голос Струго зазвенел вновь, колокольцами вплетаясь в музыку.

— Для человечества сама идея второго Пришествия стала религией, да, теперь я в этом уверен. Религией, которой легко и выгодно поклоняться. Ожидать чего-то великого, откладывая покаяние и собственный ответ перед Богом на потом. А пока ты свободен. Скажи, аминь, брат! Скажи, возрадуемся, и ты спасен! Скажи, алилуйя. Признайся, что грешен. Теперь ликуй, иди домой и смотри телевизор. Все, что остается тебе, кроме ликования, верить и ждать. Ты самый добрый на свете католик, а пока ты предоставлен самому себе, возрадуйся и приходи в следующее воскресенье. Может быть, чудо все же произойдет… Но ведь мы знаем, что делает с людьми бесконечное ожидание чего-то важного? Как оно убивает ожидание настоящего чуда, превращая наши надежды в стиль жизни, в пустой ритуал, с которым так просто, скажи мне, алилуйя…

В голосе Струго слышалась неземная боль.

— Он имеет право так говорить о человечестве, — сказала Стивену одна звезда.

— Человек так долго юродствовал над верой в него, что у этого юноши действительно есть на это право, хоть он и льет желчь вместо меда, — согласилась другая звезда, вспыхнув.

— Но дети не должны говорить о таких вещах, — ответила им третья звезда, трижды мигнув. — Потому что такие разговоры могут покалечить их душу…

— Не надо… — умоляюще прошептали пересохшие губы Стивена. — Это так больно, мой господин…

— Я привык, Стив. — Струго криво улыбнулся, кивнул, бесшумно подошел и доверительно положил невесомую руку на крепкое плечо Стэнделла. И вновь все тело охватило тепло, стало легко и приятно. Прикосновение его лишало забот, горячее и доброе, что когда-то излечило слепого из Вифсаиды, прокаженных, бесноватых, парализованных и кровоточащих. — Уже давно привык. Люди не верят, они говорят: о, это не может быть правдой. Ты лжешь нам, самозванец. Ты не мог прийти так рано, мы еще не закончили свои дела. Мы просто не будем верить тебе, и все пройдет… Не мог бы ты вернуться чуть позже?..

— Но так нельзя. — Стивен внезапно почувствовал невероятную, нечеловеческую ненависть. Она поднималась из желудка, как обжигающая волна, резкая, невыносимая, требующая немедленного выплеска. Ненависть ко всем этим глупцам, не видящим очевидного, не замечающим чудес. К обывателям с их ничтожными заботами, копошащимся в земле и неспособным поднять глаза к небесам. Но Струго чуть сильнее сжал пальцы, и на смену яростному гневу мгновенно пришло прощение и мир. Теперь мальчик улыбался открыто и заразительно.

— Но есть и другой путь, Стивен. Путь, лежащий через прощение и излечение человечества. Излечение от пороков и грязи, а поверь, я умею врачевать. Грехи людские стали настолько великими, что искупить их невозможно даже распятием… Однако достаточно лишь указать им истинный путь. Заставить их прозреть.

Стив тонул в звенящем море спокойствия. Наконец-то он прозрел. Наконец-то! После всей лжи и зеркальных коридоров самообмана. Здесь, под этими железными звездами, он внезапно увидел дорогу среди небесных светил, по которой пойдет он и еще тысячи других прозревших и увидевших Истину. Пойдут, оставляя за спиной умирающий в грязи мир.

— На пороках и грехах разрушающегося мирка мы создадим

царствие покоя и радости, и это не просто слова. Посмотри на детей моих, Стивен Стэнделл. Посмотри на паству мою. Они счастливы, они обладают всем. Они не ведают горя, они смеются и славят жизнь. Славят ее плоды. Конца Света не будет, мой мальчик, мы просто не позволим Злу разрушить созданное нами. Мы отстоим его, обещаю. Люди наконец получили право на собственную судьбу, равную судьбам живущих на небесах.

— Но грех так силен, — выдавил Стив, которому вдруг показалось, что сейчас звезды ударят в него своими острыми лучами. Они накажут его за неверие и все сомнения, и его жалкой жизни наступит жуткий конец. Но покидать этот мир, покидать подножие этого трона, с восседающим на нем великим юношей, чьи волосы подобны расплавленному золоту, так не хотелось, так не хотелось…

— Да, конечно, у нас есть враги. Часть из них всего лишь слепцы и безумцы. Но другая часть служит настоящему врагу. Я говорю о том, кто желает смерти миру и всему человечеству. Человечеству обновленному и счастливому.

Где-то далеко-далеко за спиной раздался взрыв, что-то с грохотом обрушилось, словно звезды действительно решили покинуть небосклон. Стивен взглянул в ясные глаза Струго, и губы его дрогнули.

— Я был врагом твоим. Я был слепцом на стороне слепцов… Я буду служить тебе, пока рука моя сильна, и клянусь… — Пистолет наконец выскользнул из ладони, прокатившись по мозаичному полу. Стив опустил влажные глаза, провожая «глок» взглядом, и уставился в прозрачный пол… Он смотрел на отражение светильников, Струго, свое.

Не без труда заметил тусклый орнамент, едва различимый на фоне мозаики серо-стального цвета. Под полом, под стеклянной мозаикой покоился узор — огромные переплетенные звезды, а за ними, в паутине лучей — звериные глаза, смеющиеся и горящие пламенем. В них отражался звездопад. Зверь приблизился к поверхности пола, заполняя своим ликом все три звезды. Стивен вздрогнул, музыка вдруг стихла, а в лицо ударил ледяной ветер.

— Что?.. — Стэнделл отшатнулся от мальчишки, автоматически опуская руку на нож. — Не может быть… — Но взгляд Струго опять заполнил все вокруг, стирая действительность и окружающий мир, топя душу в море мудрости и покоя. Рука безвольно повисла вдоль тела, и Цербер тяжело упал на колени, пряча лицо в мягких багровых складках мантии. Он не хотел, чтобы Струго видел его слезы, градом катящиеся по измазанным краской щекам. — Молю, прости меня… отец.

Чьи-то крики, топот ног. Еще один взрыв, уже ближе. Они все

кричат и кричат, но никакая сила более не сможет оторвать Стивена от своего господина. И если это приближаются враги, им лучше не так спешить в атаку, потому что отныне он станет защищать Струго ценой собственной жизни.

— О, мой Бог! Святой Боже и Дева Мария, как такое возможно?! Быстро, держите его под руки. Милостью твоей, да он сейчас лишится сил… Немедленно отступаем! Брат Жозеф, хватай компьютер. «Давид», внимание, мы выходим, продолжайте удерживать коридор отступления.

— Скорее, Стэнделл, Святые Небеса, да помоги же нам… вездеходы уже в пути…

Что это? Почему так больно?.. Что за сила отрывает его от обретенного отца? Куда его тянут эти люди? Он ведь буквально только что обрел настоящий дом. Но кровь блестит на ладонях, а звезд больше не видно…

19:3 — Иеремия, продолжайте движение, мы держим позицию…

— Это Давид-два, завершили второй спуск, заканчиваем минирование, прикройте…

— Нас давят огнем, меняйте направление и отходите по верхнему ярусу…

— О, Всемогущий, они уже здесь…

— Стреляй, будь ты проклят, ты же солдат!

— Это Иеремия, противник подавлен, зона отхода чиста… Внимание, новый контакт! Слева, слева, огонь! Давид, необходима поддержка огнем. Слава вам, братья!

— Иеремия, принимайте раненых, мы взрываем второй блок…

— О, Святой Босиан, моя нога… Снайпер, вражеский снайпер на два часа, на башне… пригнись, глупец! Накройте же его кто-нибудь!

— Группам прорыва, это Миссионер-один, входим в зону ведения огня. Держитесь, братья, с нами Бог!

— Группам прорыва, общий эфир, это Миссионер-два, направляемся на сигнальные огни, отходите по заданному маяку.

ГЛАВА 20

Несмотря на то что за последние пятьдесят лет уровень развития технологий сделал невероятный рывок вперед, в действительности проект создания искусственного человека стал досягаем лишь в начале двадцать первого века, уверяю вас. Все, что делалось до этого, все эти дурацкие овцы, это игры в песочнице, да. Однако до сих пор наши генетические программы тормозятся, постоянно натыкаясь на совершенно необъяснимые препятствия, а Ватикан вот уже полвека совершенно неприкрыто вгоняет нам в колеса палки. Если же вам интересно мое мнение — все это так ни к чему и не приведет. Ну не может человек создать себе подобного, кроме как естественным и приятным путем.

Георг Дюбуа, генетик, участник проекта «Росток-15».

Буэнос-Айрес, 2054 год

20:1 Сначала ему показалось, что у Дениса Кабалина опять похмелье. Страшное, выворачивающее наизнанку, с вертящимися стенами. А он каким-то образом стал одновременным свидетелем и участником событий. Но почти сразу ему стало понятно, что это не землетрясение. Просто железный пол ходил ходуном. Железный пол вездехода, на полной скорости объезжающего холмы.

Его окружали стоны раненых и запах крови. Стивен медленно поднял голову, едва не ударившись о поручень. Бронированный вездеход заревел, зайцем прыгнул в гору, слетел с нее, вздрагивая до последней заклепки. Тела двух привязанных к скамьям рыцарей замотало в крепежах, стоны усилились. Третий, с

перебинтованной головой и ногой, кажется, послушник, сидел в дальнем углу и негромко молился, то и дело норовя завалиться на бок.

Стэнделл поднялся с пола, с удивлением выпуская из левой руки разряженный пистолет. Обоймы нет, затвор отброшен назад. Пальцы гудели, и он понял, что до сих пор сжимал в них двадцатизарядную «гюрзу», невесть как попавшую ему в руку. Неуверенно ухватился за поручень и сел на жесткую скамью. Тусклый красный свет салона не позволял разглядеть человеческих лиц. Тамплиеры… Все, что осталось от боевой группы «Давид». Апостола Магнуса среди раненых не было.

Ощущая себя, словно в густом тумане, Стивен захотел ухватиться за поручень второй рукой, но обнаружил ее висящей в бинтах на груди. Несколько минут рассматривал ранение, пытаясь вспомнить, где получил его, но так и не нашел ни единого воспоминания. Он помнил лишь музыку, ненависть и стремление убивать.

Хватаясь за поручни здоровой рукой, Стив подсел к молящемуся в углу отсека тамплиеру.

— Все кончилось? — Губы тоже слушались с трудом, обожженные и слипшиеся.

Послушник поднял на него наполненные слезами глаза, неохотно оборвал молитву. Медленно кивнул, быстро отводя взгляд.

— Мы ведь вырвались? — Храмовник снова кивнул, не поднимая головы. — Группа «Иеремия» отошла вместе с нами? — Новый кивок. — У них большие потери?

Послушник, справившись с собой, наконец-то заговорил, тихо и неразборчиво.

— Они потеряли четверых, остальные ранены, трое из них тяжело… Брат Хэйворд жив, брат Магнус погиб еще на крыше… — Храмовник уронил голову на колени и замолчал.

Стэнделл отвернулся, рассматривая раненых. Ощутил металлический привкус на языке и вдруг осознал, что произошедшее от определенного момента каким-то образом было вновь стерто из его памяти. Что произошло в зале Трех Звезд? Что случилось с его обретенным отцом? Кто уничтожил источник этой прекрасной музыки? Сердце взбунтовалось, тревожно заныв…

Вездеход ревел, подпрыгивая на ухабах. Приборы внутренней связи с экипажем машины не работали, люк, ведущий в кабину, был заперт изнутри. Стэнделл устало и обреченно опустился обратно на скамью, принявшись ощупывать плечо, пытаясь хотя бы приблизительно определить серьезность полученной им раны.

Приблизительно через час беспрерывной тряски машина

внезапно остановилась. Мотор заглох, лампы погасли. Через минуту лязгнул башенный люк, послышались приглушенные голоса. Щелкнули внешние запоры, и двустворчатый лаз просторного салона распахнулся наружу. Внутрь дохнуло утренним воздухом, ветерок был свеж, в меру прохладен и приятно ласкал покрытое гарью лицо. Если бы не резкий запах катализатора из протекающего водобака вездехода, да крови, картину можно было бы назвать пасторальной…

В проеме появились три фигуры. Незнакомые люди в пятнистой форме с тамплиерскими нашивками на рукавах заглянули внутрь, один из них держал в руках автомат. Они щурились, заглядывая в темноту с разгорающегося света.

— Можно сделать привал. — Один из них до пояса перегнулся в салон, щурясь в полумрак. — Братья, если здесь есть способные ходить, можете подышать воздухом. Тут мы в безопасности, слава богу.

Стивен вопросительно прикоснулся к плечу храмовника, но тот лишь мотнул головой, снова продолжив молитву. Стэнделл выпрыгнул из вездехода, поражаясь, насколько непослушными стали ноги. Размял затекшие шею и поясницу, осмотрелся. За его спиной стояли две боевые машины пехоты устаревших моделей, заляпанные грязью по самые крыши. Стояли на дне глубокого оврага, в дальнем конце которого из огромной бетонной трубы сочился, убегая под землю, грязной струйкой тонкий ручеек. Вдали, на выходе из длинного оврага, в низине горели последние ночные огни небольшого города.

Светало, в овраг начинал наползать туман, становилось промозгло и сыро. Как припадочная, орала лягушка. Стивен взглянул за изломанный край земляной стены — на востоке медленно вставало солнце. Как много братьев не увидят его сегодня?

Тамплиеры в камуфляжной форме открыли люки второго вездехода. Щурясь на утренний свет, из него спрыгнул рыцарь в драном черном комбинезоне. С его помощью из люка с металлическим скрежетом вынесли носилки. Экипаж броневика бережно уложил их прямо на мокрую землю, понимающе отходя в сторону. Все еще покачиваясь, Стивен приблизился.

Рыцарь, выпрыгнувший из машины, обернулся. Им оказался брат Антуан, чьи глаза глянули на Стэнделла с перемазанного в маскировочной краске лица. В следующий миг храмовник отвернулся. Как позже узнал Стивен, Антуан стал единственным участником похода, не получившим ни единого ранения. Тамплиеры говорили, что его сохранил сам Бог. Стивен, к сожалению, так и не узнал, кто это такой…

На вынесенных из отсека носилках лежал Хэйворд, белый, как полотно.

— Его оглушило взрывом гранаты… а еще он никогда не сможет ходить… — негромко сказал Антуан.

Казалось, раненый спит, но рыцарь все же разглядел приблизившегося Цербера сквозь приоткрытые веки. Он с трудом оторвал от груди руку, вскидывая в приветствии ладонь. Стив тяжело опустился рядом, скривившись от боли в спине. Хэйворд разлепил губы, и в ту же секунду брат Антуан склонился над командиром, осторожно прикладывая к его губам горлышко фляги.

— Я хочу знать, что произошло в башне после моего ухода от штурмовых групп? — Стив говорил негромко, при этом стараясь не смотреть раненому тамплиеру в глаза.

— Ты хочешь знать, что произошло, Стэнделл? — Он со стоном повернулся, снизу вверх вопросительно взглянув на Антуана. Тот нервно пожал плечами, словно призывал брата самостоятельно принимать решение.

Стэнделл снова взглянул на Хэйворда и решительно кивнул. Смоченные водой губы рыцаря с трудом разлепились, пропуская в утренний воздух слова.

— Мы обнаружили тебя наверху. В башне Струго. Как оказалось, ты все сделал сам, и нам оставалось лишь без промедления покинуть храм. Я помню, что ты был невменяем. Шел, словно во сне, стрелял во все, что двигалось, и беспрерывно что-то бормотал. И снова стрелял. Знаешь, без твоих талантов, Стэнделл, мы бы никогда не выбрались оттуда…

20:2 Он обеими руками вскинул пистолет, ловя в прицел Струго. И никакая сила в мире не могла сдвинуть этот прицел в сторону. Мальчишка-старик неподвижно сидел за широким блестящим столом, с легкой улыбкой на устах наблюдая за Стэнделлом. Все так же держа архиепископа на прицеле, Стив медленно обошел зал, осматриваясь и принюхиваясь. Заглянул за возвышение, под стол. Не обнаружив ничего настораживающего, вернулся к выбитому окну. Дождавшись, пока он остановится, мальчишка слегка наклонил голову.

— Добро пожаловать домой, Стивен. Ты все-таки вернулся…

— Да, я осмелился. — Стив прищурил один глаз, качнув стволом. — Решил собственными глазами взглянуть на того, по чьей вине проклят. Осознаешь иронию момента?

— Ты не проклят, а благословлен, Стэнделл. — В голосе юноши, сильном и отнюдь не детском, прорезалась острая обида. — Говорить так — большой грех, ты знаешь об этом?

Именно я дал тебе бесконечную силу и власть. Я сделал тебя произведением искусства, совершенным человеком, могучим, всесильным, ловким. Ты непобедим, мой мальчик. Ты, словно отточенный клинок. В моем новом мире обладать таким счастьем будут многие, но пока подобное необходимо принимать, словно редкий, бесценный дар. На зависть ему. Ты понимаешь, о ком я говорю, сын мой?

Он предпочел не понять. Взгляд архиепископа притягивал, словно магнит, и Стивену с большим трудом удавалось не подчиняться его властному приказу. Опустить оружие. Распахнуть руки. Принять покой. Он прикусил щеку, стараясь болью смыть подкатывающее наваждение.

— Сколько же тебе на самом деле лет, Струго?

Выглядишь, как несмышленый молокосос… — Стив не без удивления прислушался к зазвучавшей со всех сторон тихой завораживающей музыке. Подался назад, вспоминая про отстегнутый противогаз, когда крупные шары светильников мягко зашипели, испуская прозрачные струйки дыма.

— Я вечно стар, подобно этому миру, Стивен. Ты знаешь это, как знаешь цену моей силе. Поэтому прошу тебя, дитя мое, постарайся больше не оскорблять меня…

— Боюсь, щенок, ты не тот, кем себя возомнил. Однако взял на себя очень многое, точно. Слишком многое. Полагаю, что пришел час ответить за свои поступки.

— Сын спрашивает с отца? — Голос Струго окончательно окреп, наполнился спокойной, но несокрушимой силой. Он стал похож на удары тяжелого металлического прута, завернутого в десяток слоев мягчайшего бархата. Голос этот бил в голову Стэнделла мягко, но ощутимо, с каждым словом заставляя все чаще биться сердце. Архиепископ начал медленно вставать, и балахон ласково зашептал, растекаясь блестящими складками.

Стив моргнул, приподнял ствол и нажал на спуск. Пуля ударила в один из железных лучей висящей над Струго эмблемы, и по залу прокатился чистейший, прогоняющий дрему звон. Мальчишка нахмурился, по-детски плотно поджав тонкие губы, но опустился обратно на стул.

— А ты хорош. Возможно, ты даже лучший из моих детей. Характером в отца, так сказать… — Он смотрел куда-то вдаль. Голос стал жестче, в нем опять слышались нотки обиды. — Но я этому только рад. Против чего бунтуешь ты, мое дитя?

Лицо Стэнделла искривилось в гримасе. Только теперь он наконец почувствовал последствия операций, провести которые позволил сам. В висках запульсировало, следом пришли фантомные боли, какие возникают у того, кто лишался хотя бы

малейшей частички своего тела. Стэнделлу вдруг показалось, что в голове у него пусто, чего-то определенно не хватает, и от ощущения этого все тело пробила боль. Скрутила, едва не выбив пистолет.

— Я знаю правду, говнюк. Я знаю истину. Я стал свободен, а ты ответишь за мое порабощение. Я лично спрошу с тебя.

— Ты знаешь правду? — Струго презрительно фыркнул, прикрыв рот широким рукавом мантии. — Правду, рассказанную тебе храмовниками? Ой, как же любопытно… И что они рассказали тебе? Опять говорили о Звере и конце дней?! Они говорили о Боге, конечно, я могу догадаться. Они настаивали, что ты должен защищать их Бога, да? А ты вообще понимаешь, кому доверил свое тело и разум? Ты хоть на чуть-чуть уверен в том, что именно происходит с тобой сейчас? Где осталась реальность, а на смену ей пришла срежессированная твоими друзьями-рыцарями картина?

На секунду Стэнделла окатила волна необъяснимого ужаса. Руки сковало льдом, ладони вспотели, кровь отхлынула от лица. Он неожиданно представил себе, что происходящее сейчас действительно всего лишь…

— Ты — бесконечно тонкое творение, вершина созидания. Сверхчеловек, Стивен. Как я уже говорил, произведение искусства. Ты, бесценный музыкальный инструмент, отдал себя этим варварам… Однако я недооценил храмовников. Думал, они просто сломают тебя. Что же я вижу вместо этого? Наложив на мое сокровище свои грубые лапы, варвары сумели перенастроить инструмент… ты хоть понимаешь, под чью дудку теперь танцуешь, дитя мое?

— Тебе меня не обмануть. Эти люди освободили меня, я знаю…

И вновь зазвучала музыка, на этот раз еще более призывно, нежно. Усталость смывалась, словно сухая пыль, обнажая чистейшее зеркало его души. Стивен невольно помотал головой, отгоняя наваждение, но когда снова поднял взгляд на мальчишку, тот уже стоял совсем рядом. Пистолет Стэнделла смотрел ему прямо в грудь, немного левее железных переплетенных звезд на сверкающей цепочке.

— Ты думаешь, что можешь причинить мне вред, Стивен? Вот этим? — Юноша поднял тонкий указательный палец, приставляя его к дулу. — Позволишь мне рассказать тебе правду? Обещаю, что тогда ты сможешь увидеть звезды, Стивен, а это дар, доступный далеко не каждому. Ты прозреешь. Ты уже делал это однажды и сможешь…

— Да что ты о себе возомнил, щенок?! — слова сорвались

невольно, словно внутри Стэнделла говорил кто-то еще. Кто-то, чьи поступки он не мог контролировать. От этого стало еще страшнее. Стив широко распахнутыми глазами наблюдал, как его рука решительно взвела курок пистолета. — Кем ты себя считаешь?! Или действительно веришь, что стал Богом?!

— Кто?! Я?! Такой?! — Оглушительный голос Струго ударил упругой волной немыслимой мощи и силы. Не рев, но стон создания, невероятно огромного, восставшего из глубин бездонного океана. Стон, который слышно за много миль, который сбивает с ног и навсегда отнимает желание жить. — Да ведь это знают даже храмовники, Стивен!

Волна чудовищного стона прокатилась по залу, словно по стенам, светильникам и витражам ударили огромным кожистым крылом. Лопнули, рассыпаясь хрусталиками стекла, несколько круглых ламп, выпуская на волю спрятанный внутри дым. Цепи закачались от ворвавшегося в пролом ураганного порыва. Струго тепло улыбнулся. Пистолет Стэнделла теперь находился в его руке. Архиепископ покачал оружие на ладони и небрежно вышвырнул в разбитое окно.

— Ты все понял, мой мальчик? Я — это новый мир, я — второе Пришествие. Знаешь, как долго я ждал этого дня? Нет, конечно, я не собираюсь умирать за никчемные грехи глупых людишек… Однако я собираюсь уменьшить значение этих понятий. Грехов, как их назвал мой прежний господин, да. Их не станет в моем царствии. Я — счастье и покой, я — всеобщее благоденствие и радость, я — исполнение любых желаний!

На негнущихся ногах Стивен неловко отскочил на два шага, всматриваясь в пылающие огнем глаза Струго. Он был на голову выше мальчишки, однако казалось, что смотрит на него снизу вверх. Тот же запрокинул голову и звонко, заливисто и заразительно расхохотался.

— Неужели ты действительно пришел?! — Стэнделл пригнулся, словно противостоял тяжелому давлению ветра.

— Пришел? Нет, глупости. Пришествие как таковое не для меня, ты же знаешь. Все дело в том, — он понизил голос, словно открывал секрет, — что я и не уходил. Помнишь, ведь меня сюда столкнули?.. Ну ты же наверняка читал? Так что я очень давно среди вас. Помогал изобретать колесо и добывать первый огонь. Подсказывал формулы и запускал на орбиту спутники. Писал музыку и с интересом участвовал в создании первых микропроцессоров. Это мой мир, а ему, — напряженный, чуть изогнутый палец Струго гневно воткнулся в купол зала, — пусть остается царствие небесное!

— Но ты смертен, как и любой из нас?..

— О, умоляю тебя, сын. Ты же понимаешь, что сделать этого не сможет никто. Я всесилен в собственных стенах, и это не бравада. Дело даже не в сотнях вооруженных послушников, стерегущих покой своего пастыря…

— Ты блефуешь хуже ребенка!

20:2:2 В ответ мальчишка вновь засмеялся и неожиданно закружился по залу, размешивая хруст битого стекла с приятным шуршанием своего балахона. Раскинув руки, он волчком вертелся вокруг окаменевшего Стивена, напевая под нос. От юноши исходили физически ощутимые волны умиротворения и радости. Но вот он так же внезапно замер, полы длинного балахона картинно захлестнулись за бедра и медленно расправились, стекая багровыми волнами. Струго счастливо улыбнулся и провел рукой по коротким волосам, в свете ламп казавшихся шапкой из расплавленного золота.

— Грядет новый мир, новая вера. А что еще нужно живущему за монитором человеку? Есть все, только пожелай и протяни руку! Армагеддона не будет, его наступление потеряло всякий смысл. Конец света? Крушение континентов, ядерные взрывы и сорвавшиеся с орбит планеты? Гибель целых народов? Падение грешников?

Архиепископ приблизился к Стивену вплотную, с любопытством стараясь заглянуть в глаза.

— Конец уже наступил, Стэнделл. И давно. Просто его почти никто не заметил. Старая кожа догнивает, и обновление вот-вот будет завершено. Неужели тебя не завораживает таинство созидания? И заметь, не будет ненужных жертв. Страшный Суд уже и так длится несколько веков, отсеивая слепцов, не видящих истинного пути. И как только я закончу строить собственный дом, он, — архиепископ стрельнул глазами наверх, — уже никогда не сможет сойти в него. Не сможет помешать. Не сможет навредить мне. Разве я хочу многого?

Струго доверительно положил руку на левое плечо Стива, разлив по усталому телу Стэнделла приятную волну тепла. От пальцев мальчишки исходило хорошо различимое сияние. И тогда Цербер опустил голову, ибо сопротивляться голосу хозяина действительно не стало сил. Где-то далеко за спиной грохнул взрыв, после чего бронированные лифтовые двери с лязгом рухнули в шахту. Звезды закачались на небосклоне, готовые упасть, испепеляя все вокруг.

— Ты знаешь, о чем я говорю, Стивен. Отныне ты запомнишь это навеки. Знание, приобретенное любым из нас самостоятельно, во сто раз ценнее навязанных свыше догм. И я бесконечно рад

тому, что мы наконец вместе. Взгляни на эти звезды, сын, они танцуют для нас.

Послышались голоса, и Струго бросил в сторону лифта тревожный взгляд. Пальцы его сжали плечо Стэнделла.

— Однако сегодня у нас еще остались враги, сын мой. Подними свое оружие, прозрей в битве, останови их, и тогда я, может быть, окончательно прощу тебя. Иди же…

Стивен поднял руку, переплетая ее с рукой мальчишки, и сжал свои пальцы на его правом плече. Тяжело поклонился, нагибаясь к самым железным звездам на груди, кивнул. Прозрачная слеза упала на красную ткань балахона, заскользив по гладким складкам. После этого человек решительно поднял лицо, заглядывая в самую глубину бездонных глаз Струго. Зверь улыбнулся.

— Иногда самовоспитание детей приводит к тому, что они становятся бунтарями. Уж ты-то должен это знать лучше других. Арриведерчи, отец…

Стив должен был сделать то, что собирался. Должен самому себе. Даже, если это не даст им победы в войне. Ради павших рыцарей, ради многолетнего рабства и своей фальшивой жизни. Ради всех убитых им людей. Из голографического купола тамплиерской церкви лился такой живой свет. Словно взгляд.

Этот Цербер на самом деле был одним из лучших, архиепископ не преувеличивал, а выхваченного клинка не заметил даже сам Струго. Еще ближе притянув мальчишку к себе, Стив пригнул того за шею, и почти без размаха вогнал нож в его левый глаз. До самой рукояти.

Он думал, что Струго будет кричать и биться в агонии, умирая медленно и в фонтанах огня, как и подобает погибать настоящим чудовищам. А то и вовсе улыбнется, вынимая окровавленный нож из глазницы. Но тот лишь тихо вскрикнул и мигом обмяк, оседая, покрывая длинные багровые одеяния ярко-красными разводами.

Все еще придерживая поверженного врага, Стивен опустился на пол вместе с телом архиепископа, недоверчиво кладя руку на залитое кровью тонкое мальчишеское горло. Пульса не было — Струго был мертв.

Тогда Стивен положил окровавленную голову юноши себе на колени и удивленно посмотрел в его распахнутый, мигом остекленевший глаз. Человеческий глаз… Обыкновенный глаз, совершенно такой же, как у любого пятнадцатилетнего пацана. Он, мясник, по заданию кукловода только что вновь закончил очередную миссию, убив обычного ребенка. Пронзил ножом тело, пусть и одержимое бредом, но тело человеческое и юное. Робко

прикоснувшись пальцами к веку, Стив с усилием закрыл глаз Струго.

Голоса за спиной стали громче, и через несколько секунд в зал ворвались тамплиеры. Как и предполагал Стивен, их вел Хэйворд с короткоствольным «тайфуном» в руке. Миновав коридор, храмовники замерли, глядя на Цербера, неподвижно скрючившегося над трупом. В наступившей тишине стали слышны далекие выстрелы.

Хэйворд принюхался и отдал приказ:

— Надеть противогазы, братья, — подошел к Стивену и, наклонившись, приставил дышащую свежестью маску к его искаженному от боли лицу. — Миссия выполнена, хвала Господу. Немедленно отходим, брат Жозеф, возьми компьютер архиепископа. Вставай, Стэнделл, нам надо идти. Да помогите же мне… Вот так, держите его под руки… вот так. Что ты сказал? — Он отнял прорезиненную маску от лица Стэнделла и сам сделал несколько глубоких глотков воздуха.

— Я убил этого мальчишку, Хэйворд, — с трудом повторил Стив, не видя ничего, кроме сверкания звезд. — Зарезал его, хотя знал, что не должен этого делать… Господи, что же я наделал?..

— Мальчишку?! — Лицо рыцаря перечеркнула страшная гримаса. Губа его задрожала, а мышцы напряглись. Тамплиер резко остановился, рывком разворачивая Стэнделла к огромным железным звездам. — Ты называешь это мальчишкой?!

У разбитого витража, закутанный в залитый кровью мягкий багровый балахон, на осколках цветного стекла лежал скелет. И обширных знаний анатомии сразу хватило Стивену, чтобы с первого взгляда понять, что этот скелет определенно принадлежал не человеку. Нож, окровавленный по рукоять, лежал рядом. Руки храмовников вновь бесцеремонно развернули ослабевшего Стэнделла, унося к выбитым лифтовым дверям. Брат Хэйворд перекрестился, поднимая руку к передатчику.

— Давид, внимание, мы спускаемся. Миссия выполнена, братья. Готовьте коридор отступления. Давид-шесть, укажите Миссионерам координаты точек отхода.

ГЛАВА 21

Проклятие, что преследует меня до сих пор с того самого дня — это вопрос, приходящий ночами, когда луну затягивают мрачные тучи. Не совершили ли мы тогда ошибки? Все ли сделали правильно? И не понесем ли за свои деяния страшной расплаты, какой и не снилось грешникам на кострах? Однако же я до сих пор уверен, что всего, через что прошел тогда этот… человек, лучше не знать никому…

Отец Джордж Вайнс, участник эксперимента «Пробуждение».

Женева, 2098 год

21:1 Торопливые шаги дробью разлетались по темным коридорам, скользя над гладкими, отполированными, словно зеркала, плитами пола. Мелкая дробь туфель на кожаной подошве, шелест длинной, до пят, черной сутаны и задающая темп тяжелая, с поскрипыванием, поступь армейских ботинок. Мраморные ангелы с укором провожали идущих по бесконечности коридора, хмурили брови, поднимали гранитные мечи и расправляли крылья. Но молчали.

— К сожалению, брат Стефан, сделать более ничего нельзя. — Монах не поднимал глаз, осторожно, украдкой наблюдая за реакцией рослого тамплиера.

Шагавшая бок о бок с ним живая скала в белом сюркоте с красным крестом напротив сердца вздрогнула. Подавив тяжелый вздох, рыцарь потер сломанную ударом приклада переносицу.

— Им ведь не нужно ничего более, кроме как поговорить с вернувшимися из Храма Прозрения воинами… — Голос его, как ни старался тамплиер быть тише, могучим басом отлетал в полумрак помещений древнего здания. — А то, что собирается сделать миссия Факолли… хм, это на самом деле может его убить. Просто убить.

— Господь мой всепрощающий, его ведь даже не сняли с расследования после… — Монах быстро перекрестился, чувствуя,

как вновь вздрогнул тамплиер.

— Ублюдок, недостойный ходить по Земле, прости меня, Господи. — Рыцарь небрежно бросил на свои широкие плечи крестное знамение. — Даже смерть командора Монбара не смогла принудить следствие вынести более суровый приговор, — в сердцах прорычал он.

— Говорят, инквизиторы привезли новую разработку. — Монах старался говорить спокойно, чтобы лишний раз не задеть собеседника. — По слухам, это новый нейропсихологический пакет. Они собираются добавить новинку в основной пакет Дознания Ватикана. Говорят, что речь идет о новой системе контроля сознания и ряде тестов на восприятие подлинности происходящего…

— Слышал… Говорят, сами живодеры называют разработку «Испанским сапогом-3000», — сказал, словно сплюнул, крестоносец. Они свернули в боковой коридор. — Дай этим псам волю, так они и участвовавших в битве братьев-рыцарей контролю подвергнут!

— …что-то вроде погружения в специальную среду, где производится мгновенный срез определенного пласта… — Монах вдруг виновато замялся, поудобнее перехватил старинный черный ноутбук с белым католическим крестом на крышке. Осторожно сказал: — Однако же не забывайте, брат Стефан, что мы все-таки имеем дело с Цербером… а он порожден Тьмой…

— Дерьмо! — предельно емко высказался рыцарь, украдкой покосившись на каменного ангела справа. — Этот человек проливал кровь за нашего Бога! Вы читали отчет, отец Джордж?! Поговорите с рыцарями, вернувшимися из битвы! Отправьтесь посмотреть в Антверпен на порушенное командорство! Порожден Тьмой… В наших рядах есть куда более опасные ублюдки…

— Тут вы не правы. — Монах покачал головой, хмурясь от услышанного. — Сила Лукавого невероятно сильна и прячется в зеркалах наших собственных пороков. Мы можем просто не заметить. Поверить ему, наконец… А потом раскаиваться…

— Как и много-много лет назад, — горько усмехнулся рыцарь, оправляя кожаный пояс с кобурой, — ошибки повторяются. Отец, вера не выявляется тестами. А искренность человека обнаруживается не применением нейропсихологических пакетов, а в бою! Подумать только, как они беснуются. Ценный экземпляр! Захваченный прототип вражеского оружия! Они ведь хотели даже устроить расследование в Антверпенском командорстве, обвинив братьев в сокрытии врага. Представляете? Если бы был жив Монбар, его сейчас точно хватил бы удар. — Тамплиер перекрестился, на этот раз неоднократно и с должным

рвением.

— И все же я не согласен. — Шаги, шаги, шаги. — Цербер достоин самого пристального изучения. Это же коробка Пандоры! С чем я еще не согласен, так это, конечно, с кандидатурами Ватикана, да. Миссии этого ненормального итальянца я бы, на месте Папы, ничего более явно бы не позволил!

— Кстати. А само Ватиканское посольство? Какие у нас сегодня шансы?

— Практически никаких. — Монах вздохнул, пожимая плечами, и снова перехватил компьютер. — Нас открыто поддержали представители Тевтонского ордена, а вот мальтийцы, как обычно, стоят за плечом Рима. Ватикан же, — он еще раз вздохнул, — свою позицию обрисовал довольно четко. Полагаю, что предложение магистров сразу же завернут. Инквизиторам не терпится испытать новый пакет…

— В таком случае, да хранит его Бог, — одними губами прошептал рослый рыцарь.

— Возможно и так, — туманно ответил невысокий монах. — Но мы пришли, брат Стефан. Удачи тебе. Магистры занимают четвертый и пятый терминалы, это налево…

21:2 Тишина начала сменяться тонким, дребезжащим где-то на самой грани слухового восприятия звуком. Резким, но не неприятным. Стивен осторожно открыл глаза, но боли, как поначалу ожидал, не почувствовал. Сел на мягкой кровати, внимательно осмотрелся.

Он знал, где находится. Как знал, в отличие от всех своих предыдущих визитов в Нейросеть, что сейчас происходит. Ощущал себя, если так можно сказать.

Он находился внутри специальной локальной сети, в новой программе инквизиторов. Детекторе подсознания. Стэнделл встал, рассматривая одежду, в которой находился. Пиджак, брюки, ботинки — так он ходил на работу. Сознание услужливо смоделировало даже золотую авторучку — пережиток прошлого, пристегнутую к карману пиджака. Волосы привычной длины, аккуратно подстрижены и причесаны. Он сделал несколько шагов по залу, не без внутреннего трепета осматриваясь.

Запаниковать или оцепенеть от ужаса не позволило лишь осознание того, что окружающий мир реальным не был. Да, для этой модели Стивена он был более, чем реальным, но тот все же осознавал, что попал всего лишь в декорации. И тем не менее…

Стив подошел к витражу, здесь, в искусственном мире, вновь целому и довольно красивому. На стекле из разноцветных фрагментов был сложен раскинувший руки мужчина,

своеобразный синоним распятия, сжимающий в каждой руке по сверкающей звезде. Стэнделл потер похолодевшие ладони. Он вдруг подумал, что если сейчас разобьет окно, то увидит за ним не хаос цифр компьютерной программы, а многометровую высоту башни. А затем он обернется и увидит его…

Он отвернулся от окон, заставляя себя успокоиться, совершенно отстраненно отметив, что кровать исчезла. Так надо, наверное. Мысль принесла облегчение. Огромные золоченые звезды над пустым письменным столом тускло посверкивали, едва раскачиваясь на цепях, словно в зале гулял легкий ветер.

Башня Струго. Вот что создало его подсознание. Зал правды. Пристанище Истины.

Стивен невольно поежился и стал ждать.

21:3 Очень больно. Так погано, пожалуй, не было со времен институтских пьянок. Проклятье! Денис разлепил глаза, машинально начиная разминать ломящие виски пальцами.

Какое же гадкое и тяжелое в этот раз похмелье… Боль неожиданно, словно испугавшись пальцев, рванулась прочь, стукнув по затылку, и бесследно исчезла. Он аж сел на кровати, не в силах поверить в мгновенное выздоровление. Провел языком по сухим губам, понимая, что ни привкуса, ни неприятной тяжести во рту просто нет. И нахмурился, изо всех сил стараясь припомнить вчерашнее. Неужели Князь все-таки уговорил его попробовать тяжелые наркотики? Вот ведь бл…

Денис замер, не веря глазам, и осторожно осмотрелся. Словно боялся так же резко, как избавился от боли, повредить рассудок. Он явно находился не у себя дома…

Сел на скрипящей койке, понимая, что спал обутым в кроссовки, ошарашенно повертел головой, разглядывая незнакомый просторный зал. Над головой возвышался высоченный потолок, с которого на цепях свисали шары ламп, по стенам бежали причудливые витражи. В гладкий пол можно было смотреться, как в зеркало. Денис встал, обходя кровать (собственную, как дома), и внимательно всмотрелся в здоровенную металлическую эмблему, висящую над широким столом — три переплетенные между собой железные звезды. Ее вид вызывал такие странные, словно забытые в глубоком детстве эмоции. В грудь кольнуло, сердце сжалось, и он отшатнулся, отводя взгляд. Приготовился облокотиться на спинку кровати, но провалился рукой в пустоту. Кровать исчезла. Отшатнулся вновь, давя в глотке дикий крик сумасшествия, и тут заметил, что в комнате еще кто-то есть.

Открыл рот, просипев что-то нечленораздельное. Человек у

окна неожиданно заметил его и сделал несколько шагов вперед. Прикоснулся рукой к своему лицу.

Обвалившаяся из-под потолка тишина, казалось, просто физически способна раздавить двух мужчин, находящихся в зале. Денис нахмурился, зеркально копируя гримасу мужчины, и сделал шаг тому навстречу. Наклонил потяжелевшую голову, жадно читая лицо такого незнакомого… знакомого… чужого… Замер, не в силах поверить, поймал взгляд, застонал, чувствуя, как взрывается в голове солнце. Ударился в зеркало, отлетел, изрезанный осколками понимания, застонал, ворочаясь. Очнулся, обнаружив, что стоит к мужчине почти вплотную.

Нет, это не был двойник Дениса. Даже не похож. Но он тут же все понял. Как осознал и то, кем является и где сейчас оказался…

21:4 — Я знаю тебя, — сказал Стивен, — ты — это я…

Русский стоял напротив, почти вплотную, внимательно вглядываясь в его лицо.

— Ты — моя проекция, моя модель. — Он прищурился, заглядывая в свои… чужие… глаза. — Какой интересный ход сознания…

Русский не ответил. Распахнутыми глазами, готовыми, казалось, вывалиться из орбит, он молча пожирал Стэнделла, мыслями уносясь далеко-далеко прочь. Он осознавал. Стивен кивнул.

— Ты меня понимаешь, да? Хочешь убедить в своей реальности. Вытянуть на откровения?

Ему было легко и свободно общаться со своей воплотившейся моделью. Даже забавно. Но Кабалин покачал головой, отступая на шаг.

— Я знаю, кто ты… — прошептал он вдруг, и в голосе его Стивен услышал шипение змеи. — Ты тот, кто отнимает у меня куски жизни, унося их с собой, когда ему это заблагорассудится. Ты демон, которым я одержим!

— Чего? — Стивен нахмурился, не до конца поняв смысл сказанного русским. — Хочешь вызвать у меня вину? Ты? Тот, кем я был сеанс за сеансом, даже не догадываясь, что все это время трахаю проституток и бухаю русскую водку?! Очень интересно! Я бы сказал, что твой стиль вести анализ личности весьма оригинален.

— Я — не твоя проекция, сукин сын! — Лицо Дениса посерело, и он отодвинулся еще на пару шагов. — Ты издеваешься надо мной, да?..

Стэнделл покачал головой, как качают головой маленьким детям, когда они убеждают взрослых в чем-то нелепом, но вдруг

осекся. Поймал себя на мысли, что собеседник действительно не понимает его. А он, в свою очередь, неожиданно верит ему, верит в его независимость, словно тот является совершенно посторонним человеком. Разговаривать с этим… программой… клоном… моделью… было так же легко и предсказуемо, как говорить самому с собой. Так оно и было? Стивен вдруг почувствовал, что смотрит на себя со стороны, глазами русского. В ту же секунду Кабалин зарябил, словно изображение на старом телевизоре, начал исчезать, стал прозрачным, а мир внезапно закрутился.

Стивен поднял к глазам свою прозрачную руку. Сознание его с глухим болезненным хлопком разделилось и с треском порвалось, наполняя комнату сотнями Стивенов и Денисов. Русский захрипел и согнулся, как будто его затошнило, и едва не повалился на колени.

Вдруг все кончилось. Призрачные образы сотен двойников растаяли, легким дымком поднявшись к высоким лепным потолкам, а Кабалин и Стэнделл обрели реальную четкость. Стивен машинально приблизился к чужаку… модели… себе самому… клону… и ухватил русского за плечо, помогая подняться. Плоть под пальцами. Стэнделл едва не застонал от ощущения правдоподобности происходящего. Сумасшествие вновь приближалось, подобное дикой шотландской атаке.

— Этого не может быть… — Стивен шагнул прочь от Кабалина. — Это не может быть так реально… проклятие, я теряю суть. Если я здесь, то кто управляет моей моделью?

Он закрыл глаза потяжелевшей рукой, отгоняя наваждение.

— Убирайся, — вдруг сказал Денис, мотнув головой в сторону коридора. — Отдай мне украденную часть меня и убирайся. Только так я обрету покой. Зачем ты украл меня?

— Я?! — Стив отодвинулся, тем не менее сжимая руки в кулаки. — Это я тебя украл?! — Денис тоже начал отступать, словно они разгонялись для лобового столкновения. — Ты, будучи мною, без моего ведома пользовался моим сознанием, убивал, трахался и жрал пиво. Ты каждый до единого день начинал с жесточайшего похмелья, не в состоянии вспомнить, что делал ночью. А теперь обвиняешь меня в том, что это я вор?! Пошел прочь, ублюдок! Да ты хоть понимаешь, чем невольно стал для меня?!

— Чего?! — вдруг взорвался в ответ Денис, останавливаясь и примеряясь к прыжку. Кажется, он все же хотел закончить спор дракой. — Знаешь, мудила, я скажу тебе так: я никого в жизни еще не убивал, но ты сейчас станешь первым! Я тебя, прилизанный козлина, довольно наслушался. Чем я стал для

него, подумать только… — Он помотал головой, прикладывая ко лбу ладонь. — Господи, мне срочно нужно остановиться… вот это приход…

— Так и будете стрелять друг в друга словами, словно поэты на состязании?! — прозвучавший вопрос был холоден, как задница пингвина, насмешлив и произнесен до боли в спине знакомым голосом. Он подействовал на спорящих, словно ведро ледяной воды.

Обернулись одновременно и резко, невольно встав практически плечом к плечу. Почти одинаково пригнулись. Замерли, разглядывая сидящего на подоконнике. Стивен вдруг с обреченностью проигравшего гонку спортсмена понял, что сошел с ума. Почувствовал, что с ума также сошел и Денис.

Это не было иллюзией. Это не было программой. Что бы там ни разработали инквизиторы, это определенно было реальностью. Самой настоящей. Стивен был в себе, Стивен был в Денисе, Стивен был во всех них. То же самое чувствовали его остальные сущности. Невидимая цепь, что прочнее всех цепей на свете, сковала сейчас находившихся в зале.

21:5 На подоконнике сидел Стэнделл. Коротко стриженный, в черном армейском комбинезоне, покачивая зажатым на сгибе локтя длинноствольным карабином. С виду — совершенно спокойный, собранный, готовый к удару. Внутри — сходящий с ума и применяющий сейчас все свои умения, чтобы не дать противникам… себе… им… каких-либо преимуществ. Дрожащий от напряжения, чтобы не дрогнуть. Он сразу все понял. И тотчас же это поняли и они.

— Именно так, Стивен, дружище. — Он мягко спрыгнул с высокого подоконника, выпрямился, глядя на них с улыбкой. — Ты все правильно понял. И ты тоже, Дэнис…

— Мы настоящие, — прошептал Кабалин.

Одетый в форму Стивен кивнул, а второй Стэнделл, пошатываясь, отошел от русского в сторону.

— Альтернативный вариант, — негромко пробормотал он, словно прочитал приговор. Это сказал он? Это сказали все трое? — Спрятанная личность, так сказать…

— В точку, — одобрил Стивен в форме, подбрасывая на локте ружье. — Скрытая личность…

— А я?.. — прошептал русский, и его ноги подкосились. Он качался на пятках, готовый вот-вот свалиться на холодный пол. Вооруженный Стэнделл снова улыбнулся.

— Ты? Ты независимая система, вшитый модуль. И знаешь, что любопытно именно мне? — Он внимательно наблюдал за

остальными, но не дождался ответа. — Так это то, что сгенерированный образ, твоя модель, как-то умудрилась наполниться… Стать вполне живым, да…

— Оторвать от нас кусок сознания, — добавил Стивен в деловом костюме, разглядывая собственные ботинки. Ему казалось, что подними он сейчас на себя взгляд, и паника убьет быстрее пули. — Самостоятельный персонаж, отпочковавшийся от программы…

— Бог проснулся, — глубокомысленно, словно проповедник, сказал Стивен Стэнделл, приподнимая карабин. — Слабое отщепление, непригодное ни на что, и обреченное на вечные муки… Думаю, что знаю, как прекратить страдания твои…

— Не торопись, братец. — Все замерли. Один в новой волне ужаса, другой профессионально, готовый сорваться с места, а третий от шока, услышав себя со стороны. Голос был новым… старым… знакомым… чужим… Все трое обернулись.

— Ты ведь не хуже меня знаешь, что за свою жизнь стоит бороться, не правда ли?

Денис Кабалин по прозвищу Ультра сидел за гладким широким столом Струго, одетый так же, как и двойник. Отличие состояло в том, что сверху на джинсовую куртку у новенького был наброшен плащ-дождевик из черного целлофана. Русский улыбнулся, прицеливаясь в вооруженного Стивена из короткоствольного российского автомата.

— Расщепление расщепленного, — понимающе покивал Стив, концентрируясь и не позволяя обвалившемуся на голову урагану эмоций и чувств затопить свои воинские умения. Нелегко, ох, нелегко… — У тебя есть объяснение происходящему? Система уничтожает себя?

— Отчего же? — Денис вышел из-за стола, опуская автомат к поясу. — Система лишь предохраняется от перегрузки. Посмотри на них, — ствол качнулся. — Это мы с тобой, помнящие, как это делается, держимся из последних сил, сохраняя честь мундира, а они?! Совершенно неспособные удержать вес понимания… Они же просто умирают на наших глазах, разрываемые на части осознанием того, что меня теперь четверо. Что мы — это один. О, мне это нравится… Это же натуральное, мать его, материализованное безумие, старик!

— Да, действительно, интересная ситуация. — Стив тяжело, натянуто улыбнулся, боковым зрением наблюдая за своим двойником и Кабалиным, при этом не спуская с прицела только что появившегося вооруженного Дениса. — Мы идем к ее облегчению?

— Что? — прохрипел мистер Неужели-снова-вторник.

— Что происходит?! Убирайтесь! — выкрикнул, задыхаясь, Денис, все же падая на колени.

Стивен шумно вздохнул, чувствуя, как начинают предательски дрожать руки. Ультра, с виду лениво, обошел стол, опираясь на его край целлофановым задом. От Стэнделла не укрылось, как по виску русского скользнула капля пота.

— Если я начну умирать один за одним, — тихо спросил русский, — приведет ли это меня к нормальной жизни?

Цербер покачал головой, мысленно приказывая себе держаться. Голова буквально кипела, разрываясь на части. Видеть себя с трех сторон, видеть трех себя с трех сторон. Ощущать себя четырьмя…

— Мы не знаем… — так же тихо ответил он. Поудобнее перехватил карабин. Ультра облегченно улыбнулся. Другой Денис закричал.

— Что вы собираетесь делать?!

Стив Снова-вторник выпрямился, из последних сил вскидывая руки:

— Вы же все не более чем мои модели! Мои воплощения! Если бы не я, вас бы никогда не существовало!

— А ты уверен?! — холодно спросил Стэнделл, кося на двойника хищно прищуренные глаза.

Ультра в ответ только пожал плечами, словно соглашаясь, и слегка приподнял автомат.

— Но я же живу! — Теперь Кабалин упал на пол, не в силах даже встать на четвереньки. — Живу! Вы слышите, ублюдки!?

— Вот ведь вопрос какой… — негромко сказал Ультра, покусывая губу. — Нелегкий.

Глаза четырех человек встретились, умножились на четыре. Сознание, натянутое над ними, словно простыня, треснуло, расползаясь на четыре части.

Тишина стала звенящей, надавила на плечи, а потом взорвалась.

21:6 — Он все еще без сознания?

— Да, брат Стефан, но это даже к лучшему. Еще пара часов, и он начнет приходить в себя… Слава богу. — Монах перекрестился и кивнул. — Он поправится, вот увидите.

Крестоносец пожевал губу. Тоже покачал коротко стриженной головой.

— Сроки нового расследования уточнены?

— Пока нет. — Монах сохранил файлы и закрыл компьютер. — Но как только это произойдет, магистры будут проинформированы в первую очередь. Господи, если бы не

тевтоны, инквизиторы разодрали бы нас на части… Честно признаться, не ожидал от немцев такой поддержки…

— Проклятые звери! — Рыцарь сжал правую руку в кулак, словно намеревался врезать своему собеседнику. Разжал пальцы, хрустнув костяшками. — Кстати, отец Джордж… Там что… действительно ничего не было? Ну, то есть я хочу знать… нет, вы можете не отвечать, и даже наша старая дружба не должна…

— Совершенно, брат Стефан, — честно ответил монах, глядя куда-то вдаль, — совсем ничего. Черные экраны и шестьдесят две минуты сплошных помех…

— Новинка Факолли не сработала?! — злорадно ухмыльнулся тамплиер.

— Да нет, — совсем тихо ответил монах, — как раз в этом-то я и не уверен. Как, впрочем, и сами инквизиторы… Парадокс заключается в том, что программа работала. И дело не в ней.

— И совсем ничего?

— Совсем…

— Как думаете, отец Джордж, он расскажет нам, что было там? Расскажет, через что прошел, вывалившись из Сети прямиком в кому?

Монах позволил себе легкую усмешку. Одними губами, печально и устало.

— Если и расскажет, то определенно не нам, брат-рыцарь. Не нам…

ГЛАВА 22

22:1 Стив захлопнул дверцу и, проводив гидромобиль взглядом до поворота, повернулся к собственному дому. Долго, как же долго его не было… Водитель, молодой араб с иссеченным шрамами подбородком, подозрительно присматривался к новенькому черному комбинезону ночного пассажира. Отпоротая эмблема ордена лежала в одном из карманов небольшой сумки. Рядом с трофейными, заботливо (тайно) вложенными при прощании храмовниками, «гюрзой» и набором ножей.

Многоквартирный дом спал, лишь несколько окон на втором этаже неярко мерцали — кто-то все еще смотрел телевизор. Дождь ослаб, во всяком случае в небесах больше не грохотало. Подставляя лицо рушащимся сверху прохладным потокам воды, Стивен еще немного постоял перед подъездом, а затем вошел в освещенный проем.

Все-таки одно из самых приятных ощущений на свете — это возвращаться домой. Особенно с войны.

Стэнделл шагнул в лифт. Глядя в зеркальные стены кабины, он смотрел на свое похудевшее лицо и вспоминал…

Они вырвались, по самой гиблой и нежилой местности отступив от преследователей на север. Встретили утро в старом русле, внимательно и без спешки осмотрели и обработали раны воинов. Помыли машины и, сняв опознавательные знаки, обходными дорогами добрались до Магдебургского командорства. Узнав об операции, местный командор был в бешенстве… но не мог скрыть своей искренней радости. Вернувшихся храмовников буквально носили на руках. Пришли официальные ноты от магистра ордена и Ватикана. Последние занялись разбирательством событий, создав специальные комиссии, отправленные в Берлин и Антверпен. Факолли, раненный при штурме тамплиерской крепости, был отозван в Рим.

В командорстве воины провели еще трое суток, чередуя разбирательства и рапорты с молитвами и уединенным

созерцанием сотворенного.

А потом вернулся Факолли, прибыли миссии расследования, представители других орденов, послы Папы, после чего… Дальше воспоминания были тяжелыми, гнетущими. Напоминавшими ему, как близко он был от смерти. Как одной ногой уже шагнул за черту. Стив не хотел и не мог вспоминать об этом. Вся его жизнь в последнее время превратилась в игру с памятью. Он устал.

Как того и следовало ожидать, средства массовой информации ни единым словом не обмолвились о сражении в Храме Прозрения, а разрушения, причиненные Чуду Света, были экстренно устранены. Враг переживал сокрушительный удар рыцарей, затаившись и оплакивая погибшего господина.

Вот только в то, что Струго погиб, Стивен Стэнделл, в конечном счете, не очень-то верил. Вспоминая слова Люмонта, он прислушивался к своему чутью и не находил покоя… Тамплиеры, предельно простые в своих поисках истины, были свято и наивно убеждены, что воплотившееся Зло уничтожено, а во всех церквях Альянса беспрерывным потоком пошли службы Спасения и Надежды….

А еще Стив понял, что все-таки способен уставать. Тоже нечеловечески.

Через три дня грузовым самолетом участники похода, не оставшиеся подобно Хэйворду в госпиталях Магдебурга, были доставлены в Женеву. Именно там было проведено четырехдневное расследование, в котором приняли участие представители всего христианского мира. К недовольству одних и радости многих других расследование окончилось нейропсихологическим зондированием, после которого едва не погибший Стэнделл сутки провел без сознания. Вернувшись в мир живых столь же неожиданно, как и покинул его, он прошел интенсивный курс реабилитации, после чего специальным рейсом наконец отбыл в Антверпен. Он понимал, что дарованная ему церковниками свобода — весьма призрачное понятие, но сейчас от всей души наслаждался тем, что имел.

Как всегда была ночь, и как всегда лил дождь. Стивен вернулся домой, прямо как прибыл на расследование Доминирующей Католической Церкви — в армейской одежде и экипировке. Уже отправился было ловить такси, но ненадолго задержался в порту, связавшись с командорством и клятвенно пообещав брату Антуану в самое ближайшее время прибыть туда в статусе гостя ордена.

Стэнделл вышел на свой этаж, наслаждаясь приятным теплом, исходящим от одежды после дыхания автофена на входе в подъезд. Признаваясь самому себе, он не мог честно ответить,

каким будет его завтрашний день. Но даже не пытаясь докопаться до правдивого ответа, он приказал себе думать о другом. Например, о скором сне в собственной кровати, а не на операционном столе, каких в последние дни сменил множество.

Война не была окончена, и аналитики Ватикана в полный голос вещали о грядущих террористических актах, диверсиях и открытых выступлениях последователей церкви Пристанища Истины. И Рим и магистры духовно-рыцарских орденов немедленно начали работу среди правительственных кабинетов государств Старой Европы. На устах честных католиков вертелось вполне логичное предположение — в самом скором времени враг контратакует, активировав новых (возможно, еще недорощенных) Церберов. Захваченная в Храме информация уже поступила в исследовательские центры ордена Храма Соломона, так что можно было ждать, что скоро охота закипит с новой силой. Расследование дела Стивена Стэнделла, больше известного как Цербер-четыре, было временно отложено с последующим назначением продолжения…

Стив приложил ладонь к идентификационной пластине, пошептал кодовое слово и буквально ввалился в квартиру. Она привычно встретила его стандартным:

— Приветствую, мистер Стэнделл, доброго вам вечера.

Стив опустил сумку на пол и невольно улыбнулся, вдыхая привычный запах собственной квартиры. Дом… Он вернулся домой… Как давно он был здесь в последний раз?

— «Жилище», свет, яркость пять. — Стив нагнулся расшнуровать ботинки и замер, принюхиваясь к знакомому запаху дорогого парфюма, едва наполнявшему комнату. Теплый желтый свет затопил прихожую.

Присутствие ощущалось. Затертое, старательно укрытое прошедшим временем, но ощутимое, словно послевкусие вина. В его доме кто-то побывал. И совсем недавно. Мужской дезодорант и… он осторожно двинулся в комнату, словно собака ловя носом воздух: уловил едва различимый аромат духов, тоже знакомых.

Стэнделл вернулся в коридор, бесшумно достав из сумки пистолет, и быстро осмотрел квартиру. Все, если не считать видеодиска на журнальном столике, оставалось таким, и как в тот день, когда Стивен покинул дом, отправляясь на встречу с Люмонтом. Котенка нигде не было видно, но сейчас Стив определенно не был настроен искать его под кроватями. Последние сутки в его квартире определенно кто-то, хоть и очень аккуратно, жил. А это, в свете недавних событий, ему совсем не понравилось.

Отложив оружие на диван, Стивен одним движением

подхватил со стола-черепахи поблескивающий, как новогодняя игрушка, пятак и решительно вогнал диск в проигрыватель.

— Телевизор, видеоканал, запуск диска.

Появившийся на экране Дэйч немного удивил Стива, но шокирующего эффекта ему вызвать не удалось. Стэнделл внимательно всматривался в крупное, во весь экран, лицо друга, слегка искаженное объективом камеры. Бывшего друга.

— Привет, Стивен Неужели-снова-вторник… погоди-ка секунду… — Дэйч широко улыбнулся и заглянул в видоискатель. Стивену стала заметна его рука, поправляющая камеру. Он что-то настроил, на два шага отступил назад, и теперь было видно, что находится Хэнк в этой самой комнате. Камера, снимавшая коллегу Стэнделла, стояла на одном из телевизионных динамиков, сам же он расположился спиной к дивану. В левой руке Дэйч держал дремлющего котенка, а за ним, все на том же любимом диване Стивена, сидела Виржиния.

Руки миссис Стэнделл были застегнуты в наручники за спиной, а лицо перечеркивала широкая лента кляпа, сделанного из скотча. Она опустила голову, чтобы камера не видела ее глаз. Дэйч с довольной улыбкой обернулся к ней, снова посмотрел в камеру.

— Ага, нормально… Итак, у нас все готово к съемке. — Пальцы Хэнка лениво перебирали шерстку зверька. — Все в сборе, так сказать. Как ты можешь видеть, все в сборе. Ты же нас сейчас смотришь, верно? Друзья, кто-нибудь хочет передать привет своему другу Стивену? Привет, Стивен! Мы помним о тебе!

Он взял лапку котенка и помахал ею в камеру.

— Привет-привет! Итак, продолжим. Как видишь, о Джине я уже по твоей просьбе позаботился. Киской займемся чуть позже. Знаешь, я сразу перейду к делу, чтобы не было лишних обид. Ты — большая скотина, дружище, поверь мне на слово. Ну кто, скажите, кто, — он снова обернулся и вопросительно взглянул на Виржинию, как будто она могла ответить, — кто мог ожидать, что ты окажешься таким героем? Все испортишь… Скажи, ну зачем тебе понадобилось лезть во все это? План был идеален. Просто идеален. Насколько я знаю, отточен до мелочей, и вот появляется такой подлый винтик, как ты, который клинит весь механизм… Черт! — Дэйч вплотную приблизился к камере, и лицо его снова исказилось, стало шарообразным. — Эй, ты меня слышишь? Говнюк, ты испортил мне такую карьеру! Ну ладно, — он тяжело вздохнул, отходя на шаг. — Признаю, моя вина есть. Я тебя немного недооценил, увы… но твоя дерзость… Знаешь, Струго просил передать тебе, что уже находится на обратном пути, если ты понимаешь, о чем я говорю. — Он приподнял бровь и понизил

голос до театрального шепота. — Он возвращается, Стив, представляешь? Хотя я совершенно не понимаю, сколько составляет это его «недолго» по нашим, человечьим меркам… Ясно одно — когда он вернется, он будет очень недоволен тобой, да…

Стивен боялся пошевелиться, не в силах упустить ни единого кадра. Во рту появился знакомый привкус металла, на виске громко заплясал пульс. Он неотрывно смотрел на сидящую за спиной Дэйча Виржинию.

— А ведь меня признали одним из лучших Наблюдателей, веришь, старина? И что меня ждет после всего этого фиаско? Ведь теперь наверняка они принесут меня в жертву. Чтобы ускорить его путь, так сказать… — Дэйч хохотнул, но радости в смехе не звучало. — Ну, да ладно. Знаешь, у меня все еще есть, что сказать тебе, дружище. И я хочу это сделать. Прямо сейчас, если ты не возражаешь. Ведь я рядом. — Он поиграл бровями, как делал всегда, когда хотел подколоть друга. — Я совсем рядом. И… кстати, вспомнил, что еще хотел тебе сообщить, пока мы общаемся посредством изобретенного моим господином устройства. Так вот, с первым своим другом, — Дэйч поднес к объективу зажмурившегося от сонной благодати котенка, — тебе уже повидаться не удастся.

Хэнк очень нехорошо ухмыльнулся, протянул свободную руку, после чего камера мигнула, прерывая запись. Жена Стэнделла на заднем плане обреченно дернула оковы, почти завалившись на то самое место, где сейчас сидел Стивен. Когда через долю секунды запись снова восстановилась, в руках у Дэйча был только кухонный нож.

— Проклятие, старик, ну просто ничего не могу с собой поделать в вопросе выполнения всех этих рутинных ритуалов… Ты прости уж — я против зверей в общем ничего не имел никогда… Просто у нас это как оплата членских взносов, понимаешь? Кстати, он в стенном шкафу, если интересно. — Дэйч доверительно подмигнул и кивнул головой налево.

И замолчал, давая Стэнделлу несколько секунд, чтобы приблизиться к шкафу и осторожно отодвинуть вбок скользящую на полозьях дверцу. Стивен быстро отшатнулся в сторону, терзаемый самыми нехорошими предчувствиями, осторожно заглянул в темные недра. Прибитого к стене котенка не обнаружилось. Как и ожидаемых ловушек.

Вместо этого, звонко мяукнув от неожиданности освобождения, из шкафа метнулась серая кошачья тень, в мгновение ока скрывшаяся в спальне. Стивен недоверчиво заглянул поглубже, обнаружив лишь резкий запах свежей

кошачьей мочи.

— Ха! — воскликнул Дэйч, словно углядев с экрана, как Стив всматривается в шкаф. — Один — ноль в мою пользу, и можешь закрыть дверку! — Он искренне рассмеялся, хватаясь за живот. — Ты что же это, дружище, думал, что сатанизм, как его любят называть профаны и идиоты, действительно основан на неудержимой страсти к оргиям и кровавым жертвоприношениям?! — Он вполне естественно нахмурился во внезапной обиде. — Не надо нас так обижать, друг! Ожидал углядеть свою пушистую находку приколотой к дверке отверткой?! — Дэйч еще немного посмеялся, вытер слезящиеся глаза. — Ну даешь! Я что, на самом деле похож на человека, который может это сделать? Уверяю тебя, что наша вера состоит не в этом, Стив. И ты рано или поздно это поймешь…

Он замолчал, оборачиваясь к скованной Виржинии, а Стивен толкнул светлую панель, закрывая стенной шкаф.

— А теперь мы приближаемся к самому интересному пункту нашего шоу, старичок… Скажу честно, игра, затеянная мной самостоятельно (прошу отдельно отметить последний пункт), вступает в самую важную фазу! Котят я не режу… Но, — он резко приблизился к камере, вновь заполняя весь экран, и прищурился. — Кое-кому бы кровь пустил с превеликим удовольствием. — Сейчас, разглядывая бывшего друга в упор, Стивен заметил, как дрожат от ярости губы Хэнка. — Поэтому слушай внимательно, мистер Снова-вторник! Котенка отлови и погладь по загривку, а вот если хочешь поговорить с известной нам обоим подружкой, — Дэйч ухмыльнулся той самой усмешкой, что вот уже много лет вызывала трепет у общих знакомых девчонок и снисходительную улыбку самого Стива, — советую просто подняться на крышу. Одному и без оружия. Там вот и поговорим. Заинтригован?.. Я — ужасно! Бр-р-р-р… Жду не дождусь твоего визита…

Пальцы Дэйча сжались перед камерой в кулак, и диск кончился, оставив на экране серую пургу. Стивен неторопливо подобрал с дивана пистолет, подтащил поближе сумку и вынул из нее ножи. Он был отстранен, равнодушен и опустошен. А еще он знал, что Дэйч совершил страшную ошибку…

Даже не проверив, закрылась ли за спиной дверь, Стив вышел к лифтам. Задумался, потирая подбородок, и побежал по лестнице, разминая затекшие в самолете и такси мышцы. Этажи и ярко освещенные площадки одна за другой мелькали мимо, и через какое-то время усталость ушла прочь. Слушая боевой набат в ушах, Стэнделл остановился перед выходом на крышу. Дверь, ведущая на нее, была не заперта.

Стивен снял с раненой руки повязку, удерживающую ее на весу, и попробовал взмахнуть. Боль была терпимой. Для боя за любимую женщину — вполне терпимой.

22:1:2 Как и можно было предположить, Дэйч его ждал. Сидел на высоком парапете крыши, закинув ногу на ногу, и задумчиво разглядывал лежащую в глубокой луже Джину. Девушка все еще была в наручниках, а на ногах ее добавился черный шнур, оплетающий лодыжки. Хэнк лениво повернул голову к двери, и в его руке блеснул ствол пистолета. Кожаные штаны и жилетка, наброшенная прямо на голое тело, гудели под струями падающей с неба воды. Мускулы подрагивали, словно в нетерпении. Дождь барабанил по крыше, звеня на вентиляционных коробах и на тарелках антенн. Даже не заглядывая в глаза Дэйча, Стив мог бы поклясться, что тот под действием наркотиков. Интересно, если рыцари называют своих смертников апостолами, то как боевые наркоманы будут называться на стороне врага?

— Ты посмотри, красавица, кто это к нам все-таки пожаловал… — Дэйч лениво слез (соскользнул) с парапета и прицелился в стоящего на пороге Стива. Тот собрался, но в следующее мгновение разглядел, как напряжен его противник — медлительность его была обманчивой, и попробуй Стивен выстрелить, тот вполне мог успеть спустить курок в ответ. Вот только стрелять он станет в девушку… — Проходи, горе-герой, будь гостем. Оттянемся, попьем пивка. Хочешь пивка, старик? У меня есть для тебя подарок, и я просто рад тебя видеть, да…

— Чего ты хочешь, Хэнк? — Стивен все еще стоял к противнику вполоборота, пряча оружие за спиной.

— Ну, — Дэйч задумчиво покачал стволом и прицелился в Джину, — для начала брось мне свой пистолет и нож.

Стив без возражений шагнул вперед, мгновенно промокнув, и катнул «гюрзу» через многочисленные лужи, пятнами устилавшие крышу. За пистолетом последовал ярко блеснувший нож, единственный уцелевший из тех, что привели его в башню. Где-то в городе опять завыли сирены.

— Хэнк, немедленно отпусти ее. Хочешь меня убить — попробуй, но Джина здесь ни при чем.

В ответ Дэйч рассмеялся и повысил голос, споря с нарастающим шумом дождя.

— Обязательно попробую, старина, обязательно! А Джина?.. Это так, для страховки, знаешь ли. Поверь, я очень ценю и уважаю твою жену. Честное слово.

Между прочим, именно по моему настоянию ее оставили в

программе, а не ликвидировали.

Стив невольно вздрогнул, а Джина впервые подала голос, возмущенно замычав и попытавшись повернуться к мужу.

Дэйч сделал несколько шагов вперед, оставляя девушку за спиной. Дождь лупил по плечам и головам противников, стоявших друг против друга. Хэнк прищурился, словно они стояли не на поле приближающегося боя, а на перроне международного вокзала, прощаясь навсегда.

— Да, отличный был проект. Скажу тебе честно, старина, «Спящий Бог» был единственной из их идей, за которой я видел будущее. Все остальные начинания этого гения Струго элементарно отдавали безумием… хотя и не были совсем лишены здравого смысла, — тактично добавил он, поднимая глаза к небу. Вновь взглянул на Цербера, за которым так долго присматривал. — Но вот все рухнуло. Твоя жизнь была моей, друг, но что мне делать теперь? Идти на биржу труда?!

Дэйч с невероятной скоростью вскинул оружие и выстрелил. Стивен не шелохнулся, увидев, что Хэнк намеренно целится мимо. Пуля ударила в косяк двери, а тот по-ковбойски сдул со ствола дымок.

— Я скажу тебе, зачем позвал сюда… Возможно, я и совершаю ошибку, вступая в бой с Цербером, но… Знаешь, вот ты, может, и терял память, Стиви-снова-вторник, а мне приходилось со всем этим жить. Носиться за тобой, как нянька, придумывать разные байки, строить планы, подкупать людей, устранять лишних. Заполнять пробелы, так сказать… Скажу тебе, дружище, это чертовски грязная работенка. Вот мне в момент крушения империи и стало интересно, насколько реально ты крут. Не пропадал ли мой талант, так сказать, все эти годы почем зря из-за выскочки, не способного урыть своего друга. Они все уверяли, что ты венец творения, новый человек… Но скажи мне, как ты, гребаный венец творения, мог так проколоться и все сорвать?! Ладно, черт с ним. Давай-ка посмотрим, Стив, что получится. Ведь я тоже из неплохого теста замешан.

Дэйч неожиданно отбросил свой пистолет за спину, и Стив заметил в его левой руке белую пластиковую бутылочку.

— Ты зря отказывался от этой дряни все это время. Это могло существенно облегчить мне работу. — Дэйч опрокинул пузырек в рот, глотая пилюли одну за другой. Стивен мягко двинулся вперед, выставляя руки.

— Ура! — Дэйч отбросил пузырек, и в глазах его ослепительно полыхнуло безумие. — Начнем, пожалуй! — В руке сверкнул изогнутый нож. — Знаешь, для начала я решил все же взять немного форы…

Противники сошлись, и с первых же мгновений боя Стивен оценил, что фора у Хэнка не такая уж и маленькая.

Они закружились, поднимая фонтаны воды. А Виржиния снова замычала, катаясь в луже и безуспешно пытаясь подняться на ноги.

Стараясь максимально сократить дистанцию боя, Стэнделл с первых же ударов получил два неглубоких пореза на груди и левом плече. Увидев кровь, Дэйч оскалил зубы и отскочил, поигрывая ножом. Стив снова атаковал, змеей уходя от стремительных ударов противника. Чем ближе он приближался к Хэнку, тем четче ощущал, что тело бывшего друга тоже вошло в боевой ритм, пожалуй ненамного отстающий от ритмики самого Цербера. С шипением выпуская воздух сквозь сжатые зубы, Стэнделл подумал, что наркотики Дэйча, с одной стороны, и его, Стива, незажившая рана на руке, с другой, могут значительно осложнить задачу по спасению жены.

Джина тем временем вскрикнула. Сцепившихся вплотную бойцов вновь скрыла стена брызг, а затем по бетону крыши покатился, звеня и подпрыгивая, нож Хэнка. Держась за бедро, Стивен отскочил вправо, а Дэйч с глухим стуком упал на колени, судорожно хватая ртом воздух и струи дождя.

Стэнделл не стал ждать, ударив ногой, но Дэйч вдруг неожиданно резво вскочил, перехватывая ботинок, и ответил в живот. Они вновь сошлись в клинче, осыпая друг друга бешеным градом ударов. Почти не ставя блоки, лишь раз за разом вбивая кулаки в плоть, словно в расчете, что кто-то сломается первым.

Вот Дэйч отлетел, бороздя мутную воду плечом. Вскочил, отплевываясь выбитыми зубами, и вновь кинулся в бой. Стивен рухнул на спину и увернулся от прямого пинка в голову, перекатился, подпрыгнул, а Хэнк был уже рядом, проведя два точных молниеносных хука в челюсть. Повел третий, но Стэнделл сбил раненым плечом, уклонился и ударил снизу.

Дэйч вскрикнул и, подлетев едва ли не на пару метров, рухнул спиной на решетку вентиляции. Стив одним резким движением вправил выбитую челюсть и осторожно приблизился к врагу. Тот явно находился в глубоком нокдауне, пытаясь встать, ухватившись за край решетки. Он стонал.

Стив стремительно наклонился, и его пальцы сомкнулись на горле Хэнка. Глаза Наблюдателя распахнулись до ужаса широко. Сверкнули белки, с почти потерявшимися на их фоне крохотными зрачками. Почувствовав на себе пальцы врага, Дэйч мгновенно ожил, сбивая еще не успевшую напрячься руку ударом в подмышку. Оттолкнувшись от решетки, хлестнул обеими ногами в голову и грудь Стивена, перепрыгивая на другую сторону

вентиляционного короба.

Противники обогнули возникшее между ними невысокое препятствие и вновь сошлись. Блок, удар, удар, уход и блок. Кулаки и ноги пробивали стены падающей воды, пытаясь достичь цели. Поток дождя стал просто невыносимым, тяжелым, обжигающим кожу, такой плотности, что казалось, словно схватка происходит на дне реки.

Раненая рука предательски ныла, порезы обильно кровоточили, но Стив приказал боли утихнуть. Хэнк же, казалось, просто не чувствует побоев, хотя Стэнделл уже сломал ему несколько ребер, челюсть и скулу.

Зарычав и вцепившись друг в друга, словно два боевых пса, враги приблизились к самому краю крыши. Высокий армейский ботинок Дэйча коснулся основания парапета. Бывшие друзья чуть разошлись, тяжело дыша. Стив пригнулся, почти опускаясь на колено, чтобы перевести дух, а Дэйч ушел в глухую защиту, тщетно пытаясь тыльной стороной ладони отереть кровь, заливающую левый глаз из пробитого века. Подняв голову, Стэнделл положил руку на голенище ботинка.

— Знаешь, Дэйч…

— Что, Стэнделл?..

— А ведь ты на самом деле совершил ошибку… И с моим котенком зря так обошелся… — Он пулей рванулся вперед, на ходу выдергивая из ножен «шершня». Пластиковая фигурная рукоять, словно влитая, легла в руку, и Стив сразу же ударил, распрямляясь всем телом.

Дэйч попытался отскочить, все-таки заметив зажатое меж пальцев противника лезвие, но Стивен уже надвинулся на него сквозь стену дождя, неотвратимый, словно ураган. Нанес стремительную серию ударов, от которых Дэйч уворачивался, сейчас совершенно не пытаясь контратаковать. А потом враги вновь сошлись, переплетаясь руками…

Замерли, оборвав движение, и несколько секунд стояли неподвижно, подобно монументальной композиции. Затем Дэйч зашипел, шипение перешло в тонкий захлебывающийся стон, и он крупно вздрогнул всем телом. Цербер отшатнулся от противника, выдергивая короткий клинок из его горла. Хэнк забулькал, валясь на Стэнделла, но Стив зажал смертельную рану рукой и силой заставил бывшего друга остаться на ногах.

— Надеюсь, ты удовлетворил свое любопытство, старина?

Превозмогая боль в раненой руке, Стэнделл приподнял Хэнка над парапетом и решительно столкнул вниз. Тот удивленно посмотрел в глаза Стивена, попытался ухватиться за его скользкий от крови и воды рукав, но пальцы лишь непослушно

скользнули по мокрой ткани. В последний раз вскрикнув, Хэнк Ванхаден по прозвищу Дэйч перевалился за край стены и исчез.

Стив обернулся к безуспешно пытающейся перевернуться на бок Джине. Его рука безжизненно повисла вдоль тела, с пальцев срывались, растворяясь в дожде, кровавые капли. Разгребая ногами глубокие лужи, он устало побрел к супруге.

— Полагаю, — он опустился рядом с Джиной в воду, коротким взмахом перерубая спутывающий ее ноги шнур и помогая сесть, — ты ожидаешь объяснений?.. Видишь ли, Джинни, дело в том, что со дня нашего знакомства мы с тобой, да-да, именно оба, кое-чего обо мне не знали…